

ПОЛ АНДЕРСОН

ПСИХОТЕХНИЧЕСКАЯ
ЛИГА

ПОЛ АНДЕРСОН

ПСИХОТЕХНИЧЕСКАЯ
ЛИГА

**АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИКА**

XX века

Пол АНДЕРСОН

Джеймс БАЛЛАРД

Кеннет БАЛМЕР

Джеймс БЛИШ

Джон БРАННЕР

Мэрион Зиммер БРЭДЛИ

Альфред ВАН ВОГТ

Стэнли ВЕЙНБАУМ

Джин ВУЛФ

Джек ВЭНС

Гордон ДИКСОН

Абрахам МЕРРИТ

Ларри НАЙВЕН

Андрэ НОРТОН

Брайан ОЛДИСС

Эдгар ПАНГБОРН

Фредерик ПОЛ

Джерри ПУРНЕЛЛЬ

Джоанна РАСС

Фред САБЕРХАГЕН

Роберт СИЛЬВЕРБЕРГ

Джек УИЛЬЯМСОН

Филипп Хосе ФАРМЕР

Фрэнк ХЕРБЕРТ

Пирс ЭНТОНИ

Poul ANDERSON

*Psychotechnic
League*

«Sigma-press»
1996

Пол АНДЕРСОН

Собрание сочинений

Психотехническая лига

«Сигма-пресс». Москва
1996

Контракт от 16.09.93 г.

Печатается с разрешения автора и его литературного агента.
**Всякое коммерческое использование издания возможно
исключительно с ведома издателя.**

*Перевод с английского
В. Аржанова и О. Филипповой*

*Собрание сочинений издается
под редакцией Вл. Гакова*

Андерсон Пол. Вып. 24

А34 Психотехническая лига/Пер. с англ.— М.: Сигма-пресс; Ангарск: Амбер-Лтд, 1996.—368 с.

Новый том Собрания сочинений Пола Андерсона составили произведения, принадлежащие к циклу о психотехнической лиге, в которых описываются приключения землян, занятых ранним освоением планет Солнечной системы.

Среди включенных в том повестей и рассказов выделяется классическая повелла «Большой дождь», посвященная колонизации Венеры и превращению ее во «вторую Землю».

А 4703010100-20 без объявл.
ОД(04)03-96

ISBN 5-85949-082-8

PSYCHOTECHNIC LEAGUE

© 1981 by Poul Andercon

© Пер. В. Аржанов и О. Филиппова, 1996 г.

© Предисловие, пер. Д. и Я. Савельевы

© Издательство «Сигма-пресс», оформление, 1996 г.

© Издательство «Амбер Лтд», составление, 1996 г.

«Рыцарь фантастики»

Предисловие к сборнику «Психотехническая лига»

Джеймс Блиш назвал Пола Андерсона «Большим взрывом» за качество, количество и разноплановость его произведений. Андерсон — один из самых уникальных писателей в научной фантастике. Он удостоен множества наград: семь премий «Хьюго» и три премии «Небьюла», премия имени Дарлета (за «героическую» фантастику), премия «Гэндальфа» (1978), принесшая ему звание «Grandmaster» сказочной фантастики, и множество других призов за чисто научную фантастику, в том числе престижная премия журнала «Локус», а также премия издательства «Макмиллан» за лучший детективный роман 1959 года могли бы дать ему право называть себя первым или одним из первых на поле романистики (им написано более семидесяти романов), но более сорока сборников рассказов свидетельствуют и его мастерстве в произведениях малого формата. Он испробовал практически все виды фантастики, начиная с сумасбродной комедии и кончая мрачной трагедией, создавая их в такой оригинальной манере, что термин «по-андерсоновски» стал применяться для оценки творчества молодых писателей и в качестве определения для целого ряда произведений.

Помимо чисто научно-фантастических тем писатель вторгался и на территорию «фэнтези» (романы: «Сломанный меч», «Операция «Хаос», «Три сердца, три льва», «Дети водяного», «Демон острова Скаттери»), есть у него и роман, посвященный любимому в детстве герою (впрочем, у нас не меньше популярному) — «Конан-бунтовщик».

Однако самыми известными и принесшими Андерсону популярность во всем мире являются его серии, посвященные истории будущего, а также повести и рассказы о «Патруле времени».

Пол Уильям Андерсон (второе свое имя он никогда не использует) родился в американском городе Бристоль, штат Пенсильвания. Его родители были выходцами из Дании, и мотивы скандинавского эпоса в творчестве писателя можно проследить с самых первых его проб в жанре литературы. Вообще-то фамилия его родителей на самом деле была Андерсен, но, как и многие эмигранты, они ее «американизировали» при переезде в США. Можно также отметить, что и само имя Пола несколько отличается от обычного правописания (Poul вместо Paul). Когда будущему писателю было одиннадцать лет, умирает его отец, и семья временно переезжает в Данию. Но начинается война, и Андерсоны возвращаются в Соединенные Штаты. Пол поступает в Миннесотский университет, который заканчивает в 1948 году, получая степень бакалавра физических наук.

Уже во время учебы в университете он начал писать, и в 1947 году в журнале «Amazing Stories» («Удивительные истории») был опубликован его первый рассказ «Дети завтрашнего дня» — постатомная история Америки, описывающая попытки наладить жалкое существование рухнувшей цивилизации и ужасные последствия мутаций вследствие радиоактивного облучения.

Очень скоро Пол приходит к выводу, что его призванием является писательский труд, и с 1957 года посвящает себя полностью научной фантастике. В том году он пишет девять рассказов, а в следующем году — свою первую повесть «Хранилище древностей». Еще через год — первичные варианты трех повестей и двадцать два рассказа. А вскоре появляются первые рассказы «Полезотехнической Лиги», которую поначалу он задумывал просто как подражание хайлайновской «Истории будущего».

Пол Андерсон не был ни первым, да и не последним, кто замахнулся расписать будущую историю земной цивилизации, но, пожалуй, мало кто так обстоятельно, с такой дотошностью и упорством создает свою версию оной. Исходным положением в произведениях этой серии является следующее: после освоения техники межзвездных перелетов на Земле начинается эра колонизации внезем-

ных миров, которая протекает подобно колонизации американцами Дикого Запада. С Земли эмигрировали многочисленные группы поселенцев, видящих в колонизации иных миров шанс на лучшую жизнь. Процесс колонизации каждой планеты довольно не прост, требует максимального сосредоточения всех сил. В сложившейся ситуации нет условий для развития науки и культуры. Поэтому когда вымирает поколение отцов-пионеров и на арену выступают новые поколения, у них проявляется явный культурный и технический регресс: великолепная техника, которую использовали отцы-пионеры, постепенно утрачивается, как и прогрессивные общественные структуры, и их место зачастую занимают случайные социальные и культурные модели. Наступает к тому же почти полная изоляция новых миров друг от друга — путешествия среди звезд дороги и рискованны. В результате социальное и культурное развитие колоний останавливается где-то на уровне Средневековья.

Тут надо отметить вот что. Сам писатель считает себя «либералом XVIII века», романтическим поборником прав людей, пытающихся отстоять свою свободу в неравном поединке с государственными бюрократическими структурами. Не случайно, видимо, часто в своем творчестве он обращается к средневековым мотивам, воспевая пасторальную романтическую и свободную жизнь простых людей прошлых веков. Чего стоит прекрасная история о космических крестоносцах, отправившихся в Небеса на корабле пришельцев завоевывать Гроб Господен!

Но мы немного отвлеклись в сторону, вернемся к Истории Будущего, которую Пол Андерсон разбил на несколько циклов, причем даже дотошные исследователи творчества писателя и его библиографы подчас затрудняются ответить точно на вопрос, какое произведение следует соотносить с каким циклом. Начальный период человеческой экспансии описывается в цикле «Психотехническая Лига» (хотя, на наш взгляд, слово «Союз» здесь звучало бы точнее). В нем писатель прослеживает постепенное завоевание людьми Солнечной системы, а затем и Галактики. К этому циклу можно отнести такие произведения: «Маркус», «Чувствительный человек», «Большой дождь», «Дон-Кихот и ветряные мельницы», «Бескровная победа», «Снега Ганимеда», «Чаша», «Хозяйские заботы», «Цыган», «Звездолет», а также уже знакомые российскому

читателю «Девственная планета», «Звездные пути», «Царица Ветров и Тьмы», «Убить марсианина», «Сестра Земли», «Зовите меня Джо», «Неограниченная орбита». Предлагаемые рассказы из сборника, так и названного автором «Психотехническая Лига», служат прекрасным иллюстративным материалом о начальном освоении человечеством (по Андерсону) Галактики. Вскользь лишь упомянем о внутреннем подцикле «История Рустум» — о колонии землян на одноименной планете, часть рассказов о которой можно найти в сборнике «Царица Ветров и Тьмы».

Куда большим и объемистым является цикл о Полезотехнической Лиге, который распадается на два подцикла. Первый концентрируется вокруг личности Николаса ван Рийна — купца-аристократа Лиги, которая практически правит в такой новой Галактике. Второй цикл начинается событиями, происходящими через двести лет после первого расцвета Земной Империи, которая становится все более скоррумпированной и декадентской — ей к тому же угрожают другие империи. В этом цикле главную роль играет Доменик Фландри — земной агент, опытный, решительный, не стесняющийся применять для достижения своих целей любые средства. Пессимист по натуре, он постепенно становится значительной и знаменитой личностью. Надо сказать, что несмотря на разобщенность колонизированных планет, все они остаются все же, пусть и в слабой, связи с так называемой Космической Федерацией народов. Верхушка этого правительства на Земле считает своим правом и обязанностью осуществлять опеку над человеческой семьей, поддерживать и упрочнять духовную связь, соединяющую все миры, даже (прежде всего) если те одичали. Поэтому наш Фландри предпринимает определенные шаги, чтобы пресечь тенденции, ведущие к неминуемому самоуничтожению там, где это необходимо. Содержанием его очередных приключений и являются различного рода социотехнические операции (читай: интриги, покушения, шантаж, диверсии и т. д.), которые он производит над более или менее дикими людьми, дабы вернуть последних на дорогу чести, а первых — в лоно великой космической семьи человечества.

Заметим, не беря во внимание качество этих произведений, что большинство их написано в жанре «вестерна» или приключенческо-шпионской повести и представляют собой занимательное и захватывающее «чтиво».

Примерную хронику «Технической цивилизации» можно представить так:

- XXI век. Время зарождения.
- XXII век. Эпоха межзвездных путешествий. Появление первых колоний, например, на Гермесе («Игра Сатурна»).
- XXIII век. Создание Полезотехнической Лиги. Колонизация планет Итри и Мерсея. «Крылья победы».
- XXIV век. «Проблема Боли».
- 2376 г. Родился Николас ван Рийн. Колонизация планеты Висксен.
- 2400 г. Совет Гайаваты. Колонизация планеты Денница. Родился Дэвид Фалькайн.
- 2415 г. «Крайняя выгода», «Как сохранить этику при одном деликатном задании», «Три шестиугольных колеса».
- 2416 г. «Не видно солнца».
- 2427 г. «Исав», «Потайное место», «Территория».
- 2433 г. «День пожара» («Сверхновая»), «Хозяин ключа».
- 2437 г. «Мир Сатаны», «Слабое знание».
- 2446 г. «Путеводная звезда».
- 2456 г. «Миркхейм».
- XXV век. Колонизация планеты Авалон.
- XXVI век. «Бескрылый на Авалоне», «Спасение на Авалоне».
- Колонизация планеты Ниаиза. Роспуск Полезотехнической Лиги.
- XXVII век. Смутное время. «Звездный грабитель».
- XXVIII век. Возникновение Терранской Империи. Колонизация планеты Улан-Батор. «Саргассы потерянных звездолетов».
- XXIX век. «Люди ветра».
- 3000 г. Родился Доменик Фландри.
- 3019 г. «Мичман Фландри».
- 3021 г. «Круги ада». Фландри в звании мл. лейтенанта.
- 3025 г. «Восставшие миры». Командор-лейтенант Фландри повышается до звания командора.
- 3027 г. «Аванпост Империи».
- 3028 г. «День их возвращения».

- 3032 г. «Тигр идет по следу». Фландри командует собственным кораблем.
- 3033 г. «Благородные враги».
- 3035 г. «Игра славы». Фландри получает титул «Рыцарь Империи».
- 3037 г. «Секретное послание».
- 3038 г. «Чума хозяев».
- 3040 г. «Пригоршня звезд».
- 3042 г. «Посланцы плоти».
- 3047 г. «Рыцарь призраков и теней».
- 3061 г. «Камешек в небе». Фландри в звании вице-адмирала.
- «Игра Империи». Дочь Фландри.

Начало IV тысячелетия. Упадок Терранской Империи.

I половина IV тысячелетия. «Долгая ночь».

- 3600 г. «Трагедия ошибок».
- 3900 г. «Двенадцать месяцев и День».
- 4000 г. «Поделись плотью», «Самое долгое плавание».
- 7100 г. «Звездный туман».

Рассказы цикла «Техническая История» можно встретить в сборниках «Звездный торговец», «Фландри с Терры», «Командор Фландри», «Возмутители спокойствия», «Земная книга штормовых Врат», «Долгая ночь», «Диалог с тьмой», «Ночное лицо». Помимо этого, еще около двух десятков рассказов не вошли в вышеупомянутые сборники.

Естественно, данный список не является полным — автор-то еще здравствует и заканчивать на этом не собирается. А значит, поклонники его творчества могут надеяться на новые приключения своих любимых героев.

Остается лишь добавить, что Пол Андерсон является членом «Общества за творческий анахронизм», и был удостоен им рыцарского звания. К тому же и он сам имеет свой герб, который он не без гордости показывает посетителям своего уединенного жилища. Так что, пожалуй, среди всех современных писателей первым кандидатом на почетный титул «Рыцаря фантастики», будет таковой присуждаться, смело можно было бы отнести Пола Уильяма Андерсона.

ПСИХО-
ТЕХНИЧЕСКАЯ
ЛИГА

От начала ядерной войны, основания Обновленной Организации Объединенных Наций и освоения Венеры, Пол Андерсон описывает здесь основные события истории человечества Земли. Итак, прославим снова триумф наших предков — этих мужчин и женщин планеты Земля, которые, какими бы они ни были примитивными, завоевали для нас сначала Солнечную систему, а затем и сами звезды под руководством ПСИХОТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИГИ...

ПСИХОТЕХНИЧЕСКАЯ ЛИГА

Тысяча девятьсот пятьдесят восьмой год, год начала термоядерной войны, изменил направление развития человеческой цивилизации. Это было настолько ясно, что целое поколение авторов фантастических произведений задавалось вопросом: «Что бы случилось, если бы Третьей мировой войны не было?» Несмотря на то, что романтики предпочитают изображать альтернативное двадцатое столетие эпохой мира и изобилия, их оппоненты, похоже, более близки к истине.

Мы, современные историки, в большинстве своем считаем Третью мировую войну всего лишь частичной катастрофой. Из-за миллионов смертей и всеобщего опустошения человечество было вынуждено создать мировое правительство и освоить планеты Солнечной системы гораздо быстрее, чем при других каких-либо обстоятельствах. Еще более важно, если рассуждать с позиций голого прагматизма, то, что заря атомной эпохи была самым подходящим временем для разрешения конфронтации между Востоком и Западом: грубые атомные устройства того времени не смогли уничтожить

Землю. С точки зрения нашей современной единой культуры: Третья мировая война — детская болезнь роста нашей расы.

Конфликт стал неизбежным после того, как Эйзенхауэр умер от осложнений после хирургической операции, и президентом, в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году, стал Ричард Никсон. Паранойя холодной войны искажила реакцию Никсона на восстания внутри коммунистического блока осенью того же года. Тот факт, что правительство США тайно руководило венгерскими повстанцами, настолько разгневал Советский Союз, что тот поддержал Египет в Суэцком конфликте, далеко перейдя границы разумного. Последовавшая безумная война на Ближнем Востоке привела к тому, что Варшавский Договор полностью взял регион под контроль. СССР оккупировал северный Иран.

Убийство Тито, произошедшее сразу после этого, позволило Советам снова взять Югославию под свой контроль. Политическая борьба между Хрущевым, Булганиным и Жуковым сделала политику Советов слишком неустойчивой для предсказаний западных аналитиков. Международная напряженность нарастала на протяжении всего пятьдесят восьмого года. Когда СССР стал угрожать новой блокадой западного Берлина, а Китайская Народная Республика осадила удерживаемый националистами Тайвань, Никсон был вынужден объявить войну этим странам. Восток ответил превентивным ядерным ударом по Западу в канун Рождества тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года.

Эти первые бомбы уничтожили основные цели в США и за их пределами. Основные порты Австралии и Филиппин были выведены из строя. Страны НАТО потеряли свои столицы и военные базы, но большая часть их территории оставалась в целости, ожидая завоевателей. Но ответный удар нанес противнику гораздо больший ущерб, просто потому, что на территории стран Варшавского Договора располагалось меньше стратегических объектов.

Советские войска форсировали Рейн, но поскольку их индустриальная база и внутренние коммуникации были фактически уничтожены, то не оказалось должного обеспечения для того, чтобы вести затяжные военные действия. Войска сателлитов СССР бунтовали, не желая

поддерживать проигрывающую сторону — их национализм побеждал марксизм. Европа освободилась сама — после непродолжительных боев. Армии Америки и Британского Содружества вели в основном боевые действия в Азии, от Индокитая до Маньчжурии.

Произошедшая за линией фронта антипартийная революция разнесла коммунистический мир на кровавые куски. В Америке же война вскрыла все накопившиеся, но спрятанные до поры проблемы американского общества. Расовые и социальные конфликты прокатились по стране.

В освобожденной Европе бушевали гражданские войны — каждая этническая группа пыталась воспользоваться возникшей неразберихой. Всеобщий крах экономики поразил те колонии и не участвовавшие в боевых действиях страны, которые пощадила война.

К концу тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года пламя межнациональных конфликтов угасло до нескольких тлеющих угольков. Погаснут ли они и покроются пеплом, или запылают с новой силой — зависит от одного человека...

МАРИЙ

Снова шел дождь. Стояла промозглая предзимняя погода. Уличные фонари еще не починили, и вечерний полумрак расплзался между руинами, скрывая людей, облаченных в лохмотья, которые жили в норах, выкопанных в кучах щебенки. Этьен Фурье, глава Братства Макизаров и, следовательно, представитель Франции в Верховном Совете Свободной Европы, ушиб палец о булыжник мостовой и устало выругался. Окружавшие его пятнадцать охранников, заросших волосами и в разнообразной одежде — в основном, в униформе различных армий, с пришитой вручную трехцветной эмблемой — насторожились. Это был условный рефлекс, выработанный нелегкими условиями существования. Они ошетинились как волки, среагировав на неожиданный звук.

— Eh bien, — извинился Фурье. — Может быть, Роже де Лиль споткнулся об этот самый камень, когда сочинял «Марсельезу».

Одноглазый Эстьер пожал плечами — мало кто увидел этот жест в наступившей темноте.

— Когда будет следующая выдача зерна? — спросил он.

Было трудно думать еще о чем-то на пустой желудок. Освободители отказались от военных формальностей в эти времена отчаяния.

— Думаю, что завтра или послезавтра, если баржи не перехватят речные пираты, — ответил Фурье. — Хотя не думаю, что они осмелятся появиться так близко от Страсбурга. — Он попытался улыбнуться. — Выше нос, старик. В следующем году ожидается богатый урожай. Американцы снабдили нас новым средством против сельскохозяйственных вредителей.

— Всегда в следующем году, — пробормотал Эстьер. — Почему они не прислали нам что-нибудь из еды сейчас?

— У них же проблемы с вредителями. Больше они ничего не могут для нас сделать. Если бы не они, то мы бы скрывались в лесах, прячась от русских.

— Немного-то пользы с нашей победы.

— Больше, чем немного, благодаря профессору Валти. Не думаю, что кто-нибудь из сражавшихся рядом с нами смог бы победить без помощи всех остальных.

— Если это вы называете победой... — с горечью прошептал Эстьер.

Они прошли мимо разрушенного собора, где часто прятались банды детей — беспризорников. Маленькие дикари иногда нападали даже на вооруженных людей, используя в качестве оружия разбитые бутылки и ржавые штыки. Но пятнадцать солдат для них было, конечно, слишком много. Фурье показалось, что он слышит шорох в развалинах, но это, должно быть, были крысы. Он никогда бы не подумал, что здесь развелось столько этих мерзких животных.

Плотная завеса дождя била ему в лицо, холодные капли воды закатывались за воротник. Ночь накатывалась с востока, словно весть с Советских земель, погруженных во мрак хаоса и убийств. *Но мы отстраиваем разрушенное*, сказал он сам себе, как будто защищаясь. С каждым днем власть Страсбургского Совета распространялась все дальше по развалинам стран Европы. Через десять лет, а может и через пять — автоматизация так фантастически продуктивна, надо всего лишь только начать — и люди Запада снова будут мирными фермерами и бизнесменами, их страны вновь станут единым целым.

Если только многонациональный Совет примет правильное решение. Но надеяться на это не приходилось. Валти окончательно убедил Фурье в этом. Именно поэтому он шел сейчас сквозь дождь, в старой мотоциклетной накидке поверх мокрой куртки, и именно поэтому люди в бараках тщательно подсчитывали время, которое им понадобится, чтобы достать спрятанное оружие. Они должны подавить несогласных.

Как странно, что для воплощения в жизнь новой математики, которую во всем мире понимают не больше тысячи человек, мы используем древний феодальный принцип подчинения начальнику. Но ведь нельзя ожидать,

что нормандский крестьянин Эстьер или парижский анаш Рено будут корпеть над книгами и тратить годы на изучение символической социологии. Ты просто говоришь «вперед», и они идут, потому что любят тебя.

Его шаги гулко отдавались в камнях мостовой. Этот мир лишен логики. Чистая случайность, то, что он выжил, сделала его де факто руководителем Свободной Франции. Фурье хотел бы, чтобы Жаннет выжила в этом хаосе, пусть даже ему самому пришлось умереть. Но, по крайней мере, двое его сыновей живы, и когда-нибудь, если только они не получили слишком большую дозу радиации, у него будут внуки. Бог был не слишком безжалостен к нему.

— Мы здесь, наверху,— сказал Эстьер.

Фурье не потрудился ответить. У него не было распространенной привычки к пустопорожней болтовне.

Страсбург был местом сбора Совета. Не только из-за своего географического расположения, но также из-за того, что он не слишком пострадал. Только несколько сражений с применением обычного оружия произошло здесь около восемнадцати месяцев назад. Университет почти не пострадал, и поэтому стал штаб-квартирой Жако Рейнач. Его люди бродили вокруг, бдительно неся охрану. Интересно, что бы подумал Гез, попади он сейчас сюда. Но эти люди — с грязными руками и чистым оружием — были цивилизацией. Это они отогнали раненое чудовище — Россию — обратно на восток. И это они восстановили закон, и свободу, и колосющиеся поля пшеницы.

На первом посту стоял пулемет. Часовой-сержант узнал Фурье и поднял руку в приветствии. (Одно то, что Рейнач вдохнул в эту орду хоть какое-то понятие дисциплины, говорит о его личных качествах.)

— Ваш эскорт должен ждать здесь, мой генерал,— сказал он, словно извиняясь.— Новое распоряжение.

— Я знаю,— ответил Фурье. Никто из его людей об этом не знал, и он должен был предотвратить недовольство.— У меня назначена встреча с командующим.

— Да, сэр. Придерживайтесь освещенных мест, иначе вас подстрелят, приняв за бандита.

Фурье кивнул и прошел через пост к домам. Ему хотелось укрыться от дождя, но он медлил, оттягивая начало. Жако Рейнач был не только его соотечественником, но и другом. Он не был настолько близок ни с Хельзегеном из Северного Альянса, ни с итальянцем Тотти, ни с поляком

Роянски, и ему положительно не нравился представитель Германии Ауэрбах.

Но матрицы Валти не имели ничего общего с эмоциями. Они просто предупреждали, что при некоторых условиях кое-что определенно случится. Это было знание, холодное как лед.

Здания главных офисов окутывала темнота, но несколько окон светилось. Рейнач установил электрический генератор — и совершенно правильно, поскольку его персоналу и ему самому приходилось работать круглые сутки.

Часовой впустил Фурье в здание. С полдюжины людей играли в кости, а туберкулезного вида секретарь надрывно кашлял над досье, написанном на старых счетах из прачечной, подвернувшихся под руку. Люди вскопили, и Фурье сказал им, что хочет видеть командующего, главу Совета.

— Да, сэр.— Офицеру было не больше двадцати лет, но его небритое лицо было изборождено морщинами, придававшими ему вид глубокого старика. Он очень плохо говорил по-французски.— Оставьте оружие здесь и входите.

Фурье отстегнул свой пистолет, думая о том, что именно это новое требование — разоружение руководителей перед встречей с Председателем Рейначем — привело Альвареса в ярость и негодование. Но этот декрет не был бессмысленным — Рейнач должен был знать о нарастающей оппозиции. Кое-кто уже созрел для того, чтобы применить оружие как аргумент в споре. Ах да, Альварес не был философом. Он был командиром Иберийских иррегулярных войск, и Фурье должен был использовать тот человеческий материал, который имелся у него в наличии.

Офицер обыскал его. И это было новое оскорбление, которое задело даже Фурье. Он подавил свой гнев, думая о том, как многое предвидел Валти.

Фурье прошел по темному коридору к двери, у которой стоял еще один часовой. Кивнув ему, он открыл дверь.

— Добрый вечер, Этьен. Чем могу служить?

Рослый блондин глядел на него, сидя за столом, и улыбался. Это была удивительно застенчивая, почти детская, улыбка. Что-то шевельнулось в душе Фурье.

До войны это был кабинет профессора. На рядах книг, скопившихся на полках, толстым слоем лежала пыль.

«В самом деле, мы должны больше заботиться о книгах, даже в ущерб борьбе с голодом, чумой и бандитизмом».

Сзади находилось закрытое окно. Темные струйки воды стекали по чудом уцелевшему стеклу. Рейнач сидел рядом с лампой, повернувшись спиной к ночи.

Фурье сел. Кресло для посетителей натужно заскрипело под весом худого, но ширококостного тела.

— А ты не догадываешься, Жако? — спросил он.

Красивое лицо — одно из немногих чистовыбритых лиц, оставшихся в мире — повернулось к нему. Рейнач внимательно изучал Фурье в течение некоторого времени.

— Хельзеген, Тотти, Алексис... вся эта банда... но ты? Мы дружили много лет, Этьен. Я не думал, что ты пойдешь против меня.

— Не против тебя, — Фурье вздохнул и потянулся за сигаретой, забыв, что табака уже давно нет. — Не против тебя. Только против твоей политики. Я здесь, от имени всех нас...

— Не всех, — сказал Рейнач. Его голос был негромким и мирным. — Теперь я понимаю, как хитро вы подстроили удаление всех моих сторонников из города. Бреворт улетел на Украину устанавливать отношения с революционным правительством, Ференчи отплыл в Геную, чтобы собрать суда для нашего торгового флота, Яносек отправился воевать с бандитами в Шлезвиге. Да, вы все тщательно подстроили. Но как вы думаете, что они скажут, когда вернутся?

— Они смирятся, — ответил Фурье. — Это поколение воспитано войной. Но как я уже говорил, я здесь для того, чтобы вести переговоры от имени моих сторонников. Надеюсь, что ты выслушаешь наши аргументы хотя бы от меня.

— Если это действительно только аргументы! — Рейнач откинулся в кресле, одна рука его сжимала рукоять пистолета. — Я уже слышал все ваши аргументы на Совете. Если ты будешь повторять их снова...

— То только потому, что я должен. — Фурье сидел, глядя на свои руки, сложенные на коленях. — Мы понимаем, Жако, что глава Совета должен обладать верховной властью во время чрезвычайного положения. Мы согласились оставить за тобой последнее слово... Но не *единственное!*

Его собеседник побледнел от сдерживаемого гнева.

— На меня достаточно клеветали, — холодно сказал Рейнач. — Они думают, что я собираюсь стать диктатором.

Этьен, после Второй мировой войны, когда ты уволился и пристроился на гражданке, как ты думаешь, почему я остался в армии? Не потому, что имел какие-то склонности к милитаризму. Но я предвидел, что в ближайшем будущем моя страна снова подвергнется опасности, и хотел к этому подготовиться. Неужели я похож на... Гитлера?

— Нет, конечно, нет, мой друг. Ты всего лишь следовал примеру де Голля. И когда мы избрали тебя руководителем наших объединенных сил, то не могли сделать лучшего выбора. Без тебя и без Валти... мы до сих пор бы воевали на Восточном фронте. Мы... Я... Мы считаем тебя своим освободителем, словно мы крестьяне, которым вернули их жалкие клочки земли. Но ты был *не прав*?

— Все делают ошибки,— улыбнулся Рейнач.— Я признаю свои. Я наделал множество ошибок, когда очищал от коммунистов...

Фурье упрямо покачал головой.

— Ты не понимаешь, Жако. Я вовсе не это имел в виду. Твоя самая главная ошибка,— то, что ты до сих пор не понял — настал мир. Война кончилась.

Рейнач ухмыльнулся.

— Ни одна баржа не может пройти по Рейну, ни единого километра железной дороги в рабочем состоянии, мы вынуждены драться с бандитами, с удельными князьками, с полубезумными фанатиками сотен разных сортов. Это похоже на мир?

— Это разница в... во взглядах,— сказал Фурье.— И человек — то же животное, в конце концов, если отвлечься от различий. Война морально проста: существует единая цель — навязать свою волю врагу. Не сдаваться внешней силе. Но полицейский? Он защищает все общество, частью которого является и преступник. Политик? Он должен идти на компромиссы, даже с маленькими группками, или с людьми, которых он презирает. Ты думаешь как солдат, Жако, и мы больше не хотим и не нуждаемся в том, чтобы нами командовал солдат.

— Теперь ты цитируешь этого старого дурака Валти,— прервал его Рейнач.

— Если бы у нас не было профессора Валти и его социосимволической логики, с помощью которой мы планировали нашу стратегию, мы бы до сих пор сражались с русскими. Никто не пришел бы, чтобы нас освободить.

Англосаксонские страны очень ослаблены после обмена ракетными ударами, и все их усилия сейчас сосредоточены на Азии. Они не смогли бы вторгнуться в Еропу, оккупированную Красной Армией, которой некуда было вернуться — их собственная страна превращена в радиоактивное кладбище. Мы должны были освободить себя сами, с нашей армией оборванцев, кавалерией на мотоциклах и самолетами, собранными из утиля. Если бы не план Валти, и, кстати, твое воплощение его, мы бы никогда не сделали этого.— Фурье снова покачал головой. Он НЕ МОГ сердиться на Жако.— Я думаю, этого достаточно, чтобы уважать профессора.

— Ну... это правда.— Рейнач заговорил громче.— Но он уже старик, говорю тебе. Бормочет о будущем, о долгосрочных планах... Мы же не можем питаться будущим? Люди умирают от чумы, голода и анархии прямо сейчас!

— Он убедил меня,— сказал Фурье,— я думал так же, как ты год назад. Но он обучил меня элементам своей науки и показал тот путь, по которому мы сейчас идем. Он старый человек, Эно Валти, но мозг под его лысым черепом еще замечательно работает.

Рейнач расслабился. Выражение его лица потеплело и смягчилось.

— Очень хорошо, Этьен,— сказал он.— И куда же мы идем?

Фурье глядел мимо него в ночь.

— К войне,— произнес он мягко.— К еще одной ядерной войне, через пятнадцать лет. Сомнительно, что человеческая раса сможет пережить ее.

Дождь барабанил по стеклу, усиливаясь, и ветер завывал над пустыми улицами. Фурье посмотрел на часы. Время истекало. Он нащупал полицейский свисток, висящий у него на шее.

Рейнач был поражен. Но постепенно он отправлялся от потрясения.

— Если бы я поверил, что это так,— ответил он,— я бы ушел в отставку сию же минуту.

— Я знаю,— пробормотал Фурье.— Именно это делает мою задачу такой сложной.

— Так или иначе, ты ошибаешься.— Руки Рейнача шевелились так, как будто он отталкивал кошмар.— Люди получили очень печальный урок...

— Люди, в массе своей, ничему не научились,— сказал ему Фурье.— Разве немцы извлекли урок из Столетней войны, или мы из Хиросимы? Единственный путь избежать будущей войны — основать всемирное правительство; воссоздать Организацию Объединенных Наций, придать ей немного мускулов и убрать из ее устава всякую чушь о «равенстве». И Европа — решающий фактор для этого мероприятия. Севернее Гималаев и восточнее Дона нет больше ничего — одни лишь воюющие каннибалы. Пройдет довольно много времени, прежде чем снова они вернутся к цивилизации. Мы должны говорить за весь Евразийский континент.

— Очень хорошо, очень хорошо,— сказал Рейнач хладнокровно.— Польщен. Но что же я делаю не так?

— Очень многое, Жако. Ты слышал достаточно об этом на Совете. Я должен повторить этот длинный список? — голова Фурье медленно повернулась, и он устремил взгляд на человека за столом.— Одно дело импровизировать во время войны. Но ты импровизируешь в мирное время. Ты проталил решение о посылке только двух человек, чтобы представлять наши объединенные страны на конференции в Рио. Почему? Потому что у нас мало транспорта, бумаги, даже пристойной одежды. Эту проблему надо тщательно изучить. Нужно представлять Европу единым целым. Иначе мы спровоцируем вспышки национализма. Ты принял решение за минуту и даже не стал слушать обсуждение.

— Конечно, нет,— сказал Рейнач саркастически.— Если ты помнишь, это было как раз в тот день, когда нам сообщили о неофашистском перевороте на Корсике.

— Корсика могла бы и подождать. Да, конечно, остров было бы труднее отвоевать назад, если бы мы не ударили сразу. Но этот вопрос с нашим представительством в Организации Объединенных Наций касался всего нашего будущего...

— Знаю-знаю. Валти и его теория «ключевого момента». Ха!

— Эта теория работает, старик.

— В определенных пределах. Я консерватор, Этьен. И сознаю это.— Рейнач прошелся вокруг стола.— Но не думаешь ли ты, что ситуация требует именно консерватора? Когда вокруг ад, не время ударяться в философию, даже самую прекрасную... или пытаться избрать парла-

мент, что, как я понимаю, является еще одним постулатом Валти.

— Является,— сказал Фурье.— Ты любишь розы?

— Ну, ну... да,— Рейнач моргнул.— Люблю смотреть на розы.— По его лицу скользнуло грустное и задумчивое выражение.— Теперь, когда ты упомянул об этом, я вспомнил, что уже много лет не видел розы.

— Но ты не любишь садовничать. Я помню это еще по старым временам.— Неизъяснимая нежность к старому другу, с которым столько пережито, внезапно накатила на Фурье. Он заглушил в себе это чувство и произнес хладнокровно.— И ты любишь демократический строй, но никогда не интересовался грязной работой по поддержанию его. Сейчас время ухаживать за ростками. Если мы промедлим, будет слишком поздно: привычка к правлению твердой руки слишком укрепится.

— Сейчас время также и оставаться в живых. Просто оставаться в живых, больше ничего.

— Жако, я не обвиняю тебя в консерватизме. Ты просто сентиментален: ты видишь ребенка с животом, бурчащим от голода, дома, помеченные крестом — отметкой Черной Смерти; и тебя слишком переполняет жалость для того, чтобы думать. Мы... Я, профессор Валти, остальные... настолько хладнокровны, что готовы пожертвовать еще несколькими тысячами жизней, пренебрегая сиюминутными нуждами, во имя спасения всего человечества пятнадцатью годами позже.

— Ты можешь быть прав,— сказал Рейнач.— Это я по поводу вашей холодной крови.— Его голос был так тих, что дождь почти заглушал его.

Фурье снова украдкой глянул в окно. Это все заняло больше времени, чем он предполагал. Он произнес невнятно и торопливо;

— Относительно сегодняшних проблем — как там насчет Паппаса?

— Мне он тоже не нравится. Я знаю, так же как и ты, что Паппас — убийца-коммунист, которого ненавидят его же собственные люди. Но, черт побери, парень, ты же понимаешь — крысы не только воруют еду и грызут лица спящих детей. Разве ты не знаешь, что они разносят чуму? И Паппас предложил услуги единственного в Евразии эффективного подразделения по уничтожению крыс. За это он просит всего лишь признания его Македонского

Свободного Государства и утвердить его в должности члена нашего Совета.

— Слишком большая цена,— произнес Фурье,— через два или три года мы справимся с крысами и сами.

— И следовательно?..

— Следовательно, мы должны надеяться на то, что никто из тех, кого мы любим, не заболеет.

Рейнач безрадостно улыбнулся.

— Так не пойдет,— сказал он.— Я не могу с этим согласиться. Если подразделение Паппаса поможет нам, мы сможем сберечь целый год, сотни тысяч жизней...

— И пожертвовать сотнями миллионов жизней в будущем.

— Ты преувеличиваешь. Одна маленькая провинция, такая как Македония?

— Один очень большой прецедент,— сказал Фурье.— Мы не должны признавать законность права на власть даже самого мелкого князька. Если мы признаем его,— он поднял волосатую руку и стал загибать пальцы,— мы признаем: право на существование диктата любой идеологии, которое, будучи провозглашено, означает войну, войну и снова войну; право на существование фатально скомпрометированного принципа неограниченного национального суверенитета; независимость Греции, которая, совершенно очевидно, потребует того же; напряженность на Ближнем Востоке, которая уже существует; следовательно, войну между нами и арабами, так как нам НУЖНА нефть; кресло Совета для умного и бесчестного человека, который, совершенно очевидно, начнет интриговать против тебя — НЕТ!

— Ты теоретизируешь о завтрашнем дне,— сказал Рейнач.— А крысы существуют сейчас. И что, по-твоему, я должен сейчас делать?

— Отклонить предложение. Позволь мне поднять бригаду внизу. Мы сможем отправить Паппаса в ад... прежде чем он станет слишком силен.

Рейнач покачал головой.

— И кто же из нас поджигатель войны? — сказал он со смешком.

— Я никогда не отрицал того, что нам еще придется много воевать,— сказал Фурье. В его голосе звучала грусть — он видел слишком много людей, погибших на войне.— Я только хочу быть уверен, что это будет служить

конечной цели, что больше никогда не будет мировой войны. Чтобы моим детям и внукам не пришлось воевать вообще.

— И Валти со своими уравнениями видит путь к этому? — тихо спросил Рейнач.

— Ну, он показывает, как сделать его достаточно вероятным.

— Извини, Этьен.— Рейнач покачал головой.— Просто не могу верить в это. Превратить человеческое общество в... как же это слово?... потенциальное поле и производить над ним операции символической логики — это слишком отдаленно. Я здесь, во плоти — сколько ее во мне осталось на этой нашей диете — не набор символов, написанных бандой длинноволосых теоретиков.

— Похожая банда открыла атомную энергию, — сказал Фурье.— Да, наука Валти молода. Но в определенных пределах она работает. Если бы ты просто изучил...

— У меня слишком много другой работы.— Рейнач пожал плечами. На его лице появилось холодное выражение.— Мы потратили больше времени, чем я мог себе это позволить. Что твоя группа генералов хочет от меня?

Фурье ответил ему в манере, которая, он знал, всегда нравилась его старому другу — честно и прямо.

— Мы требуем твоей отставки. Разумеется, ты сохранишь кресло члена Совета, но профессор Валти получит его тоже, и мы немедленно проведем необходимые нам реформы. Мы сделаем официальное обещание ввести конституционное правление и распустить военное правительство в течение года.

Он наклонил голову и посмотрел на часы. Осталось полторы минуты.

— Нет,— сказал Рейнач.

— Но...

— Молчать! — Жако поднялся. В свете единственной лампы он отбрасывал громадную тень на пыльный книжный шкаф.— Ты думаешь, я не видел приближения этого? Как ты думаешь, почему я принимаю только одного человека и предварительно обезоружил его? Черт бы побрал ваших генералов! Обыкновенные люди знают меня, они знают, что я забочусь о них, и черт бы побрал ваше туманное будущее! Мы встретим будущее, когда оно придет.

— Это то, что всегда делал человек,— сказал Фурье. Он говорил как проситель.— Именно из-за этого человечество всегда двигалось от одной катастрофы к другой. Это может быть нашим последним шансом все изменить.

Рейнач начал ходить взад-вперед вокруг стола.

— Ты думаешь, я люблю эту дрянную работу? — произнес он.— Просто так получилось, что никто, кроме меня, не способен ее сделать.

— Итак, теперь ты незаменимый человек,— прошептал Фурье.— Я надеялся, что ты избежал подобного самомнения.

— Иди домой, Этьен,— остановил его Рейнач, и мягкость вернулась к нему.— Иди и скажи им, что я не буду использовать это против них. Вы имели право выдвинуть это требование. Что ж, оно было выдвинуто — и отклонено.— Он задумчиво кивнул сам себе,— мы должны сделать некоторые изменения в нашей организации. Я не хочу быть диктатором, но...

Час ноль. Фурье почувствовал, что очень устал.

Его предложение было отвергнуто, и следовательно, он не дал сигнала — свистка, чтобы остановить повстанцев. Таким образом, он терял контроль над ситуацией.

— Садись,— сказал он.— Садись, Марий, и давай немного поговорим о старых временах.

Рейнач казался удивленным.

— Марий? Что ты имеешь в виду?

— Ох... это пример из истории, которую поведал мне профессор Валти.— Фурье опустил голову. На его левом ботинке была дыра.— Безумная цивилизация, как могла одна и та же раса создать Великую Хартию и водородную бомбу?

Слова продолжали литься из него потоком:

— Во втором столетии до нашей эры Кимбры и их союзники, тевтонские варвары, пришли с севера. Несколько десятилетий они бродили по Европе, грабя и захватывая страны. Они разбили наголову римлян, которые были посланы, чтобы остановить их. В конце концов они вторглись в Италию. Казалось, ничто их не остановит и скоро они захватят сам Рим. Но один генерал по имени Марий собрал своих людей. Он встретил варваров и уничтожил их.

— Ну спасибо,— Рейнач сел, заинтригованный.— Но...

— Не обращай внимания.— Фурье улыбнулся,— давай на несколько минут расслабимся и просто поболтаем. Ты помнишь ту ночь, сразу после окончания Второй мировой войны, мы были тогда мальчиками, только ушли из Маки и колесили по всему Парижу, а потом встретили рассвет на окраинах?

— Да, конечно, помню. Замечательная ночь.— Рейнач засмеялся.— Как давно это было. Как звали твою девушку? Я забыл.

— Мари. А твою звали Симон. Прекрасная маленькая негодница Симон. Интересно, что с ней сейчас?

— Не знаю. Последний раз я слышал о ней... о, это было так давно... Какая это была замечательная ночь...

С улицы донеслись выстрелы, послышалась пулеметная очередь. Рейнач вскочил на ноги одним тигриным прыжком, с пистолетом в руке подкрадываясь к окну. Фурье остался сидеть.

Шум усилился, приблизился и стал громче. Рейнач повернулся. Дуло его пистолета было направлено на Фурье.

— Да, Жако.

— МЯТЕЖ!

— У нас не было выбора.— Фурье обнаружил, что он снова может смотреть Рейначу в глаза.— Ситуация была слишком критической. Если бы ты согласился... если бы ты хотя бы был готов обсудить все эти вопросы... я бы дунул в свисток, и ничего бы не случилось. Теперь уже слишком поздно, разве что ты сейчас сдашься. Если ты сделаешь это, наше предложение все еще остается в силе. Мы все еще хотим, чтобы ты работал с нами.

Где-то рядом раздался взрыв гранаты.

— Ты...

— Стреляй... Это не имеет большого значения.

— Нет.— Пистолет задрожал.— Если ты только не... Оставайся на месте! Не двигайся! — Рейнач обвел дрожащей рукой вокруг головы.— Ты не знаешь, насколько хорошо охраняется это место. Ты знаешь, что люди будут на моей стороне.

— Думаю, нет. Они уважают тебя, конечно, но они устали и голодают. Именно поэтому мы назначили выступление на ночь. К завтрашнему утру все будет кончено.— Голос Фурье скрипел, как ржавое железо.— Казармы окружены. Эти более отдаленные звуки — за-

хват арсенала. Университет окружен и не выдержит штурма.

— Это здание выстоит.

— Ты не хочешь сдать, Жако?

— Если бы я мог сделать это,— сказал Рейнач,— я бы не сидел здесь этой ночью.

Окно с треском распахнулось. Рейнач повернулся. Человек, запрыгнувший в комнату, выстрелил первым.

Часовой, стоявший за дверью, заглянул внутрь. Его ружье дернулось, но он умер, прежде чем успел выстрелить. Люди в черных одеждах и черных масках влезли через подоконник.

Фурье наклонился над Рейначем. Смерть от пули в голову была быстрой. Но если бы она попала ниже, жизнь Рейнача можно было бы еще спасти. Фурье хотелось плакать, но он попросту забыл, как это делается.

Здоровяк, убивший Рейнача, остановился возле тела вместе с Фурье, в то время как командос заходили в комнату, перешагивая через труп.

— Извините, сэр,— прошептал Стефан. Но тот, к кому он обращался, уже не мог ничего слышать.

— В этом нет твоей вины, Стефан,— сказал Фурье.

— Мы должны были бежать по неосвещенному пространству, добраться до стены. Я впрыгнул сквозь это окно. У меня не было времени, чтобы прицелиться. Я не понял, кто это был, до того как...

— Все в порядке, говорю тебе. Сейчас, вперед, отдавай приказы своим людям. Вы должны очистить здание. Когда мы захватим его, остальные защитники сдадутся.

Здоровяк кивнул и ушел по коридору.

Фурье склонился над Рейначем, в то время как пули барабанили по внешним стенам. Он слышал их как сквозь вату. *Может быть, так даже лучше.* Теперь они могут похоронить его с воинскими почестями, а потом поставить на его могиле памятник человеку, спасшему Запад, и...

Но будет далеко не так легко подкупить привидение. Но ты должен попытаться.

— Я не рассказал тебе до конца эту историю, Жако,— прошептал он. Его руки действовали сами по себе, вытирая кровь его пиджаком. Слова лились из Фурье, словно из испорченного магнитофона.— Хотел бы, чтобы я рассказал тебе окончание этой истории. Может быть, тогда бы ты понял... а может быть, нет. Марий ударился в политику

после своей победы. У него был авторитет его победы, он был наиболее авторитетным человеком в Риме, его намерения были честны, но он не разбирался в политике. Последовала неразбериха, винегрет коррупции, убийств, гражданской войны, и, через пятнадцать лет, окончательное падение Республики. Тому, что пришло ей на смену, дали имя Цезаризм.

— Мне бы хотелось думать, что я избавил тебя от участи второго Мария.

Дождь залетал в комнату через разбитое окно. Фурье поднялся и закрыл остекленевшие глаза. Он не знал, сможет ли когда-нибудь забыть выражение этих глаз.

ООНОВЕЦ

Цена героизма безжалостно высока. То, что Фурье уничтожил, было частью его самого. Его детская вера умерла вместе с Рейначем. Хотя Стефан Ростомили, истинный убийца, оставшийся безнаказанным, позже снабдил Фурье лучшим оружием в борьбе против Хаоса.

Голод, чума, лишения, радиоактивность были постепенно преодолены. Годы Голода сменились Годами Безумия — это стало маленьким толчком к разрастанию нового массового горя. Такие повороты позже сменились более спокойными временами только благодаря обновленной ООН, созданной Первой конференцией в Рио. Всеобщий мир возродил процветание только в последние десятилетия века. Исследование космоса открыло новые внешние границы, пока Психотехнический Институт, выросший из теорий профессора Валти, занимался своими старыми изысканиями. К несчастью, эти удачные открытия были не всем по душе.

I

Они ушли. Их корабль тихо исчез в небе, унося всех шестерых. Доннер наблюдал все это с балкона — у него были удачно подобранные апартаменты с видом на подобные достопримечательности — вот они вышли на посадочную площадку и скрылись в металлической оболочке. Теперь место освободилось, и пришло время ему заняться делом.

На мгновение Доннер ощутил нерешительность. Много дней он ждал этой минуты, но человек неохотно идет на смертельный риск. Глаза Доннера блуждали по карточке, лежавшей на столе. Темноволосая красивая женщина и ребенок у нее на руках, казалось, смотрели на него. Губы женщины были приоткрыты, будто говоря что-то. Он хотел нажать кнопку, оживившую бы этот кадр, но не осмелился. Пальцы Доннера нежно погладили стекло над щекой женщины.

— Дженни,— прошептал он.— Дженни, дорогая...

Наконец Доннер взялся за работу. Его цветная свободная пижама сменилась серым костюмом, незаметным на фоне стен здания. Простая невыразительная маска должна была надежно скрыть его лицо. Он пристегнул плоский ящик с инструментами к поясу и смазал кончики пальцев коллодием. Захватив моток веревки в одну руку, Доннер вернулся на балкон.

Отсюда, с высоты двухсот тридцати четырех этажей, ему открылся широкий вид на равнину Иллинойса. Насколько хватало взгляда, местность прочерчивали поля пшеницы, скрытые туманом у горизонта, над которыми простиралось прекрасное небо. Кое-где располагались небольшие группы деревьев; белые полосы старого шоссе пересекали поля, но все равно это смотрелось, как единая необъятная панорама. Сельскохозяйственные владения Среднего Запада раскинулись по всем направлениям, куда ни кинь взгляд.

По другую сторону отвесно вздымалось многоквартирное здание, словно вырастающее из деревьев окружающего парка. Это был настоящий город длиной в две мили, состоящий из правильных громад стен и окон. Он возвышался на равнине, подпирая небо, в своей великолепной самонадеянности, заканчиваясь на шестьдесят шесть этажей выше, чем квартира Доннера. Свободный легкий степной ветер трепал его одежду; человек мог слышать нескончаемый гул, приглушенное пульсирование механизмов и жизни здания — самовлюбленного гигантского организма.

Вокруг больше не было ни одной живой души. Балконы проектировались так, чтобы закрывать человека от любопытных взглядов соседей по этажу: если кто-нибудь смотрел вверх из парка, его взгляд натывался на деревья. Многие сверкающие точки самолетов в небе были не в счет; они не представляли опасности для Доннера.

Он прикрепил веревку к краю балкона и схватил ее конец руками. Чтобы успокоиться, Доннер с минуту стоял неподвижно, позволяя солнечным лучам и ветру литься на него, запоминая умиротворенный вид равнины и неба, покрытого белыми облаками.

Доннер был высоким, но казался меньше ростом из-за мощных плеч и груди. В его движениях проскальзывала странная неуловимая грация. Светлые от природы волосы выкрашены в темный цвет, а контактные линзы сделали черными голубые глаза. Но больше ничего не изменилось в его лице — широкий лоб, высокие скулы, квадратная челюсть и выступающий нос остались прежними. Доннер криво улыбнулся под маской, сделал глубокий вдох и перепрыгнул через край балкона.

Веревка бесшумно разматывалась, опуская его вниз этаж за этажом. В этом ограблении среди бела дня, конечно, был огромный риск — кто-нибудь мог случайно заглянуть за боковую перегородку балкона и обнаружить его, и даже склонность к уединению вряд ли удержала бы обитателя дома от звонка в полицию. Но те шестеро вовсе не стремились своими действиями облегчить его задачу.

Мимо Доннера незаметно мелькал фасад, казавшийся размытым из-за скорости спуска. Один, два, три — считал он по мере продвижения, и у восьмого этажа сбросил веревку вниз свободной рукой. Моток застыл, и человек повис в воздухе.

До земли далеко. Путь свободен. Доннер усмехнулся и начал раскачиваться взад-вперед, увеличивая амплитуду с каждым разом, пока его подошвы не коснулись поверхности дома. Качнувшись снова, он ухватился рукой за перила балкона около выступающей части стены. Его тело дернулось, и мускулы упруго среагировали на толчок.

Все еще держась за веревку, Доннер одной рукой подтянулся на перегородке, перелез через перила и встал на пол балкона. Под серым жакетом и вспотевшей от напряжения кожей ныли мускулы. Он с облегчением дышал, смаывая веревку и отстегивая ящик с инструментами.

Стрелка электронного детектора встрепенулась. Значит, сработала сигнализация, ведущая с балкона к двери. Доннер осторожно осмотрел окрестности, нашел провод и перерезал. За стеной из прозрачного пластика располагались тихие комнаты: мебель расставлена обычно, но какое-то тревожное ожидание словно зависло в воздухе.

Это все мне только кажется, подумал Доннер нетерпеливо и срезал замок с двери. Когда он вошел, робот-уборщик почувствовал его появление, и свист его пылесоса прекратился.

Он взломал замок ящика стола и пошарил там в поисках документов. Одну или две шифровки Доннер сунул себе в карман, остальные не представляли интереса. Вообще-то, их должно быть больше. Черт с ними, придется довольствоваться этим.

Металлоискатель помог ему найти спрятанный сейф. Когда он обнаружил большой ящик, замурованный в стене, то не стал морочить себе голову поисками кнопки, а просто разрезал пластиковую обшивку. Парни, знавшие об этом месте, могли ворваться в любую минуту, нужно действовать быстро. Если они выберут другой этаж в этом доме, то вступит в силу соглашение Доннера с офицером полиции; они займут помещение, заботливо им подготовленное, со всеми шпионскими устройствами, которые он разместил. Доннер снова усмехнулся.

Сталь заблестела через обожженную и расплавленную стену. Хороший сейф, и у него не было времени возиться с ним. Он воткнул электродрель, и алмазный наконечник проделал маленькое отверстие в поверхности. Доннер бросил внутрь несколько кубиков левинита и поджег их пучком лучей УВЧ. Замок с шумом разорвался, и он открыл дверь.

Доннер только успел увидеть плоский пистолет внутри и осознать ужасный факт его присутствия. Потом три выстрела пронзили его грудь, и он погрузился во мрак.

II

Один или два раза он приходил в себя, пытался двигаться на свет, но удар иглы отбрасывал его назад. Теперь, когда в голове у Доннера постепенно прояснилось, его оставили в покое. Но это было еще хуже.

Доннера вырвало; он попытался двинуться. Его тело наткнулось на ограничивающие ремни, которыми он был привязан к стулу. Жуткая тошнотворная боль мешала

смотреть; шестеро стоявших и разглядывавших его людей были отголосками лихорадочного сна, колеблющимися тенями.

— Он приходит в себя,— зачем-то сказал худой мужчина.

Плотно сложенный седой человек в старомодном голубом пиджаке взглянул на часы.

— Довольно крепкий. Ведь ему здорово досталось.

Доннер замычал. Во рту была горечь после рвоты.

— Дайте ему воды,— приказал бородатый мужчина.

— Черта с два! — проворчал худой. Его лицо выглядело мертвенно-бледным в размытом мраке комнаты, но в глазах был лихорадочный блеск.— Он так не считает, ООНОВЕЦ!

— Дайте ему немного воды,— повторил седой спокойно. Тощий парень угрюмо нагнулся к растрескавшейся бочке с пробкой старого образца и наполнил стакан.

Доннер жадно выпил воду, которая немного погасила пожар в его горле и животе. Бородатый подошел с гипосульфитом.

— Стимулятор,— объяснил он.— Быстрее придешь в себя.

Он пощупал руку Доннера и почувствовал учащенный пульс.

Голову узника все еще терзала острая пульсирующая боль, но глаза прояснились, и он ясно рассмотрел окружающих.

— Мы не были так небрежны, как ты подумал,— сказал плотный человек.— Этот пистолет выстрелил бы в любого, кто открыл бы сейф, не нажав сначала кнопку справа. И конечно же, был дан радиосигнал, заставивший нас быстро вернуться. После этого ты все время был в бессознательном состоянии.

Доннер оглянулся. Комната была совершенно пустой, со слоями пыли и паутины, не убиравшейся много лет; обломками старинной деревянной мебели, беспорядочно прислоненной к потрескавшимся пластиковым стенам. Там было одно окно, вместо разбитого стекла заткнутое тряпками, такими грязными, что он не знал, день снаружи или ночь. Но, вероятно, недавно стемнело. Комнату освещал всего один светильник, стоявший на столе.

Должно быть, я в Чикаго, решил Доннер. К горлу снова подкатила тошнота. Один из громадных заброшенных

районов, окружавших обжитые части умирающего города — покинутый, пока еще не идущий под снос, логово крыс и гнилья. Рано или поздно, некая сельскохозяйственная компания купит именные документы на право собственности у правительства, которое признает эту землю негодной и разрушит то, что пощадили огонь и гниение. Но этого еще не произошло, и пустые трущобы становились хорошим укрытием для любого.

Доннер подумал о многих милях разрушенных домов, окутанных ночью, неясно темнеющих на фоне неба — приглушенное эхо на разбитых, заросших травой улицах, усталый скрип деревянных балок, быстрый стук шагов и блеск глаз в полном мраке; угроза и одиночество все дальше и дальше, и от них не убежать.

Один, снова один. Он чувствовал себя более одиноким здесь, чем в самых дальних просторах космоса. Доннер точно знал, что умирает.

ДЖЕННИ. О ДЖЕННИ, МОЯ ДОРОГАЯ.

— Вы зарегистрировались под именем Марка Робертса, — четко произнесла женщина. Она была такой же худой, как и черноглазый молодой человек рядом с ней. Лицо выглядело пронизательным и хищным, волосы коротко подстрижены, а голос звучал грубо, с нажимом. — Но ваша идентификационная татуировка подделана. Краска исчезла под действием кислоты. Мы взяли отпечаток большого пальца, тот, что остался на чеке, и послали запрос в центральный банк для проверки. Робот ответил утвердительно: это Марк Робертс, и с текущим счетом у него все в порядке.

Женщина наклонилась вперед и прошипела:

— Кто же вы на самом деле? Только секретная служба может сделать такую фальшивку. На кого вы работаете?

— Это очевидно, разве нет? — бросил худой человек. — Он не из Американской Безопасности. Мы это знаем. Значит, перед нами ооновец.

То, как он произнес последнее слово, было уродливым, жестоким.

— **ООНОВЕЦ!** — повторил он.

— Наш заклятый враг, — заключил плотный человек задумчиво. — **ООНОВЕЦ** не просто рядовой исполнитель, со всеми присущими ему человеческими слабостями, а великий суперзасекреченный экземпляр, причинивший нам много хлопот.

Он поднял седую голову и пристально посмотрел на Доннера.

— Это соответствует тем разрозненным описаниям, что есть у нас,— продолжал он.— Но теперь ребята из ООН многое могут сделать с помощью косметической хирургии, не так ли? И ООНовца теперь можно убить несколько раз. Только в прошлом месяце одного пристрелили Гонконге, и его убийца поклялся, что это наш противник — он сказал, что никто другой не мог вести такой профессиональной охоты.

Это, наверное, Вейнбергер, подумал Доннер. На него навалилась огромная усталость. Их было так мало, так безнадежно мало, и один за другим Братья растворялись во мраке. Он был следующим, а после него...

— Одного не могу понять,— сказал пятый (Доннер узнал в нем полковника Сэмси из Американской Гвардии).— Почему если Секретная служба ООН имеет корпус — ах! — суперменов, они должны все выглядеть на одно лицо! Значит, нас хотят убедить, что мы имеем дело с бессмертным?

Он мрачно хмыкнул.

— Конечно, они не считают, что это нас смутит!

— Никакой это не супермен,— сказал седой.— Очень многое умеющий — да, но ооновец вполне уязвим. В нем мы и убеждаемся на примере этого экземпляра.

Он стоял перед Доннером, расставив ноги и уперев руки в бока.

— Полагаю, ты начнешь говорить. Расскажи нам о себе.

— Я могу рассказать вам о вас самих,— отрезал Доннер. Его язык стал сухим и распух, но предвкушение смерти придало ооновцу неожиданное спокойствие.— Вы Роджер Уэйд, президент «Брейн Тулз Инк.», известный сторонник американской партии.

Обращаясь к женщине, Доннер сказал:

— А вы — Марта Дженнингс, работаете на эту партию не покладая рук. Далее следует ваш секретарь, мистер Уэйд...

Доннер взглянул на сухопарого молодого человека.

— Родни Борроу, экзогенный номер...

— НЕ НАЗЫВАЙ МЕНЯ ТАК! — Изрыгая проклятия, парень рванулся к Доннеру. Он кривлялся и визжал, как женщина. Когда Сэмси и бородатый оттащили его, лицо

Борроу было совершенно белым; над верхней губой выступили капельки пота.

— И эксперимент провалился,— безжалостно насмеялся Доннер.

— Хватит! — Уэйд с размаху ударил узника.— Мы хотим узнать кое-что новое, к тому же у нас мало времени. Я думаю, у вас иммунитет к «сыворотке правды»; тесты доктора Левина уже доказали это,— но я полагаю, вы попрежнему можете чувствовать боль.

Спустя мгновение, он добавил спокойно:

— Мы не злодеи. Вы же сами знаете, что мы патриоты. РАБОТАЮЩИЕ С НАЦИОНАЛИСТАМИ ДЮЖИНЫ ДРУГИХ СТРАН! — подумал Доннер.

— Мы не хотим причинять вам вреда или убивать без крайней необходимости.

— Но сначала позвольте узнать вашу подлинную личность,— сказал бородатый, Левин.— Ранее скрытая информация о нас, будущие планы вашего начальства и так далее. Впрочем, будет достаточно на сегодня, если вы ответите на некоторые вопросы, касающиеся вас... Место жительства, ну, сами знаете.

АХ ДА, подумал Доннер, и усталость тяжким грузом легла на его сердце. СЕЙЧАС, ТОГДА ВЫ НАЙДЕТЕ ДЖЕННИ И МАЛЬЧИКА, ПРИТАЩИТЕ ИХ СЮДА...

Левин прикатил детектор лжи на колесиках.

— Естественно, мы не хотим идти сразу по ложному пути,— сказал он.

— Это не понадобится,— резко произнес Доннер.— Я не собираюсь ничего говорить.

Левин кивнул, как будто ждал подобного ответа, и принес другой аппарат.

— Эта штука генерирует ток низкой частоты и низкого напряжения,— заметил он.— Довольно болезненно, должен признаться. Я не думаю, что вы это выдержите. Если же чудо произойдет, мы всегда можем применить фронтальную лоботомию, и это подействует наверняка. Но сначала дадим вам шанс.

Он прикрепил электроды к телу Доннера. Деланное выражение печали на его лице сменилось злорадным ожиданием.

Доннер попытался улыбнуться, но губы словно одеревенели. Шестой человек, которого ооновец не знал, вышел из комнаты.

В черепе Доннера был крошечный передатчик. Он мог воспринимать только сообщения, посланные на специальных волнах, но также имел свою систему подавления. В конце концов, электрическая пытка — обычная форма инквизиции, но ее тяжело переносить.

Он подумал о Дженни, о своем сыне и о Братстве. Доннеру захотелось, чтобы воздух, которым он дышал последний раз в жизни, не был таким влажным и зловонным.

Ток наполнил его тело конвульсивными муками. Мышцы напряглись, пытаясь сорвать ремни, и он закричал. Потом лопнул светочувствительный коммуникатор, высвободжая небольшую струйку фтора.

Последним в угасающем сознании Доннера было видение Дженни, которая улыбалась и приглашала его в дом.

III

Барни Розенберг вел машину по тусклой проторенной колее по направлению к неясным очертаниям гряды скал. С одной стороны от него находился Сухой Каньон. Но Барни не спешил. Поскольку ехать оставалось не так уж много, он уменьшил газ, и пескоход двигался почти бесшумно.

Откинувшись на сиденье, Барни смотрел через окошко маленькой пластигласовой кабины на марсианский пейзаж. Трудно поверить, что он мог больше не увидеть его никогда.

Даже здесь, на расстоянии примерно пяти миль от колонии, не было никаких следов человека, кроме него, его машины и неясной колеи посреди песка и сухого кустарника. Люди прилетали на Марс на крыльях огня, создавали свои города, громко разговаривая и лязгая металлом, копались под землей, плавили руду, заводили собственные ранчо, переезжали с полярных болот в низкорослые экваториальные кустарники — и, тем не менее, не оставили никаких заметных следов после своего присутствия. Пока не оставили. Но вот валяется ящик со сломанными инструментами, дальше — высохший труп под обломками изолирующего тента, но над всем этим проносится песок и

одиночество, ночь и холод, и конечно же, забвение. Марс слишком стар и слишком безлюден, чтобы какие-то тридцать лет присутствия человека отразились на нем.

Слева от Розенберга простиралась пустыня, крутые холмы песка, которые начинались от далеких цветастых гор. Они шли до острого изгиба горизонта — остроконечные тени, безжизненность красного, коричневого и темно-желтого оттенков с таинственным злобным мерцанием бледного солнечного света. Здесь и там поднимались утесы, грубые от минеральных включений, стертые проходящими столетиями и ветрами до фантастических форм. Песчаная буря бушевала всего в нескольких милях отсюда, и туча пыли пролетела над камнями со свистящим шепотом, работая своей серо-зеленой кистью. Справа поднимались крутые безликие скалы, пересеченные голубыми и зелеными полосками медных руд, на которых виднелись надрезы и царапины от немилосердных ветров. Барни видел жизнь — пыльные колючие кустарники, высокие мрачные кактусы и быстрые движения крошечных прыгунов. В одном из обрывов цепочка врезанных в землю, полустертых следов вела к руинам заброшенного горного жилища — сколько им лет?

Над головой простиралось бескрайнее небо, щедрая россыпь оттенков насыщенного зеленого цвета, фиолетового, голубого, — бесконечно холодное, высокое и недоступное. Слабо мерцали звезды, а крошечное пятно Луны было еще менее заметно. Съжившееся солнце вставало в живительном окружении короны и зодиакального света; обрамленный крыльями диск божества Египта поднимался над планетой. Вблизи горизонта тонкий слой ледяных кристаллов поймал свечение и разбросал его холодными искорками. Это ветер был всему виной. Розенберг знал, что хнычущий ветер непрерывно дует через едкие слои атмосферы, но сам не ощущал его благодаря плотному пластигласу и радовался этой относительной изоляции.

Этот Марс был жестоким миром, страной холодных руин и всепоглощающей пустоты. Он разбивал сердца людей и высасывал жизнь из них — в нем не было тепла, дождей, океанов, доброты; только большое колесо звезд кружилась над пустыней тысячелетиями, и дни завывали от ветра, а морозные ночи звенели и стонали. Это был унылый мир потерь и тайн, где человек ел голод и пил жажду,

а потом растворялся в темноте навсегда. Люди продирались сквозь бесконечные мили, через одиночество и мягко подкрадывающийся страх, в холодном поту и судорожных вздохах, проклиная эту планету и оплакивая мертвых. Они хватались, как за соломинку, за теплоту и жизнь серых однообразных городов колонии. **ВСЕ В ПОРЯДКЕ, ПОКА ТЫ ПЫТАЕШЬСЯ САМ ЗАГОВОРИТЬ С ЭТИМИ «ПЕСОЧНИКАМИ» — НО КОГДА ОНИ ЧТО-ТО ГОВОРЯТ ТЕБЕ, ТО ЛУЧШЕ СРАЗУ УХОДИТЬ.**

Но все-таки... все-таки... Это медленное движение полярных лун, слабое кружение ветра; солнечный свет, разбивающийся на миллионы искр на обледенелых крышах; величественное раздвоенное Ущелье Расмуссена; фантастические скульптуры сказочных камней; бесчисленные оттенки цветов, молниеносно переходящие друг в друга, и мимолетные тени; высокая холодная ночь из звезд, загадочно мерцающих созвездий, марширующих по кристальному небу; тишина, которая кажется настолько глубокой, что чудится присутствие Бога во Вселенной; нежные дневные цветы лесов, восхищение, которое расцветает с горьковатым привкусом рассвета и умирает во время быстрого заката; путешествия и находки, редкие триумфы и частые поражения, но всегда поиск и крепкая дружба. О да, Марс был суров со своими любимцами, но отдавал им всю свою суровую красоту, и они не забывали этого всю жизнь.

МОЖЕТ БЫТЬ, СТИВ БЫЛ СЧАСТЛИВЧИКОМ, подумал Розенберг. ОН УМЕР ЗДЕСЬ.

Барни вел свой пескоход по острому краю уступа. На мгновение он остановился, глядя на широкую долину. Пару лет ему не приходилось посещать Сухой Каньон; то есть четыре земных года, если быть точным.

Город, наполовину скрытый под землей, под куполообразными крышами, казалось, внешне почти не изменился, но плантации удвоили его площадь. Инженеры-генетики проделали большую работу, приспособив земные съедобные растения к условиям Марса, а марсианские растения — для нужд человека. Колонии уже обрели самостоятельность, но доставка припасов и снаряжения с Земли обходилась слишком дорого. Пока еще никак не удавалось вывести мясной скот; эта часть рациона марсиан, вернее, ее заменитель, поступала с городских фабрик по выращиванию специальной дрожжевой культуры, и на планете

никто даже в глаза не видел настоящего бифштекса. НИЧЕГО, МЫ ПОЛУЧИМ ИХ ОЧЕНЬ СКОРО.

Истерзанный мир, горький, неумолимый и скупой, но его все-таки потихоньку удавалось приручить. Уже рождалось новое поколение. В эти дни не было новых иммигрантов с Земли, но человек, как ни странно, пускал здесь прочные корни. Когда-нибудь он начнет изменять атмосферу и управлять погодой, чтобы все могли свободно разгуливать по ржавым холмам, сбросив скафандры. Но чудя не случится, пока он, Розенберг, не умрет, и ему даже было радостно от этой мысли.

Перегретые насосы его машины гудели, пополняя баллоны с кислородом марсианским воздухом, необходимым для проголодавшегося дизеля, пока Барни вел пескоход по намеченной колее. Он слишком разрежен, этот воздух, но кислород был почти что озоном, и это помогало. Проезжая мимо ториевой шахты, Розенберг нахмурился. Существование ядерного сырья являлось основной причиной организации здесь колоний, в первую очередь, но их нужно было беречь для Марса.

ЧТО Ж, Я НА САМОМ ДЕЛЕ БОЛЬШЕ НЕ МАРСИАНИН. СКОРО МНЕ ПРЕДСТОИТ СНОВА СТАТЬ ЗЕМЛЯНИНОМ. ВАМ ПРИДЕТСЯ УМЕРЕТЬ НА МАРСЕ, ПОДОБНО СТИВУ, И ОТДАТЬ СВОЕ ТЕЛО ОБРАТНО МАРСИАНСКОЙ ЗЕМЛЕ, А ПОТОМ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ СДЕЛАЮТ ТО ЖЕ САМОЕ.

Колея, ведущая от шахты, стала широкой и достаточно утрамбованной, чтобы ее можно было назвать дорогой. Здесь были и другие машины, визжащие со всех сторон — груженный рудой танк; фермер, вывозящий урожай зерновых; геологическая экспедиция с множеством карт и образцов. Розенберг помахал рукой водителям. Они были разных национальностей, за исключением разве что Пилигримов, которые не относились ни к какой. Здесь все были просто люди. Розенберг надеялся, что ООН вскоре примет решение об интернационализации всех планет.

Невдалеке от города, на высоком столбе развевался флаг — застывшие Звезды и Полосы на фоне чужого неба. Он был сделан из металла, иначе нельзя в убийственной разъедающей атмосфере. Розенберг подумал, что его довольно часто приходится перекрашивать. Он проехал мимо по длинному спуску, ведущему под купол. Пришлось выстоять очередь около воздушного шлюза, и Барни кото-

рый раз спросил себя, нельзя ли было придумать лучшую систему консервации кислорода. Новые эксперименты в области субмолекулярной механики казались многообещающими.

Розенберг оставил свою машину в подземном гараже, сообщив сторожу, что ее позже заберет покупатель; потом погладил покрытые шрамами бока пескохода со странным выражением на лице, поднялся на лифте и по боковому тротуару вышел к гостиничному офису и заказал комнату. У Барни в запасе оставалось несколько дней до отлета «Фобоса». Душ и смена одежды вернули ему бодрое расположение духа, и он в полной мере насладился комфортом. Розенберг не имел особого желания посещать кооперативные таверны и места увеселений, а вместо этого позвонил Фиери.

Круглое лицо доктора уставилось на него с коммуникационной пластины.

— Барни, ах ты, старая песочница! Когда приехал?

— Только что. Можно мне подняться?

— Конечно! Я тут валяю дурака в офисе... Хотя я здесь не один, но этот человек долго не задержится. Поднимайся прямо сейчас.

Розенберг пошел уже знакомым маршрутом через залы, в которых копошились люди, и многочисленные лифты, и достиг, наконец, нужной двери. Он постучал; импорт Сухого Каньона и его собственные заводы нуждались в более срочных вещах, чем звонки и схемы рекордеров.

— Войдите! — загремел голос.

Розенберг шагнул в загроможденную вещами комнату, и ему с энтузиазмом пожали руку сам Фиери и маленький жесткий человек с серыми взъерошенными волосами и крючковатым носом. Гость остался стоять позади, тощая аскетичная фигура в черном — Пилигрим. Розенберг внутренне напрягся. Ему не нравились эти люди, пуритане-фанатики из времен, и Безумия, которые пришли на Марс, но и в свободе не нашли счастья. Барни не интересовало, какое вероисповедание у этого человека, но никто на планете не имел права такой обособленности и такого отрицания кооперации, как Новый Иерусалим. Однако Пилигрим вежливо пожал руку Барни, смакуя плохо скрытое отвращение — они к тому же были антисемитами.

— Это доктор Мортон,— объяснил Фиери.— Он услышал о моих исследованиях и приехал сюда, чтобы разузнать о них подробнее.

— Очень интересно,— сказал незнакомец.— И многообещающе. Это будет настоящее открытие для колонизации Марса.

— Хирургия и биологические лаборатории повсюду,— вставил Фиери. Он просто лопался от гордости.

— Что вы там придумали, док?— решил спросить Розенберг.

— Приостановленная жизнедеятельность,— ответил Фиери.

Барни хмыкнул.

— Да-да. Видишь ли, я в свободное время начал подробно знакомиться с марсианской биохимией. Довольно занятный предмет, и неземной в двух значениях этого слова. Мы никогда не имели ничего подобного дома — просто не было нужды. Гибернация и эстивация* приближаются к этому, конечно.

— М-м-м... да.— Розенберг потер подбородок.— Я понимаю, что вы имеете в виду. Любой поймет. Способ, по которому множество растений и животных, нуждающихся в тепле для их метаболизма, могут сворачиваться и ложиться в «спячку» в течение долгих холодных ночей или даже зим. Или они могут выживать таким образом в длительную засуху.— Барни ухмыльнулся.— Но здесь сравнение проблематично. По земным стандартам на Марсе постоянная засуха.

— Вы говорите, доктор Фиери, что местные обитатели также могут это делать?— спросил Мортон.

— Да. Даже они, имея высокоразвитую нервную систему, могут «засыпать» во время таких промежутков времени, когда наступает голод или холод. Я основываюсь на отдельных отчетах исследователей по данному вопросу. Осталось очень мало местных жителей, причем они очень скрытные и пугливые. Но в прошлом году я, наконец, посмотрел на одного из них в таком состоянии. Это было невероятно — дыхание почти неопределимо, сердцебиения не слышно, энцефалограмма показывает очень медленный,

* Замедление процессов обмена веществ в живом организме при помощи искусственного понижения температуры или применения некоторых ингибиторов. (Прим. перев.)

но устойчивый пульс. Но я взял образцы ткани и крови и проанализировал их, сравнивая с примерами других жизненных форм, находящихся в «подвешенном» состоянии.

— Я думал, что даже кровь у марсиан может замерзнуть в зимнюю ночь,— сказал Розенберг.

— Так и есть! Точка ее замерзания гораздо ниже, чем у человеческой крови, но не настолько низкая, чтобы она не могла замерзнуть совсем. Однако, когда приостановлены жизненные процессы, высвобождается целый ряд ферментов*. Один из них, растворенный в потоке крови, меняет характеристику плазмы. Когда формируются кристаллы льда, они БОЛЕЕ плотные, чем жидкость; таким образом стенки клеток не разрываются, и организм выживает. Более того, медленная циркуляция кислород-содержащих радикалов и питательных растворов имеет место даже во льду. Кажется, это немного напоминает процесс ионного обмена. Этого достаточно, чтобы сохранить организм живым и невредимым. Теплота и удовлетворительная температура вызывают разрушение этих секретов, и растение (или животное) оживает. В случае приостановки жизнедеятельности для избежания голода и жажды, процесс немного иной, конечно, хотя в него включены те же основные энзимы.

Фиери торжествующе рассмеялся и хлопнул папкой с бумагами по столу.

— Вот все мои записи. Работа пока не завершена, и я не готов к тому, чтобы ее опубликовать, но осталось только уточнить некоторые детали, и...

В глазах доктора заблестела Нобелевская премия.

Мортон пробежал глазами рукопись.

— ОЧЕНЬ интересно,— бубнил он. Серая голова склонилась над формулами.— Физическая химия этого материала, должно быть, просто фантастическая.

— Да, Мортон, именно так,— довольно ухмыльнулся Фиери.

— Хм-м-м, не возражаете, если я возьму эту рукопись на время — почитать? Как я упоминал ранее, мне кажется, что моя лаборатория в Новом Иерусалиме может выполнить для вас кое-какие анализы.

— Это было бы чудесно. Скажите конкретно, что вас

* Биологические катализаторы. (Прим. перев.)

интересует, и я изложу всю эту путаницу более кратко. К завтрашнему дню будет готово.

— Спасибо.— Мортон улыбнулся, но как-то вымученно.— Я ручаюсь, это будет настоящий сюрприз... Вы уже рассказывали кому-нибудь о своем открытии?

— О, я уже упоминал о нем, конечно, но технические подробности пока известны только вам. Все слишком заняты своей собственной работой на Марсе. Но это опять повернет их внимание к Земле! Ведь много лет, вдохновленные сказкой о Спящей Красавице, люди искали нечто подобное — и вот первый способ осуществить мечту.

— Мне тоже хотелось бы почитать это, док,— сказал Розенберг.

— Вы что, биохимик? — с неприязнью спросил Мортон.

— Что ж, можно сказать, я достаточно знаю химию и биологию, чтобы в этом разобраться, и имею свободное время для ознакомления с этим, пока не стартует мой корабль.

— Конечно, Барни,— широко улыбнулся Фиери.— Не окажешь ли мне любезность попутно? Когда приедешь домой, расскажешь обо всем старику Саммерсу — из Кембриджа, да-да, в Англии — он выдающийся биохимик, и всегда говорил, что я один из самых одаренных его учеников. А ведь он предупреждал, что мне не следует переключаться на медицину. Я, правда, всегда был негодным малым, ха-ха-ха! Но черт побери, не каждый может разрабатывать нечто подобное!

Бледные глаза Мортон остановились на Барни.

— Значит, вы возвращаетесь на Землю? — спросил он.

— Да. На «Фобосе».— Он почувствовал, что должен объяснить Пилигриму причину отъезда, чтобы тот не рассматривал это как побег.— В основном по предписанию врача. Мой шлем в прошлом году треснул при падении, и прежде чем я смог наложить заплату, успел заполучить кессонную болезнь, плюс низкое давление, простуду и отек легких.— Розенберг пожал плечами и криво улыбнулся.— Я полагаю, мне просто повезло, что я выжил. По крайней мере, у меня достаточно средств для возвращения и пенсии. К сожалению, мой организм уже не пригоден для работы на Марсе, и... это не то место, где можно празднично проводить время и остаться при этом в здравом рассудке.

— Я понимаю. Вполне с вами согласен. Когда вы будете на Земле?

— Через пару месяцев. «Фобос» идет почти все время по орбите... где вряд ли можно воспользоваться ускоренным маршрутом.— Розенберг повернулся к Фиери.— Док, кто-нибудь из наших едет в этот раз?

— Боюсь, что нет. Наши люди умирают на Марсе первыми; мало кто возвращается домой. Ты один из счастливых.

— Значит, это будет путешествие в одиночестве. Что ж, я полагаю, мне под силу выдержать его.

Мортон раскланялся и ушел. Фиери посмотрел ему вслед.

— Станный тип. Но они, Пилигримы, все такие. Отрицают все и вся. Однако он знающий человек, и я рад, что его лаборатория поможет мне с исследованиями.— Фиери похлопал Розенберга по плечу.— Забудь обо всем, старина! Выше нос, и пойдем выпьем пивка вместе со мной. Когда растянешься на теплом белом песке Флориды, под голубым небом, у голубого моря, в окружении ослепительных блондинок, я клянусь, ты не будешь скучать по Марсу.

— Может быть.— Розенберг выглядел совершенно несчастным.— Я никак не могу прийти в себя после смерти Стефа. Я не понимал, как много он значил для меня, пока не похоронил его и не уехал один.

— Он много значил для всех нас, Барни. Стеф был одним из тех людей, которые, кажется, наполняют весь мир своим жизнелюбием, где бы они ни находились. Смотри — ему было около шестидесяти, когда он умер, не так ли? Я видел его незадолго до этого, и клянусь, он мог выпить больше, чем любой из нас, и быть как стеклышко. А все девчонки до сих пор сходят по нему с ума.

— Да... Он мой лучший друг. Мы протоптали пешком всю землю и еще многие планеты; пятнадцать лет вместе.— Розенберг улыбнулся.— Забавная вещь дружба. Мы со Стефом даже не разговаривали по душам. В этом не было необходимости. Последние пять лет без него казались мне такими пустыми...

— Он погиб, когда осела горная порода?

— Да. Мы проводили исследования поблизости от Зубьев Пилы, искали урановую жилу. Наш участок раскололся, и Стеф плечами удерживал падающую крышу...

потом закричал мне, чтобы я выбирался наружу. Но до того, как он сам смог освободиться, крыша осела и расколола его шлем. Я похоронил его на горе, под пирамидой из камней, с видом на пустыню. Он всегда любил возвышенности.

— М-м-м... м-да. Что ж, воспоминания о Стефене Ростомии не могут помочь сейчас ни ему, ни нам. Пойдем все-таки, я угощу тебя пивом.

IV

Пронзительный звон в голове со свирепой силой привел Роберта Нэйсмита в полное сознание. Его рука резко дернулась, и кисть провела желтую линию на картине.

— Нэйсмит! — Грубый голос ворвался в его уединение. — Явиться к Аббату, Фриско-юнит. Срочно. Мартин Доннер исчез, предположительно, он мертв. Теперь тебе нужно выполнять его работу. Не подкачай, парень.

Некоторое время Нэйсмит стоял, вспоминая. Он никогда не встречал человека по фамилии Доннер. Но потом... да, это было в том самом перечне; Доннер входил в состав Братства. А теперь он мертв.

Мертв... Нэйсмит никогда не знал о Мартине Доннере, хотя предполагалось, что ему теперь известны о нем самые интимные подробности, что не было осуществимо до прихода Братьев. В мозгу Роберта ясно возникло изображение погибшего человека, который улыбался медленной улыбкой, развываясь в релаксере, зажав стакан скотча в руке короткими крепкими пальцами. Братья все были неравнодушны к скотчу, подумал Нэйсмит с непонятной печалью. Кроме того, Доннер любил механический волейбол, много читал, играл в шахматы и даже цитировал Шекспира; умел чинить разное оборудование, может быть, даже имел коллекцию ружей...

Мертв... Валяется где-то на планете; мускулы одеревенели, тело уже разлагается; мозг убит, захваченный вечной темнотой, и осталась прореха в тесных рядах Братства.

— Ты можешь по дороге послушать последние известия,— раздался в голове Нэйсмита дружелюбный голос.— Это будет полезно.

Глаза Роберта сосредоточились на картине. Она получилась неплохой. Нэйсмит экспериментировал с разными стилями, а это последнее полотно смогло отобразить широкую полосу зажженного солнцем великолепия на побережье Калифорнии; огромные волны с кремовыми гребнями, горячее безоблачное небо и тонкие сухие травинки... смуглая женщина лежит на белом песке. Почему они оторвали его от любимого дела именно сейчас?

— Хорошо, Софи,— сказал Нэйсмит покорно.— Вот и все. Я должен возвращаться.

Загорелая женщина приподнялась на локте и недовольно посмотрела на него.

— Какого дьявола? — спросила она.— Мы были вместе всего три часа. День только начинается.

— Это уже далеко зашло. Я боюсь.— Нэйсмит отложил в сторону кисти.— Домой... к цивилизации.

— Но я не хочу!..

— Что ты можешь с этим поделать? — Он сложил мольберт.

— Но почему? — В голосе женщины появились плаксивые нотки; она готова была вскочить на ноги.

— В полдень я получил назначение.— Нэйсмит зашагал по мокрому песку, ступая по следам. Через минуту Софи догнала его.

— Ты ничего не говорил об этом,— запротестовала она.

— А ты и не спрашивала,— парировал Роберт и добавил короткое «извини», которое можно было отнести к чему угодно.

На побережье отдыхало мало людей, и место парковки пока еще оставалось свободным. Нэйсмит приложил ладонь к дверце своего флаера, и она гостеприимно распахнулась перед ним. Он надел свитер, джинсы и сандалии, щегольски нацепил берет на выгоревшие желтоватые волосы и вошел внутрь. Софи пошла следом, не заботясь о том, чтобы надеть что-нибудь на себя.

Корабль яйцевидной формы мягко заскользил в небе.

— Я высажу тебя около твоего дома,— сказал Нэйсмит.— Когда-нибудь в другой раз увидимся, ладно?

Софи продолжала угрюмо молчать. Они встретились случайно неделю назад, в баре. Нэйсмит официально представлялся кибернетиком-эпистемологом, находящимся в отпуске. Она работала инженером в проекте Колонии «Пасифик»; приехала отдохнуть на выходные и побыть вдали от своей группы свободного брака. Интерлюдия была приятной, и Нэйсмит даже немного пожалел о том, что уезжает.

Вдруг... Внезапный импульс заставил его подобраться, как перед прыжком, и смысл остатки творческой отрешенности. Ты живешь в Службе, как на острие ножа, ты дышишь, смотришь на солнце и цепляешься за реальный мир с отчаянным сознанием вечной нехватки времени. Никто из Братства не принадлежал к гедонистам, они были слишком уравновешенными для этого; но неизбежно становились эпикурейцами.

Когда тебя тренируют с... да, с самого рождения, то даже угроза возможной смерти становится чем-то вроде опасного удовольствия. *Кроме того*, подумал Нэйсмит, *я могу оказаться в рядах выживших.*

— Ты просто крыса... предатель,— сказала Софи.

— Пи-пи...— запищал Нэйсмит. Его лицо — странное и сильное, со светлыми ровными бровями, широко расставленными голубыми глазами, высокими скулами, квадратной челюстью и выступающим носом с горбинкой — казалось, разделилось на две части; одна хохотала вместе с Софи, а другая над ней. Роберт выглядел старше своих двадцати пяти лет. А она, подумала Софи с ощущением внезапной усталости, казалась моложе своих сорока. Ее народ удачно пережил Годы Голода, а она сама всегда использовала лучшие биомедицинские технологии. Когда она заявляла, что ей тридцать, немногие могли усомниться в этом. Но...

Нэйсмит включил радио. Наконец раздался негромкий голос, и он решил не настраивать телевизор.

— ...Президент Лопес пообещал провести подробное расследование, которого требует министр финансов Арнольд Бессер. В подготовленном заявлении говорится: «Все остальные министры, наряду со мной, намерены открыто доказать, что обвинение ложно, и мы надеемся, что китайское правительство ошибается. Однако серьезного внимания заслуживает...

— Лопес? Но это сам президент ООН,— пробормотал Нэйсмит.— Значит, обвинение было выдвинуто официально.

— Какое обвинение? — спросила женщина.— Я целую неделю не слушала новостей.

— Китайское правительство собирается предъявить обвинение в том, что предательское убийство Кванг-ти было совершено агентами ООН,— сказал Нэйсмит.

— Но это же смешно! — воскликнула Софи.— ООН? — Она покачала темноволосой головой.— Они не имели... права. Я имею в виду агентов ООН. Кванг-ти представлял собой определенную угрозу, но... убийство! Я не верю этому.

— Ты только подумай об антиооновских фракциях по всей Солнечной системе, включая наших собственных американистов. Что они могут раздуть из всего этого,— задумчиво сказал Нэйсмит.— Сразу после обвинений в коррупции еще и убийство!

— Выключи радио,— зябко поежилась Софи,— это слишком ужасно.

— Настали ужасные времена, Софи.

— А я-то думала, что жизнь становится лучше.— Женщина содрогнулась.— Я помню, когда кончились Годы Голода, потом эти жуткие Годы Безумия, Социалистической депрессии — голодающие люди в лохмотьях, кожа да кости — и мятежи, марширующие люди в униформах, огромные кратеры... Нет! ООН похожа на дамбу, которая удерживает весь этот ад. Ее нельзя разрушить!

Нэйсмит поставил корабль на автоматику и обнял женщину. В конце концов, любой человек, проявляющий лояльность к ООН, заслуживает внимания.

Особенно принимая во внимание тот факт, что подозрения китайцев абсолютно верны.

Он высадил Софи около ее дома, маленького стандартного здания в одной из колоний, и дал туманное обещание встретиться с ней снова. Потом Нэйсмит опять включил двигатели и понесся на полном ходу к северу, по направлению к Фриско-юнит.

Вокруг огромного здания было полно транспорта, и Автопилот некоторое время не мог приземлиться. Нэйсмит надел плащ поверх своего костюма и полумаску. Последняя служила данью скорее конспирации, чем вежливости. Он не думал, что за ним следят, но никогда нельзя быть уверенным до конца. Служба Американской Безопасности чертовски эффективна.

Надо отдать должное, сардонически усмехнулся про себя Нэйсмит, современная американская политика научилась плести паутину. Официально правительство именovalo себя Трудовым и проооновским, но постепенно уходило во власть своих социодинамиков, которые были в фаворе у мировой федерации. Однако консерваторы всех мастей, от мягких социалистов-республиканцев до крайне правых Американистов, имели достаточно мест в Конгрессе и солидную власть в целом, чтобы оказывать потенциальное влияние на ход событий. В числе всего прочего консервативная коалиция предотвратила упразднение Департамента Безопасности, а его шеф Хесслинг, поговаривали, симпатизирует американистам. Значит, здесь полно людей из Безопасности, которые шпионят за «иностранными агентами» — подразумевая, что большинство из них ооновцы.

Фурье, конечно, имел своих доверенных людей в Американской Безопасности. Это в значительной степени оказалось возможно благодаря тому, что американские Братья снабжались фальшивыми идентификационными документами, а все, что касалось самого Братства, хранилось в строжайшей тайне. Но когда-нибудь, подумал Нэйсмит, эта история выплывет наружу... и небо упадет на землю.

Таким узким и острым было лезвие ножа, таким глубоким казался мрак хаоса и разрушения вокруг — Общество сошло с ума, человечество превратилось в расу безумцев, а те немногие, кто пытались создать хоть какую-то стабильность, били из пушки по воробьям. *Софи была права: ООН похожа на плотину, останавливающую море радиоактивной крови в нескольких шагах от жилья человека. А я, подумал Нэйсмит с кислой улыбкой, напоминая маленького мальчика, затыкающего дырку в плотине пальцем.*

Его флаер приземлился на нижнем склоне и въехал в гулкое подземелье гаража. Нэйсмит не осмелился приземлиться прямо у апартаментов Аббата. Механик закрепил машину, дал ему квитанцию и показал дорогу к лифту. Экспресс быстро промчал его мимо нижних уровней, где располагались магазины, офисы, различные службы, образовательные учреждения и места развлечений, к жилым этажам. Нэйсмит подождал на остановке. Никто ни с кем не разговаривал; привычка к уединенности уже просто укоренилась в людях. Сейчас он был даже рад этому.

На сто седьмом этаже, где жил Аббат, Нэйсмит шагнул в проход, ведущий на восток, но на втором повороте изменил направление на северное, и миновал еще с полмили, после чего, наконец, вошел в нужную нишу. Резиновый пол поглощал малейшие удары и стук шагов; Нэйсмит нашел выемку и нажал дверную кнопку. Механический голос ответил:

— Мне очень жаль, но господина Аббата сейчас нет дома. Хотите оставить сообщение?

— Заткнись ипусти меня,— сказал Нэйсмит.

Пароль привел в действие дверь, которая бесшумно открылась. Нэйсмит вошел в вестибюль, обставленный простой мебелью. Из устройства внутренней связи раздался голос Аббата:

— Нэйсмит?

— Он самый.

— Тогда заходи в гостиную.

Роберт повесил свой плащ и маску, выскользнул из сандалий и мягко зашагал в холл. Пол под босыми ногами показался ему теплым и упругим, как живая плоть. За следующей дверью, распахнувшейся так же бесшумно, находилась гостиная, тоже носившая отпечаток холостяцкой квартиры. Аббат был по натуре одиноким волком, не принадлежа ни к клубам, ни к самым ненавязчивым группам свободных браков. Официальное занятие Аббата называлось «Семантический анализ больших торговых компаний»; такая работа давала ему кучу свободного времени для деятельности в ООН, плюс прекрасную возможность путешествовать по всей Солнечной системе.

Глаза Нэйсмита скользнули по черному лицу негра, его товарища — Аббат не относился к Братьям, хотя знал об их существовании — и остановились на человеке, лежавшем в релаксере.

— Так это *вы*, шеф? — присвистнул он. — Тогда дело действительно серьезное.

— Сними эту одежду и возьми что-нибудь поярче, — посоветовал Аббат, помахав неопределенно рукой в сторону релаксера. — Я пока попытаюсь приготовить скотч.

— Какого дьявола все Братство пьет только скотч? — проворчал Этьен Фурье. — Это съедает половину моего бюджета. Когда же вы, наконец, выпьете все его запасы за наше процветание!

Старик был квадратным, мощным и приземистым; в его восемьдесят лет в нем, казалось, было больше жизни, чем в некоторых юнцах. Маленькие черные глаза поблескивали на лице, словно высеченном из древней, изрытой временем, скалы; из косматой груди раздавался грохочущий бас, французский акцент был едва заметен. Гериатрике нечего было делать с жизнелюбием, таящимся в теле Фурье, словно сжатая пружина. Но к этому добавлялся целый арсенал диет, упражнений, химии, которые нужно было применять с рождения для достижения максимального эффекта. Но молодость старика превзошла самые смелые научные прогнозы. *Он всех нас переживет*, подумал Нэй-смит.

Во всем облике Этьена Фурье угадывалось что-то фанатичное. Он был ребенком во время войны, безжалостность которой стала символом самого понятия «война». Подростком Фурье вступил в ряды французского Сопротивления во время Второй мировой войны. Позднее он получил повышение и стал связным европейского подполья, самостоятельно предпринимая вылазки на оккупированные опустошенные земли. Фурье боролся вместе с либералами против неофашистов в Годы Голода и вместе с жандармерией против атомщиков в Годы Безумия. Бок о бок с войсками ООН Фурье сражался на Ближнем Востоке, где шпионская система стала основным фактором подавления Великого Джихада. Он взял на себя руководство отделением секретных служб Инспектората ООН после конференции в Рио, пересмотревшей устав организации, и потихоньку организовал переворот, свергнувший антиооновское правительство в Аргентине. Позже этот человек приложил руку к мощеннической революции Кванг-ти в республике Монголия, покончив со схемой захвата власти изнутри. И наконец, Фурье был главным виновником

убийства китайского диктатора. Идея Братства с самого начала принадлежала ему; оно стало его детищем и основным инструментом.

Такой человек, подумал Нэйсмит, когда-то давно мог стоять у истоков Инквизиции, маршировать вместе с Кроу-лелем и вести гражданскую войну в Ирландии; помогать распространению коммунизма в мировом масштабе, — религиозный, как ни странно, человек, несмотря на свой насмешливый атеизм, живое воплощение меча, жаждущего крови. *Спасибо, Господи, что он на нашей стороне!*

— Ладно, перейдем к делу. Рассказывайте, — произнес ооновец.

— Сколько лет ты работаешь на Службу? — начал Фурье издали.

— Около года. Шумахер и я исследовали «АРБАЙТ-СПАРТАЙ» в Германии. Остальные немецкие Братья были заняты в австрийском деле, вы помните? А я хорошо знал язык, поэтому мог сойти за рейнца, когда находился в Пруссии.

— Да, припоминаю. Ты очень долго находился не у дел, дружок. — Фурье взял стакан вина, предложенный Аббатом, отпил глоток и скривился. — *Merde!* Когда ты прекратишь экспериментировать?

Обратившись снова к Нэйсмицу, старик продолжал:

— Мне нужно созвать все Братство. Придется быстро возвращаться в Рио; дьявола выпустили на свободу, это все из-за этих китайских обвинений. Я буду рад, если удастся спасти наши шкуры. Но сначала я проверил, как идут дела в Северной Америке, и приказал людям быть наготове. Я уверен почти на сто процентов, что руководство нашего противника находится в Рио, — может быть, здесь замешан Бессер, уже предпринявший меры предосторожности против покушения. Ничего хорошего не будет, если мы убьем его — на его место встанет кто-то другой. В любом случае, Соединенные Штаты в настоящее время вплотную занялись антиооновской деятельностью. Захват Доннера означает ухудшение ситуации. Аббат с ним связывался и говорит, что он был ближе к раскрытию штаб-квартиры противника на континенте, чем другие оперативники. Теперь Доннера нет, и Аббат рекомендует тебе продолжить начатое им дело.

— Какое именно?

— Я расскажу о нем позже. Доннер числился инженером. Ты ведь кибер-аналитик, разве не так?

— Официально, да, — согласился Нэйсмит. — Я получил степень по эпистемологии и теории коммуникаций, предполагалось, что я буду работать консультантом по базовым теориям. Устранение неполадок в королевстве идей. — Он усмехнулся. — Когда я застряну, то обращусь, наверное, к Аббату.

— О, конечно. Ты, наверное, получил к тому же образование лингвиста? Прекрасно. Пойми, я выбрал тебя не из-за определенной профессии, а скорее, благодаря оооновской специализации. Ты уже слишком взрослый, чтобы проходить синтез-обучение. Некоторые из молодых Братьев подвергаются ему, конечно. Есть один паренек в Мехико, Петер Кристиан, Аббат даст тебе номер его телефона на крайний случай.

Как бы то ни было, я хочу сказать, что эпистемолог или семантик наиболее близок к интегрированному ученому. При твоём знании языка, прихологии и общих научных дисциплин тебе все же требуется подготовка для извлечения информации и ее анализа. Я не знаю... — Фурье зажег сигарету и свирепо выдохнул дым.

— Что ж, я готов начать хоть сегодня. Я уже взял бессрочный отпуск по основному месту работы, — сказал Нэйсмит. — Но что вы хотели рассказать о Доннере? Как далеко он продвинулся, что с ним случилось, и все такое прочее?

— Кое-что я тебе расскажу, потому что это необходимо, — произнес Аббат. — Мартин Доннер официально был жителем Канады, и там, как я слышал, получил степень инженера-механика. Около четырех лет назад мы получили намек на то, что о нем пронюхали агенты противника, поэтому Доннера пришлось перебросить в Штаты, придумать для него личность американца и так далее. Недавно ему поручили слежку за американистами. Путь был совершенно простой: получение работы в «Брейн Тулз Инк.», где, как известно, полно членов этой партии. Он не должен был пытаться разрушать ее изнутри — этим уже занимались наши люди, — а просто разузнать ситуацию, собрать данные, найти определенного человека и накачать его «вакциной правды». — Нэйсмит не стал спрашивать, что стало бы с жертвой; борьба велась безжалостно, причем на карту была поставлена вся история

человечества.— Так Доннер получил информацию о конспиративной штаб-квартире на Среднем Западе и пошел туда. Она располагалась в одном из огромных зданий в штате Иллинойс. Мартин вошел внутрь... и исчез. Это произошло почти две недели назад.— Аббат пожал плечами.— Мартин, скорее всего, давно мертв. Если не они убили его, значит, он сам нашел способ покончить с собой.

— Вы можете предоставить мне досье на то, что Доннер изучал и что сообщал вам? — спросил Нэйсмит.

— Да, конечно, хотя я не думаю, что это как-то поможет.— Аббат равнодушно посмотрел на свой стакан.— Все будет зависеть от тебя самого. Мне не нужно напоминать тебе, что не рекомендуется рассекречивать себя убийствами, тем более что у Службы сейчас неважная репутация. Лучше не оставлять следов. Во-первых, для начала тебе нужно поближе познакомиться с семьей Доннера. Видишь ли, он был женат.

— Что?!

— Я не имею в виду свободный, групповой брак, юридический брак и так далее,— нетерпеливо рявкнул Аббат.— Я говорю о БРАКЕ в старом стиле. Как раньше. С одним ребенком.

— Хм-м... Это не очень хорошо, не так ли?

— Да. Ооновцам действительно ни к чему такие узы, а уж в особенности тем, кто состоит в Братстве. Однако... Ты уже понял трудность, не так ли? *Если бы* Доннер остался жив каким-то образом, а шайка напала бы на его след и схватила его жену и детей... Он раскололся бы тут же. Ни один здравомыслящий человек не остается равнодушным к судьбе семьи.

— Что ж, я полагаю, вы снабдили Доннера среднезападными идентификаторами.

— Разумеется. Или же он использовал один из тех, что мы уже установили сами — фамилия, отпечатки пальцев, данные, зарегистрированные в Центральном офисе Среднего Запада. Хвала Аллаху, у нас есть друзья в регистрационном бюро! Но с Доннером дела обстоят плохо. В предыдущих случаях, когда мы теряли Брата, то могли вернуть труп, или по крайней мере, быть уверены, что он гарантированно уничтожен. А теперь у врага есть тело Брата целиком, готовое к снятию отпечатков пальцев, установлению группы крови, сетчатки глаза, измерениям Бертильона, аутопсии, и тому подобного. Нужно предпо-

лагать, что они проверяют комплект физических данных в идентификационном офисе каждой страны. А когда обнаружат аналогичные под различными именами и номерами в каждом файле,— все полетит к черту.

— На это потребуется определенное время, конечно,— сказал Фурье.— Мы запустим двойные комплекты на тех людей, которые не принадлежат к Братьям; это причинит им дополнительные хлопоты. Кроме того, они не смогут определить, какой комплект данных принадлежит реальной личности Доннера.

Нэйсмит невольно усмехнулся. «Реальная личность» — это термин, несовместимый с Братством. Однако...

— Тем не менее,— продолжал Фурье,— в каждой стране будет проведено расследование— это касается Земли, Луны и некоторых других планет. Братство должно уйти в подполье, хотя бы здесь. И в тот момент, когда я должен бороться за свою Службу, мне опять нужно уезжать в Рио!

Они подбираются все ближе и ближе. Где-то в подсознании мы всегда понимали, что этот день однажды наступит, и вот он наступил...

— Даже при условии, что Доннер мертв, что наиболее вероятно,— сказал Аббат,— его вдова остается ценной добычей для банды. Вероятно, она знает очень мало о своем супруге и его деятельности в Службе, но, без сомнения, хранит массу информации в своем подсознании — лица, обрывки фраз, возможно, даже точные даты, когда Доннер отсутствовал дома. Искусный следователь без труда выудит все эти сведения, а ты ведь знаешь — некоторые из них являются нашими самыми сокровенными тайнами.

— А вы не пытались ее похитить? — спросил Нэйсмит.

— Это невозможно,— ответил Аббат.— Мы послали специального агента, чтобы он предупредил ее об опасности и посоветовал уйти вместе с ним. Она отказалась наотрез. В конце концов, как мы можем быть уверены в том, что наш агент надежен? Более того, она предприняла несколько очень разумных мер предосторожности, а именно, предупредила местную полицию, оставила записку в своем банковском сейфе, который следовало открыть в случае ее внезапного исчезновения, и так далее, и тому подобное. Это создало дополнительные трудности; увезти ее насильно для нас теперь фактически невозможно. При данном положении дел нам не удастся избежать огласки.

Все, что мы могли сделать — это поставить пару людей для наблюдения за ней, но на следующий же день одного из них взяли полицейские, и нам, черт возьми, пришлось заниматься еще и этой проблемой.

— А у нее твердый характер, — заметил Нэйсмит.

— Даже чересчур, — согласился Аббат. — Что ж, теперь ты уже знаешь свое первое поручение. Сделай так, чтобы она пошла с тобой добровольно, спрячь ее где-нибудь вместе с ребенком, а потом сам уйди в подполье. Во всяком случае, это более или менее в твоём стиле, парень.

— Но как я смогу убедить ее...

— Разве не ясно? — огрызнулся Фурье.

Яснее ясного. Нэйсмит скривился.

— За кого вы меня принимаете? — слабо запротестовал он. — Разве не достаточно, что я совершал для вас грабежи и убийства?

VI

Брайхэм Сити в штате Юта официально не был колонией; он существовал задолго до послевоенных переселений. Но городок всегда оставался симпатичным, и на сегодняшний день успел приобрести черты современной планировки и архитектуры. Нэйсмит раньше не бывал здесь, но чувствовал, как сердце его наполняется теплотой к этому месту — *так же, как и у Доннера, который теперь мертв.*

Он запустил все двигатели и своей привычной скоростью понесся над шоссе. Под высоким ясным небом широко раскинулись зеленые сады и холмы, величественный оазис, созданный руками человека в заброшенной пустыне. Они шли через бесконечные мили дикости и безлюдья, эти люди из другого времени, с трудом продвигаясь в пыли, на своих дребезжащих разбитых фургонах, немилосердно трясущихся по ухабам, к далекой Земле Обетованной. А он сегодня, восседая на мягком полиуретановом сиденье, в металлической оболочке, с завыванием летящей со скоростью тысяча миль в час, так что ветер свистит в ушах, спасается от преследователей.

Когда Нэйсмит пересек радиолуч, его проверил местный транспортный контроль. Он попытался расслабиться, насколько это было возможно, нервно закуривая сигарету, пока автопилот вел машину на снижение. Когда судно опустилось над боковой аллеей, он надел на голову защитную маску и снова перешел на ручное управление.

Строения внизу уютно примостились в окружении живописных лужаек и деревьев, — низенькие, наполовину ушедшие в землю домики для небольших семей. Мужчины и женщины, некоторые в рабочей одежде, копошились около них; но фигурок детей было больше — бесчисленные яркие пятнышки, смех и радостные крики. Это показалось Нэйсмиту не совсем типичным явлением. Он подумал, что это, скорее всего, влияние мормонов. Свободные браки и все с ними связанное никогда не были особенно популярны в Юте. Большинство фруктовых плантаций до сих пор оставались собственностью небольших землевладельцев, прибегавших к кооперации, чтобы не отстать от гигантских сельскохозяйственных комбинатов, управляемых правительством. Но тем не менее значительное число мужчин и женщин ездили на работу за пределы города — например, рабочие, занятые в проекте Колонии «Пасифик».

Нэйсмит просмотрел досье на Доннера, составленное Аббатом, пропуская несущественные детали. Братья всегда были доступны друг для друга, но за пределами своего узкого круга они так же ревниво охраняли свою особенность, как и все остальные. Было ясно, однако, что Дженни Доннер работала на дому, в качестве лингвиста-семантика, дающего консультации по почте, — проверка рукописей различного характера, и так далее — и при этом уделяла слишком много внимания своему мужу и ребенку.

Нэйсмит почувствовал холодок внутри.

Вот и нужный адрес. Он тихо остановил свою машину и пошел к домику. Его строгие современные линии и изгибы смягчались ярким светом утреннего солнца и тенистыми деревьями, нежно шелестевшими на ветру. Без сомнения, это была работа Дженни; сам Доннер, кажется, терпеть не мог садоводство.

Нэйсмит инстинктивно оглянулся вокруг в поисках наблюдателя, назначенного Аббатом. Никого подозрительного не было поблизости. Но он мог с виду вовсе не походить на профессионального сыщика; скорее всего, это

какой-нибудь старик в патриархальном стиле, с окладистой седой бородой, гуляющий по тротуару; или мальчик-посыльный, гоняющий по улицам на своем велосипеде; или даже маленькая девочка, прыгающая через скакалку в парке напротив. Дело в том, что этот наблюдатель мог выглядеть как угодно: в биологических лабораториях порой происходили очень странные вещи, а Фурье создал собственные секретные мастерские...

Дверь была прямо перед ним, скрытая маленьким портиком, увитым виноградом. Нэйсмит нажал на кнопку звонка, и механический голос ответил, что никого нет дома. Без сомнения, это была ложь, но... *Бедный ребенок! Бедная девочка, спрятавшаяся здесь в страхе перед ночью, поглотившей ее мужа — она все еще ждет его возвращения... Возвращения мертвого человека.* Нэйсмит покачал головой, проглотив комок горечи, и заговорил в микрофон:

— Привет, милая, почему это ты такая негостеприимная?

Должно быть, она сразу же включила воспроизведение, потому что дверь распахнулась через минуту. Шагнув в вестибюль, Нэйсмит оказался в ее объятиях.

— Марти, Марти, Марти! — Дженни плакала и смеялась, то хватала его за руки, то тянулась к его лицу. Длинные черные волосы падали ей прямо на глаза, заблестевшие от радости.— О, Марти, сними эту проклятую маску! Я так долго тебя не видела...

Она была среднего роста, тоненькая и гибкая; лицо казалось решительным, несмотря на мелкие черты, а выразительные черные глаза слегка косили, что придавало женщине необъяснимое очарование. Дрожащий голос Дженни и волнующее прикосновение ее тела внезапно заставили Нэйсмита почувствовать свое собственное одиночество и опустошенность. Он поднял маску, позволил шлему с глухим стуком упасть на пол и жадно поцеловал женщину. *Черт возьми, подумал он свирепо, Доннер когда-то оказался умнее и удачливее меня! Но так и должно было быть, разве нет?*

— У нас нет времени, дорогая,— быстро заговорил Нэйсмит, отстраняясь от Дженни, которая нежно гладила его по голове.— Возьми кое-что из одежды, маску — и для Джимми, конечно, тоже. Можешь ничего не упаковывать. Просто позвони в полицию и предупреди, что уезжаешь по

собственному желанию. Мы должны побыстрее убираться отсюда.

Она отошла на несколько шагов, удивленно посмотрела на Нэйсмита и прошептала:

— Что случилось, Марти?

— Быстрее, я сказал! — Он метнулся мимо нее в гостиную. — Я объясню все позже.

Дженни нерешительно кивнула и ушла в одну из спален. Склонившись над детской кроваткой, она бережно взяла на руки маленькую спящую фигурку. Нэйсмит закурил еще одну сигарету, обшаривая глазами комнату.

Это был совершенно обычный дом, стандартного изготовления, но Мартин Доннер, его другое «Я», безвозвратно ушедший в темноту, оставил на нем отпечаток своей личности. Здесь не было никаких безликих массовых предметов мебели, характерных для современных людей, привыкших переезжать с места на место. Это был дом, в котором обитатели собирались остаться надолго. Нэйсмит вспомнил о бесконечной череде одинаковых комнат и гостиничных номеров, из которых складывалась его жизнь, и ему захотелось завывать от тоски.

Да... здесь все сделано так, как следует. Доннер, вероятно, сам смастерил этот камин, не столько по необходимости, сколько ради того, чтобы каждый вечер смотреть на веселое мерцание горящих поленьев. Над камином висел старинный мушкет; на полке рядом стояли мраморные старинные часы, латунные канделябры и светящийся обломок лунного кристалла. Стол из красного дерева представлял собой настоящий анахронизм среди предметов, способствующих отдыху и расслаблению. На стенах висело несколько анимационных пленок, пара репродукций — пейзаж Констебля, эскизы Рембрандта и несколько гравюр. В комнате находился дорогостоящий музыкальный центр с огромным количеством проводов. На книжных полках хранилось множество микропринтных роликов, но имелись также солидные тома старого образца, тщательно обернутые. Нэйсмит невольно улыбнулся, когда его взгляд наткнулся на зачитанный до дыр томик Шекспира.

Чету Доннеров нельзя было отнести к категории людей, живущих в прошлом, но они все-таки имели свои корни и дорожили ими. Нэйсмит вздохнул, вспомнив свою антропологию. Западное общество основывалось на семье как экономической и социальной единице; но первая составляю-

щая ушла вместе с развитием технологий, а вторая постепенно утратила свое значение в ходе войны и послевоенных переворотов. Современная жизнь стала безликой. Браки — постоянные браки — заключались тогда, когда обе стороны уже уставали от поисков, и представляли собой в лучшем случае контракт, развязывающий руки обоим супругам; ясли, школа, система развлечений сделали детей почти неощутимой частью домашнего быта. Все это не могло не отразиться на самом человеке. Из творения природы, обладающего способностью к сильным и глубоким эмоциям, из личности, которая приобрела комплексный характер благодаря взаимодействию со своим окружением и собственному «я», западный человек превращался в нечто, напоминавшее старых аборигенов Самоа; ненавязчивая, но крепкая и тесная дружба и романтическая любовь уходили в прошлое. Нельзя было сказать однозначно, хорошо это или плохо, но Нэйсмит спрашивал себя, куда придет общество при таком положении дел.

Но разве можно что-либо изменить? Возврата к прошлому уже быть не может; нельзя поддерживать жизнь нынешнего поколения средневековыми технологиями, даже если оно делает такие попытки. Но это подразумевает принятие философского базиса науки, замену удобного архаичного «космоса» запутанной сетью безличных отношений; значит, нужно вычеркнуть из памяти древнюю мольбу человека, воздевшего руки к небу. *Зачем?* Если вы хотите контролировать прирост населения и бороться с болезнями (первое, кстати, стало насущной необходимостью), то используете химические контрацептивы и антибиотики, и приучаете людей постоянно иметь их при себе. Но тогда традиционные отношения различных полов приобретают иной смысл. Современная технология не нужна крестьянину, пахущему землю, или ортодоксальному интеллектуалу; значит, приходится иметь дело с огромным классом людей, непригодных ни для чего другого, и что с этим поделать? Что нужно огромной, невероятно сложной машине цивилизации, — это тренированный человек, которого обучили до предела его возможностей. Но тогда образование должно начинаться в раннем возрасте и оставаться безжалостно избирательным, будучи при этом свободно доступным до тех пор, пока человек в состоянии сдавать экзамены. Значит, Первые, то есть высший класс, получающие степень доктора в двадцать лет

или даже раньше, будут смотреть свысока на Вторых, а те в свою очередь, начнут вымещать свою злость на Третьих — результатом будет интеллектуальный снобизм, социальная напряженность, но как этого избежать?

И вместе с тем в этом мире существовали фантастические анахронизмы, потому что он рос и создавался слишком быстро и слишком неравномерно. Индийские крестьяне ковырялись на своих крошечных полях и жили в грязных лачугах, в то время как у каждого большого китайского коллектива имелась собственная силовая установка. Вокруг Кратера Манхэттена в трущобах скрывались убийцы, а простой техник мог купить дом вместе с мебелью за свой шестимесячный гонорар. В океане создавались плавучие колонии, на Марсе, Луне и Венере вырастали города, в то время, как жители Конго барабанным боем вызывали дождевые облака. Примирение — но КАК его достичь?

Большинство людей воспринимали действительность поверхностно. Они видели, что великие перевороты, мировые войны, Годы Голода и Безумия, экономические спады сопровождались разрушением традиционных социальных устоев, и думали, что первое являлось причиной второго. «Дайте нам шанс, и мы вернем обратно славные прошлые деньки». Им было невдомек, что прошлые деньки сеяли смерть среди них, что изменившаяся технология вызвала перемены в самой человеческой природе, и это повлияло на их жизнь гораздо больше, чем любой эфемерный переходный период. Война, депрессия, волны маниакального своенравия, голодные, марширующие и обреченные люди — все это было не причиной, а следствием, вернее, симптомом. Мир менялся, и нельзя было вернуться домой.

Специалистам по психодинамике казалось, что они начинают понимать процесс, с помощью своей особой семантической структуры символов, теории игр, принципа наименьших усилий, правил коммуникаций — возможно, это соответствовало действительности. Говорить было еще слишком рано. Научный Синтез пока являлся скорее мечтой, чем реальным достижением, и чтобы эффект стал заметен, нужно было, как минимум, одно поколение граждан, обученных по этой системе. Тем временем гериатрия в комбинации с необходимым контролем рождаемости продолжала сжимать население с неизбежной интеллектуаль-

ной жесткостью бегущих лет, как раз в тот момент, когда потребность в оригинальном мышлении была большей, чем когда-либо за всю историю человечества. Власть хаоса казалась всеобъемлющей, а тех, кто видел правду и боролся за нее, было слишком мало. *Чувствуете ли вы абсолютную уверенность в своей правоте? Можете ли оправдать эту битву?*

— Папа!

Нэйсмит вздрогнул, повернулся и протянул руки к малышу. Ему было всего два года, светловолосому крепкому мальчугану с черными, как у матери, глазами. Он звал его, хотя еще не совсем проснулся. *Мой сынок — нет, сын Доннера, черт возьми!*

— Привет, Джимми. — Голос Нэйсмита слегка дрогнул.

Дженни взяла мальчика на руки. Она уже была в маске и надела просторный плащ. Голос женщины звучал даже тверже, чем его, Нэйсмита, приказ.

— Все в порядке. Пойдем?

Он кивнул и направился к двери, но не пройдя и двух шагов, услышал звонок.

— Кто там еще? — Слишком громкий выкрик и холодок в груди напомнили Нэйсмиту о том, как истрепаны его нервы.

— Не знаю... Я не выходила из дома с тех пор, как...

Дженни быстро подошла к боковому окну и подняла занавеску.

— Там двое мужчин, я их не знаю.

Нэйсмит надел на голову маску и нажал переключатель воспроизведения. Голос за дверью был резким и жестким.

— Федеральная Полиция! Мы знаем, что вы здесь, миссис Доннер. Откройте!

— Агенты Безопасности! — прошептала она испуганно.

Нэйсмит хмуро усмехнулся.

— Они быстро тебя выследили, да? Пойди посмотри, нет ли кого-нибудь за домом.

Ее каблук застучали по полу.

— Четверо в саду! — выкрикнула Дженни.

— Прекрасно. — Нэйсмит чуть не спросил Дженни, умеет ли она стрелять. Он вытащил маленький плоский пистолет и отдал его подбежавшей женщине. Наверное, она достаточно тренирована. В любом случае, оружие было вполне безопасным и не давало отдачи.

— «А теперь, друзья мои...» Пора убираться отсюда. Держись поближе ко мне и стреляй им в лицо или руки. У них могут быть бронежилеты под одеждой.

Его собственный «магнум-автоматик» показался холодным и тяжелым в руке. Это вам не мягкий усыпляющий газ. С близкого расстояния оружие могло проделать такую дыру в теле человека, что в нее можно было просунуть руку. Внутренности поражались гидростатическим ударом. Стук в дверь становился назойливым.

Она была спокойна так же, как и Нэйсмит.

— Неприятности с законом? — спросила Дженни резко.

— Неприятности в самом законе, — уточнил он. — У нас всегда будут проблемы с полицией, если это может тебя утешить.

Они не могли быть агентами Фурье, иначе сказали бы пароль. Наверное, их послал тот, кто убил Мартина Доннера. Нэйсмит не испытывал угрызений совести по поводу того, что придется платить им той же монетой. А сейчас нужно было исчезать.

Он вернулся в гостиную и взял пластиковый стол, неся его перед собой как щит, защищающий от игл. Возвращаясь в холл, он заслонил собой Дженни и нажал ручку двери.

Когда она распахнулась, Нэйсмит выстрелил и услышал глухой звук попадания. Ужасный удар отбросил агента с крыльца на землю, по которой сразу же растекалась лужа крови. Его напарник инстинктивно выстрелил в ответ; игла воткнулась в стол. Нэйсмит поверг противника вниз, прежде чем тот успел крикнуть.

— Теперь в машину, и быстро! — Пробегая по траве, Нэйсмит слышал злобное жужжание пуль, пролетавших мимо. Дженни запыхалась, неся сына на руках, а когда они зашли за угол дома, осыпала преследователей градом игл.

Нэйсмит уже стоял у люка флаера. Он продолжал стрелять, свободной рукой заводя двигатель.

Агент безопасности выстрелил иглами. Было ясно, что они хотят заполучить их живьем. Дженни споткнулась: стрела попала ей в руку, а Джимми оказался на земле. Нэйсмит выпрыгнул из корабля; игла оцарапала его маску, и он почувствовал запах, во которого закружилась голова.

Сыщики рассеялись вокруг, приближаясь к беглецам с двух сторон. Нэйсмита справа прикрывал флаер, а

слева — безжизненное тело Дженни, когда он втаскивал его внутрь. Ооновец втиснул ее вместе с ребенком на сиденье, перегнулся вперед, чтобы закрыть дверь, и с силой нажал на рычаги.

Все эти действия заняли меньше минуты. Пока флаер, стоя на хвосте, направлялся, вопреки всем правилам, прямо в небо, Нэйсмит в тысячный раз подумал, что ни один человек, как бы ни был он уверен в себе и проворен, не сумел бы так организовать побег. Агенты безопасности были, в общем, неплохи, но их можно легко обойти. Сейчас они проверят дом, дюйм за дюймом, и найдут его недавние отпечатки пальцев, которые совпадут со случайными следами, оставленными здесь и там агентами ООН, — такими же, как отпечатки Доннера. Он был *Ооновцем*, самую тень его ненавидели и боялись, он мог одновременно сражаться в нескольких местах; он был быстр и неуязвим, как никакая человеческая плоть; и теперь он восстал из могилы. Он, Нэйсмит, только что вписал еще одну главу в легендарную летопись.

Только агенты безопасности не верили в привидения. Они будут искать ответ. А если им это удастся, это станет концом всех мечтаний.

А тем временем погоня приближалась. Радиолучи, номера лицензий, анализаторы воздушного транспорта, телевизионные сигналы, идентификационные файлы — все ресурсы великой беспощадной власти будут брошены на охоту за ним по всему свету, и нигде ему не будет покоя.

VII

Джимми испуганно хныкал, и Нэйсмит заботился о нем как только мог. Корабль спокойно рассекал небо. Тяжело быть веселым, смеяться вместе с мальчиком и забавлять его, убеждая в том, что все это просто игра. Дженни лежала без движения на сиденье, а размытые очертания земли мелькали внизу. Но потрясение в таком раннем возрасте оказывает на психику разрушающее действие, и необходимо было немедленно смягчить шок. *Это все, что я могу для тебя сделать, сынок. Братство так*

много задолжало тебе после того, как сыграло с тобой грязную шутку, послав в этот мир ребенком одного из нас.

Когда Джимми пришел в себя и вернулся в кресло смотреть телевизионное робот-шоу, Нэйсмит обдумал ситуацию. Корабль имел больше опор, чем разрешалось правилами, и это давало свои преимущества. Скорость его была выше на пять миль, чем у остального транспорта, и летел он в северном направлении окольным путем. Двигатели жадно поглощали горючее; ему придется останавливаться для заправки два или три раза. К счастью, у него было достаточно наличных денег. Обычное предъявление чека было бы письменным приглашением для преследователей, но с другой стороны, они вряд ли наткнулись бы на заброшенную заправочную станцию, которую он собирался посетить.

Дженни очнулась, зашевелилась и вздохнула. Он прижал ее к себе, пока не прошел шок возврата сознания, и ее глаза снова не прояснились. Потом зажег сигарету для нее и еще одну для себя и откинулся на сиденье.

— Мне кажется, ты спрашиваешь себя, что все это значит,— сказал Нэйсмит.

— И сколько ты можешь мне рассказать? — неопределенно улыбнулась Дженни.

— Ровно столько, сколько будет для тебя безопасно,— ответил он.

Черт побери, а что она уже знает? Я пока не могу раскрыться! Она должна понимать, что ее муж является — являлся — человеком ООН и что его номинальная работа была только прикрытием. Но знает ли она подробности?

— Куда мы направляемся? — спросила Дженни.

— У меня есть убежище для тебя и ребенка в Канадских Скалах. Боюсь, не слишком комфортабельное, но довольно безопасное. Если нас не перехватят по дороге туда, то...

«Мы прерываем программу для срочного сообщения. На свободе находится опасный преступник. Номер его флаера USA-1349-U-7683. Повторяю, USA 1349-U-7683. Предполагается, что этого человека сопровождают женщина и ребенок. Если вы увидели флаер с таким номером, сразу же сообщите в штаб-квартиру полиции или офис Службы Безопасности. Преступник разыскивается за

убийство и похищение и предположительно является агентом иностранного государства. Дальнейшие объявления с полным описанием последуют в ближайшее время.

Резкий голос умолк, и на экране появился фоторобот.

— Человек, о человек, о человек,— вздохнул Нэйсмит: — Они не теряют время, не так ли?

Лицо Дженни побледнело, но она сказала только:

— Почему бы нам не закрасить этот номер?

— Я не могу сейчас остановиться, тогда они точно нас поймают,— Нэйсмит оглядел небо.— Лучше пристегни себя и Джимми. Если полиция нас выследит, у меня есть пулеметы. Мы их взорвем.

Дженни храбро продолжала бороться с собственными слезами.

— Ты собираешься хоть что-то объяснить?

— Мне придется начать с начала,— осторожно сказал он.— Чтобы все привести в порядок. Мне придется рассказать тебе много того, что ты уже знаешь. Но я хочу дать тебе полную картину. Я хочу откреститься от таких грязных слов, как шпион или изменник, и объяснить тебе, что мы пытаемся делать в действительности.

— *Мы?* — Дженни ласково подчеркнула местоимение. Ни один нормальный человек не любит оставаться в полном одиночестве.

— Послушай,— сказал Нэйсмит.— Я — человек ООН. Но весьма особенный. Я не состою в Инспекторате, которому по договору разрешается проводить расследования и докладывать совету о нарушениях, например, договоров о разоружении. Я состою в Секретной Службе ООН — *секретной* Секретной Службе — и наше положение полулегальное. Официально, мы — вспомогательная Служба Инспектората, но на практике мы делаем много больше. Инспекторат сообщает на лунные базы ООН, где следует разместить ракеты; Служба пытается сделать применение этих ракет ненужным, предотвращая враждебные действия.

— Убийством Кванг-ти? — с вызовом спросила она.

— Кванг-ти был угрозой. Он вывел Китай из ООН и начал создавать свои армии. Он предпринял попытку захватить Монголию, финансировав дутое восстание, и почти преуспел в этом. Я не говорю, что его убрал китайский ооновец, хотя такое обвинение и было выдвинуто. Я просто говорю, что его смерть была очень кстати.

— Он много сделал для Китая.

— Это так. И Гитлер много сделал для Германии, а Сталин — для России. Однако все их дела свелись к нулю после того, как эти страны начали войну. И еще — погибло множество ни в чем не повинных людей. Нельзя забывать, что ООН существовала, существует и будет существовать для поддержания мира. Все остальное — вторично.

Дженни прикурила вторую сигарету от первой:

— Расскажи мне еще, — ее голос подтвердил, что все это она давным-давно знала.

— Послушай, — продолжил Нэйсмит: — Враги, с которыми ООН сталкивалась в прошлом, были настолько безвредны, насколько они опасны сейчас. Потому что раньше неприязнь была более или менее открытой. Во время Второй мировой войны ООН образовалась, как альянс против фашистских режимов. Во время Третьей мировой она, в сущности, стала военным альянсом против собственных диссидентов и бывших членов. После Рио она частично служила инструментом многосторонних переговоров, но по своей сути осталась альянсом великого множества государств, и не только западных, для предотвращения или подавления войн во всем мире. О, я не хочу принижать юридическую, культурную, гуманитарную и научную деятельность этой организации, но сутью ООН всегда была сила, люди и машины, которые она могла потребовать от стран-членов — и которые могли быть применены против любого ее участника, если эта нация была признана виновной большинством голосов Совета. Передача лунных баз ООН не была великодушным жестом со стороны Соединенных Штатов. Штаты думали, что смогут контролировать Совет, как они делали это в прошлом, но этот фокус не прошел. И это очень хорошо. Нам нужна действительно интернациональная организация.

Тем не менее, принцип интервенции, по приглашению или нет, для прекращения всех войн, привел к Великому Джихаду и Бразило-Аргентинскому конфликту. Мелкомасштабные войны использовались для предотвращения крупномасштабных. Затем, когда Российское правительство обратилось за помощью против националистических повстанцев, был установлен прецедент активной интервенции в рамках собственных границ государства — в основном на благо, но к большому неудовольствию большинства правительств, в том числе и американского. Тогда у

власти были консерваторы, которые, как ты помнишь, безуспешно пытались выправить на скорую руку социалистическую депрессию, и они почти вышли из членства. Хотя и не совсем. Тем временем продолжали быстро развиваться другие международные функции ООН, научное и торговое законодательство и так далее.

Ты понимаешь, куда это ведет? Я много раз говорил тебе об этом раньше, но скажу еще раз. ООН превращается, в процессе становления, в федеральное мировое правительство. Она уже имеет свой Инспекторат, свои небольшие полицейские силы и свою Лунную Гвардию. Медленно, неохотно нации подталкиваются к разоружению — мы отменили наш собственный призыв около десяти лет назад, ты помнишь? Шагом к интернационализации планет и океанских разработок стала их полная передача под контроль ООН. Мы получили долговременную стабилизацию международной валюты, рано или поздно мы примем единую мировую денежную единицу. Пошлины практически вымерли. О, я могу продолжать весь день.

Предыдущие предложения сделать из ООН мировое правительство были забаллотированы. Нации были слишком близорукими. Но тем не менее это происходит, медленно, шаг за шагом, так что окончательное объединение человечества будет только формальностью. Понимаешь? Разумеется. Это же очевидно. Проблема в том, что наши враги тоже начали это понимать.

Нэйсмит прикурил и мрачно проследил за голубоватым облаком дыма, заструившимся из его ноздрей.

— Очень многие хотят разрушить ООН. Существуют националисты и милитаристы всех мастей в каждой стране, люди, которые придут к власти, если вернется старая анархия. Жажда власти очень похожа на физический голод. Также существуют воротилы промышленности, финансов и политики, которые желают освободить свои предприятия от законодательных правил. Существуют профсоюзные лидеры, желающие вернуть старую борьбу, которая означает для них власть и прибыли. Существуют десятки видов религиозных организаций, которым не нравятся наши кампании по контролю численности населения и полное разрушение антиконтрацептивных убеждений. Существуют чокнутые и фанатики, ищущие возможности насадить собственные верования, от синдиков до неокommunistов, от

Пилигримов до гедонистов. Существуют также люди, пострадавшие от тех или иных действий ООН, возможно, они потеряли сына во время одной из наших кампаний, а возможно, нововведение или новая политика разрушили их бизнес. Они жаждут мести. О, существуют тысячи таких людей, и, если когда-нибудь ООН распадется, они смогут свободно ловить рыбу в мутной воде.

— Расскажи мне что-нибудь новое, — нетерпеливо перебила Дженни.

— Мне нужно подойти к этому, дорогая. Я должен объяснить, в чем заключается последняя угроза. Ты видишь, что наши враги объединяются. По всему миру они забывают о своих ссорах и вливаются в великую секретную организацию, единственная цель которой — ослабить и развалить ООН. Ты не думала о том, что фанатичные националисты многих стран могут сотрудничать? Да, оказывается могут, потому что это единственный путь, который дает им шанс нападать друг на друга в будущем. Руководство этой организации, которую мы, люди ООН, не очень лицеприятно называем бандой, просто блестящее, в него входит множество крупных людей, и вся эта система имеет прекрасную структуру. Такие единицы, как Партия американистов, стали авангардом этой банды. Их поддерживают целые правительства, правительства, которые против своего желания остаются членами ООН лишь потому, что существует общественное мнение. К тому же, к ним могут применить экономические санкции. Преемники Кванг-ти вернули Китай в ООН, я уверен, только затем, чтобы разрушать нас изнутри. В эту организацию входят несколько советников, и я даже не знаю сколько работников ООН.

Нэйсмит улыбнулся.

— Даже сейчас великое множество людей по всему миру поддерживают ООН, они видят в ней избавителя от того ада, в котором они выжили. Поэтому единственный путь для врага — это разрушить нас посредством саботажа изнутри. Коррупция, самонадеянность, неэффективность, незаконные действия — все это совершается их агентами в ООН и становится достоянием общественной гласности. Ты много слышала об этом, но услышишь еще больше в ближайшие месяцы, если мы позволим этому продолжаться. Еще один путь — раскапывание наших сокровенных секретов — а они есть у любого правительства — и

выдача их нужным людям. Ну хорошо, посмотрим правде в лицо: Кванг-ти был убит человеком ООН. Мы думали, что это будет представлено, как работа заговорщиков-демократов, но, очевидно, где-то произошла утечка информации, и обвинение китайцев потрясло хрупкое сооружение международного сотрудничества. Совет будет водить всех за нос, насколько это возможно, но рано или поздно ему придется отречься от этой акции Службы, и полетят головы. Ценные головы.

Сейчас, когда ООН сильно ослаблена, если в подходящий момент целые нации опять начнут выходить из нее, общественное доверие будет поколеблено, то в ключевых государствах произойдут военные революции — и лунные базы будут осаждены войсками с ближайшей колонии... Ты понимаешь это! Ты видишь этот возврат международной анархии, диктатур, войны — всего, с чем насмерть сражаются люди ООН в Солнечной системе?

VIII

О кольными путями, избегая больших городов и колоний, Флаер, несмотря на свою скорость, только через много часов добрался до цели. Нэйсмит обнаружил, что его избрательность становится обременительной. Прежде всего ему пришлось рассказать Дженни полуправду о своем отсутствии в последние недели. Потом Джимми, не по годам подвижного — оба родителя причисляли его к разряду гениев — обеспокоила мрачность старших и угроза исчезновения отца, которого он, очевидно, почитал, и успокоить его удалось только долгой импровизированной сагой Нэйсмита о Крок О'диле, зеленом ирландском аллигаторе, работающем в Приюте «Гиден Клейнмен» для Беспомощных и Бездомных Лошадей. Наконец, были и другие проблемы — пара операторов заправочных станций и клерк в магазине спортивных товаров, где он покупал снаряжение: их приходилось ненавязчиво убеждать, что они обычные скучные ежедневные покупатели, о которых следует забыть сразу же после их ухода. Казалось, все проходило достаточно просто, но у Нэйсмита просто холодело

внутри от напряжения, когда он представлял, что эти люди могли слышать предупреждения по радио. Но, очевидно, они их не слышали. Однако, когда они попадут домой и неизбежно все узнают, достаточно ли хорошо они все вспомнят?

Он обогнул зигзагом Вашингтон и проник в Британскую Колумбию над безлюдным лесным массивом. Официальной причины останавливать американца не было, но граница, вне сомнения, должна была находиться под наблюдением людей из секретной службы.

— Будет ли канадская полиция участвовать в поисках? — спросила Дженни.

— Не знаю, — ответил Нэйсмит. — Все может быть. Как ты видишь, американская Служба Безопасности, обладая значительными возможностями, возглавляется людьми, настроенными против ООН. С другой стороны, президент — сторонник ООН, это все знают, и Фурье, разумеется, в курсе, кем является разыскиваемый преступник. На самом деле он не может отменить преследования, не поставив себя под удар, однако может различными путями препятствовать ему и, вероятно, может договориться с канадским правительством. Конечно, все в руках Божьих.

Шлюпка повернула на восток, следуя вдоль мощного хребта Скалистых гор, необъятного пространства камней, лесов и снега, позолоченных закатом. Нэйсмит несколько раз проводил здесь отпуск, занимаясь живописью, и поэтому знал, куда направляется. Уже стемнело, когда он направил флаер вниз, ориентируясь при помощи радара.

Здесь располагался заброшенный урановый рудник. Небольшой домик рядом с ним все еще был пригоден для жилья. Нэйсмит остановил флаер у края утеса, выключил двигатели и сладко зевнул.

— Приехали, — объявил он.

Они выбрались, нагруженные оборудованием, пищей и спящим ребенком. Нэйсмит завел машину под высокую сосну и пошел вверх по склону. Дженни набрала полные легкие жгучего ночного воздуха и вздохнула:

— Мартин, здесь так прекрасно! Почему ты раньше не брал меня сюда?

Он не ответил. Луч его фонарика выхватил из темноты осыпавшийся фасад домика; дерево и металл, из которых он был изготовлен, потускнели за долгие годы. Дверь

заскрипела, открываясь в темноту. Внутри было пусто, пол покрылся мягкой черной плесенью, несколько досок от поломанной мебели валялись, словно кости. Взяв купленный топорик, Нэйсмит сходил в лес за еловыми ветками, расстелил их под спальными мешками, которые Дженни уже разложила. Джимми слабо захныкал во сне, но они не стали его будить.

Часы Нэйсмита показывали полночь, когда хижина уже была в полном порядке. Он вышел, чтобы выкурить последнюю сигарету, и Дженни последовала за ним. Она стала рядом и взяла его за руку.

Почти полная луна поднималась над вершиной, и покрытые снегом склоны сияли в ее свете. Звезды мерцали над головой, необычайно яркие и многочисленные в резком холодном воздухе. Деревья, росшие на склоне, шелестели от ветра, высокие, темные, их запах ударял в голову, наполняя ночь тайной. Внизу в ущелье бежала река, длинная лента осколков лунного света, свежий дикий шум ее течения долетал до них. Где-то ухала сова.

Дженни начала дрожать от прохладного дыхания ветра и крепче прижалась к Нэйсмиту. Он накинул на нее и на себя покрывало, еще теснее придвинувшись к ней. Маленькая красная точка его сигареты то разгоралась, то гасла в темноте.

— О, здесь так чудесно, — прошептала она. — Неужели ты уйдешь завтра?

— Да. У тебя хватит припасов на месяц. Если кто-нибудь сюда случайно заявится, ты — просто турист и проводишь здесь отпуск. Но я сомневаюсь, что кто-нибудь может сюда забрести. Если я не вернусь в течение трех недель, то двигайся вниз по реке. В пятидесяти милях отсюда есть небольшое поселение. Возможно, я смогу послать за тобой одного из наших агентов. Он должен будет назвать пароль — ну, скажем — «Крокодилы зеленеют в Ирландии». Хорошо?

Ее смех был подавленный и тоскливый.

— Извини, что я стал таким бременем для тебя, дорогая, — кающим голосом сказал Нэйсмит.

— Это ничего — за исключением того, что тебя не будет рядом, мой беглец, и я ничего не буду о тебе знать. — Она прикусила губу. В потоке лунного света ее лицо казалось неестественно бледным. — Мы живем в ужасном мире.

— Нет, Дженни, это — потенциально прекрасный мир. И моя работа состоит в том, чтобы сохранить его таким. — Нэйсмит потрепал ее по подбородку, пытаясь вызвать улыбку: — Пусть это не волнует тебя. Спокойной ночи, сладкая принцесса.

Она жадно поцеловала его. На мгновение Нэйсмит заколебался. *Должен ли я рассказать ей? Она сейчас в безопасности и имеет право знать, что я не ее муж...*

— В чем дело, Марти? Ты кажешься странным.

У меня не хватит смелости. Я не могу сказать ей — пока за границей есть враги, пока есть шанс, что они могут ее схватить. Пусть побудет немного в ее глупом раю — я могу пропасть из виду, и пусть кто-то другой сообщает ей эту новость... А ты — жалкий трус!

Он сдался. Но было жестоко осознавать, что сейчас она обнимала мертвого человека.

Они медленно пошли назад к хижине.

Полковник Сэмси проснулся и сел на постели. Сон моментально улетучился, когда он увидел высокую фигуру, чернеющую на фоне открытой балконной двери. Полковник схватился за пистолет, спрятанный под подушкой.

— Я бы не делал этого, дружище, — раздался мягкий голос.

В потоке лунного света сверкнул пистолет, который держал в руках незванный гость.

— Кто ты? — выдохнул Сэмси, все еще не понимая, какая невероятная вещь произошла. Почему? Ведь он находился на стопятидесятом этаже. Главный выход охранялся, и никакой вертолет не смог бы бесшумно высадить эту фигуру в маске на балконе.

— Выбирайся из кровати, парень. Быстро! Хорошо. А теперь положи руки на затылок.

Сэмси почувствовал, как холодный ночной ветер пронзил обнаженное тело. Он был беспомощен, один, без одежды, без униформы и ремня с пистолетом, оставалось только смотреть в дуло пистолета незнакомца. Коротко остриженный затылок колот его ладони.

— Как вы вошли? — прошептал он.

У Нэйсмита не было желания вдаваться в подробности. Он шел пешком от старой трассы, где оставил свой флаер,

и затем использовал специальные башмаки и перчатки, чтобы взобраться по отвесному фасаду Денвер-Юнит.

— Лучше спроси, зачем я пришел.

— Ну хорошо, черт тебя побери. Зачем? Это грубое нарушение права собственности плюс угроза...— Сэмси клацнул зубами. Удар в челюсть явился веским аргументом в пользу законности действий посетителя.

— Мне нужна кое-какая информация,— Нэйсмит присел на стол, слегка покачивая одной ногой, его правая рука твердо держала пистолет, в то время как левая шарила в кармашке ремня.— И ты, как высокопоставленный офицер Американской Гвардии и всем известный сообщник Роджера Уйда, скорее всего должен ее иметь.

— Это безумие! Это... Мы — всего лишь патриотическое общество. Вы знаете это. Или должны знать. Мы...

— Не ври,— устало сказал Нэйсмит.— Американская Гвардия имеет звания, форму, оружие и учебные центры. Каждый ее член принадлежит к партии американистов. Вы — частная армия нацистского типа, и вы не раз совершали убийства, грабежи и мошенничества для этой партии в течение последних пяти лет. Как только правительство сможет подтвердить это в суде, вы все попадете в антарктические шахты, и вы это знаете. Вы надеетесь только на то, что ваша фракция придет к власти прежде, чем против вас будет возбуждено дело.

— Клевета! Мы — патриотическая общественная группа...

— Извини за такой подход,— язвительно сказал Нэйсмит. И действительно, он сожалел об этом. Прямое нападение такого рода являлось не только незаконным, но оно также было грубым и имело очень ограниченную ценность. Но у него не было особого выбора. Ему было необходимо получить хоть какую-то информацию о планах врагов, а незаконное положение Братства и общие подозрения против Службы означали, что обычные детективные средства сейчас практически недоступны. Половина каравая...

— Тем не менее, мне нужна определенная информация. Самая ближайшая цель для вас сейчас — это низвержение ООН. Как вы намереваетесь сделать это? И в особенности — какова ваша ближайшая задача?

— Вы же не ожидаете...

Сэмси отшатнулся, когда Нэйсмит рванулся вперед. Левая рука ооновца выскользнула из кармана, словно

кусающая змея, пока его тело несло через комнату. Правая рука схватила бицепс Сэмси и развернула полковника на сто восемьдесят градусов. Надавив коленом на спину жертвы, Нэйсмит вонзил иглу в шею полковника.

Сэмси пытался бороться, жадно хватая воздух. Однако держащие его мускулы были стальными, по-кошачьи гибкими, отвечающими на каждое усилие с легкостью, говорящей о долгой практике. Он пошатнулся, и Нэйсмит отпустил его, позволив повалиться назад на кровать.

В шприце находилось четыре кубика неоскопанеуриновой смеси, почти смертельная доза. Но зато она должна была быстро подействовать. Нэйсмит не думал, что у полковника может быть иммунитет против этого препарата правды. Банда не до такой степени доверяла своим нижним эшелонам.

Луна осветила безумное улыбающееся лицо на подушке, покрытое серебристым ледяным налетом. Все было тихо, слышалось только затрудненное дыхание человека и шорох ветра в занавесках у двери балкона. Нэйсмит сделал своей жертве инъекцию стимулянта, подождал пару минут и начал допрос.

Название «Препарат правды» было не совсем верным. Он сам по себе не заставлял человека говорить правду, а просто подавлял высшие мозговые центры, конструирующие ложь или утаивающие ответ. Человек начинал болтать, страстно желая поговорить о тех предметах, которые раньше должны были держаться в самом строгом секрете. Искусный психолог мог легко направлять общий ход беседы в нужную сторону.

Сначала, конечно, словно гной от ожога, наружу выплывала вся грязь, которую каждый человек хранит внутри себя. Нэйсмит сталкивался с этим раньше, но на этот раз его лицо просто перекосило — Сэмси оказался особенно грязным типом. Такие агрессивные человеческие экземпляры встречаются часто. Нэйсмит продолжал терпеливо слушать, пока, наконец, они не добрались до наиболее интересующих его тем.

Сэмси не знал никого из высших чинов в банде, кроме Уэйда. Впрочем, этого и следовало ожидать. Нэйсмит с презрением подумал, что он, посторонний, фактически знал об этой вражеской организации больше чем любой ее член, за исключением верхушки. Но это тоже была довольно общая человеческая характеристика. Человек

делал свою работу, и его мотивами были власть, прибыли, или просто привычный ему вид существования, он никогда не пытался узнать о своем месте в общей структуре. Синтезирующий разум встречался трагически редко.

Но свободное общество, по крайней мере, позволяет своим членам получать информацию, а рациональное общество и подталкивает их к этому, в то время, как тоталитаризм, начиная с мелкого начальника и заканчивая диктатором полушария, основывается на преднамеренном подавлении общения. А там, где нет обратной связи, там не может быть стабильности, за исключением разве что смерти при жизни от наложенных умственных ограничений.

Назад к делу! Наконец выплыло то, чего он ожидал — следующая задача гангстеров Американской Гвардии. На этой неделе с Марса должен был прибыть «Фобос». Гвардейцы намеревались устроить смерть некоего пассажира, Барни Розенберга, как можно скорее после его прибытия на Землю. Зачем? Причину не сообщили, и о ней полковник не спрашивал, однако у него было хорошее описание этого человека.

Марс... да, Гвардия также использовала частный космический корабль для доставки вооружений на секретную базу в районе Тайл-II, где его забирали Пилигримы.

Вот это да! Пилигримы тоже состояли в банде. Подозрения на этот счет у Службы были, и немалые, но теперь появились и доказательства. Это могло бы быть самым большим открытием, но Нэйсмит подозревал, что оно второстепенно. А вот убийство неприметного возвращенца с Марса создавало впечатление, что здесь замешаны более важные соображения.

Ради остального рисковать уже не стоило. Нэйсмит провел последний эксперимент.

У Сэмси оказался крепкий организм, и он уже начал выходить из оцепенения. Нэйсмит включил лампу, ее свет упал сверху на искаженное лицо. Глаза туманно уставились на блестящую маску. Нэйсмит медленно снял ее.

— Кто я, Сэмси? — спокойно спросил он.

Полковник поперхнулся.

— Доннер... ты же мертв. Мы убили тебя в Чикаго. Ты — мертв, мертв!

Вот и доказательства. Нэйсмит снова надел маску. Он аккуратно включил сигнализацию, которую обесточил при

входе, и проверил комнату на следы своего присутствия. Ничего. Затем он вынул из-под подушки пистолет Сэмси. Конечно, с глушителем. Нэйсмит вложил его в руку полковника и, надавив ослабевшим пальцем на курок, вышиб ему мозги.

Они, конечно, будут подозревать, что это не убийство, но вряд ли додумаются провести биохимическое вскрытие до того, как препарат в крови распадется до уровня, не поддающегося анализу. По крайней мере — одним меньше. Нэйсмит не чувствовал угрызений совести. Это не обычная полицейская операция, это — война.

Он вернулся назад на балкон и закрыл за собой дверь. Перегнувшись через край, он настроил свои присоски и начал долгий спуск к земле.

Служба могла обеспечить Нэйсмита отличной маскировкой, но необходимое оборудование было занято, и он даже не осмеливался предположить, что за любым из служащих, его имевшим, Безопасностью не установлена слежка. Лучше полагаться на маски и слабую наблюдательность большинства граждан, чтобы выпутаться.

Звонить Аббату из городской телефонной будки было также рискованно, несмотря на срэмблер, но тут он ничего не мог поделать. Почте больше нельзя было доверять, а связь была абсолютно необходима для дальнейших действий.

Голос Аббата показался серым и усталым:

— Марс, хм? Отличная работа, Нэйсмит. Что мы должны делать?

— Конечно, замолвить словечко Фурье, пусть он попытается что-то предпринять. И послать кодированное сообщение нашим оперативникам на Марс. Они смогут проверить этих Пилигримов и также разузнать об окружении и друзьях Розенберга. Там должно быть много ниточек. Впрочем, я сам попытаюсь перехватить Розенберга до того, как американисты доберутся до него, и один или два Брата понадобятся мне для помощи.

— Да, лучшего ты придумать не мог. Руки Службы и так уже сильно связаны, пока идет это расследование ООН по китайским обвинениям. Более того, мы сомневаемся во многих наших людях. Поэтому мы, и в особенности Братство, должны действовать в данное время более неза-

висимо. Действуй, как можешь. Однако я могу передать твою информацию в Рио и на Марс.

— Умница. Как у тебя дела?

— Не звони мне больше, Нэйсмит. За мной следят, и мои люди реально не смогут предотвратить попытку покушения.— Аббат сухо усмехнулся: — Если им это удастся, мы сможем поговорить в аду.

— Перефразируя высказывание старого индейского вождя насчет испанцев в раю, я могу только сказать, что если националисты в аду, я определенно не хочу туда попасть. Ну хорошо. Желаю удачи!

Уже на следующий день выпуски новостей сообщили об убийстве Натана Аббата, семантика, проживавшего в Фриско-Юнит. Предполагалось, что это работа иностранных агентов, и в помощь полиции предоставили сотрудников службы безопасности.

IX

Большинству братьев в начале обучения, конечно, были выданы средства маскировки. Пластиковая хирургия изменила отличительные черты внешнего вида и рост. Фальшивые отпечатки пальцев и радужные оболочки использовались для идентификационного учета. Каждый из Братьев имел одинаковый комплект прозрачных пластиковых «накладок» для надевания на пальцы, если требовалось оставить отпечатки для какой-нибудь официальной цели. Эти люди временно находились в безопасности, и обращаться к ним за помощью было неоправданно. Они сидели тихо и осторожно, потому что если бы смертельно эффективная организация Хесслинга начала бы их подозревать, и взялась бы за них, то элементарная физическая проверка раскрыла бы этот маскарад.

Поэтому в Соединенных Штатах осталось около сотни незамаскированных Братьев, когда им пришел приказ уйти в подполье. Идентичный облик — временами бывший весьма полезным, например, для создания твердого алиби или легенды о вездесущем супермене — необходимо было изменить. Некоторые из них могли использовать времен-

ную маскировку и через некоторое время — появляться на публике. Остальным пришлось пересечь границу или спря- таться.

Юхо Лампи особенно не повезло. Он достаточно много сделал в Финляндии в качестве инженера-ядерщика и был приглашен в Америку, поэтому его маскировка оказалась довольно поверхностной. Когда по кодовой цепи прошло предупреждение Фурье, он спешно покинул свою квар- тире. Механик гаража, где он нанял флаер, узнал его по фотографии, которая мелькала по всей стране. Лампи заметив плохо скрытое замешательство этого бедняги, нокаутировал его и украл флаер, однако это навело аген- тов Безопасности на его след. Более того, благодаря этому им стало известно, что идентичные люди были не только американцами.

Лампи дали имя и адрес женщины в Айове. Братья были разбиты по ячейкам, по полдюжины в каждой, у них были свои связные и контакты, и это была явка Лампи, пока он находился в Штатах. Он отправился туда после наступле- ния темноты и получил комнату. Немного позже появился Нэйсмит. Будучи почти полновременным оперативником, Нэйсмит знал места, где собиралось несколько ячеек. Он забрал Лампи и решил больше никого не дожидаться. «Фобос» прибывал на Землю через несколько часов. Нэй- смит отправился в Айову на самоуправляемом флаере, который нанял в ничего не подозревающей конторе в Колорадо. Теперь они взяли другой и полетели назад на посадочное поле Робинсон.

— У меня есть собственный флаер — перекрашенный, с новым номером, и так далее, он припаркован непода- леку, — сказал Нэйсмит: — Мы улетим на нем, если выбе- ремся.

— А что потом? — спросил Лампи. Его английский оказался отменным, всего лишь с небольшим признаком акцента. Братья были лингвистами по природе.

— Не знаю. Пока не знаю. — Нэйсмит мрачно посмот- рел на него: — За нами охотятся как никогда. — Он про- бормотал про себя:

*Я объявлен вне закона,
И спасло меня дупло.
Рыпаться мне нет резона,
Раз уж так не повезло.*

*Больше нигде мне укрыться,
Лишь охотники кругом.
Если не смогу я смыться,
Им не взять меня живьем.*

Они сидели в «Лунном Прыгуне», баре-ресторане по соседству с космопортом. Они выбрали кабинку рядом с дверью, с этой стороны прозрачная стена выходила на посадочное поле. Это огромное бесцветное пространство бетона, залитое светом прожекторов, уходило в темноту, где с трех сторон высились гигантские очертания зданий. Одетые в спецодежду механики возились около нескольких посадочных ложементов. Рядом прохаживался полицейский в форме, лениво переговариваясь с техником. Настолько ли случайно он здесь оказался? Техник выглядел мрачным.

— О да,— сказал Лампи.— Перейдем к более веселым темам. Ты видел последнюю выставку Варшавского?

— А почему она кажется тебе такой веселой? — спросил Нэйсмит.— Это просто ужасно. Скульптуру не следует доводить до такой абстракции, как это делает он.

Хотя, обычно, у Братьев были похожие вкусы, окружающая обстановка могла изменить их. Нэйсмит и Лампи завязли в жестоком споре о современном искусстве. Он уже подходил к финалу, когда их прервали.

Занавеси кабинки были опущены. Сейчас они раздвинулись в стороны, и внутрь заглянула официантка. Она была молодой и с хорошей фигурой. Плотное облегающее ее тело короткое платье спортивного типа казалось нарисованным на ней. За ней было видно скопление людей в баре, оттуда доносился шум, гам и гул голосов. Несмотря на работающий вентилятор, в воздухе стоял сизый туман сигаретного дыма.

— Желаете повторить? — спросила девушка.

— Пока нет, спасибо,— ответил Нэйсмит, повернув к ней лицо в маске.

На явочной квартире он перекрасил свои желтые волосы в мышиный цвет, а Лампи сейчас был брюнетом, однако это не слишком помогло, у них просто не было времени, чтобы заняться более тщательной маскировкой. Нэйсмит сидел неподвижно, чтобы она случайным взглядом не определила, что его комплекция точно совпадает с комплекцией Лампи, и надеялся, что она не очень наблюдательна.

— Может, вам нужна компания? Я смогла бы это обеспечить.

— Нет, спасибо,— ответил Нэйсмит. — Мы ждем ракету.

— Я имею в виду позже. Прекрасные девочки. Вам они понравятся,— она одарила их механической ненатуральной улыбкой.

— М-м-м, хорошо...— Нэйсмит обменялся взглядом с Лампи, который кивнул. Он организовал встречу через час после приземления и сунул ей купюру. Она оставила ее, слегка скривив губы.

Лампи усмехнулся:

— Вряд ли это будет порядочно по отношению к парочке добросовестно работающих девочек,— сказал он.— Они будут нас ждать.

— Да. Пусть это поддержит стареньких бабушек.— Нэйсмит усмехнулся и поднял скотч к прорези для рта в своей маске.— Однако двум беглецам не стоит развлекаться таким образом.

— Как насчет американских гвардейцев?

— Скорее всего эти громилы отдыхают в баре. Ты не заметил их, когда мы вошли? У них должны быть друзья повсюду...

«Внимание! Первый челнок с «Фобоса» произведет посадку в течение ближайших десяти минут, он доставит половину пассажиров с Марса. Второй челнок последует через десять минут. Повторяю...»

— На каком из них находится Розенберг? — Нэйсмит пожал плечами.— Нам надо сейчас использовать наш шанс. Допивай.

Он похлопал по наплечной кобуре пистолета и поправил пиджак. Вместе с Лампи они взяли на явке бронежилеты и полуботинки, их маски служили защитой от игл, а защищенный пах было тяжело поразить через плащ, доходивший до колен. Они были довольно хорошо защищены от игольчатых пистолетов, если их опередят. Но не против пуль, если гвардейцы не побоятся стрелять ими в толпе. Два человека вышли из кабинки и смешались с людьми, крутившимися у выхода для пассажиров. Когда они приблизились к воротам, им пришлось отделиться от толпы и стать с краю группы встречающих. В толпе выделялась пара крепких мужчин в масках, прокладывавших плечами

путь к воротам. Один из них был в «Лунном Прыгуне», как вспомнил Нэйсмит.

У них не было фотографии Розенберга, а несвязное описание Сэмси не представляло особой ценности. Этот человек ничего из себя не представлял и должен был отсутствовать на Земле в течение многих лет. Но гвардейцы скорее всего знали, как он выглядит. А это значило, что...

Высоко в темнеющих небесах запылало красно-желтое зарево. Далекий гром перешел в завывающий, низкий вибрирующий рев, от которого задрожали кости и зазвенело в черепе. Нервы сжались от наводящих непонятный ужас неслышимых инфразвуковых вибраций. Корабль превратился в узкое копые, медленно оседающее на посадочный ложемент посредством радиоуправления. Химическое пламя ярко освещало бетонные заграждения. Когда корабль замер и его двигатели отключились, наступила звенящая тишина.

Началась бесконечная церемония. Механики подкатали трап, открылся наземный шлюз, из него показался стюард. Рядом стояла медицинская бригада, готовая сражаться с космической болезнью. Нэйсмит успел выкурить за это время сигарету. Он слегка переставил ноги и заставил нервы успокоиться.

Наконец вышли пассажиры. Полдюжины из них направились к воротам. Они останавливались один за другим у кабинки таможенника, чтобы поставить в паспортах штамп. Два гвардейца украдкой переглянулись.

Первым прошел низенький азиат. Затем появилась женщина-инженер в форме Космических Линий, ее пропустили без очереди, так как она держала на руках двух маленьких детей. Затем...

Он был небольшим кривоногим человечком с крючковатым носом и загорелой коричневой кожей, в поношенной одежде, тащившим за собой набитую дорожную сумку. Один из гвардейцев вежливо похлопал его по руке. Он посмотрел вверх, и Нэйсмит увидел, что его губы зашевелились. Из-за шума толпы нельзя было расслышать, что он сказал, но Нэйсмит смог представить его слова:

— В чем дело? Да, я — Барни Розенберг. Что вам нужно?

Ему что-то ответили. Коротышка кивнул с удивленным видом. В это время к нему протолкался второй гвардеец, и они вдвоем вывели его из толпы. Нэйсмит достал игольный

пистолет и, пряча его под полый плаща, бесшумно, как кошка, последовал за ними. Гвардейцы не повели Розенберга в тень за посадочным полем, а направились к «Лунному Прыгуну». У Розенберга не было причин подозревать их, особенно, если они предложили ему выпить.

Нэйсмит ускорил шаг и оказался за правым гвардейцем. Он не терял времени: пистолет был наготове, его дуло было направлено в бедро жертвы. Он выстрелил. Гвардеец задохнулся от вопля.

Лампи был уже слева, но он слегка замешкался. Противник молниеносным движением схватил финна за запястье. Нэйсмит перепрыгнул через первого гвардейца, который вцепился в него, оседая на колени, и ударил второго ребром ладони по шее, прямо у основания черепа. От удара хрустнули его собственные сухожилия.

— Что за черт... — Розенберг уже открыл рот, чтобы заорать. Времени для споров не было, и Лампи всадил в него иглу. С видом крайнего удивления старатель обмяк. Лампи подхватил его под руки и взвалил на плечо.

Похищение заметили. Кто-то закричал. Лампи перешагнул через два лежащих тела и последовал за Нэйсмитом.

Они быстро выскочили из дверей бара и рванули на улицу.

Сзади раздался пронзительный свисток. Они перепрыгнули через тротуар и пересекли улицу. Над ними навис трансконтинентальный грузовик «Дизель», его огни слились в один световой поток, рев двигателя, казалось, заполнил весь мир. Нэйсмиту показалось, что он снесет его. Однако его огромный корпус оказался прикрытием. Они перепрыгнули через противоположный тротуар, игнорируя взгляды прохожих, и скрылись в тени парка.

Завыла сирена. Добежав до спасительной тени дерева, Нэйсмит оглянулся назад. Он увидел двух приближавшихся полицейских, но они еще не засекли беглецов. Нэйсмит и Лампи нырнули в аккуратный садик, перепрыгивая через ограды и зигзагами удаляясь от преследователей. Под ногами хрустел гравий. Пробежав четверть парка, Нэйсмит направился к своему флаеру. Он ощупью открыл дверь и скользнул внутрь. Лампи забрался вслед за ним, запихнул Розенберга на заднее сиденье и захлопнул дверь. Флаер плавно влился в вереницу движущего транспорта. Вокруг было довольно мало автомобилей и шлюпок, и Нэйсмиту с трудом удалось среди них затеряться.

Лампи тяжело дышал. Огромный неоновый знак окрасил его маску в кровавый цвет.

— Что теперь? — спросил он.

— А теперь мы уберемся отсюда к чертовой бабушке, — сказал Нэйсмит. — Эти ребята хорошо работают. Я думаю, им не потребуется много времени, чтобы предупредить дорожную полицию, и те начнут останавливать и обыскивать все машины. Мы должны быть в воздухе до того, как это произойдет.

Они покинули кишачий людьми район магазинов и жилищ, и Нэйсмит запросил на пульте разрешение на взлет в южном направлении. Вспыхнул автоматический сигнал, направляя его в четвертый эшелон*. Он набрал указанную высоту и послушно пошел на юг по лучу. Проносившийся мимо транспорт походил на поток движущихся звезд.

Сердито замигал красный сигнал предупреждения.

— Быстро же они, — буркнул Лампи, чертыхаясь на четырех языках.

— Идем вверх, — сказал Нэйсмит.

Он пошел вертикально вверх, впритирку расходясь с судами на верхних уровнях, пока не оказался выше всех разрешенных высот полета. И продолжал подниматься, пока машина не вошла в нижние слои стратосферы. затем он на предельной скорости повернул на запад.

— Мы пойдем над Тихим, — объяснил он. — Потом найдем себе славный островок с деревьями и притаимся до завтрашнего вечера. Будет не слишком удобно, но это придется сделать, немного еды у меня с собой есть. — Он ухмыльнулся под своей маской. — Надеюсь, ты любишь консервированные бобы, Юхо.

— А потом?..

— Я знаю еще один остров неподалеку от побережья Калифорнии, — сказал Нэйсмит. — Мы замаскируем этот флаер на первой стоянке, разумеется, сменив номера, опознавательный сигнал и прочее. Потом в другом месте мы заправимся и я сделаю один важный звонок. Можешь прозакладывать последнюю марку, что враг знает, кто все это натворил, и предупредит на этот раз всех операторов заправочных станций. Но там, куда мы идем, работает рас-

* Эшелон — диапазон высот, указанный диспетчером для данного летательного аппарата на данном маршруте. (Прим. перев.)

сеянный старый чудак, которого будет нетрудно про- вести.— Он нахмурился.— Правда, на это уйдут мои последние наличные. Придется каким-то образом доставать еще, если мы будем продолжать в нынешнем стиле.

— Куда мы отправимся оттуда? — спросил Лампи.

— На север, полагаю. Мы должны где-то спрятать Розенберга, а ты...— Нэйсмит покачал головой, чувствуя в ней тупую боль. Это был конец маскарада. Дженни Доннер поймет.

Поначалу Барни Розенберг не поверил всему этому. Он был слишком потрясен. Гвардейцы просто рассказали ему, что они представляют некую, конкретно не названную, компанию, подумывающую о предприятиях на Марсе и желающую с ним проконсультироваться. Ему предложили номер в отеле и пообещали приличный гонорар. Теперь он смотрел на своих похитителей растерянными глазами, тре- буя объяснить, кто же они такие.

— Думаешь, мы были бы настолько глупы, чтобы тас- кать повсюду наши настоящие идентификаторы? — фырк- нул Нэйсмит.— Тебе просто придется поверить нам на слово, что мы оперативники ООН — так или иначе, до тех пор, пока мы не сможем подтвердить это без риска для себя. На Земле спустили с привязи дьявола, и тебе нужна защита. Эти парни охотятся за твоими знаниями, и как только они их получают, ты станешь трупом.

Розенберг переводил взгляд с одного лица в маске на другое. В голове у него был туман, наркотик в ней еще чувствовался и он не мог мыслить четко. Но эти голоса...

Ему казалось, что он помнит эти голоса. Оба. Лишь они были теми же самими.

— Я ничего не знаю,— слабым голосом произнес Розенберг.— Я просто старатель, вернувшийся домой с Марса.

— У тебя должна быть информация — это единствен- ное разумное объяснение,— сказал Лампи.— Ты что-то узнал на Марсе, что так важно для них, возможно, для всего мира. Что?

Фиери в Сухом Каньоне и Пилигрим, который был так нетерпелив...

Розенберг тряс головой, стараясь прояснить ее. Он по- смотрел на две большие закутанные фигуры по обе сто- роны от него. Снаружи несущегося флаера была темнота.

— Кто вы? — прошептал он.

— Я же тебе сказал, что мы друзья. Ооновцы. Секретные агенты.— Нэйсмит положил руку на плечо Розенберга.— Мы хотим тебе помочь, вот и все. Мы хотим защитить тебя и то, что ты знаешь.

Розенберг покосился на руку — сильную, мускулистую, короткопалую, с тонкими золотистыми волосками на тыльной стороне пальцев. Но нет, нет, нет! Сердце его заколотилось так, что он испугался, как бы оно не разнесло на куски его ребра.

— Покажите мне ваши лица,— задыхаясь произнес он.

— Ладно — почему бы и нет?

Нэйсмит и Лампи сняли свои маски. Тусклый свет от панели озарил одинаковые лица; широкие, костистые, голубоглазые. У каждого над выступающим треугольником носа было по глубокой морщине. Левое ухо было больше, чем правое. У обоих мужчин была манера чуть наклонять голову набок, когда они слушали.

Скажем ему, что мы братья-двойняшки, одновременно подумали Нэйсмит и Лампи.

Розенберг рухнул на сиденье. В горле у него тоненько пискнуло.

— Стеф,— пробормотал он.— Стефан Ростомили.

Х

Новости сообщили о кризисе в ООН. Этьен Фурье, при поддержке Президента ООН, заявлял, что правительство Китая выдвигает фантастические обвинения для того, чтобы прикрыть свои собственные махинации. Полномасштабное расследование показало полный порядок. Однако — как указал Бессер, Министр Международных Финансов,— когда под подозрением сама официальная служба расследований, кому можно доверить интерпретацию фактов?

В Соединенных Штатах Безопасность выслеживала опасного шпиона и врага народа. Подробное описание Доннера-Нэйсмита-Лампи было на всех экранах. Теоретически, американский Президент мог бы отозвать охоту, но это означало бы волнение в тонко сбалансированном Кон-

грессе: было бы голосование о доверии, и если бы Президент его потерял, ему и его кабинету пришлось бы уйти в отставку — и кого бы избрали на смену? Но Нэйсмит и Лампи обменялись ухмылками, услышав, как Президент заявляет в интервью, что, по его мнению, этот интенсивно разыскиваемый шпион состоит на жаловании у Китая.

Официально Канада сотрудничала с Соединенными Штатами в охоте на беглеца. Фактически же Нэйсмит был уверен, что это блеф, подачка антиооновским элементам в Доминионе. Мексика ничего не предпринимала — но это означало, что за мексиканской границей теперь наблюдают более пристально.

Это не могло долго продолжаться. Ситуация была настолько нестабильна, что ей придется закончиться, так или иначе, в последующие несколько дней. Если люди Хесслинга заполучат Брата... Выживет или нет организация Фурье, она все равно потеряет свое самое ценное и самое секретное имущество.

Но главной проблемой, мрачно размышлял Нэйсмит, было удержать над водой голову самого Фурье. Главной задачей всей этой шумихи было дискредитировать этого человека и его в муках выстроенную Службу и заменить его и ключевой персонал националистскими марионетками. Все последующие стадии работы покажутся врагу простыми.

И что я могу сделать?

Нэйсмит ощутил приступ беспомощности. Человеческое общество стало слишком большим, слишком сложным и слишком мощным. Это была машина, катящаяся вслепую куда попало, а он был мухой, попавшей в механизм.

В этой машине был единственный хрупкий регулятор, один-единственный, и, если он сломается, вся штукавина разлетится на куски. Что делать? Что делать?

Он пожал плечами, отгоняя отчаяние, и сосредоточился на ближайшем моменте. Первым делом нужно было получить информацию Розенберга.

Остров был низкой песчаной выпуклостью в безбрежности океана. На нем росла жесткая трава и несколько деревьев, покореженных сильными ветрами. Посреди дюн располагалась крохотная деревушка. Нэйсмит высадил Лампе на дальней стороне острова, где тот должен был

прятаться, пока они не вернутся за ним. Розенберг натянул маску Финна, и они с Нэйсмитом перелетели через остров на заправочную станцию. Пока резервуары их фляера наполнялись, они вошли в общественную кабинку связи.

Петер Кристиан, в Мехико-Сити — Нэйсмит набрал номер, данный ему Аббатом. Это казалось беспроектным делом. Разве парень не прошел Синтез-обучение? Может, его логика окажется в состоянии интегрировать этот бессмысленный поток данных. Нет сомнения, каждый звонок через любую границу отслеживался, незаконно, но тщательно. Однако в кабине был скрэмблер. Нэйсмит скормил ему монетку, но это не сразу его активировало.

— Могу я поговорить с Петером Кристианом? — спросил он у слуги, чье лицо появилось на экране. — Скажите ему, что звонит его кузен Джо. И передайте ему следующее: «Оборванный негодяй весело косится, не торгующие вразнос малыши».

— *Сеньор?* — на коричневом лице было изумленное выражение.

— Это личный сигнал. Запиши его, пожалуйста, чтобы все передать правильно. — Нэйсмит медленно продиктовал. — «Оборванный негодяй...»

— Да, понимаю. Подождите, пожалуйста, я позову молодого джентльмена.

Нэйсмит постоял минуту, созерцая экран. Он смог смутно различить за ним комнату, солидно и симпатично обставленное помещение. Потом постучал по кнопкам скрэмблера. Их было восемь, нажимать можно было в любом порядке, это давало 40.320 возможных комбинаций. Ключевыми буквами, известными каждому Брату, в данный момент были MNTSRPBL, а «оборванный негодяй» дал Кристиану порядок их расположения, используемый Нэйсмитом. Если люди Хеслинга соберутся проиграть свои записи подслушанного разговора, кодовая фраза не поможет им разобраться, не зная ключа. С другой стороны, это не будет доказательством того, что звонил объект их охоты; подобные устройства для обеспечения приватности не были необычными.

Нэйсмит сделал непрозрачными стены кабинки и снял маски с себя и с Розенберга. Маленький мужчина был в загипнотизированном состоянии, полностью погрузившись в прочитанный им на Марсе манускрипт Фиери. Он уже рисовал структурные формулы молекул.

Случайные пятна и шум исчезли с экрана, когда Петер Кристиан на своем конце линии установил скрэмблер. На Нэйсмита оттуда взглянуло его собственное лицо — рослый блондин шестнадцати лет от роду, покрытый потом и слегка запыхавшийся. Он ухмыльнулся своему Брату.

— Прости, что так долго, — сказал он. — Я работал в спортзале. У меня новый механо-волейбол для совершенствования, выглядит многообещающе.

Его английский был беглым, и Нэйсмит не видел резона пользоваться своим испанским, потому что сам его уже слегка подзабыл.

— Чей ты приемный сын? — спросил мужчина. Обычай приватности не имели большого значения в Братстве.

— Хольгер Кристиан — профессиональный датский дипломат, в данный момент посол в Мексике. Они хорошие люди, он и его жена.

Да, подумал Нэйсмит, должно быть, если позволили своему приемному сыну, даже при его явно блестящих способностях, заняться Синтезом. Многопорядковое интегрирующее образование было столь новым и неистынным, а его выпускникам придется выполнять их собственную работу. Но нужда была отчаянная. Науки стали слишком велики и слишком сложны, как и все остальное, а между специальностями было слишком много перехлестов. Дальнейший прогресс требовал полностью обученного синтезирующего менталитета.

И сам прогресс больше не был чем-то, оправдываемым лишь викторианским предубеждением. Это был вопрос выживания. Пришлось отыскать какие-то способы создания стабильного общественного и экономического порядка, в лице непрерывного революционного изменения. Техническое развитие все в большей и большей степени становилось горькой необходимостью. Синтез нефти на атомной энергии едва поспел вовремя, чтобы спасти сидящую на голодном топливном пайке Землю от промышленного краха. Теперь пришлось изобретать новые виды атомного горючего, прежде чем истощатся старые руды. Нарастающую волну неврозов и сумасшествий среди интеллигентов и апатии среди равнодушных пришлось останавливать прежде, чем наступят новые Годы Безумия. Нужно было восстановить поврежденную интенсивной радиацией наследственность, прежде чем опасные рецессивные признаки распространятся по всей человеческой популяции.

Следовало усовершенствовать теорию связи, являющуюся базисом для современной науки и социологии. Следовало... К чему перечислять? Человек зашел слишком далеко и слишком быстро. Теперь он балансировал на лезвии ножа над красными безднами ада.

Завершив свое образование, Петер Кристиан, понимает он это или нет, станет одним из наиболее важных людей Земли. Разумеется, даже его приемные родители не знали, что одним из его инструкторов в Синтезе был ооновец, тихо обучавший его тонкостям секретной службы. Они, вне всякого сомнения, не знали, что их такой нормальный и здоровый мальчик уже посвящен в члены группы, само существование которой было нигде не записанной тайной.

Первые Братья выросли в семьях ооновцев-техников и операторов, бывших в проекте с самого начала. В малом масштабе эта практика продолжалась, но большинство новых детей были отданы на усыновление через признанные агентства по всему миру — будучи сначала обеспечены тщательно сфальсифицированной биографией. С учетом стерильности и боязни мутаций, трудностей с помещением хорошо выглядящего ребенка мужского пола в семьи с высоким положением не было. С младенчества Брат находился под влиянием — друг семьи, педиатр, инструктор, адвокат, министр, любой, кто имел возможность время от времени поговорить наедине с мальчиком, становился в свободное время сотрудником Фурье и помогал склонять растущую личность на правильный путь. В ней были заложены предпосылки к тому, чтобы Брат мог принять правду и хранить этот секрет с двенадцатилетнего возраста и чтобы он никогда не отказывался стать ооновцем. С этого времени прогресс шел быстрее. Братья были скороспелыми: Нэйсмиту было только двадцать пять, а свою первую миссию он выполнил в семнадцать; Лампи был авторитетом в своей области в двадцать три. Не будет никаких колебаний при взваливании этой ответственности на Кристиана, даже если бы был какой-то выбор в этом вопросе.

— Слушай,— сказал Нэйсмит.— Ты знаешь, что весь ад сорвался с цепи и что американские безопасники намереваются изловить нас. Собственно, я именно тот, на кого они, по их мнению, охотятся. Но мы с Лампи, финским Братом, наложили лапу на Барни Розенберга с Марса. У него есть некоторая информация, нужная врагу.

Мужчина знал, что должен был подумать мальчик — в определенном смысле, это были его собственные мысли — и поспешно добавил:

— Нет, мы не раскрывали ему секрета, хотя тот факт, что он был близким другом Ростомили, создает затруднительное положение. Но это также заставляет его доверять нам. Он читал доклад о Фиери на Марсе, имеющий отношение к методу замедленной жизнедеятельности. Он сейчас передаст это тебе, будь готов записывать.

— Хорошо, *ja, si*.

Кристиан ухмыльнулся и щелкнул переключателем. Он был еще достаточно молод, чтобы счесть это восхитительным приключением в духе рыцарей плаща и кинжала. Ладно, он узнает, и познание будет маленькой смертью внутри него.

Розенберг начал говорить, мягко и очень быстро, вставляя в нужных местах свои структурные формулы и химические уравнения. Это заняло чуть больше часа. Кристиану давно стало бы скучно, не будь он так заинтересован этим материалом; Нэйсмит с несчастным видом курил и потел. В любой момент могли возникнуть подозрения, разоблачение... В будке становилось жарко.

— Это все, я полагаю,— сказал Нэйсмит, когда старатель иссяк.— Что ты об этом думаешь?

— Эй, это же сенсация! Это подгонит биологию на два десятилетия! — глаза Кристиана сияли.— Хирургия — да, это очевидно. Методики исследований — *Gud Fader i himlen*, это же открытие!

— И почему, как ты думаешь, это так важно для врага? — оборвал его Нэйсмит.

— Разве не ясно? Военные применения, человеке! Ты можешь использовать легкую дозу для иммунизации против ужасных ускорений. Или можно упаковать космический корабль людьми в состоянии холодного сна, загрузить их почти как ящики и не беспокоиться в дороге о припасах. Значит, можно брать приличных размеров армию с планеты на планету. И разумеется, исследовательский аспект. Используя то, что можно узнать с помощью метода замедления жизнедеятельности, биологические приемы ведения войны удастся вывести на совершенно новый план.

— Так я и думал,— устало кивнул Нэйсмит.

Это была все та же старая история, затасканная сказка ненависти, смерти и притеснения. Логическим заверше-

нием научных методов ведения войны было то, что *все* данные становились военными секретами — общество без обратной связи или стабильности. Именно против этого он и боролся.

— Хорошо, что ты можешь с этим сделать?

— Я расшифрую запись — нет, лучше оставить ее зашифрованной — и доставлю ее нужным людям. Хм — дайте мне небольшую лабораторию, и я возьмусь развить некоторые фазы сам. В любом случае, мы не можем позволить врагу получить это.

— Вероятно, мы уже дали им все. Есть шансы, что они прослушивают эту линию. Но они не могут справиться с нашей записью, испытывая все возможные комбинации расшифровки, меньше, чем за несколько дней, особенно, если мы будем держать их занятыми. — Нэйсмит подался вперед, его измученные глаза впились в экран. — Пит, как у сына дипломата, твое представление об общей военно-политической картине должно быть более точным. Что мы можем сделать?

Кристиан минутку посидел молча. На юном лице было необычно отстраненное выражение. Его тренированный ум собирал логические сети неведомым предшествующей истории образом. Наконец он снова посмотрел на мужчину.

— Восемьдесят процентов вероятности, что во главе банды стоит Бессер, — сказал он. — Ты знаешь, шеф международных финансов. Это моя личная оценка; у меня нет данных Фурье, но я использовал основу прошлой истории Бессера и известный характер, недавнюю историю его страны, необходимые связи для установления анти-ооновской организации в планетарном масштабе с минимальными усилиями, и... неважно. Тебе уже с высокой вероятностью известно, что Роджер Уэйд является шефом для Северной Америки. Мне трудно предсказать действия Бессера, поскольку, несмотря на его известность, он использует приватность как прикрытие для относящихся к делу психологических данных. Если мы примем, что он действует, основываясь на аксиоме выживания, и логически не учитывая его неадекватного обучения основам современной социо-теории и его личных пристрастий...

— Бессер, а? У меня у самого были подозрения, помимо того, что мне рассказывали. Финансовая интеграция продвигалась довольно медленно с тех пор, как он

занял этот пост. Не имеет значения. Нам нужно ударить по его организации. Что делать?

— Мне нужно больше данных. Сколько американских Братьев находятся в Штатах в подполье, чтобы с ними можно было связаться?

— Откуда мне знать? Все, что я могу, это попытаться удрать из страны. Я здесь только потому, что достаточно знаю об общей ситуации, чтобы от моих действий была польза, надеюсь.

— Ладно, думаю, что могу разыскать нескольких в Мексике и Южной Америке. У нас свои собственные каналы связи. И я могу воспользоваться закрытой дипломатической линией моего «отца», чтобы выйти на контакт с Фурье. Этот Лампи у тебя с собой, я полагаю?

Кристиан какое-то время посидел в угрюмой неподвижности. Потом сказал:

— Я могу только предложить — и это весьма скользкая догадка, — чтобы вы двое позволили захватить себя.

Мужчина вздохнул. Он вполне этого ожидал.

Нэйсмит осторожно повел флаер вниз как раз тогда, когда первый холодный свет восхода прокрался на небо. Он облетел на бреющем полете узкий уступ, где должен был приземлиться, развернулся и выпустил шасси. Когда оно коснулось поверхности, контакт был жестким, резким, так что зубы лязгнули. Он вырубил мотор и наступила тишина.

Если Дженни была настороже, то она сейчас держит его на мушке. Он открыл дверь и громко крикнул:

— Крокодилы зеленеют в Ирландии.

Потом шагнул наружу и огляделся.

Горы маячили неясными тенями. Рассвет лежал на их пиках, словно лепестки роз. Воздух был свеж и морозен, напоенный густым ароматом сосен, под ногами была роса, вспугнутые птицы кричали в небе. Далеко внизу под ним грохотала и бурлила река.

Розенберг одеревенело выкарабкался за ним и прислонился к флаеру. Земная гравитация изматывала его мускулы, он замерз, проголодался и жестоко устал, а эти люди, призраки его юности, не говорили ему, что это за тьма лежала над миром. Он вспомнил тонкий, горький марсианский восход, мрачную пустыню, пробуждающуюся к

жизни моросью, и единственную скалу, выгравированную на фоне пустоты. Тоска по дому жила в нем постоянной болью.

Вот только — не помнил он, что Земля может быть такой прекрасной.

— Мартин! О, Мартин!

По тропе спускалась женщина, скользя на мокрой хвое. Ее черные, как вороново крыло, волосы облаком окружали храбро поднятую голову, а в глазах ее был свет, уже забытый Розенбергом.

— О, дорогой мой, ты вернулся!

Нэйсмит прижал ее к себе, жадно целуя. Еще одна минута, одна маленькая минута, прежде чем появится Лампи, разве это слишком много?

У него не было возможности оставить финна где-нибудь раньше. В Америке не было надежных укрытий, теперь, когда их разыскивали безопасники. Позднее могло не найтись надежного места встречи, а Лампи мог понадобиться. Ему пришлось приехать с ними.

Разумеется, финн мог остаться в маске и молчать все время, что он был в коттедже. Но Розенберга пришлось бы оставить там, это было лучшим укрытием для него. Старатель сохранит в секрете тот факт, что его доставили сюда двое идентичных мужчин, тут ему можно было доверять — а может быть, и нет. Он был проницателен; разговоры Дженни навели бы его на какие-нибудь подозрения об истинном положении вещей, и он легко мог бы решить, что она стала жертвой подлого трюка, и что следует предоставить ей факты. Потом могло случиться все, что угодно.

О, с некоторыми предосторожностями Нэйсмит мог бы, вероятно, еще какое-то время скрывать от девушки свою истинную природу. Розенберг вполне мог бы держать рот на замке по его просьбе. Но больше не было никакого смысла в сокрытии от нее фактов — она не будет захвачена бандой прежде, чем они захватят самого ооновца. В любом случае, следовало ей рассказать, раньше или позже. Мужчина, которого она считала своим мужем, возможно, собирався на смерть, и ей, пожалуй, было бы лучше особо не думать о нем и не испытывать никаких страхов и никаких сожалений на его счет. Хватит с нее одной смерти.

Он положил ладони на ее тонкие плечи и чуть отодвинулся назад, глядя ей в глаза. Его собственные глаза сощу-

рились. Как это должно быть ей знакомо. Они были неестественно яркими в сиянии рассвета. Когда он заговорил, это был почти шепот.

— Дженни, милая, я принес плохие новости.

Нэйсмит почувствовал, как Дженни застыла под его руками, увидел напрягшееся лицо и услышал легкий свист втягиваемого воздуха. Вокруг ее глаз были черные круги, она не могла толком спать, пока его не было.

— Это дело абсолютно секретное,— продолжил он, безжизненным голосом.— Никто, повторяю, никто не должен об этом слышать. Но у тебя есть право на правду.

— Продолжай.— Голос ее был на грани хрипоты.— Я могу это выдержать.

— Я не Мартин Доннер,— сказал он.— Твой муж мертв.

Дженни стояла неподвижно еще одно биение сердца, а потом резко высвободилась. Одну руку она поднесла ко рту. Другая была приподнята, словно для того, чтобы оттолкнуть его.

— Мне пришлось притвориться, чтобы забрать тебя без какого-либо шума,— продолжал он, глядя в землю.— Враг бы пытал тебя, может быть. Или убил бы тебя и Джимми. Я не знаю.

За спиной Нэйсмита вырос Юхо Лампи. На лице его было сочувствие. Дженни отступила назад, онемев.

— Тебе придется остаться здесь,— мрачно сказал Нэйсмит.— Это единственное безопасное место. Вот мистер Розенберг, которого я оставляю с тобой. Даю тебе гарантию, что он совершенно неповинен в том, что было сделано. Я никому из вас не могу сказать больше ничего.

Он сделал длинный шаг к ней. Она стояла на месте, не двигаясь. Когда Нэйсмит взял ее ладони в свои, они были холодными.

— Если не считать того, что я люблю тебя,— прошептал он.

Потом, развернувшись, он оказался лицом к лицу с Лампи.

— Мы почистимся и позавтракаем здесь,— сказал Нэйсмит.— После этого отправимся.

Дженни не последовала за ними в дом. Джимми, проснувшись от поднятого ими шума, был рад возвращению своего отца (Лампи снова надел маску), но Нэйсмит уделил ему до разочарования мало внимания. Он сказал

Розенбергу, что троим из них следует оставаться здесь, сколько возможно, прежде чем отправляться к деревне, но есть надежда, что оттуда вышлют за ними лодку через несколько дней.

Лицо Дженни было холодным и бескровным, когда Нэйсмит и Лампи пошли обратно к машине. Когда она улетела, Дженни расплакалась. Розенберг хотел было уйти и дать ей разобраться с этим самой, но она слепо ухватила за него, и он утешил ее, насколько смог.

XI

Попасть в плен трудности не составило. Нэйсмит просто забрел в общественную уборную в Юните Орегон и стянул маску, чтобы умыться; стоявший рядом мужчина спешно выскочил, а когда Нэйсмит вышел, то был сбит шокером полицейского Юнита. Вот то, что случилось потом, стало тяжелым испытанием.

Он очнулся, раздетый и в наручниках, в клетке, совсем незадолго до появления команды безопасников, прибывших, чтобы увести его.

Это потребовало дополнительных предосторожностей в виде связывания ему лодыжек, прежде чем запихать его в джет. Он кисло усмехнулся, приняв это как своего рода комплимент. Говорилось мало, пока джет не сел в секретной штаб-квартире, бывшей по совместительству ранчо в Вайоминге.

Там они взяли его в работу. Он смиренно покорился всем идентификационным процедурам, о каких только слышал. Флюороскоп не показал в его теле ничего спрятанного, кроме коммуникатора, и заговорили было об извлечении его хирургическим путем; но решили подождать распоряжений от вышестоящих, прежде чем предпринимать такую попытку.

Его допрашивали, а поскольку он убил двоих или троих их братьев, то при этом использовались методы, стоившие ему пары зубов и бессонной ночи. Он сказал им свое имя и адрес, но больше практически ничего.

Приказы пришли на следующий день. Нэйсмита захихикали в еще один джет и полетели с ним на восток. Вблизи цели джет обменяли на заурядный, неприметный флаер. Приземлились после наступления темноты на землях большого нового особняка в западной Пенсильвании — Нэйсмит припомнил, что здесь жил Роджер Уэйд — и его ввели внутрь. Под жилыми этажами была звукоизолированная комната с полным набором инструментов для допросов. Пленника усадили в снабженное ремнями кресло, привязали и оставили на время, чтобы он обдумал свое положение.

Он вздохнул и попытался расслабиться, откинувшись на металлическую спинку кресла. Это было неудобное сиденье, холодное и жесткое, когда оно прижималось к его обтянутой коже. Помещение было длинным, с низким потолком, скучное в белом сиянии мощных флуоресцентных ламп, и полнейшая тишина в нем заглушала его дыхание и сердцебиение. Воздух был прохладен, но это поглощение звуков почему-то совершенно задушило его. Он сидел лицом к бесстрастным циферблатам детектива лжи и электрического нейровибратора, а тишина нарастала и нарастала.

У него болела голова, и он страстно желал сигарету. Глаза после бессонной ночи были словно песком засыпаны, во рту был отвратительный вкус. Однако большую часть его мыслей занимала Дженни Доннер.

Немного погодя открылась дверь в конце комнаты и к нему медленно направилась группа людей. В авангарде он узнал массивную фигуру Уэйда. За ним тащился бородастый мужчина с худым, желтоватым лицом; молодой парень, худой, как рея, с мертвенно-белой кожей, нервно сжимающий и разжимающий кулаки; сухопарая невзрачная женщина; и неизвестный ему коренастый, плотного сложения, подчиненный, предположительно безопасник на жаловании у Уэйда. Прочие были знакомы по досье Службы: Левин, личный врач Уэйда; Родни Борроу, его главный секретарь; Марта Дженнингс, американист-организатор. В их глазах была смерть.

Уэйд напрямик направился к Нэйсмицу. Борроу притащил ему стул, и он сел и взял сигарету. Никто не заговорил, пока он не зажег ее. Потом он выдохнул дым в сторону Нэйсмита и мягко сказал:

— Согласно официальным записям, ты на самом деле Роберт Нэйсмит из Калифорнии. Но скажи мне, это лишь еще одна фальшивая личность?

Нэйсмит пожал плечами.

— Тожественность* — это философская категория, — ответил он. — Где заканчивается подобие и начинается тождественность?

— Хм, — Уэйд медленно кивнул. — Мы убили тебя по меньшей мере однажды, и я подозреваю, больше, чем однажды. Но являешься ли ты Мартином Доннером, или ты его двойник? И в последнем случае, как получается, что вы двое, или трое, четверо, пятеро, десять тысяч — являетесь полностью идентичными?

— Ну, не совсем, — сказал Нэйсмит.

— Не-е-е-т, есть маленькие шрамы и особенности, вызванные обстоятельствами — и привычки, язык, акцент, занятие. Но с точки зрения полиции ты и Доннер являетесь одним и тем же человеком. Как это сделано?

Нэйсмит улыбнулся.

— Сколько мне предложат за эту информацию? — парировал он. — Равно, как и за прочую информацию, которая, как вы понимаете, у меня есть?

— Так. — Глаза Уэйда сузились. — Тебя не захватили — на самом-то деле. Ты сдался.

— Может быть. Вы еще кого-нибудь поймали?

Уэйд переглянулся с офицером Безопасности. Потом, решившись, отрывисто заговорил.

— Час назад мне доложили, что мужчина, отвечающий твоему описанию, был адресован в Миннесоте. Он признался, что он Юхо Лампи из Финляндии, и я склонен поверить ему, хотя мы еще не проверили записи в месте прибытия. Скольких из вас мы еще можем рассчитывать встретить?

— Сколько вам будет угодно, — сказал Нэйсмит. — А может, и больше.

— Хорошо. Ты сдался. Ты должен понимать, что у нас никаких причин щадить твою жизнь — или жизни. Что ты надеешься приобрести?

* Игра слов. В английском языке слово «identity» имеет, кроме значения «личность», также значение «тождественность». (Примеч. перев.)

— Компромисс,— ответил Нэйсмит.— Разумеется, включающий наше освобождение.

— Сколько ты соизволишь нам теперь рассказать?

— Естественно, как можно меньше. Нам придется поторговаться.

Морочь им голову! Морочь им голову, чтобы оттянуть время! Сообщение из Рио должно скоро прийти. Оно должно прийти, иначе мы все мертвецы.

Борроу наклонился над плечом своего хозяина. Голос его был высоким и надтреснутым, он едва заметно заикался.

— Как мы узнаем, что ты говоришь правду?

— А как вы это узнаете, даже если будете меня пытаться? — Нэйсмит пожал плечами.— Ваши ищейки должны были доложить, что у меня иммунитет к наркотикам.

— Способы все же есть,— сказал Левин. Его слова тускло падали в заглушающей их тишине.— Префронтальная лоботомия обычно эффективна.

Да, это враг. Это люди тьмы. Это те люди, что в иные времена посылали на костер еретиков, или кормили печи Бельзена, или начиняли ракеты радиоактивной смертью. Теперь они вскрывают черепа, полосая мозг. Спорь с ними! Пусть они пинают, и бьют, и хлещут тебя, но не дай им узнать...

— Наша сделка может оказаться не имеющей силы, если вы это сделаете.

— Существенным элементом сделки,— напыщенно произнес Уэйд,— является свободная воля и желание обеих сторон. Ты не свободен.

— Но это не так. Вы убили одну из моих ипостасей и захватили двух других. Откуда вам знать количество моих копий, все еще остающихся на свободе, там, в ночи?

Борроу и Дженнингс сверкнули обеспокоенными глазами в сторону гладких голых стен. Женщина вздрогнула, хоть и едва заметно.

— Нам не нужно действовать грубыми методами,— сказал Левин.— Есть детектор лжи, в конце концов. Ценность его ограничена, но этот человек слишком стар, чтобы иметь Синтез-обучение, так что он не сможет слишком уж его одурачить. Потом, есть инструменты, которые заставляют человека жаждать возможности рассказать все. У меня здесь есть генератор хлора. Нэй-

смит. Как тебе понравится вдохнуть несколько затяжек хлора?

— Или просто тиски, приложенные к нужному месту,— резко произнесла Дженнингс.

— Прервитесь на минуту,— приказал Уэйд.— Давайте выясним, что он пожелает открыть без подобных методов убеждения.

— Я сказал, что буду торговать информацией, а не отдавать ее,— сказал Нэйсмит.

Он желал бы, чтобы пот не тек по его лицу и телу на виду у всех них. В его ноздрях остро стоял запах примитивного, неуправляемого страха; не страха смерти, но мук и увечий, что зачастую хуже, чем забвение.

— Что ты хочешь знать? — презрительно бросил офицер Безопасности.

— Ну,— сказал Нэйсмит,— первым делом, я хотел бы узнать цели вашей организации.

— Что такое? — Уэйд замигал, обратив к Нэйсмиту тяжелое лицо, на щеках у него выступила краска гнева.— Давай не будем играть в ясельные игры. Ты знаешь, чего мы хотим.

— Нет, серьезно, я озадачен.— Нэйсмит заставил голос смягчить интонации,— я понимаю, что вам не нравится статус кво и вы хотите его изменить. Но вы все сейчас хорошо обеспечены. Что вы надеетесь получить?

— Что... Вот что! — Уэйд сделал жест офицеру, и голова Нэйсмита зазвенела от удара.— У нас нет времени слушать твои дурацкие шуточки.

Нэйсмит злобно ухмыльнулся. Если он сумеет довести их до безумия, поиграть на их искаженных эмоциях, пока над ними не возьмет верх нерассуждающий таламус — ему, конечно, придется нелегко, но это отсрочит их настоящие намерения.

— О, я догадываюсь,— сказал он.— Это личное, да? Никто из вас на самом деле не знает, что движет вами, если не считать тех тупых шакалов, кто присоединился к вам просто потому, что это оплачивается лучше, чем любая работа, которую они могли бы получить по своим способностям. Вроде тебя, например.— Он взглянул на безопасника и нарочно презрительно усмехнулся.

— Заткнись.— На этот раз удар пришелся в челюсть.

Изо рта побежала кровь, и он слегка обмяк на держащих его ремнях. Но его голос дразняще возвысился.

— Возьмем, к примеру, мисс Дженнингс. Хотя я этого не сделаю, даже если мне заплатят. Ты внутри вся скрученная, правда? Слишком уродлива, чтобы заполучить мужика, слишком запугала сама себя, чтобы пройти хирургическое remodelирование. Ты пытаешься сублимировать свой неуклюжий комплекс в патриотизм — и что за символ на флаге? Замечу, что именно ты высказала это чрезвычайно личное предложение насчет того, как меня пытать.

Она отпрянула, с яростью бичуемого животного. Безопасник извлек кусок шланга, но Уэйд жестом велел ему отойти. Лицо вождя одеревенело.

— Или Левин — еще один случай психотической фрустрации. — Нэйсмит улыбнулся врачу, не разжимая губ. Улыбка на разбитых губах была неприятной. — Ручаюсь, если бы тебя не наняли, тебе бы пришлось работать задаром. У грошового садиста в наше время проблемы с поиском рынков сбыта.

— Теперь перейдем к Родни Борроу.

— Заткнись! — завопил худой мужчина. Он рванулся вперед. Уэйд отшвырнул его назад тяжелой рукой.

— Экзоген! — Улыбка Нэйсмита потеплела, став почти сочувствующей. — Слишком плохо, что человеческий экзогенез развивался во время Годов Безумия, когда моральные устои полетели к чертям, а ученые были такими же фанатиками, как и все прочие. Он вырастили тебя в резервуаре, Борроу, и твоя жизнь до рождения, которая, согласно всем унаследованным инстинктам, должна была быть теплой, темной и защищенной, была крошечным изучением — яркий свет, зонды, микропробы, взятие из твоих тканей. Они узнали кучу всего о человеческом плоде, но им следовало бы убить тебя, вместо того, чтобы позволять этой патетически трепещущей массе агрессивных психозов разгуливать живьем. Если это можно назвать жизнью, Экзоген.

Борроу ринулся мимо Уэйда. С губ его стекала слюна, он нацеливался скрюченными пальцами в глаза Нэйсмицу. Безопасник оттащил его назад и он внезапно рухнул в истерических рыданиях. Нэйсмит содрогнулся. *Милостивый Боже...*

— А как насчет меня? — спросил Уэйд. — Этот любительский анализ весьма забавен. Пожалуйста, продолжай.

— Стимул вины. Сверхкомпенсация. Служба расследовала твою подноготную детских и юношеских лет и...

— И?

«Давай, Роджер. Это весело. Это ничуть не больно».

Большой мужчина застыл в неподвижности, словно железная балка. Долгое мгновение не было ничего, ни единого звука, кроме всхлипываний Борроу, ни единого движения. Лицо Уэйда посерело.

Когда он заговорил, голос его звучал, словно он задыхается:

— Думаю, тебе лучше включить тот генератор хлора, Левин.

— С удовольствием!

Нэйсмит покачал головой.

— И вы, люди, хотите управлять действительностью,— пробормотал он.— Предполагалось, что мы перевернем мир медленно, восстанавливая его нормальную психику для таких, как вы.

Генератор зашипел и забулькал за его спиной. Он мог бы повернуть голову, чтобы увидеть его, но это было бы поражением. А он нуждался в каждом обрывке гордости, оставаясь в этом последнем одиночестве.

— Дай мне управлять генератором,— прошептал Борроу.

— Нет,— сказал Левин.— Ты можешь убить его слишком быстро.

— Может, нам следовало бы подождать, пока сюда доставят этого Лампи,— сказала Дженнингс.— Пускай бы посмотрел, как мы обрабатываем Нэйсмита.

Уэйд покачал головой.

— Может, позднее,— сказал он.

— Я замечу, что вы так и не попытались выяснить, что я желаю рассказать вам без принуждения,— вставил Нэйсмит.

— Что ж, вперед,— сказал Уэйд ровным голосом.— Мы слушаем.

Немного времени, лишь еще немного времени, если я смогу заговорить им зубы...

— У Этьена Фурье больше ресурсов, чем вы думаете,— заявил Нэйсмит.— Подготовлен контрудар, который будет вам дорого стоить. Но поскольку это и для нас создает крайне напряженное положение, мы желаем обсудить — если не постоянный компромисс, ибо их явно не может быть, то по крайней мере краткое перемирие. Вот почему...

Раздался звонок.

— Войдите,— громко сказал Уэйд. Его голос активировал дверь, и человек вошел.

— Вам срочный вызов, мистер Уэйд,— доложил он.— По скрэмблеру.

— Хорошо.— Вождь поднялся.— Выключите этот хлор, пока я не вернусь, Левин.

Он вышел.

Когда дверь за ним закрылась, Левин спокойно сказал:

— Ладно, он ведь не велел нам воздержаться от всего остального, правда?

Они поочередно воспользовались шлангом. Сознание Нэйсмита слегка помутилось от боли. Но они не рискнули нанести настоящих повреждений, и это длилось недолго.

Вернулся Уэйд. Он проигнорировал Левина, поспешно засовывающего в карман импровизированную дубинку, и коротко сказал:

— Мы отправляемся в путешествие. Все. Сейчас.

Сообщение пришло. Нэйсмит откинулся назад, тяжело дыша. В этот самый момент избавление от боли было для него слишком важно, чтобы думать о чем-то еще. Ему потребовалось несколько минут, чтобы начать беспокоиться о том, правильна ли была логика Петера Кристиана, и выполнит ли служба свою часть работы, и даже о том, были ли пришедшие Уэйду приказы правильными.

XII

Было уже далеко за полдень, прежде чем у Барни Розенберга появилась возможность поговорить с Дженни Доннер, и это она его разыскала. Он после ленча удалился из коттеджа, карабкаясь по склону горы, прогуливаясь через высокий лес. Но гравитация Земли утомляла его, и он через несколько часов вернулся. Но даже тогда Барни не пошел в коттедж, но нашел бревно возле кромки обрыва и присел подумать.

Значит, это Земля.

Перед ним открывался холодный и прекрасный мир. Утесы спадали синевато-серым потоком в огромный гул-

кий каньон реки. На дальней стороне гора поднималась в тускло-лиловой дымке к сверкающим под солнцем снегам и небесной безбрежности за ними.

На склонах, спускающихся к реке, росли кусты, зелень скрадывала отдельные скалы, одинокими огоньками пламени ягоды. Позади Розенберга и по обе стороны росли деревья, высокие сосны в пещере тени, стройные шепчущие буки, струящийся ясень, ловивший листьями слепящий ливень солнечного света. Он и не помнил, сколько цветов росло на этой планете.

И еще она жила звуками.

Деревья лопотали. Москиты тоненько зудели возле его ушей. Пела птица — Барни не сумел ее распознать, но это была тоскливая текучая трель, преследовавшая его мысли. Еще одна отвечала свистом, и где-то третья поддерживала эту болтовню своим щебетом и чириканьем. Мимо пронеслась рыжей кометой белка, и он услышал, как ее коготки тонко царапнули по коре.

А запахи... бесконечный живой мир ароматов; сосна, и плесень, и полевые цветы, и речной туман! Барни почти забыл, что обладает чувством обоняния, поскольку в закупоренной стерильности Марса запахов не было.

О, его мышцы болели, он тосковал по мрачному голому великолепию пустынь, и он недоумевал, как вообще приспособиться ему к этому жестокому миру, где люди противостояли людям. Но все же... Земля была домом, и миллиарды лет эволюции нельзя было скинуть со счетов.

Однажды Марс станет развитой планетой, а его люди будут богаты и свободны. Розенберг покачал головой и слабо улыбнулся. Бедные марсиане!

Позади раздалися легкие шаги. Он обернулся и увидел приближающуюся Дженни Доннер. Она была в легком наряде, блузка и шаровары, не скрывавшем ни ее грации, ни ее усталости. В ее волосах тусклым блеском сияло солнце. Розенберг встал с чувством неловкости.

— Пожалуйста, сядь.— Голос ее был печальным и несколько отстраненным.— Я бы хотела присоединиться к тебе ненадолго, если можно.

— Не возражаю.— Розенберг снова опустился на мшистый ствол. Под ладонями он был холодным, чуть сыроватым. Дженни села рядом с ним, уперев локти в колени. Какое-то мгновение она была спокойна, глядя на

залитую солнцем землю. Потом она вытащила пачку сигарет и протянула их мужчине.

— Курите? — спросила она.

— Я? Нет, спасибо. Я отучился от этой привычки на Марсе. Там хроническая нехватка кислорода. Мы вместо этого жуем табак, если есть лишние деньги.

— Вот как.

Она зажгла сигарету и сильно затянулась, втянув щеки. Барни видел, как тонко строение лежащих под кожей костей. Что ж — Стеф всегда выбирал самых лучших женщин, и получал их.

— Мы приготовим тебе постель, — сказала она. — Нарежем еловых веток и положим под спальный мешок. Дает хороший сон.

— Спасибо.

Они немного посидели молча. Сигаретный дымок ровными струйками уплывал прочь. Розенбергу было слышно, как свистит и трубит ветер где-то далеко по каньону.

— Я хотела бы задать тебе несколько вопросов, — сказала она наконец, обернув к нему лицо. — Если они окажутся слишком личными, просто скажи.

— Мне нечего скрывать — к несчастью. — Он попытался улыбнуться. — У нас на Марсе нет тех понятий о приватности. Их было бы слишком трудно сохранять в наших условиях жизни.

— На Земле они тоже появились сравнительно не так давно. Вернитесь к Годам Безумия, когда было столько эксцентричности всех видов, масса из них незаконные. О черт! — Она швырнула сигарету на землю и яростно растоптала ее каблуком. — Я собираюсь забыть про все. Спрашивай меня обо всем, что считаешь относящимся к делу. Нам нужно добраться до правды в этом вопросе.

— Если сможем. Я бы сказал, что это хорошо охраняемый секрет.

— Слушай, — сказала она сквозь зубы. — Моим мужем был Мартин Доннер. Мы были женаты три с половиной года — именно *женаты*. Он не мог мне много рассказывать про эту работу. Я знала, что он на самом деле ооновец и что его инженерная работа была только прикрытием, и это было почти все, что он мне вообще рассказал. Понятно, он никогда не говорил мне о двойниках. Но если не считать этого, мы были влюблены и сумели узнать друг друга настолько хорошо, насколько двое людей могут узнать друг

друга за это время. Больше, чем просто внешность. Это был также вопрос личности, поведения, выражений лица, выбора словосочетаний, манеры двигаться и работать, миллион мелочей, слагающихся в один большой узор. Всеобъемлющий *гештальт*, понимаешь?

— Теперь этот человек — как, ты говоришь, его имя?

— Нэйсмит. Роберт Нэйсмит. По крайней мере, так он мне сказал. Другого парня он называл Лампи. Мне предлагается поверить, что Мартин мертв и что этот — Нэйсмит — занял его место, — торопливо продолжала она. — Они хотели быстро забрать меня из дому, им нельзя было останавливаться ради спора со мной, потому они послали его точную копию. Ладно, я видела его там, в доме. Он сбежал со мной и мальчиком. У нас был долгий и беспокойный совместный полет сюда — ты знаешь, как напряжение выявляет наиболее основные характеристики личности. Он остался здесь на всю ночь...

На щеках ее медленно выступил румянец, и она отвела взгляд. Потом дерзко повернулась обратно к Розенбергу.

— И он полностью одурачил меня. Все в нем было Мартина. *Все!* О, я полагаю, были незначительные вариации, но они на самом деле должны были быть очень незначительными. Можно в наше время замаскировать человека с помощью хирургии и косметики и всякой всячины, так что он будет двойником почти во всех деталях физического облика. Но может ли хирургия дать ему ту же самую забавную улыбку, тот же набор фраз, то же чувство юмора, ту же манеру подхватывать сына и разговаривать с ним, ту же привычку цитировать Шекспира и способ вытаскивать сигарету и зажигать ее одной рукой, и срезание углов при пилотировании флаера — ту же самую *душу*? Можно ли такое сделать?

— Не знаю, — прошептал Розенберг.

— Я не могу в это поверить, — сказала она. — Я бы подумала, что он пытается рассказать мне какую-то историю по каким-то неизвестным причинам. Но здесь с ним был тот, второй человек, и если бы не их крашенные волосы, я не смогла бы их различить — и ты тоже был с ними и, кажется, принимал эту историю. — Она схватила его за руку. — Это правда? Мой муж на самом деле мертв?

— Не знаю, — сумрачно ответил он. — Думаю, они говорили правду, но откуда мне знать?

австриец. Он, должно быть, героически сражался в подполье и в рядах партизан, воевавших во время Третьей мировой. Но это как-то сделало его непригодным для оседлой карьеры. Со временем жизнь наладилась, но Стефен привык воевать и не смог приобрести мирную профессию. Он скитался по всей Земле какое-то время, принимал участие в сражениях, все еще продолжавшихся в некоторых регионах — знаю, что он был с силами ООН, подавлявшими Великий Джихад. Но его тошнило от убийств, как и любого бы нормального человека на его месте. Несмотря на свое прошлое, миссис Доннер, он был одним из самых нормальных людей, каких я когда-либо знал. Так что однажды он обманом пробрался на космический корабль — степени у него не было, но Стефен в страшной спешке изучил инженерное дело, и весьма в этом преуспел. Я встретил его на Венере, проводя вокруг изыскания; может, я и не выгляжу похожим, но я геолог и минералог. Мы закончили на Марсе. Помогали строить Сухой Каньон, участвовали в некоторых работах по усовершенствованию плантаций, занимались старательством, картографированием и изысканиями, и разведкой — мы должны были перепробовать все. Он умер пять лет назад. Обвал. Я похоронил его там, на Марсе.

Деревья вокруг шелестели на ветру.

— А эти другие — его сыновья? — пролепетала она. Теперь она немного дрожала.

Розенберг покачал головой.

— Невозможно. Это все *он* сам. Стеф, до самой последней черточки, оживший и снова молодой. Никакие дети не могут быть столь похожи на своего отца.

— Нет-нет.

— Стеф был *человеком*, насквозь, во всех отношениях, — сказал Розенберг. — Но он также был весьма близок к тому, чтобы быть суперменом. Подумай о препятствиях на его пути: детство, прошедшее во времена Второй мировой войне и ее последствиях, юные годы, потраченные в Третьей мировой, бедный самоучка, лишенный корней. И тем не менее он был уравновешен и нормален, мягок. Но иногда жестокость необходима и Стефен превращался в адскую кошку. Его любили и мужчины, и женщины. Он изучил около дюжины языков, и прочитал множество книг, которые были непонятны даже для многих профессоров. Стефен был хорошим музыкантом и сочинял песни —

хулиганские, но хорошие. Их все еще поют на Марсе. Он был художником, создал несколько прекрасных фресок, представил марсианский пейзаж так, как ни один фотоаппарат его не показывал, хотя и с фотоаппаратом он прекрасно управлялся. Я уже рассказывал тебе о его изобретениях, и у него были умные руки, это любят машины. В свои шестьдесят лет он мог потягаться с любым юнцом. Он... к чему продолжать? Стефен был хорош во всем.

— Знаю,— ответила она.— Мартин был точно такой же.— Ее мимолетная улыбка была тоскливой.— Поверь мне, потребовалась чертова уйма времени, чтобы подцепить его. Было настоящее соревнование.— Спустя мгновение она задумчиво добавила:— В каждом поколении всегда появляется несколько таких людей. Это просто вопрос счастливой генетической случайности. Некоторые из них входят в историю. Подумай о Микеланджело, Веспуччи, Рэлее — людях, работавших во всех областях: науке, политике, войне, инженерии, исследованиях, искусстве, литературе. Другие не были заинтересованы в славе, или, может, им не повезло. Как твоему другу.

— Я не знаю, какова связь тут с этими ооновцами,— сказал Розенберг.— Стеф никогда не говорил мне — но разумеется, он бы должен был поклясться хранить это в тайне, или это могло быть сделано без его ведома. Только что было сделано? Дубликация материи? Не думаю. Если ООН владеет дубликацией материи, она бы не попала в такое затруднительное положение, как сейчас. Что было сделано — и зачем?

Дженни не ответила. Она сейчас смотрела в сторону, через ущелье, на высокую ясную красу гор за ним. Они расплывались в ее глазах. Внезапно она поднялась и ушла.

XIII

Вокруг джета была ночь звезд и струящегося ветра. Луна стояла низко, бросая мост размытого света поперек бурной безбрежности Атлантики. Один раз, далеко в стороне, мелькнул одиночный прочерк, словно от сгоревшего

вверху метеора, след уходящей в космос ракеты. А он сидел в темноте и одиночестве.

Его заперли в маленьком отсеке на корме джета. Уэйд и его присные, вместе с пилотом и парой охранников, сидели впереди; джет был уютно обставлен и они, вероятно, воспользовались моментом, чтобы поспать. Нэйсмиту сон был не нужен, хотя он чувствовал слабость от голода и повреждений. Нэйсмит сидел, уставившись в окно, слушая могучий напор ветра и пытаясь прикинуть, где они находятся.

Средняя Атлантика, предположил он, возможно, пятнадцать градусов северной широты. Если прогнозы Кристиана насчет реакций Бессера правильны, они направляются к секретной мировой штаб-квартире этой банды, но Уэйд и прочие ничего ему не сказали. Они сейчас были над открытым морем, великой беспокойной необузданной стихией, занимавшей три четверти поверхности планеты, последнее прибежище на Земле для таинственности и одиночества. Здесь могло произойти все что угодно, а когда рыбы съедят тела, то кто об этом узнает?

Взгляд Нэйсмита переместился к Луне, холодно проплывающей над морем. Там, вверху, была власть над Землей. При наличии обсерваторий на космических станциях и ракетных баз Лунной Гвардии, не было ничего, что не могли бы сокрушить силы здравомыслия. Луна не пролила дождя смерти со времен Третьей мировой, но сама угроза чудовищного кулака, занесенного в небо, много сделала для успокоения обезумевшей планеты. Если бы Служба могла указать Гвардии, куда ударить...

Только она не может. Она никогда не сможет, потому что этот мятеж не был вооруженным восстанием нации с городами, заводами и шахтами. Это был вирус в теле всего человечества. Нельзя сбросить бомбы куда-то на Китай, уничтожив четыреста миллионов людей, поскольку нужно ликвидировать всего лишь небольшую кучку заговорщиков.

Можно побороть болезнь снаружи, с помощью наркотиков, антибиотиков и радиации. Но с темнотой человеческого сознания можно справиться только с помощью психиатра; лекарство должно выработать само сознание.

Если ООН не уничтожат, а медленно съедят, изуродуют и деморализуют, то во что там тогда стрелять? Рано или поздно, придут распоряжения, распускающие полицейские

силы и Лунную Гвардию. Или есть другие способы атаковать лунные базы. Если бы у них не было Секретной Службы для предупреждения, для врага не потребовалось бы никаких хитростей, чтобы протащить военное снаряжение на поверхность самой Луны.

И в конце — что? Полный и немедленный коллапс в каннибальское безумие, некогда так близко подошедшее к разрушенной цивилизации. *(Человек не получит другого шанса. В последний раз нам повезло больше, чем мы заслуживали.)* Или сляпанная на скорую руку мировая империя угнетения, уничтожение той пронизательной и критической науки, чей ранний рассвет как раз начинался, показывая человеку новый путь, тысячелетний кошмар — человечество, превращенное в муравейник? Выбор между тем и другим был невелик.

Нэйсмит вздохнул и поерзал на жестком голом сиденье. Могли бы оказать ему любезность и дать какую-нибудь одежду и сигареты. На худой конец, сандвич. Только, разумеется, вся суть была в том, чтобы сломить его морально.

Он снова попытался, в тысячный раз, оценить ситуацию, но тут было слишком много неизвестных факторов. Было бы глупо утверждать, что этот вечер является переломным моментом человеческой истории. Может быть, даже если уничтожат само Братство, появится какой-нибудь компенсирующий фактор. *Может быть!* Но пассивные упования на удачу были погибелью.

И в любом случае, мрачно подумал он, сегодняшний вечер, несомненно, решит судьбу Роберта Нэйсмита.

Джет скользнул вниз, замедлившись, когда вышел с завываниями из верхних слоев атмосферы. Нэйсмит приник к стене, ухватившись за край окна скованными руками, и вгляделся вниз. Лунный вет омывал волнующуюся массу темноты, в центре которой поднималось что-то, похожее на металлический утес.

Морская станция!

Мне следовало бы догадаться, в смятении, подумал Нэйсмит. Его мозг казался ему пустым и чуждым, самое логичное место; доступное, мобильное, под самым носом у мира, но тем не менее, спрятанное. Я думаю, что Служба учла эту возможность — только как она могла провирить все существующие морские станции? Неизвестно даже, сколько их.

Она находилась среди акров плавающих водорослей. Вероятно, один из специально разработанных морских заводов, с помощью которых надеялись решить проблему пищи для перенаселенной планеты; или, может, это место оставлено без внимания как экспериментальная станция, работающая для усовершенствования аквакультур. В обоих случаях, ранчо это или лаборатория, Нэйсмит был уверен, что ее заявленная деятельность на самом деле проводилась, и там был полный рабочий штат со всем оборудованием и безупречными досье. Штаб-квартира банды была под поверхностью, в погруженных под воду недрах станции.

Организация, подобная этой, словно паук плела свою паутину по всему миру. По всей системе, если она на самом деле включала в себя фанатиков-пилигримов, желавших прибрать к рукам Марс. Она должна бы хранить обширные записи, иметь какой-то коммуникационный центр. *Это он! О, небеса, это их мозг!*

Дрожь возбуждения затихла до тяжелого подповерхностного трепета. Мертвец не сможет передать это знание Фурье.

На одном конце огромной плавучей структуры была посадочная платформа. Пилот мастерски посадил свой джет, вырубил моторы. Нэйсмит услышал глубокий нескончаемый голос моря, катящегося на стены и омывающего их. Он задумался, как далеко это от ближайшего города. В самом деле, далеко. Возможно, они за гранью смерти.

Открылась дверь, и в отсек просочился свет.

— Ну все, Нэйсмит,— сказал охранник.— Выходи.

Оноовец покорно вышел на платформу. Она была освещена прожектором, отсекавшим вид океана, вздымавшего волны в двадцати или тридцати футах под ее оградой. Верхняя структура станции, тщательно смонтированная и гиростабилизированная над своими огромными кессонами, не особенно раскачивалась даже в самую скверную погоду. Поблизости стояли еще два джета. Никаких признаков вооружения, хотя Нэйсмит был уверен, что здесь в изобилии было ракетных пусковых установок, а каждый механик имел оружие.

Ветер завывал, пока Нэйсмита вели к главной кабине. Впереди вышагивал Уэйд, плащ его яростно хлопал в плывущей, бормочущей ночи, с одной стороны Нэйсмит видел белое застывшее лицо Борроу и впалое невыразительное

лицо Левина. Возможно, этим двоим будет дозволено обрабатывать его.

Они вошли в короткий коридор, в дальнем его конце Уэйд прижал свою ладонь к сканеру, панель скользнула назад, открыв кабину лифта.

— Сюда,— буркнул один из безопасников.

Нэйсмит стоял молча, затиснутый в угол настороженными телами охранников. Он видел, что Борроу и Дженнингс лихорадило от нервного напряжения. Его рот искривила слабая, лишенная юмора, улыбка. Что бы там ни произошло, Братство определенно нанесло врагу удар.

Лифт со вздохом остановился. Нэйсмита вывели и повели по длинному коридору, расчерченному дверями. Одна из них была приоткрыта, и он увидел стены, покрытые стеллажами с микрофайлами. Ага, это, должно быть, их архив. Прошел курящий мужчина с компьютерными лентами. Только человеческих мозгов уже недостаточно даже для тех, кто ниспровергает общество.

В конце коридора Нэйсмита ввели в большое помещение. Он как будто вернулся назад в камеру пыток Уэйда — те же яркие лампы, те же поглощающие звук стены, те же инструменты инквизиции. Его глаза скользнули по комнате, пока не остановились на троих мужчинах, сидящих за стеллажом нейроанализаторов.

Братья различали друг друга; для этого были достаточно тонкие различия, привнесенные внешними обстоятельствами. Нэйсмит узнал Лампи, выглядевшего неповрежденным, за исключением подбитого глаза; должно быть его привезли прямо сюда по приказу. Еще там был Карлос Мартинес из Гватемалы, которого он встречал прежде, и третий мужчина, незнакомый ему, но, вероятно, тот был южноамериканцем.

Они улыбнулись ему, и он улыбнулся в ответ. Четыре пары глаз посмотрели с одинаковых худощавых, мускулистых лиц, четыре белокурых головы кивнули, четыре мозга вспыхнули одним и тем же неуловимым посланием: *Ты тоже, Брат? Теперь мы должны выдержать.*

Нэйсмита привязали рядом с Мартинесом. Он прислушался к Уэйду, говорящему Лусиентесу, которого подозревали в том, что он был руководителем аргентинских мятежников.

— Бессер еще не прибыл?

— Нет, он еще в пути. Скоро будет.

Значит, настоящий глава Бессер, организующий мозг — и он в пути! Четверо Братьев сохранили неподвижность, четыре идентичных лица смотрели вперед, не осмеливаясь шевельнуться или перевести взгляд. *Приезжает Бессер!*

Уэйд беспокойно прошелся вокруг комнаты.

— Это чудное дело,— слабым голосом произнес он.— Не уверен, что мне нравится идея собрать всех четверых вместе — в одном месте.

— Что они могут сделать? — пожал плечами Лусиентес.— Мои люди захватили Виллареала вчера, здесь, в Буэнос-Айресе. Он выпал из поля зрения, потому что был художником. Но когда попытался забрать кое-какие вещи у себя дома, мы его без всякого труда арестовали. Маритнеса заполучили в Панама-Сити с такой же легкостью. Если они проявляют такую некомпетентность...

— Но это не так! Все что угодно, но не некомпетентность! — Уэйд свирепо взглянул на пленников.— Это сделано намеренно. Зачем?

— Как я уже говорил...— затараторили одновременно Нэйсмит и Виллареаль. Они остановились, и аргентинец, ухмыльнувшись, закрыл рот.— Я же говорил,— закончил Нэйсмит.— Мы хотели поторговаться. Не было другой возможности связаться с вами, установить контакт.

— Нужный всем четверым? — отрезал Уэйд.— Четверо ценных людей?

— Возможно, не таких ценных,— тихо сказал Левин.— Если какое-то количество их еще на свободе.

— Они не сверхъестественны! — запротестовал Лусиентес.— Они из плоти и крови. Они могут чувствовать боль и не могут сломать наручники. Я знаю! Они не телепаты или экстрасенсы. Они... Его голос дрогнул.

— Да? — с вызовом произнес Уэйд.— И кто же они? Нэйсмит ушел в себя. Наступил момент полной тишины. Лишь слышалось тяжелое дыхание пленников, приведенных в ужас той угрозой, что чувствовалась в голосе Уэйда.

«Настоящая причина проста,— подумал Нэйсмит,— настолько проста, что им трудно в это поверить».

Ведь само собой разумеется, что если появляется двойник убитого агента, то это настораживает. А если их четверо... Это доказывало существование мощной и разветв-

ленной организации, агенты которой работали во многих странах. Естественно, что главарь банды заговорщиков решил собрать всех пойманных агентов в одном месте, хорошо защищенном и находящимся под жестким контролем.

Вот только что произойдет дальше?

— Они не люди! — Голос Борроу срывался на визг и дрожал. — Они не могут быть ими. Только не четверо или пятеро, или тысяча идентичных людей. У ООН есть собственные лаборатории. Фурье легко мог осуществить секретный проект.

— Значит? — Глаза Левина сардонически мигали на белом лице.

— Значит, они роботы — андроиды, синтетическая жизнь — как их там ни назови. Монстры из пробирки!

Левин мрачно покачал головой.

— Это слишком большой шаг вперед, — сказал он. — Никакая человеческая наука не будет на это способна в грядущих веках. Человеческое существо имеет очень сложное устройство, а мы ведь не смогли пока создать даже простейшей живой клетки. Я признаю, что эти парни превосходят по своему развитию обычных людей. Они делали невероятные вещи. Но они не могут быть роботами. Хотя и на людей они не слишком похожи.

— *Людей!* — завопил Борроу. — Разве во Вселенной одна владеющая наукой раса? Как насчет созданий со звезд? Кто управляет марионетками, заседающими в ООН?

— Достаточно, — рявкнул Уэйд. — Мы это весьма скоро выясним. — Он впился колючим взглядом в Нэйсмита. — Забудь свои глупые рассказы про торговлю. Никакого компромисса быть не может, пока с той или другой стороной не будет покончено.

Это верно. Одна и та же мысль промелькнула в четырех живых мозгах.

— Я... — Уэйд замолчал и повернулся к двери. Она открылась перед двумя вошедшими людьми.

Одним был Арнольд Бессер. Он был невысоким мужчиной, тонкокостным, темноволосым, все еще изящным в свои семьдесят лет. Внутри него бушевало пламя, горевшее за бесцветной неприметностью его черт, страстный свет фанатизма в глубине узкого черепа. Он коротко кивнул на приветствия и проворно шагнул вперед. Его слуга шел сле-

дом, крупный, мощный мужчина в форме шофера, тихий, как кошка, с лицом грубым и невыразительным.

Только... только...— Сердце Нэйсмита бешено подпрыгнуло внутри. Он отвел взгляд от шофера-охранника, заглянув в глаза Арнольду Бессеру.

— Ну а теперь,— шеф стоял над своими пленниками, уперев руки в бока, не глядя ни на кого конкретно.

— Я хочу знать настоящие мотивы вашей сдачи. Я изучил ваши досье, все, что в них было, по дороге сюда, поэтому не стоит повторять очевидное. Я желаю знать остальное.

— Милосердие не передается по наследству,— пробормотал Лампи. Нэйсмит про себя продолжил его замечательные слова. Он нуждался в утешении, ибо здесь была смерть.

— Проблемы настолько большие и настолько срочные, что нам не до препирательств,— сказал Бессер. Когда он повернулся к Левину, в его голосе звучал лед: — Мы имеем четверых, и предположительно, каждый из них знает то же, что и остальные. Поэтому мы можем испробовать четыре различных подхода. Предложения?

— Лоботомия для одного,— быстро ответил доктор.— Одновременно мы, конечно, можем удалить этот детонатор. Но пройдет несколько дней прежде чем его можно будет допрашивать, даже при наилучших условиях, и, возможно, будет необходимо предпринять некоторые меры предосторожности, чтобы объект не умер. Мы можем немедленно попробовать физические методы на двух из них, так чтобы они видели друг друга. Ну а четвертого лучше оставить про запас.

— Очень хорошо,— пристальный взгляд Бессера устался на человека в белом, стоящего за пленниками.— Вы — хирург. Забирайте одного и начинайте работать с его мозгом.

Доктор кивнул и покати́л стул Мартинеса из комнаты. Левин запустил генератор хлора. Шофер-охранник наклонился над столом, наблюдая за окружающим пустыми глазами.

Конец? Спокойной ночи, мир, солнце и луна, ветер в небе. Спокойной ночи, Дженни.

Вдруг взвыла сирена. Ее пронзительный вой, как звук пилы, то поднимался, то падал, отдаваясь в металле и человеческих костях. Бессер бросился к коммутатору. Уэйд остался стоять, как парализованный. Дженнингс закричал.

Комната задрожала, и они услышали слабый звук взрыва. Дверь открылась, и внутрь ввалился человек, что-то крича. Его слова утонули в нарастающем свисте и вое ракет.

Внезапно в руке шофера оказался «магнум». Он припал к земле и начал поливать камеру дождем пуль налево и направо. Нэйсмит увидел, как разлетелась голова Бессера. Два охранника едва успели достать пистолеты, когда шофер пристрелил их.

Коммутатор на стене взорвался истошным криком о воздушной атаке. Шофер был уже на пути к дверному рубильнику. Он закрыл и заблокировал барьер, перепрыгнул через тело Уэйда и схватил хирургическую пилу. Он резанул по ремням, связывавшим Нэйсмита, оцарапав его до крови. Лампи, Мартинес и Виллареаль судорожно закричали.

Шофер быстро заговорил на бразило-португальском:

— Я освобожу вас. Берите любое оружие и приготовьтесь к бою. Я не знаю, могут ли они атаковать нас здесь. Как только наши ВВС подавят их средства ПВО, здесь высадят парашютный десант. Нам надо продержаться, пока не придет подмога.

Сработало! Невероятный, отчаянный, безнадежный план сработал. Бессер в тревоге и нерешительности лично прибыл в свою секретную штаб-квартиру. Его пилотом, как обычно, был проверенный стрелок. Однако контора Фурье уже давно знала об этом пилоте, изучила его и подготовила хирургически замаскированный дубликат, которым стал один из бразильских агентов ООН. Когда пришло сообщение Кристиана, о шофере позаботились, и человек ООН заменил его. Он смог сунуть радиозонд в самолет Бессера — зонд, за которым последовала полиция ООН, базирующаяся в Рио.

И теперь они нашли базу!

Нэйсмит соскочил со стула и подобрал с пола пистолет. Он обменялся взглядом со своим спасителем, коротким теплым взглядом товарищества и братства, а также общности. Даже за маскировкой и тщательно выученными манерами угадывалось что-то неуловимое, то, что он знал — или это казалось только потому, что пилот так быстро и целеустремленно принимал решения?

— Да,— сказал бразилец, хотя в этом и не было необходимости.— Я тоже Брат.

Однажды утром Нэйсмит, покинув палатку, пошел к морю. Это был северо-западный Национальный парк, новый заповедник, который включал в себя добрую часть побережья Орегона. Он приехал сюда для отдыха и уединения, для того чтобы немного подумать, и остался здесь дольше, чем предполагал. Здесь царило спокойствие, огромные скалистые пространства, песчаные бухточки между ними, одиночество океана, лес и горы позади. Сейчас в парке было не много людей, и он натянул палатку вдали от остальных лагерей.

Все закончилось. Работа была завершена. Получив в штаб-квартире Бессера доказательства, Фурье мог сейчас раскрыть весь заговор. Никто особо не заботился о технической незаконности рейда. Пало несколько правительств — китайскому пришел кровавый конец — на их место пришли более трезвые политики. Агенты были выкорчеваны из каждого режима. В Америке Хесслинг попал за решетку, и сейчас велись переговоры о расформировании Службы Безопасности. ООН обновила престиж и власть и получила более сильную мировую поддержку. Счастливый конец?

Нет. Потому что эта работа в действительности никогда не будет окончена. Враг остался сильным и коварным, он мог принять миллион форм, и его никогда нельзя будет полностью уничтожить. Потому что — это сам человек, сумасшествие и печаль человеческой души, бунт примитива против неестественного состояния, называемого цивилизацией и свободой. Кто-то опять предпримет попытку. Его методы будут другими, у него будет другая объявленная цель, но он будет врагом, и наблюдателям придется уничтожить его. *Но кто будет наблюдать за наблюдателями?*

Безопасность — бессмысленная мечта. Стабильность возможна только в смерти. Мир и счастье не даются в награду, их надо поддерживать огромным трудом.

Нэйсмит начал думать о личных делах. Но здесь, как оказалось, не было ни одного ответа, кроме одной серой команды: держаться.

Он пересек пляж, шлепая по холмам и ежась от холодного влажного ветра. Прыжок в воду стал ледяным шоком,

который прошел только после длительного плавания. Но когда Нэйсмит вышел из воды, то был полон бодрости.

*Ромео, подумал он, энергично обтирая себя полотенцем: Психологическими проблемами не оправдаешь потерю аппетита. Фактически они должны были от-
дать должное проверенным удовольствиям. Меркуцио —
вот настоящий герой этой пьесы.*

Нэйсмит направился назад к палатке, поглощенный мыслями о беконе и яйцах. Поднимаясь по влажному, каменистому берегу, он вдруг остановился и сердито нахмурился. Рядом с его флаером приземлился еще один, маленький. *Черт! Вряд ли я смогу вести себя сейчас вежливо.* Однако, когда он увидел фигуру, стоявшую рядом с ней, то бросился прочь.

Дженни Доннер ждала его, сердитая, как ребенок. Когда он остановился перед ней, она твердо и молча встретила его взгляд, на этот раз ему пришлось отвести глаза.

— Как ты нашла меня,— прошептал он наконец. Кажется, что яростные удары его сердца сейчас сломают ребра.— Я ведь довольно тщательно замел следы.

— Да, это было непросто,— ответила Дженни, слегка улыбнувшись.— После того как пилот ООН доставил нас назад в Штаты, я начала докучать всем, кто имел к этому делу отношение. Наконец один из них забыл о присяге и рассказал мне — я предположила, что ты позаботишься о тех, кто доставил тебе неприятности. Я приземлялась в каждой отдаленной точке парка в течение последних двух дней. Я знала, что ты захочешь побыть один.

— Розенберг?..

— Он согласился получить гипнообработку за хорошую плату — так как он уверен, что больше никогда не узнает ничего секретного. Теперь он забыл о существовании других Стефенов Ростомили. Я, конечно, отказалась.

— Хорошо,— Нэйсмит кивнул. Наконец он посмотрел на нее еще раз и резко сказал: — Да, я сыграл с тобой грязную шутку. Как и вся Служба, я полагаю. Только за знание этого секрета убивали людей.

Она улыбнулась опять, взглянув на него с открытым вызовом:

— Ну, давай,— пригласила она.

Его руки бессильно повисли.

— Нет. Ты имеешь право знать это. Я никогда... ладно, бросим это. Мы — не фанатики. Организация, которая не

ограничивает себя ничем в достижении своих целей, не достойна существования.

— Спасибо! — выдохнула она.

— Меня благодарить тут не за что. Ты уже в основном догадывалась об этом секрете, если знаешь, кем был Ростомили.

— И чем он был. Да, думаю, что знаю. Но расскажи мне.

— Для Службы понадобилось множество агентов — агентов, которые бы соответствовали определенным условиям. Кто-то познакомился с Ростомили, когда он был еще на Земле. Сам Стефен не имел специальной подготовки и не был заинтересован в такой работе, но требовалась только его наследственность — матрица генов и хромосом. Фурье создал свои секретные лаборатории. В Годы Безумия это было несложно сделать. Экзогенез осемененной яйцеклетки был уже свершившимся фактом. Оставался только еще один шаг вперед — взять несколько целых клеток у Ростомили и использовать их, как... источник хромосом.

— Мы, Братья, каждый из нас, мы — люди. За исключением того, что наша наследственная матрица взята от одного человека, а не от двух, и следовательно, мы точные копии прототипа. Нас сейчас тысячи, мы разбросаны по всей Солнечной системе. Я — один из первых образцов. Сейчас приходят более молодые, чтобы продолжать наше дело.

— Экзогенез, — Дженни не смогла сдержать легкую дрожь.

— Да, нехорошее название. Но оно обусловлено только известными экспериментами, которые проводились с пренатальным зондированием. Наши искусственные матки более безопасные и спокойные, чем натуральные.

Она кивнула, темные крылья ее волос упали на белоснежные плечи:

— Я понимаю. Я вижу, как это должно быть — подробности ты мне расскажешь позже. И я понимаю причину. Фурье нуждался в суперменах. В мире так много хаоса и насилия.

— О, послушай!

— Нет, я хочу сказать. Вы — не вся Служба и даже не составляете большинства в ней. Но вы — ударные агенты, разящая десница.

Она вдруг рассмеялась, залив светом всю Вселенную, и схватила его за руку. Ее пальцы были холодными и тонкими:

— Как это прекрасно! Помнишь «Короля Генриха Пятого»?

У него вырвался шепот:

*«И Криспин Криспиан навек не бросит нас,
Покуда мира не пробьет последний час.
И в нашей памяти он вечно будет жить.
И братству нашему невидимо служить».*

После долгой паузы Нэйсмит криво усмехнулся:

— Но мы не можем искать почестей. В течение долгого времени. Первое требование для тайного агента — это секретность, и если узнают о нашем существовании, то мы станем бесполезными.

— О да. Понимаю.— Дженни некоторое время стояла неподвижно. Ветер развеивал ее волосы и платье на фоне огромного пространства моря, леса и неба.

— Чем ты собираешься заняться сейчас? — спросила она.

— Я не знаю еще точно. Прежде всего, нам необходимо похоронить историю о разыскиваемом убийце, описание которого соответствует нашему внешнему виду. Это будет несложно. Мы объявим о его смерти при попытке сопротивления во время ареста, и после этого люди о нем забудут. Но, конечно, для нескольких из нас, включая меня, понадобятся новые документы, нам придется переехать на новые квартиры. Я подумывал о Новой Зеландии.

— И все будет продолжаться? Твоя работа? Ты не чувствуешь себя одиноким?

Нэйсмит кивнул и попытался улыбнуться.

— Давай не будем продолжать об этих острых углах. Лучше позавтракаем. У меня есть чертовски потрясающая машина для приготовления яичницы.

— Нет, подожди,— Дженни задержала его и повернула лицом к себе.— Скажи мне... я хочу знать правду. В последний раз ты говорил, что любишь меня. Это правда?

— Да,— твердо сказал он.— Но это не имеет значения. Я был необычайно уязвим. Я всегда был котом, который бродит сам по себе, больше чем остальные Братья. Я справлюсь с этим.

— А я, может быть, не хочу, чтобы ты справлялся,— сказала она.

Нэйсмит молча стоял на берегу. Над головой начала кричать морская чайка.

— Ты — Мартин,— сказала Дженни.— Ты не совсем он, но все же Мартин, только с другим прошлым. Джимми нужен отец, а мне нужен ты.

Он не мог найти слов, но они и не были нужны.

Это была одна из битв бесконечной борьбы между ростом и распадом. Могли ли силы прогресса долго держать под контролем внутренних и внешних врагов? Так как пороки человеческого общества были продуктами пороков его членов, начинать совершенствование надо было с отдельных людей. Синтетическая подготовка, предложенная доктором Психотехнического Института Майклом Таем, казалось, была многообещающим средством производства полностью развитой личности, которая могла изменить историю.

Но психодинамика могла также превратить в раба, как и освободить. Всего лишь через пять лет после того, как был раскрыт заговор Бессера, предполагаемый Мессия по имени Бертран Мид разработал планы переделать на свой лад открытия Института.

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

1

Таверна «Русалка» была отделана с особой тщательностью: колонны и кабинки были сложены из огромных плит обработанного коралла, полосатые рыбы и рыба-меч украшали стены, вместе с изображениями Нептуна и его свиты, сразу же привлекающие к себе внимание посетителей. Но сквозь широкие кварцевые окна можно было увидеть лишь все времядвигающиеся слои зеленовато-голубоватой воды, и единственная живая рыба плавала в аквариуме по другую сторону бара. В тихоокеанской колонии не было того гротескного одиночества, которое сопутствовало поселениям Флориды и Кубы. Здесь было нечто от делового города, даже в месте отдыха.

Чувствительный человек на несколько секунд остановился в фойе, окидывая торопливым взглядом огромное круглое помещение. Менее половины столиков было занято. Сейчас было время затишья, когда двенадцать — восемнадцать сотен моряков еще заняты работой, а остальные уже давно успели потратить свою наличность на более дорогие развлечения. Но, конечно, хотя бы несколько из них всегда можно было отыскать в баре. Далгети стал классифицировать посетителей таверны.

Компания инженеров, вероятно, спорящих о мощности компрессора последнего подводного резервуара, судя по скучающему выражению трех-четырех девиц для развлечения, присоединившихся к ним. Биохимик, похоже, забывший на некоторое время о своем планктоне и водорослях и обративший все свое внимание на хорошенькую молодую служащую, расположившуюся за одним столом с ним.

Парочка батопортеров с натруженными мускулистыми руками решила, видимо, хорошенько нагрузиться.

Эксплуатационник, программист, штурман танкера, водитель, морской ранчер, группа стенографисток и еще одна — явно туристическая, несколько химиков и металлургов — чувствительный человек сразу отбросил их всех. Были и другие, которых он не смог классифицировать с подобной определенностью, но после секундного колебания решил их тоже проигнорировать. Осталась лишь группа людей с Томасом Банкрофтом.

Они расположились в одном из коралловых гротов, и в этой пещере было слишком темно, чтобы мог что-нибудь видеть обычный человек. Далгетти пришлось прищуриться, дабы различить что-либо, и тусклый свет таверны внезапно стал резким для его зрачков. Но, верно, там точно был Банкрофт, и рядом с этим гротом была пустая пещерка.

Далгетти расслабил глазные мышцы, обретая обычное восприятие. Даже в краткий момент изменения флюоросвет успел вызвать у него головную боль. Он выкинул ее из сознания и двинулся вперед по залу.

Когда он собирался войти в свободную пещеру, хозяйка дотронулась до его руки, останавливая его. Она была молодой и привлекательной в своей радужной короткой униформе. При тех деньгах, что рекой текли в тихоокеанскую колонию, здесь могли позволить себе обращаться к помощи самых дорогих модельеров.

— Прошу прощения, сэр,— сказала она.— Эти кабинки мы держим для вечеринок. Не хотите ли взять столик?

— Я и пришел на вечеринку,— ответил он,— и собираюсь стать ее участником.— Он чуть отошел в сторону, так, чтобы никто из группы Банкрофта случайно не заметил его.— Если вы подыщите мне кого-нибудь составить компанию...— Он извлек стодолларовую банкноту, спрашивая себя, легко ли и естественно он это осуществил.

— Ну конечно же, сэр.— Хозяйка взяла бумажку с ловкостью, которой можно было позавидовать, и одарила его завораживающей улыбкой.— Просто устраивайтесь поудобнее.

Далгетти торопливо шагнул в грот.

Дело, похоже, предстоит нелегкое. Вокруг него сомкнулись шершавые красные стены, способные вместить двадцать человек. От нескольких флюороламп, установленных в специально подобранных местах, исходил неесте-

ственный подводный свет, но его было достаточно, чтобы увидеть сидящего рядом... но никого дальше. Тяжелая штора могла быть опущена по желанию, в случае, если посетители захотят полного уединения. Тет-а-тет... ха-ха!

Он сел за стол, сделанный из плавника, и прислонился спиной к кораллу. Закрыв глаза, он попытался сконцентрироваться. Его нервы были уже настроены на такое напряжение, что, казалось, должны были разорваться, и понадобилось всего несколько секунд, чтобы направить разум в нужную сторону.

Шум таверны вырос от крошечного бормотания к голосу прибора, а затем — к биению волн с острым гребнем. Голоса звенели в его голове, пронзительные и глубокие, грубые и нежные, бессмысленный поток болтовни, путаница смешанных слов, слов, слов. Кто-то обронил бокал, и треск бьющегося стекла был подобен грохоту упавшей бомбы.

Далгетти поморщился, прислоняясь ухом к стене грота. Конечно же, он услышит их разговор, даже сквозь этот камень. И хотя уровень шума был высок, но человеческий разум, прошедший специальную подготовку и обученный мысленной концентрации, был великолепным фильтром. Гвалт снаружи постепенно удалился из сознания Далгетти, и он все громче слышал нужную ему струйку звука.

Первый человек:

— ...неважно, что они могут сделать?

Второй человек:

— Пожаловаться правительству. Вы хотите, чтобы ФБР вышло на наш след? Я — нет!

Первый человек:

— Спокойнее. Пока что им этого не удалось сделать, и прошла уже целая неделя с...

Второй человек:

— А откуда вам это известно?

Третий человек — суровый, властный голос. Далгетти вспомнил его по многочисленным речам на ТВ: да, точно, это был сам Банкрофт:

— Я знаю. У меня достаточно связей, чтобы знать это наверняка.

Второй человек:

— Ну хорошо, итак, они еще не сообщили об этом. Но почему?

Банкрофт:

— Вы знаете почему. Им не хочется, чтобы правительство вмешивалось в это дело больше, чем мы.

Женщина:

— Так что ж, они будут просто сидеть и смотреть? Нет, они найдут какой-нибудь способ...

— ПРИВЕТ, МИСТЕР!!!

Далгетти вздрогнул и повернулся. Его сердце гулко забилося, и он ощутил, как дрожат ребра. Он выругал себя за свою напряженность.

— ДА ЧТО С ВАМИ, МИСТЕР? ВЫ ВЫГЛЯДИТЕ...

Новое усилие: взять стучащее сердце под контроль, снизить концентрацию слуха, расслабиться. Он сфокусировал глаза на девушке, вошедшей в грот. Это была девушка для развлечения, которую он попросил для того, чтобы иметь возможность сидеть в этой пещере-кабинке.

Ее голос теперь слышался на вполне терпимом уровне. Еще один клочок пены. Он вымученно улыбнулся.

— Присаживайся, милая. Прости. Нервы совсем ни к черту. Что будешь пить?

— Пожалуй, дайкири.— Она улыбнулась и устроилась рядом с ним. Он набрал код на диспенсере: коктейль для нее, скотч с содовой для себя.

— А ты тут в первый раз,— заметила она.— Тебя что, недавно наняли или просто решил сюда заглянуть?— Снова улыбка.— Меня зовут Гленна.

— Зови меня Джо,— сказал Далгетти. Его именем на самом деле было Симон.— Нет, я прибыл сюда на совсем короткий срок.

— Откуда ты? — спросила она.— Сама я — из Нью-Джерси.

— Похоже, я так никогда и не встречу никого, родившегося в Калифорнии.— Он усмехнулся. Возврат контроля над телом происходил автоматически, эмоции пришли в норму, и он снова мог думать с полной ясностью.— Я... э-э... простой странник. Сейчас у меня нет никакого постоянного адреса.

Диспенсер выплюнул напитки на поднос и высветил цену — двадцать долларов. Неплохо, принимая все во внимание. Он бросил в щель автомата пятьдесят баксов и получил сдачу: пятидолларовую монету и одну купюру.

— Ну,— произнесла Гленна,— твое здоровье!

— И твое! — Они чокнулись, и он спросил себя, как же ему сказать то, что он должен был сказать. Проклятье, он

не может просто сидеть здесь, болтать и любезничать, он пришел сюда слушать, а не... Наполненные иронией фрагменты из всех детективных фильмов, которые он когда-либо видел, пронеслись в его голове. Любитель, случайно оказавшийся замешанным в деле, и ему теперь предстоит его решать, ха-ха! До сего мгновения он и представить себе не мог всей сложности этого дела.

Он долго не мог принять решения. Наконец он пришел к выводу, что прямой подход будет самым лучшим. И тогда он намеренно набросил на себя вид холодной безразличной уверенности. Подсознательно он боялся этой девушки, чуждой его классу. Ладно, заставь ее проявить свою реакцию, узнай ее и после этого подави. Его пальцы под столом зашевелились, сплетаясь в сложный символический узор, помогавший ему концентрироваться.

— Гленна, — начал он, — боюсь, что я довольно скучный собеседник. Все дело в том, что я занимаюсь кое-какими исследованиями в психологии, изучаю, как нужно добиваться концентрации сознания в определенных условиях. И мне захотелось поэкспериментировать в подобного рода заведении, понимаешь? — Он достал из кармана вторую стодолларовую банкноту и положил ее перед девушкой. — Просто посиди здесь тихо и спокойно. Думаю, что вряд ли это займет больше часа.

— Гм-м! — Брови девушки поползли вверх. Затем, внезапно пожав плечами и криво усмехнувшись: — Хорошо, раз уж ты платишь за это. — Она достала сигарету из плоского портсигара, находившегося в ее сумочке, и расслабилась. Далгетти снова прислонился к стене и закрыл глаза.

Девушка с любопытством следила за ним. Он был среднего роста, коренастый, броско одетый в голубую тунику с короткими рукавами, серые брюки и сандалии; несколько веснушек на квадратном курносом лице, карие глаза и несколько робкая улыбка. Песочного цвета волосы были коротко острижены. Молодой человек, подумала она, примерно двадцати пяти лет, вполне обычный и ничем не примечательный, если не считать мускулов борца и, конечно, его поведения.

Что ж, чего только не бывает!

Несколько секунд Далгетти ощущал беспокойство. Но не потому, что объяснение, которое он дал ей, было шито белыми нитками, а потому что оно слишком близко было к правде. Он отбросил от себя неуверенность. Были шансы за то, что она ничего не поняла, не говоря уже о том, что расскажет кому-либо о нем. По крайней мере уж точно не тем людям, за которыми он охотился.

Или которые охотились за ним?

Концентрация... и снова медленно он слышал голоса:

— ...возможно. Но я думаю, они будут больше упорствовать.

Банкрофт:

— Да. Дело слишком серьезно, так что несколько жизней не значат ничего. И все-таки, Майкл Тайхе — единственный человек. Он будет говорить.

Женщина:

— Его могут заставить говорить, вы хотите сказать? — У женщины был один из самых холодных голосов, что Далгетти слышал в своей жизни.

Банкрофт:

— Да. Хотя мне не хочется применять чрезвычайных мер.

Мужчина:

— Какие еще возможности у нас есть? Он не скажет ничего, если только его силой не заставят. А тем временем его люди прочешут в его поисках всю планету. Они это умеют делать.

Банкрофт, с иронией:

— И что же они могут сделать, скажите на милость? На то, чтобы установить местонахождение исчезнувшего человека, нужно нечто большее, чем любительское рвение. Понадобится мобилизовать все ресурсы огромной полицейской организации. И меньше всего они хотят, как я уже подчеркивал, привлечения в это дело правительства.

Женщина:

— Я не уверена в этом, Том. В конце концов, Институт — легальная группа, спонсором которого выступает само правительство, и его влияние — довольно значительно. Его выпускники...

Банкрофт:

— Да, он выпускает дюжину различного рода психотехников, он проводит исследования. Он дает советы. Он публикует находки и теории. Но, поверьте мне, Психотех-

нический Институт подобен айсбергу: настоящая его природа и цели скрыты под водой. Нет, мне неизвестно ни о чем незаконном. Его цели так велики, что просто игнорируют любой закон.

Мужчина:

— Каковы же эти цели?

Банкрофт:

— Хотел бы я их знать! Знаете, у нас есть только определенные намеки и догадки. Одна из причин, по которой мы схватили Тайхе, это попытка разузнать больше. Подозреваю, что их истинная работа строго засекречена.

Женщина, задумчиво:

— Д-д-да. Теперь я вижу, что это вполне может быть. Если большая часть мира узнает, что им... манипулируют... тогда подобное просто станет невозможным. Но все же, куда группа Тайхе хочет привести нас?

Банкрофт:

— Я не знаю, я уже вам сказал. Я даже не уверен, что они на самом деле хотят... взять верх. Они преследуют какую-то большую цель.— Вздых.— Давайте смотреть правде в глаза. Тайхе — тоже крестоносец. По-своему он очень искренний идеалист. Он просто случайно поверил в неправильные идеи. Это одна из причин, почему я не хочу, чтобы ему был причинен вред.

Мужчина:

— Но если окажется, что нам придется...

Банкрофт:

— Ну, тогда мы пойдем на это, вот и все. Но мне это совсем не по душе.

Мужчина:

— Ладно, вы — наш руководитель, вам и говорить когда. Но я предупреждаю вас не ждать слишком долго. Говорю вам, Институт — больше, чем сборище оторванных от реальной жизни ученых. У них есть *кто-то*, способный заняться поисками Тайхе, и если им удастся определить его местонахождение, тогда это будет уже настоящей бедой.

Банкрофт, мягко:

— Ну, сейчас смутные времена, или скоро настанут. Мы могли бы уже привыкнуть к этому.

Разговор перешел на другие темы, превратившись в праздную болтовню. Далгетти просто напро себя. Они ни разу не сказали о месте, где содержится пленник.

Ладно, маленький человек, что дальше? Томас Банкрофт — большая игра. Его юридическая фирма была довольно известной. Он был конгрессменом и входил в кабинет правительства. Даже среди членов правящей лейбористской партии он пользовался уважением. У него были друзья в правительстве, среди видных бизнесменов, членов различных союзов, гильдий, клубов и лиг, начиная от штата Мэн и кончая Гавайями. Стоило ему только замолвить словечко, и ему, Далгетти, какой-нибудь темной ночью вышибут зубы. Или если Далгетти окажется слишком дотошным, его просто арестуют по обвинению, к примеру, в тайном заговоре и заключат в тюрьму, где его продержат под следствием не меньше полугода.

Слушая, он убедился, что подозрения Ульриха из Института, что Тайхе похитил Томас Банкрофт, оказались правильными... но что же теперь делать? Если он отправится в полицию с этой историей, то там ему:

- а) рассмеются в лицо, долго и громко;
- б) отправят на психическое обследование;
- в) самое худшее, сообщат об этом Банкрофту, который таким образом будет знать, на что способны питомцы Института, и предпримет соответствующие контрмеры.

2

Конечно, это было только начало. Путь обещал быть длинным. Но времени до того, как они начнут перерабатывать мозги Тайхе, оставалось чудовищно мало. И на этом пути его поджидали волки.

С пугающей ясностью Симон Далгетти осознал вдруг, в какое же дело он влип.

Казалось, прошла вечность, прежде чем люди Банкрофта ушли. Далгетти взглядом проследил их уход из бара: четыре мужчины и женщина. Они были совершенно спокойными, сдержанными и выглядели очень представительно в своих дорогих темных костюмах. Даже телохранитель, вероятно, закончил какой-нибудь колледж, третьего класса. Их ни за что не принять убийцами, похитителями и слугами тех, кто вытащил на свет Божий поли-

тический гангстеризм. Но тогда, мелькнуло в голове Далгетти, они, вероятно, не считают себя таковыми.

Враг — старый, хотя и принимающий разные обличья, с которым приходилось сражаться, когда он был в образе фашиста, нациста, маоиста, физика-ядерщика, американца и Бог знает кого еще в этом кровавом столетии — со временем стал хитроумнее. И теперь он мог даже обманывать самого себя.

Чувства Далгетти вернулись на обычное восприятие. С невероятным облегчением он вдруг понял, что просто сидит в тускло освещенной кабинке с хорошенькой девушкой — он снова на некоторое время стал обычным человеком. Но неотложность возложенной на него задачи по-прежнему давила на него.

— Извини, что я так долго был занят своей работой, — сказал он. — Хочешь еще выпивки?

— Я только что выпила. — Девушка улыбнулась.

Он заметил, что на экране диспенсера светится цифра 10, и бросил в щель еще две монетки. Потом, все никак не успокоившись, он набрал код виски для себя.

— Ты знаешь этих людей, что были в соседнем гроте? — спросила Гленна. — Я заметила, что ты следил за их уходом.

— Ну, я знаю мистера Банкрофта, ведь его часто показывают в новостях, — ответил Далгетти. — Он ведь живет здесь, правильно?

— У него есть помещение на Станции «Чайка», — ответила Гленна, — но он нечасто появляется тут, думаю, что он все время проводит на материке.

Далгетти кивнул. Он уже два дня, как прибыл сюда, в тихоокеанскую колонию, и слонялся здесь в надежде подобраться как-нибудь к Банкрофту, вдруг тот даст ему какой-нибудь ключ. Теперь он выполнил свою задачу, но многого он при этом не выгадал. Он просто получил подтверждение тому, что и без того в Институте считали весьма вероятным, не получив никаких новых сведений.

Ему необходимо было все обдумать и решить, каким же будет его следующий шаг.

Он осушил свой бокал.

— Пора закругляться, — сказал он.

— Мы можем пообедать здесь, если ты хочешь, — предложила Гленна.

— Спасибо, я не голоден.— И это было действительно так. Нервное напряжение, сопутствующее концентрации его сил, проделывало дьявольские штучки с его аппетитом. Да и не мог он слишком увлекаться растратами своих денежных средств,— может быть, попозже.

— Ладно, Джо. Возможно, еще увидимся.— Она улыбнулась.— Ты забавный парень. Но очень милый.— Она коснулась своими губами его, а затем встала и ушла.

Далгетти вышел из бара и направился к лифту. Он поднялся на нем на много уровней. Таверна располагалась под станционными кессонами вблизи главного кабеля и выходила как раз на глубокие воды. Над станцией располагались склады, машинные отделения, кухонные помещения, вся подноготная современного существования. Он вышел из кабины на верхней палубе, находившейся примерно в тридцати футах над поверхностью. Никого рядом не было, и он подошел к поручню, оперся о него и стал глядеть на воды, наслаждаясь одиночеством.

Под ним уходили вдаль, к главной палубе, яруса — поток линий и изгибов широких улиц из чистого пластика, движущиеся указатели, трава и цветочные клумбы маленьких парков, люди, куда-то торопящиеся или лениво прохаживающиеся. Огромный гидро-стабилизированный пузырь незаметно двигался вдоль длинной выпуклости Тихого океана. Станция «Пеликан» была нижним городом колонии, его магазинами и театрами, ресторанами, станциями обслуживания и местом развлечений.

Вокруг нее вода в этом вечернем свете была голубоватой, цвета индиго, пронизанная полосами пены причудливых очертаний, и он слышал рев волн, ударявшихся об отвесные стены. Над головой высоко-высоко поднималось небо, и только на западе его темнело несколько облаков. Парящие чайки, казалось, переливались золотом. Туманная дымка на темнеющем востоке означала южное побережье Калифорнии. Он глубоко вздохнул, пытаясь расслабить свои нервы и мышцы, закрыть свое сознание для чего-либо, превратившись на некоторое время в организм, который просто живет и радуется этой жизни.

Видимость во всех направлениях ограничивалась другими станциями, устремившимися вверх пузырями, которые и образовывали эту тихоокеанскую колонию. Несколько воздушных мостов гибкими струнами соединяли их между собой, но по-прежнему существовало и интен-

сивное водное движение. В южной стороне на воде темнело какое-то морское ранчо. Тут же его тренированная память сообщила ему в ответ на мгновенно вспыхнувший в голове вопрос, что согласно последним данным 18,3% мировых запасов продуктов питания в настоящее время добывается из модифицированных морских водорослей. И он знал, что этот процент будет еще в дальнейшем возрастать.

Повсюду были заводы по добыче полезных ископаемых, рыбные базы, экспериментальные станции и станции, где проводились лишь чисто исследовательские работы. Ниже плавающего города, вонзившись в континентальный шельф, располагалось подводное поселение — с нефтяными скважинами, дававшими сырье для промышленных синтезирующих процессов, шахтами, добывавшими руды, здесь же проводились исследования, обращенные на поиск новых ресурсов; эти поселки и шахты медленно разрастались по мере того, как человек учился уходить все глубже в холод, темноту и давление. Все это влетало в копеечку, но у перенаселенного мира не было иного выхода.

Венера была уже видна, низко нависавшая над темнеющим горизонтом. Далгетти вдыхал в легкие сырой и острый морской воздух и с некоторой жалостью подумал о людях, находившихся там, в космосе, — на Луне, на Марсе и между планетами, выполнявшими важную работу, от которой дух захватывало; но он сомневался, действительно ли она была важнее и значительнее того, что люди делали здесь, в водах земных океанов. Или нескольких страниц, написанных мелким почерком уравнений, брошенных в ящик письменного стола в Институте. Хватит! Далгетти привел свой мозг в возбужденное состояние, подобно специально обученной охотничьей собаке. У него тоже была здесь работа.

Похоже, ему придется столкнуться с силами, поистине чудовищными. А он был одним человеком, единственным, выступающим против неизвестно какого рода организации. Ему нужно было спасти еще одного человека — да, раньше, чем история изменится и направится по ложному пути, по долгому пути вниз. Он обладал знаниями и определенными качествами, но он не мог остановить пулю. Не включали они в себя и знаний о подобного рода войне. Войне, которая не была обычной войной, политика, которая вовсе не политика, но лишь горсточка уравнений, набор мед-

ленно собиравшихся данных и представления пытливого ума.

У Банкрофта в руках был Тайхе... где-то. Институт не мог обратиться за помощью к правительству, даже несмотря на то, что он в большой степени сам представлял собой правительство. Он мог, наверное, послать Далгетти на помощь несколько человек, но у него не было банд наемных убийц. И времени не было совсем — словно за ним по пятам гнались гончие.

Чувствительный человек повернулся, внезапно почувствовав присутствие кого-то еще. Это был человек средних лет, сухопарый и седовласый, с интеллигентным лицом. Он прислонился к поручню и тихо сказал:

— Чудесный вечер, не правда ли?

— Да,— согласился Далгетти.— Просто чудесный.

— Оно наполняет меня ощущением подлинной гармонии, это место,— заметил незнакомец.

— Каким же образом? — спросил Далгетти, не возражающий против возможности поддержать разговор.

Разглядывая простиравшийся перед ним океан, незнакомец тихо заговорил, как бы обращаясь к самому себе:

— Мне пятьдесят лет. Я родился во время Третьей мировой войны и вырос среди последовавших за ней голода и массовых безумий. Я сражался в Азии. Я беспокоился о проблеме безрассудно увеличивающегося населения при бессмысленно расстрачиваемых и исчезающих ресурсах. Я видел Америку, которая балансировала между упадком и безумием.

И все же сейчас я могу стоять и смотреть на мир, в котором мы имеем функционирующую Организацию Объединенных Наций, в котором снизился прирост населения и где все больше и больше в разных странах появляются демократические правительства, где мы завоевываем океаны и даже отправляемся к другим планетам. Многое изменилось со времени, когда я был мальчиком, но в целом все это — к лучшему.

— А,— сказал Далгетти,— поворот души к добру. Хотя, боюсь, это не так просто.

Мужчина поднял брови.

— Значит, вы голосовали за консерваторов?

— Лейбористская партия *консервативна*, — заметил Далгети. — Доказательство тому — коалиция с республиканцами и неофедералистами, как и с некоторыми другими мелкими группами. Нет, меня не беспокоит, останется ли она у власти, будут ли процветать консерваторы или придут ли к власти либералы. Весь вопрос в том: кто будет контролировать само правительство?

— Его члены, полагаю, — ответил собеседник.

— Но кто конкретно является его членами? Вы, как и я сам, знаете, что огромным недостатком американцев является отсутствие у них интереса к политике.

— Что? Э... да ведь они голосуют, разве не так? Какой был последний процент участвующих в выборах?

— Восемьдесят восемь и три десятых. Конечно, они голосуют — раз им было дано такое право. Но много ли из них имели хоть какое-либо отношение к выдвижению кандидатов или выработке программы? Сколько их на самом деле потратило время, чтобы *подумать* над ее пунктами... или даже написать свои соображения своим конгрессменам? «Прихлебатель политикана» все еще остается презрительной кличкой.

Слишком часто в нашей истории голосование было простым делом выбора между двумя хорошо смазанными машинами. Достаточно умная и решительная группа может захватить лидирующее положение в своей партии, выдвинуть чье-нибудь имя и лозунги, и через несколько лет создать за кулисами полную *«изнанку»*.

Далгети быстро произносил слова — это был один из аспектов дела, которому он посвятил свою жизнь.

— Две машины, — сказал незнакомец, — или четыре-пять, как это мы имеем в настоящее время, — это все же лучше, чем одна.

— Только не в том случае, если всех их контролируют одни и те же люди, — мрачно произнес Далгети.

— Но...

— Если вы не можете их разбить, то лучше присоединиться к ним. А еще лучше присоединиться ко всем сторонам. Тогда вы в любом случае *не проиграте*.

— Не думаю, что такое уже произошло, — заметил собеседник.

— Да, этого еще не произошло, — согласился Далгети, — по крайней мере, в Соединенных Штатах, хотя в некоторых других странах... неважно... Но подобное еще

вполне возможно, вот и все. За веревочки сейчас дергают не нации или партии... а философы, если вы предпочитаете для них такое название. Два вида человеческой судьбы, пронизывающие все национальные, политические, расовые и религиозные формы.

— И что же это за два вида? — спокойно спросил незнакомец.

— Вы можете назвать их либерализмом и тоталитаризмом, хотя представители последнего совершенно необязательно думают о себе подобным образом. Общеизвестно, что неистовый индивидуализм достиг своего пика в девятнадцатом столетии. Хотя, по сути дела, общественное давление и обычаи были более сдерживающими, чем большинство людей, живущих ныне, осознают это.

В двадцатом столетии эти социальные твердыни — в манерах, морали, образе мышлений — были разбиты. Например, эмансипация женщин, легко осуществляемый развод или законы, охраняющие неприкосновенность личности. Но в то же время снова усилился легальный контроль. Правительство брали на себя все больше и больше функций, налоги росли, а жизнь отдельного человека все больше и больше ограничивалась правилами, что вам «позволительно» и что «не следует делать».

Знаете, похоже, и сама война как бы является чем-то неизбежным — она помогает снять часть этого давления. Такие мешающие ограничения, как воинская, или трудовая повинности, или введение карточной системы распределения, были сняты. К чему мы медленно идем, так это к обществу, где индивидуум имеет максимум свободы как от закона, так и от обычаев. Возможно, несколько дальше по этому пути продвинулись Америка, Канада и Бразилия, но все эти тенденции характерны для всего мира.

Но имеются элементы, которые не совсем соотносятся с заключениями подлинных либералистов. И новая наука о поведении человека, как масс, так и отдельных индивидуумов, выносит строгие формулировки, превращаясь для человека в самый мощный инструмент, который когда-либо был у него — ибо тот, кто контролирует человеческий разум, будет также контролировать и все, что может сделать человек. Достижениями этой науки, возразите вы, может воспользоваться каждый. Но если вы станете читать между строками, то вы увидите, какая скрытая борьба за

контроль над личностью начинается, как только она достигает зрелости и эмпирической нестабильности.

— Ах да,— заметил незнакомец.— Психотехнический Институт.

Далгетти кивнул, удивляясь, с какой это стати он вдруг прочел эту лекцию. Ладно, чем больше людей проникнутся идеями правильности этого, тем лучше... хотя пока что им еще рано знать всю правду.

— Институт готовит много кадров для правительства и столь много помогает ему своими советами,— сказал собеседник,— что иногда даже кажется, что он спокойно осуществляет режиссуру всего представления.

Далгетти слегка вздрогнул под легким ветерком и пожалел, что не взял с собой плащ. Он утомленно подумал: *Ну вот, снова это. Вот так и распространяются слухи, не грубые обвинения, сразу бросаемые в лицо, но медленные и неясные: шепоток здесь, намек там, уклончивая новая история, нарочито бесстрастная статья... Ну да, уж им-то известно, как обращаться с семантикой.*

— Слишком много людей еще боятся этого,— объявил он.— Но это неправда. Институт — частная исследовательская организация, вполне законно существующая. Его записи может просмотреть кто угодно.

— Все ли записи? — Лицо незнакомца почти не видно было в сгущающихся сумерках.

Далгетти подумал, что он может скептически поднять брови. Он прямо не ответил, но произнес:

— В общественном сознании сложилось неясное мнение, будто группа, обладающая полными сведениями о человеке (чего Институт еще не добился), способна немедленно «прийти к власти» и путем некоторых неспецифических, но пугающе-вкрадчивых манипуляций управлять миром. Суть этого мнения такова: если вы знаете, какие кнопки нужно нажимать и так далее, то люди будут делать именно то, что вам надо, не понимая, что ими управляют. Все это чистой воды вымысел.

— Вот как? Не знаю,— сказал собеседник.— В сути своей эта теория кажется мне весьма правдоподобной.

Далгетти покачал головой.

— Предположим, я инженер,— начал он,— и вот я вижу, как на меня надвигается лавина. Я мог бы точно знать, как ее остановить — куда поместить динамит, где воздвигнуть бетонную стену и так далее. Только это зна-

ние не поможет мне. У меня ведь нет ни времени, ни силы, чтобы использовать их.

То же самое касается и человеческой динамики, как в отношении масс, так и отдельного индивидуума. Потребуются несколько месяцев или лет, чтобы изменить убеждения какого-либо человека, а когда у вас сотни миллионов...— Далгети пожал плечами.— Социальные течения слишком огромны для чего-либо, кроме как самого слабого, в высшей степени постепенного контроля. Фактически, вероятно, самыми ценными результатами, полученными на основе исследований, являются не те, которые показывают, что можно сделать, но те, которые показывают, что сделать нельзя.

— Вы говорите очень уверенно,— заметил незнакомец.

— Я психолог,— вполне правдиво ответил Далгети. Он не добавил, что он также сам является и объектом исследований, и наблюдателем.— И, боюсь, что я слишком много говорю. Дурная привычка.

— Ну что вы!— возразил его собеседник. Он прислонился спиной к поручню и протянул неясно видимую в тени руку с пачкой сигарет.— Закуривайте?

— Спасибо, но я не курю.

— Вы — редкое исключение.— В темноте в свете зажигалки на мгновение мелькнуло лицо незнакомца.

— Я нахожу другие способы расслабиться.

— Хорошо для вас. Кстати, сам я профессор. Английской литературы в Колорадо.

— Боюсь, что я в этом предмете профан,— сказал Далгети. Он секунду он ощутил чувство потери. Слишком уж сильно его мыслительные процессы отличались от способностей обычного человека, чтобы он хорошо разбирался в литературе или поэзии. Но вот музыка, скульптура, живопись — это совсем другое. Он глядел на широкие сверкающие воды, на станции, темнеющие на фоне первых появляющихся звезд, получая истинное наслаждение от всей этой симметрии и гармонии. Человеку нужно обладать такими развитыми, как у него, чувствами, чтобы понять, насколько же прекрасен этот мир.

— Сейчас я в отпуске,— сказал собеседник.

Далгети ничего на это не ответил.

После паузы незнакомец продолжил:

— Наверное, вы тоже?

Далгетти ощутил небольшой укол-вопрос — личностный вопрос, задаваемый совершенно незнакомым вам человеком. Ладно, уж это-то вполне естественно для девушки, вроде Гленны, но профессор же должен лучше знать правила вежливости.

— Да,— коротко ответил он.— Просто турист.

— Кстати, меня зовут Тайлер, Хармон Тайлер.

— Джо Томсон.

Далгетти пожал протянутую руку.

— Мы можем продолжить нашу беседу, если вы останетесь здесь на некоторое время,— сказал Тайлер.— Вы затронули некоторые интересные аспекты.

Далгетти задумался. Возможно, стоило оставаться здесь столько, сколько пробудет на станции Банкрофт, в надежде узнать что-нибудь еще.

— Возможно, я пробуду здесь еще пару деньков,— добавил он.

— Хорошо,— сказал Тайлер.

Он посмотрел вверх, на небо, где уже вовсю светили звезды. Но палуба все еще оставалась пустой. Она тянулась вдоль неясно видимого вздымающегося ввысь корпуса погодно-наблюдательной башни, которая по вечерам переводилась на автоматическое наблюдение. Несколько флюороламп бросали тусклые пятна света на пластиковый пол.

Посмотрев на свои часы, Тайлер с некоторой небрежностью сказал:

— Сейчас около девятнадцати тридцати. Если вы не против подождать до двадцати, я мог бы показать вам кое-что интересное.

— Что же?

— А, я вас заинтриговал,— усмехнулся Тайлер.— не многим известно об этом. А теперь, возвращаясь к поднятой вами раньше проблеме...

Тридцать минут пролетели незаметно. Далгетти большую часть этого времени разговаривал.

— ...и активности масс. Видите ли, говоря очень поверхностно и приблизительно, состояние семантического эквilibра в мировом масштабе, которое, конечно, никогда не существовало, можно представить уравнением в виде...

— Извините меня.— Тайлер снова бросил взгляд на светящийся циферблат часов.— Если вы не против остановиться на несколько минут, то я покажу вам то странное зрелище, о котором я говорил.

— А? О... конечно-конечно.

Тайлер отшвырнул свою сигарету, и она упала на пол в этом сумраке подобно крошечному метеору. Он взял Далгетти за руку, и они медленно обошли башню метеостанции.

Из-за противоположной ее части вышли люди, и они встретились с ними на полпути. Далгетти едва успел увидеть их, прежде чем ощутил резкое покалывание в груди.

«Игольчатый пистолет!»

Мир закружился вокруг него. Он сделал шаг вперед, пытаясь закричать, но не смог. Палуба поднялась навстречу и ударила его, и сознание его провалилось в черноту.

Откуда-то изнутри поднялась воля, сработали наработанные тренировками рефлексy, он призвал все, что осталось от иссушенной силы и начал бороться с действием анестезирующего препарата. Его борьба с ним напоминала попытку ухватиться за ускользающий туман. Снова и снова он проваливался в небытие и вновь выныривал на свет божий. Он смутно, словно в каком-то ночном кошмаре, осознавал, что его куда-то несут. Однажды кто-то остановил их в коридоре и спросил, что случилось. Ответ, казалось, шел откуда-то издалека.

— Не знаю. Он проходил мимо... и с ним что-то случилось. Мы несем его к врачу.

Целое столетие, казалось, они спускались на лифте. Стены лодочного дома дрожали вокруг них. Его перенесли на борт какого-то большого судна, которого не было видно в густом тумане. Какой-то частью своего разума он подумал, что это, несомненно, чей-то частный лодочный дом, поскольку никто не пытался их остановить... остановить... остановить...

3

Пробуждался он медленно, с позывами на рвоту, со слезой на глазах. Шум воздуха, он летел, должно быть, его поместили на трифибиан. Он попытался заставить себя прийти в себя, но его разум был все еще парализован.

— Вот. Выпейте это.

Далгетти взял стакан и жадно выпил его. Вместе с жидкостью он впитал прохладу и твердость. Мир перестал вращаться вокруг него, и головная боль притихла достаточно, чтобы ее можно было терпеть. Он медленно огляделся и почувствовал первый прилив паники.

«Hem!»

Он чуть ли не ударил себя рукой по лицу, чтобы подавить вспышку этой эмоции. Сейчас необходимо быть спокойным и рассудительным, и...

Здоровяк возле него кивнул и высунул голову за дверь.

— Кажется, он пришел в себя,— крикнул он.— Хотите поговорить с ним?

Далгетти обвел глазами отделение — кабина, находящаяся в задней части огромного воздушного судна, роскошно обставленная, с удобными откидывающимися сиденьями и прикрепленными к полу столиками. Сквозь огромный иллюминатор виднелись звезды.

«Пойман!» — с горечью в бессильном гневе на себя подумал он, с горечью в чистом виде.— *Сам отдал себя прямо им в руки!»*

Тайлер зашел в комнату в сопровождении двух здоровяков с каменными лицами. Он улыбнулся.

— Прошу прощения,— пробормотал он,— но вы играете на руку своему союзу.

— Угу.— Далгетти покачал головой. Его губы скривились.— Только я не состою ни в каких союзах.

Тайлер улыбнулся. Сочувственно.

— Вы готовы острить в любой ситуации,— сказал он.— Я рад, что вы все понимаете так хорошо. Мы не собираемся причинить вам никакого вреда.

Хотя Далгетти не слишком верил этим словам, но ему удалось расслабиться.

— Как вы вышли на меня? — спросил он.

— О, разными путями. Боюсь, что вы вели себя довольно неуклюже.— Тайлер сел за стол напротив него. Охранники остались стоять.— Мы не сомневались, что Институт попытается нанести ответный удар, и мы тщательно изучили его работу и его персонал. Таким образом вас узнали, Далгетти... и известно, что вы были очень близки к Тайхе. Поэтому-то вы и отправились сюда, даже не попытавшись как-нибудь изменить свой облик. Как бы там ни было, но на вас обратили внимание, когда вы без

дела слонялись по колонии. Мы следили за вашими шагами. Одна из девушек для развлечений смогла рассказать нам кое-что о вас. Мы решили, что вас стоит допросить. Я прозондировал почву в качестве случайного знакомого, а потом отвел вас на это рандеву.— Тайлер развел руками в сторону.— Вот и все.

Далгетти вздохнул, и его плечи поникли от внезапно навалившегося на него бремени разочарования. Да, они правы. Он вел себя не лучшим образом.

— Ладно,— сказал он.— Что теперь?

— А теперь у нас есть вы и Тайхе,— ответил собеседник. Он закурил сигарету.— Надеюсь, что вы окажетесь более разговорчивы, чем он.

— А что, если нет?

— Вот что уясните себе.— Тайлер помрачнел.— У нас были причины не торопиться с Тайхе. Хотя бы потому, что он представлял собой ценность как заложник. Но вы — никто. И поскольку мы не чудовища, мне бы не хотелось обращаться с вами, как с фанатиком.

— Послушайте,— произнес Далгетти с новым подъемом сарказма,— это интересный пример семантической эволюции. В наше, в целом довольно-таки легко переносимое время, слово «фанатик» стало просто эпитетом — кто-то с противоположной стороны.

— Хватит! — резко сказал Тайлер.— Медлить вам не позволяют. Мы хотим, чтобы вы ответили на множество вопросов.— Он хрустнул костяшками пальцев.— Каковы высшие цели Института? Как он собирается их достичь? Как далеко он уже зашел? Что именно он узнал, с точки зрения науки, что он еще не опубликовал? Сколько ему известно про нас? — Он слегка улыбнулся.— Вы всегда были близки к Тайхе. Он ведь возвысил вас, не так ли? Вам должно быть известно столько же, сколько и ему.

«Да,— подумал Далгетти.— Тайхе возвысил меня. Он действительно стал для меня отцом. Я был сиротой, и он принял меня, и он был со мной добр».

Он отчетливо увидел перед глазами старый дом в Мэйне. Широкие леса на прекрасных холмах окружали его. Внизу бежала речка, впадающая в залив, где плавали парусники. Соседи были спокойными, они были более искренними, чем большинство представителей нынешнего, лишенного корней поколения. И там было много посетите-

лей, мужчин и женщин, чей разум походил на отточенные и мимолетно вспыхивающие клинки мечей.

Он вырос среди интеллектуалов, устремленных в будущее. Он и Тайхе много путешествовали. Они часто бывали в огромных помещениях главного здания Института. По меньшей мере раз в году они навещали родную для Тайхе Англию. Но в сердце его всегда было место для старого дома.

Он стоял на гряде, длинной и невысокой, обветренный, серый, как и сама земля. Днем он отдыхал в ослепительно сверкающей в лучах солнца зелени деревьев или в чистой белизне снега. Ночью были слышны поскрипывания досок и одинокий вой ветра в дымоходе. Да, это был хороший дом.

И в этом было нечто удивительное. Он любил свое обучение. Изучать свой бесконечный внутренний мир было для Далгетти радостью, а потом он переключился на исследование и внешнего мира — настоящего: он научился ощущать ветер, дождь, тепло лучей солнца, замечать великолепие зданий с высокими потолками и волну движения несущегося галопом коня, монотонность волн и смех женщин, ровное загадочное гудение огромных машин — настолько полно ощущать, что его охватывала жалость ко всем окружавшим его глухим, слепым и немым.

О да, он любил все это. Он был влюблен в само вращение планеты и огромные небеса над головой. Это был мир света, силы и быстрых ветров, и было бы горько оставить его. Но Тайхе был заперт в темноте.

— Мы всегда были всего лишь исследовательским и образовательным центром, — произнес он, растягивая слова. — Нечто вроде неофициального университета, готовящего научные кадры. Мы ни в коем роде никакая политическая организация. Вы бы очень удивились, насколько мы разнимся друг от друга по политическим убеждениям.

— Что из того? — пожал плечами Тайпер. — Это нечто большее, чем политика. Ваша работа, если она будет полностью завершена, изменит все наше общество, возможно, всю природу человека. Нам *известно*, что вы узнали больше, чем сделали это достоянием общественности. Следовательно, вы скрываете эти данные для собственных нужд.

— И вы хотите получить их для своих целей?

— Да,— ответил Тайлер. После паузы добавил: — Я презираю мелодраматичность, но если вы не станете сотрудничать с нами, нам придется поработать над вами. И еще у нас есть Тайхе, никогда не забывайте об этом. Один из вас сломается, если будем наблюдать за допросом второго.

«Мы направляемся в то же место! Там, где Тайхе!»

Лишь чудовищным усилием воли Далгетти удалось сохранить бесстрастное выражение на лице, а голос — звучать ровно.

— Так куда же мы направляемся?

— На остров. Мы скоро будет там. Самому мне скоро нужно будет вернуться назад, но вскоре туда прибудет мистер Банкрофт. Это должно убедить вас, насколько это дело важно для нас.

Далгетти кивнул.

— Могу я некоторое время подумать? Для меня это — нелегкое решение.

— Конечно. Надеюсь, вы примете правильное решение.

Тайлер встал и вышел вместе с телохранителями. Верзила, что дал ему перед этим выпивку, все так же сидел на том же месте. Психолог медленно начал укреплять свою волю. Слабое гудение турбин и свист реактивных двигателей и воздуха сделались более громкими.

— Куда мы направляемся? — спросил он.

— НЕ МОГУ СКАЗАТЬ ВАМ ЭТО. ПОЖАЛУЙСТА, ЗАТКНИТЕСЬ.

— Но, конечно...

Охранник не ответил. Но подумал: *«Ри-вилла-ги-гей-ду... никогда правильно не могу произнести это чертово шпионское название... черт поberi, ну и дыра же, Богом забытая!.. Может быть, удастся заработать на поездку в Мексику... Эта маленькая девушка в Гвиадо...»*

Далгетти сосредоточился. Ревилла — теперь он знал. Острова Ревиллогигаду, маленькая группа примерно в 350—400 милях от мексиканского побережья, редко посещаемая, где жило всего несколько жителей. Его безошибочная память принялась за работу, анализируя изображение карты крупного масштаба, которую он однажды изучал. Закрыв глаза, он прикинул точные расстояния, широту и долготу, отдельные острова.

«Одну минутку, ведь там был один самый дальний остров на западе, относящийся к этой группе. И...— Он

быстро пробежал по всему тому, что знал о Банкрофте.— *Одну минутку, Бертран Мид, который, кажется, стоит во главе всего этого движения... да, точно, Мид владеет этим крошечным островом. Так вот куда мы направляемся!*» Далгети откинулся на спинку кресла, позволяя усталости овладеть им. Они придут спустя еще некоторое время.

Далгети вздохнул и взглянул на звезды. *«Почему люди выдумали такие нелепые созвездия, тогда как само небо столь огромно и полно гармонии!»* Он знал, что едва они только сядут на землю, как он окажется в большой опасности. Пытки, увечья, даже смерть.

Далгети снова закрыл глаза. И почти мгновенно уснул.

4

Он приземлился в темноте на маленьком поле. Ослепленный ярким светом, Далгети не имел возможности осмотреться. В свободной серой униформе их встречали охранники с винтовками — наемные убийцы с суровыми выражениями на лицах. Далгети послушно проследовал по бетону, по дорожке и далее через сад к большому изогнутому дому.

Он на секунду остановился, когда открылась дверь, и вгляделся в темноту. На широкий берег со свистом накатывали океанские волны. Он уловил чистый соленый запах моря и вдохнул его. Возможно, в последний раз он дышит этим воздухом.

— Идем, идем! — Чья-то рука подтолкнула его снова к движению.

Вниз по залитому холодным светом пустому коридору, вниз по эскалатору, в недра острова. Еще одна дверь, за которой — какое-то помещение. Грубый толчок. Дверь с грохотом захлопнулась за ним.

Далгети огляделся. Камера была маленькой, обставленной очень просто: койка, туалет, умывальник, решетка вентилятора в стене. Больше ничего. Он попытался вслушаться с максимальной чувствительностью, но уловил лишь отдаленное путанное бормотание.

«Папа,— подумал он.— Ты тоже где-то здесь».

Он плюхнулся на койку и несколько секунд провел, анализируя эстетику планировки этой камеры. В ней чувствовалась даже некоторая приятная суровость, неосознанный баланс полного функционирования. Вскоре Далгети уснул.

Его разбудил охранник, принеся поднос с завтраком. Далгети попытался прочесть мысли этого человека, но не узнал ничего, что могло бы заинтересовать его. Он с жадностью поел под дулом автомата, вернул поднос и снова лег спать. То же самое повторилось и во время ленча.

Когда он снова встал, его чувство времени сказалось ему, что сейчас 14.35. На этот раз перед ним стояли три человека, три рослых субъекта.

— Идем,— сказал один из них.— Никогда еще не видел никого, кому бы так хотелось дать в ухо.

Далгети встал, пробежавшись рукой по волосам. Рыжая щетина царапнула ладонь. Это была уловка, чтобы дать ему время подчинить свою нервную систему под полный контроль. По ощущениям это напоминало падение в страшную пропасть.

— Сколько здесь ваших парней? — спросил он.

— Достаточно. Ну же, идем!

Он уловил шепот мысли: *«Пятьдесят охранников, верно? Да, думаю, что пятьдесят».*

Пятьдесят! Далгети на деревянных ногах шел между двумя из них. Пятьдесят наемных убийц! И все они прошли подготовку, он знал это. Институт выяснил, что частная армия Бертрана Мида была отлично вымуштрована. Ничего бросающегося в глаза — официально они были лишь слугами и телохранителями,— но они знали, как стрелять.

И он был один, а их — целое море. Он был один, и никто не знал, где он, и с ним могло произойти все, что угодно. Его пробирала дрожь, когда он шел вниз по коридору.

В конце коридора располагалась комната со скамьями и письменным столом. Один из охранников указал на кресло в дальнем ее конце.

— Садись,— буркнул он.

Далгети повиновался. Пути опоясали его запястья и лодыжки, прикрепив к подлокотникам и ножкам тяжелого

кресла. Еще один ремень вокруг талии. Он посмотрел вниз и увидел, что кресло болтами крепилось к полу. Один из охранников подошел к столу и включил магнитофон.

В противоположном конце комнаты открылась дверь, и вошел Томас Банкрофт. Это был крупный человек, тучный, но пышущий здоровьем; его одежда свидетельствовала о его отменно хорошем вкусе. Седовласая львиная грива, с красивыми крупными чертами лица и пронзительными голубыми глазами. Он едва заметно улыбнулся и уселся за письменный стол.

С ним была женщина... Далгетти внимательнее оглядел ее. Он ее не знал. Она была среднего роста, чуть полноватая, светлые волосы были слишком коротко обрезаны, на ее широком славянского типа лице не было никакой косметики. Молодая, в хорошей форме, движущаяся уверенным мужским шагом. Со своими серыми глазами, изящно изогнутым носом и широкими хмурыми устами она могла бы стать красавицей, если бы того захотела.

«Одна из представительниц современного типа,— подумал Далгетти.— Машина из плоти и крови, пытающаяся быть мужественнее мужчины, разочарованная и несчастная, сама еще того не понимая, и еще более озлобленная из-за этого».

На мгновение его охватила печаль, огромная жалость к миллионам людей. Они не знали себя, они сражались сами с собой как дикие звери, метались, замкнутые в ночном кошмаре. Человек мог быть так велик, если бы только получил шанс.

Он взглянул на Банкрофта.

— Я знаю вас,— сказал он,— но боюсь, что у дамы в этом отношении преимущество передо мной.

— Моя секретарша и главный ассистент, мисс Казимир.— Голос политика был звучным, как у прекрасно настроенного инструмента. Он наклонился вперед через стол. Кассета вращалась в магнитофоне в полной тишине этой звуконепроницаемой комнаты.

— Мистер Далгетти,— начал он,— я хочу, чтобы вы уяснили себе, что мы не изверги. Хотя кое-какие вещи слишком важны для того, чтобы придерживаться обычных правил. В прошлом ради них происходило много войн и, может быть, вскоре предстоит снова сражаться. Для всех было бы легче, если бы вы сейчас согласились сотрудни-

чать с нами. Никто и никогда не узнает, что вы сделали это.

— Допустим, я отвечаю на ваши вопросы,— сказал Далгетти.— Откуда вам знать, что я говорю правду?

— Конечно же, из-за применения неоскополамина. Не думаю, что у вас к нему иммунитет. Для нас слишком большим неудобством является то, что нам приходится допрашивать вас обо всех этих сложных вещах под его воздействием, но мы, безусловно, узнаем, отвечаете ли вы правильно на наши вопросы.

— И что потом? Вы возьмете и просто отпустите меня? Банкрофт пожал плечами.

— А почему бы и нет? Может быть, некоторое время нам придется продержатъ вас здесь, но скоро благодаря вам со всем этим делом будет покончено, и вы будете освобождены.

Далгетти задумался. Даже он не смог бы противостоять наркотикам правды. И еще были более радикальные процедуры, префронтальная лоботомия, например. Он содрогнулся. Кожаные путы, опоясавшие тонкую его одежды, стали влажными от пота.

Он посмотрел на Банкрофта.

— Чего вам на самом деле нужно? — спросил он.— Почему вы работаете на Бертрана Мида?

Суровый рот Банкрофта разошелся в улыбке.

— А я считал, что это вы должны отвечать на вопросы,— заметил он.

— Буду ли я отвечать или нет зависит от того, чьи это будут вопросы,— ответил Далгетти. *«Протянуть время! Отдалить его, мгновение ужаса, отдалить его!»* — По правде говоря, то, что мне известно о Миде, не настраивает меня на дружеский лад. Но я могу ошибаться.

— Мистер Мид — один из наиболее крупных руководителей.

— Ну да! И он также является силой, стоящей за множеством политических фигур, включая вас. Он — настоящий глава движения акционистов.

— Что вам известно об этом? — резко спросила женщина.

— Это долго рассказывать,— начал Далгетти,— но конечная цель акционизма — это... *Weltannschauung**. Мы

* С нем.: мировоззрение. (Прим. перев.)

еще никак не можем отойти от мировых войн и их последствий. Люди повсюду отворачиваются от великих, но смутно представляемых Целей с большой буквы в сторону более спокойных и ясно видимых взглядов на жизнь.

Аналогом является период Просвещения восемнадцатого столетия, который также последовал за периодом распрей между конфликтующими фанатиками. Вера в разум растет даже в сознании населения, вместе с духом умеренности и терпимости. Возникло отношение «подожждать-и-посмотреть» ко всему, включая науки и в особенности к новой, только наполовину оформившейся науке психодинамики. Мир хочет некоторое время отдохнуть.

Но знаете, подобный образ мышления имеет и недостатки. Да, он приводит к появлению замечательных мысленных структур, но в них чувствуется некий холод. Там совсем мало настоящей страстности, слишком много осторожности; искусство, к примеру, становится все больше и больше стилизованным. Старые символы: религия, суверенное государство и какая-нибудь особенная форма правительства, ради которого когда-то люди отдавали свою жизнь, сейчас открыто подвергаются насмешкам. У себя в Институте мы можем сформулировать такое схематическое условие в очень строгом уравнивании.

И вам это не нравится. Люди вашего типа нуждаются в чем-то большом. Но просто конкретной величины недостаточно. Вы можете всю свою жизнь посвятить наукам или межпланетной колонизации или социальным исправлениям, как это с радостью делают многие — но это не для вас. Там, в глубине веков, вы утратили образ матери-Вселенной.

Вы хотите могущественной церкви или могущественного государства или обожествления *чего угодно*, огромного загадочного символа, который возьмет от вас все, что у вас есть, и даст взамен лишь чувство принадлежности.— Голос Далгетти стал резким.— Короче говоря, ваша психика полностью не уравновешена. Вы не можете посмотреть в глаза правде и признать, что человек — одинокое существо и что его цель должна исходить из него самого, из его души.

Банкрофт нахмурил брови.

— Я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать лекции,— сказал он.

— Как хотите,— ответил Далгетти.— Я думал, что вам хотелось знать, что мне известно об акционизме. Это —

лишь неточное словесное выражение. В сущности вы хотите быть Лидером Цели с большой буквы. Ваши люди, те, кто не является простыми наемниками, хотят быть Последователями. Только вот в наши дни нет Цели, если не считать вполне здорового развития отдельной человеческой личности.

Казимир склонилась над столом. В ее глазах светился огонь любопытства.

— Вы сами только что указали на недостатки,— заметила она.— *Сейчас* — период упадка.

— Нет,— возразил Далгети.— Если вы не имеете в виду какие-нибудь дополнительные значения. Это необходимый период отдыха. Время восстановления для всего общества — вы знаете, суть дела великолепно укладывается в формулировки Тайхе. Как мы в Институте считаем, подобное состояние дел должно продлиться еще примерно семьдесят пять лет. За это время разум сможет (как мы надеемся) настолько окрепнуть, внедриться в базисную структуру общества, что, когда придет следующая огромная волна страстности, она не настроит людей друг против друга.

Настоящее время является... э-э... аналитическим. Восстанавливая собственное дыхание, мы начинаем понимать самих себя. Когда наступит следующий синтетический (созидательный или подъемный, называйте, как хотите) период, то он будет более здоровым психологически, чем все остальные до него. И человек не может позволить себе снова превратиться в безумца — только не в мире, где есть водородная и литиевая бомбы.

Банкрофт кивнул.

— И вы в Институте пытаетесь контролировать этот процесс,— сказал он.— Вы пытаетесь растянуть период... черт возьми, упадка! Да, я тоже, Далгети, изучал современную школьную систему воспитания. Я знаю, какие почти неуловимые методы используются, чтобы внедрить в сознание подрастающего поколения определенные доктрины — путем той политики, которую осуществляют *ваши* люди в правительстве.

— Доктрины? Я бы сказал воспитание. Воспитание в традициях сдержанности и критического мышления.— Далгети усмехнулся уголком рта.— Впрочем, мы здесь не для того, чтобы спорить по общим вопросам. Суть в том, что Мид считает себя мессией. Он естественный лидер

Америки и всего мира — через Объединенные Нации, в которых мы сохраняем свое влияние. Он хочет восстановить то, что он сам называет «добродетелью предков»... видите, я слушал и его речи, и ваши, Банкрофт.

Эти добродетели состоят из послушания, физического и умственного, «выборным властям»; из «динамизма», который, коротко говоря, означает, что люди должны прыгать, когда им отдают такой приказ; из... Да стоит ли продолжать? Это старая песня. Жажда власти, восстановление Абсолютного Государства, в этот раз в планетарном масштабе.

Психологическими возваниями к одним и обещаниями наград для других он создал для себя определенное число последователей. Но он достаточно умен, чтобы понимать, что не в силах вызвать революцию. Ему нужно, чтобы люди сами захотели его. Ему нужно, чтобы социальное течение повернуло вспять, пока не вернется к авторитарному строю — с ним во главе.

И вот здесь входит в игру Институт. Да, мы развили теории, которые по крайней мере кладут начало объяснениям фактов истории. Но это не просто накопление данных, а разработка строгих самокорректирующих символов, и нашим параматематикам как будто это удалось. Мы еще не опубликовали все свои находки из-за широты возможного их использования. Если вы точно знаете, как с ними обращаться, то вы можете создать мировое сообщество почти по любому желаемому образу — за период, не превышающий и пятидесяти лет! Но вы хотите эти наши знания для собственных целей.

Далгетти замолчал. Последовала долгая пауза. Его собственное дыхание казалось ему удивительно громким.

— Хорошо,— снова медленно кивнул Банкрофт.— Вы не рассказали нам ничего, чем бы мы не знали.

— Я прекрасно это осознаю.

— Ваши высказывания довольно недружественны,— заметил Банкрофт.— Вы недооцениваете возмутительного застоя и цинизма нашего века.

— Теперь вот вы используете громкие слова,— сказал Далгетти.— Факты *говорят* сами за себя. Бессмысленно использовать пристрастные моральные суждения относительно реальности; единственное, что вы можете сделать,— это попытаться изменить ее.

— Да,— согласился Банкрофт.— Хорошо, тогда мы попытаемся. Вы хотите помочь нам?

— Вы можете вышибить из меня дух,— произнес Далгетти,— но это не сделает вас специалистом в науке, на изучение которой мне понадобились многие годы.

— Да, но мы знаем, что у вас есть где это искать. На нашей стороне есть тоже светлые головы. Если дать им ваши данные и уравнения, то они смогут их решить.— Светлые глаза стали совершенно холодными.— Вы, похоже, так до конца и не осознали, в каком положении находитесь. Вы ведь пленник, понимаете?

Далгетти напряг мускулы. Он промолчал.

Банкрофт вздохнул.

— Приведите его,— приказал он.

Один из охранников вышел. Сердце Далгетти екнуло. «Папа»,— подумал он с мучительной болью. Казимир встала прямо перед ним, пытливо глядя прямо в его глаза.

— Не глупите,— сказала она.— Это гораздо хуже, чем вы думаете. Расскажите нам.

Он взглянул на нее. «Я боюсь,— подумал он.— *О Господи, я боюсь!*» Собственный пот горечью наполнил его ноздри.

— Нет,— ответил он.

— Послушайте, они способны на все! — У нее был прелестный голос, низкий и мягкий, но сейчас он дрожал. От напряжения ее лицо побелело.— Ну же, человек, не приговаривай сам себя к... безумию!

В ней было нечто странное. Далгетти направил в ее сторону мыслезонд. Казимир наклонилась ближе, и он заметил признаки ужаса, хотя она и пыталась скрыть их. «*Она не столь тверда, как хочет это представить... но тогда почему она с ними?*»

Он пошел на блеф.

— Я знаю, кто вы. Сказать это вашим приятелям?

— Нет, вы не пойдете на это! — Она отступила, напряженная, и он уловил запах ее страха. Взяв через мгновение себя в руки, она произнесла:

— Ну ладно, делайте что хотите.

А под этим мысль, замедленная паникой: «*Неужели он знает, что я агент ФБР?*»

«*ФБР!* — Он дернулся.— *О Господи!*»

Когда она направилась к шефу, спокойствие вернулось к Далгетти, но ум его лихорадочно работал. Впрочем,

почему бы и нет? Люди Института мало были связаны с федеральными детективами, которые современны отмены дискредитированной службы безопасности получили широкие полномочия. Они могли легко поддаться сомнениям относительно Бертрана Мида сами по себе и внедрить в его среду своих агентов. Среди них были женщины, а женщина всегда вызывает меньше подозрений.

По спине пробежали мурашки. Меньше всего ему хотелось, чтобы здесь был агент ФБР.

Дверь снова открылась. Четверо охранников ввели Майкла Тайхе. Англичанин остановился, глядя перед собой.

— *Симон!* — Это был крик, полный боли.

— Они причинили тебе зло, папа? — очень тихо спросил Далгетти.

— Нет-нет... пока еще. — Англичанин покачал седой головой. — Но ты...

— Не принимай так близко к сердцу, папа, — поторопился сказать Далгетти.

Охранники подвели Тайхе к первой скамье и усадили его. Старик и молодой встретились взглядом через пространство.

Тайхе мысленно заговорил:

«Что ты собираешься предпринять? Я не могу сидеть и позволить им...»

Далгетти не мог отвечать мысленно, но покачал головой.

— Со мной все будет в порядке, — вслух произнес он.

«Думаешь, что сможешь бежать? Я попытаюсь помочь тебе.»

— Нет, — сказал Далгетти. — Что бы ни случилось, ты должен быть спокоен. Это приказ.

Он блокировал чувствительность, когда Банкрофт резко произнес:

— Хватит. Один из вас должен уступить. Если этого не сделает мистер Тайхе, то мы поработаем над ним и посмотрим, сможет ли это выдержать мистер Далгетти.

Он махнул рукой и взял сигару. Двое наемников подошли к креслу. В руках у них были резиновые дубинки.

Их первый удар пришелся Далгетти по ребрам. Он не почувствовал его — он установил нервный блок, — но зубы его лязгнули. И хотя он был нечувствителен к боли, но не мог не слышать...

Еще один удар, еще. Далгетти сжал кулаки. *«Что делать, что делать?»* Он посмотрел в направлении письменного стола. Банкрофт курил и с безразличием наблюдал за происходящим, словно это был какой-то малоинтересный эксперимент. Казимир повернулась к нему спиной.

— Тут что-то странное, шеф.— Один из наемников выпрямился.— Я не думаю, чтобы он что-то почувствовал.

— Наркотики? — Банкрофт помрачнел.— Нет, едва ли это возможно.— Он потер подбородок, пытливо глядя на Далгетти. Казимир повернулась и тоже посмотрела на Далгетти. Пот струился по лицу Майкла Тайхе, сверкая в холодном белом свете.

— И все же он, возможно, не чувствует боли,— сказал охранник.

Банкрофт поморщился.

— Я не сторонник крайних мер,— произнес он.— Но все же... я ведь предупреждал тебя, Далгетти.

«Убирайся отсюда, Симон,— прошептал Тайхе.— *Убейся!»*

Далгетти вскинул свою рыжую голову. Он принял решение. Не стоит ломать кому-нибудь руки, ноги, выбивать глаз, протыкать легкие... и ведь здесь была Казимир, агент ФБР, возможно, ей удастся как-нибудь помочь ему, несмотря ни на что.

Он опробовал путы. Четверть дюйма прочной кожи... он мог бы разорвать их, но не сломает при этом и свои кости?

«Есть лишь один-единственный способ выяснить это»,— подумал он.

— Я возьму паяльную лампу,— сказал один из охранников, стоявших в глубине комнаты. Его лицо было совершенно бесстрастным. *«Большинство из этих наемников, наверное, умственно отсталые,—* подумал Далгетти.— *Как и большинство охранников в концлагерях двадцатого столетия. Никакого сочувствия к человеческому телу, которое они ломали, освеживали и поджигали».*

Он собрал себя в единое целое. На сей раз это был гнев, облако ярости заполонило его разум, красная дымка заволочла его зрение. Они *осмелились!*

Он зарычал, когда сила в нем накопилась. Он даже не

почувствовал, как разорвались путы. То же движение перебросило его через всю комнату к двери.

Кто-то закричал. Один охранник прыгнул ему навстречу, настоящий великан. Далгети ударил его кулаком, раздался треск, и голова гиганта просто вдавилась в его плечи. Но Далгети уже был за ним. Закрытая дверь. Он врезался в нее, и дерево треснуло.

Пуля просвистела над его головой. Он петляя бросился по коридору, потом поднялся по ближайшей лестнице. Мчался он с такой скоростью, что стены сливались в одно белое пятно. Еще одна пуля угодила в панель рядом с ним. Он скрылся за углом, увидел окно и прыгнул в него, закрывая глаза рукой.

Пластик оказался крепким, но не выдержал удара ста семидесяти фунтов, двигавшихся со скоростью пятнадцать футов в секунду. Далгети выпал на улицу!

Когда он ударился о землю, его ослепил солнечный свет. Перекатившись, он вскочил на ноги и бросился мимо лужайки в сад. На бегу он оглядел местность. В этом состоянии страха и гнева он не мог полностью контролировать свое мышление, но его память запомнила эти данные для дальнейшего их изучения.

5

Это здание было беспорядочно выстроено, двухэтажное, бесконечно извивавшееся между пальмами. От его фасада остров круто уходил к берегу и доку. С одного бока размещалось поле аэродрома, с другого — бараки охранников. На задней части в направлении движения Далгети земля становилась неровной и дикой, камни и песок, острая, как нож, трава и заросли эвкалиптов тянулись вверх на добрые две мили. И с каждой стороны он видел бесконечные голубые воды океана. Где же ему спрятаться?

На бегу он не обращал внимания на злобные укусы чоллы и сухой воздух, судорожно заглатываемый его легкими. Но когда над его ухом просвистела пуля, то, услышав это, он непонятно из каких резервов смог прибавить еще больше в скорости. Бросив взгляд на свои преследова-

телей, выбежавших из здания, он увидел людей в серой форме, державших в руках сверкающее на солнце оружие.

Он нырнул в заросли, упал на землю и на животе пополз к вершине холма. Оказавшись на противоположной стороне, он выпрямился и побежал по длинному склону. Еще одна пуля, и еще. Теперь они отставали от него почти на милю, но их пули могли поразить его с этого расстояния. Пригнувшись, он петляя продолжил бег. Пули поднимали вокруг него фонтанчики песка.

Шестифутовый утес громоздился на его пути — черная вулканическая скала, блестящая, как мокрое стекло. Он ударился о него на полной скорости. Он почти поднялся по торцу на его вершину и через мгновение, когда исчез момент движения, он успел ухватиться за какой-то корень и забросить себя на вершину. Он снова скрылся из виду своих преследователей. Он обогнул еще один огромный камень и остановился. У его ног к белому прибою опадала почти стофутовая отвесная скала.

Далгетти судорожно вдохнул воздух, его легкие работали как меха. *«Придется совершить этот долгий прыжок вниз,— ошеломленно подумал он.— Если я не разобью череп о подводный риф, то могу зацепиться за что-нибудь там, под поверхностью океана, и погибнуть. Но что еще мне делать?»*

Он сделал быструю прикидку. Он пробежал две мили вверх по склону за время, чуть превышающее девять минут — несомненно, рекорд для подобной местности. Его преследователям на это потребуется от десяти до пятнадцати минут. Но он не может вернуться назад так, чтобы его не заметили, и уж в этот раз они окажутся достаточно близко от него, чтобы нашпиговать его свинцом.

«Ладно, сынок,— сказал он себе.— Вот сейчас ты нырнешь, и тебе придется полагаться на несколько органов чувств».

Светлая водонепроницаемая одежда, испачканная растительностью острова, не должна стать помехой там, внизу, но он снял с ног сандалии и сунул их в сумку за поясом. Хвала всем богам, физическая сторона его подготовки включала водные виды спорта! Он пошел вдоль края утеса, выискивая место для прыжка вниз. У ног выл ветер.

Туда... прыгать вон туда! Там не было видно скал, несмотря на пенившийся прибой. Он вновь наполнил себя энергией, подогнул колени и подпрыгнул в небо.

Море, как молоток, ударило по его телу. Он выплыл на поверхность, судорожно вдохнул полный рот воздуха, наполовину с солеными брызгами, прежде чем его снова утянуло под воду. Камень царапнул его по ребрам. Он делал длинные гребки руками, всегда вверх, навстречу смутному белому мерцанию света. Он поймал гребень одной волны, оседлал его и перенесся на нем через острый, как лезвие бритвы, риф.

Отмель. Ослепший от постоянного дождя соленого тумана, оглушенный ревом океанских волн, он на ощупь двинулся в сторону берега. Узкая полоска гальки бежала вдоль подножия утеса. Он двинулся по ней, ища место, где спрятаться.

Вон там... проделанная морем пещера, футов десять в глубину. Дно ее было покрыто примерно на ярд довольно спокойной водой. Он с плеском упал внутрь и некоторое время лежал неподвижно, полностью изнуренный.

Было шумно. Глухой резонирующий звук заполнял пещеру, как внутренность барабана, но он обращал на это внимание. Он лежал на камнях и песке, и разум его по спирали уходил в небытие, позволяя телу восстанавливать свои силы.

Вскоре он пришел в себя и огляделся. В пещере было темно, в отфильтрованном зеленоватом свете можно было различить только черные стены и медленно вращающуюся воду. Многого не различишь под поверхностью — это хорошо. Он осмотрел себя. Порванная одежда, тело в ссадинах, длинная кровотокающая царапина на одном боку. Вот это уже плохо. Пятна крови на поверхности воды могут выдать его.

Морщась, он прижал друг к другу края раны и усилием воли остановил кровотечение. К тому времени, когда образуется достаточной величины сгусток и он сможет ослабить концентрацию, охранники спустятся сюда, вниз, ища его. У него осталось всего несколько минут. Теперь ему предстояло заняться операцией, противоположной набору энергии: замедлить метаболизм, биение сердца, понизить температуру тела, пригасить лихорадочную работу мозга.

Он начал двигать руками, махая взад-вперед, бормоча при этом «заклинания», как их называл Тайхе, самогипноза. Но это были лишь стилизованные жесты, направленные на пробуждение глубоко впечатанных в костный мозг рефлексов. *«Сейчас я буду лежать спокойно и усну...»*

Веки становятся тяжелыми, тяжелыми... они опускаются, влажные стены сменяются полным мраком, рука накрывает голову. Шум прибоя утих, превратился в слабое бормотание, шуршание юбки его матери, которой он не знал, она пришла пожелать ему спокойной ночи. Холод укутал всего его, словно вуали, одна за другой опускающиеся внутри его головы. Снаружи царила зима, а в его постели было так уютно...

Когда Далгетти услышал шорох ближайших шагов — едва слышных сквозь шум океана и его собственную дремоту — он почти забыл, что же ему нужно делать. Хотя нет, теперь он знал. Сделать несколько долгих, глубоких вдохов, насытить кровь кислородом, потом еще раз наполнить легкие воздухом и скользнуть под поверхность.

Он лежал там, в темноте, едва ли замечая эти смутные голоса.

— Пещера... где он вполне мог спрятаться.

— Нет, я ничего не вижу.

Шлепанье ног по камням.

— Ох! Проклятье, ушиб палец! Нет, это замкнутая пещера. Его здесь нет.

— Гм-м? Вот посмотри. Пятна крови на этом камне, правильно? По крайней мере он *был* здесь.

— Под водой? — Они стали тыкать прикладами воду, но не услышали звука удара о дно.

Женский голос.

— Если он здесь, под водой, то ему придется вынырнуть, чтобы глотнуть воздух.

— Когда? А нам нужно обыскать весь этот чертов пляж. Знаете, я просто брошу гранату в эту воду.

— Не будь идиотом! — резко крикнула Казимир. — Ты даже не узнаешь, достал ли ты его. Никто не способен выдержать без воздуха под водой больше трех минут.

— Да, правильно, Джо. Сколько мы уже находимся здесь?

— Думаю, что одну минуту. Дадим ему еще две. Проклятье! Вы видели, как он бежал? Он не человек!

— Однако его можно прикончить. — По-моему, он на гребне волны перекатился вон туда. И возможно, это рыба кровь. Акула охотилась здесь за другой рыбой и сцапала ее.

— Или, если его тело отнесло течением, оно там,

внизу, в безопасности,— заметила Казимир.— Не дадите сигарету?

— Вот, мисс. Хотя я и не собирался спрашивать, но почему бы и нет. Как вышло, что вы отправились с нами?

— Я стреляю не хуже тебя, дружок,— ответила Казимир,— и я хочу знать наверняка, что работа сделана как надо.

Последовала пауза.

— Уже почти пять минут,— сказала Казимир.— Если не появится теперь, то, значит, с ним в порядке. Особенно после кислородного голодания от этого бега.

В медленно ворочающихся мыслях Далгетти возникло холодное удивление относительно этой женщины. Он прочитал ее мысль, она была агентом ФБР, но она, кажется, почему-то очень хотела найти его.

— Ладно, давайте убираться отсюда.

— Вы идите,— сказала Казимир.— Я подожду здесь еще немного на всякий случай, а затем вернусь домой. Я устала следовать за вами.

— Ладно. Пошли, Джо.

Прошло еще четыре минуты прежде, чем боль и напряжение в легких стали нестерпимыми. Далгетти понял, что будет находиться в беспомощном, полусонном состоянии, когда поднимется, но его тело просто вопило о глотке воздуха. Медленно он вынырнул.

Женщина удивленно разинула рот. А потом вскинула руку с автоматическим пистолетом и направила ему прямо в лоб.

— Все в порядке, дружок. Вылазьте.— Ее голос был очень тих и слегка дрожал, но в нем слышалась твердость.

Далгетти выбрался на уступ и сел рядом с ней, свесив ноги, согнувшись, ожидая возвращения к нему сил. Когда он полностью пришел в себя, он взглянул на женщину и заметил, что она отошла к противоположному концу пещеры.

— Не пытайтесь прыгнуть,— сказала она. В ее глазах, привыкших к этому слабо мерцающему тусклому свету, он видел полуиспуг.— Я не знаю, что с вами делать.

Далгетти сделал долгий вдох и выпрямился, удобнее устраиваясь на холодном и скользком камне.

— Я знаю, кто вы,— сказал он.

— Ну и кто? — с вызовом спросила она.

— Вы — агент ФБР, внедренный в окружение Банкрофта.

Она прищурилась, сжав губы.

— С чего вы это взяли?

— Неважно... но это так. Это дает мне определенную власть над вами, какие бы намерения ни были у вас.

Светловолосая голова кивнула.

— Я думала об этом. Ваше замечание, сделанное там, в камере, указывало... ладно, я не могу рисковать. Особенно после твоего показа своих экстраординарных способностей, когда разорвали путы и сломали дверь. Я отправилась вместе с поисковой группой в надежде найти вас.

Он не мог не восхищаться быстротой работы ее мозга, скрытого за широкими ровными бровями.

— Можно было подумать, что вы работаете на них,— обвиняюще произнес Далгетти.

— Я не могла делать ничего, что могло бы вызвать подозрение,— ответила она.— Но я догадалась, что вы не просто так, от отчаяния прыгнули с утеса. Наверное, вы надеялись где-нибудь спрятаться, и самым вероятным местом мне показалось под водой. Судя по тому, что вы уже сделали, я не сомневалась, что вы способны удерживать дыхание на необычайно долгий срок.— Она слегка улыбнулась.— Хотя и я предполагала, что это продлится так *нечеловечески* долго.

— У вас есть мозги,— заметил Далгетти.— А как насчет сердца?

— Что вы имеете в виду?

— Я хочу спросить, неужели вы теперь собираетесь бросить меня и доктора Тайхе на съедение этим волкам? Или вы поможете нам?

— Это зависит от некоторых обстоятельств,— ответила она, растягивая слова.— Для чего вы здесь?

Его рот печально искривился.

— Я здесь вовсе без какой-либо цели,— признался Далгетти.— Я просто пытался подобрать ключ к похитителям доктора Тайхе. Они перехитрили меня и доставили меня сюда. Теперь я должен спасти его.— Он впился взглядом в глаза женщины.— Похищение людей — это преступление, наказываемое федеральными властями. Ваш долг — помочь мне.

— У меня есть и другие, более важные обязанности,— возразила она. Наклонившись вперед, она с напряжением в голосе произнесла: — Но как вы собираетесь сделать это?

— Черт бы меня побрал, если я знаю.— Далгетти

задумчиво посмотрел на берег, омываемый волнами.— Но ваш пистолет мог бы здорово пригодиться.

Она несколько секунд размышляла, нахмутив брови.

— Если я не сразу вернусь, они начнут охотиться за мной.

— Мы должны найти еще укрытие,— согласился он.— Тогда они решат, что я все-таки выжил и схватил вас. Они станут прочесывать весь остров в поисках нас. Если нас не обнаружат до наступления темноты, то они рассеются настолько, что у нас появится шанс.

— Мне кажется, что было бы более благоразумным, если бы я вернулась,— сказала Казимир.— Тогда я могла бы помочь вам изнутри.

Он покачал головой.

— Угу. Перестаньте вести себя как герой в каком-нибудь детективе. Если вы оставите мне свой пистолет и скажете, что потеряли его, то это, несомненно, возбудит у них подозрение к вам, особенно в том состоянии, в каком они сейчас находятся. Если же вы не оставите его, то я по-прежнему останусь безоружным... и что вы можете сделать — одна женщина в этом осинном гнезде? А сейчас нас двое, и у нас есть оружие. Мне кажется, это лучший выход.

Через некоторое время она кивнула.

— Хорошо, ваша взяла. Допустим...— Полуопущенный пистолет снова дернулся.— ...я помогу вам. Кто вы? Кто вы такой, Далгетти?

Он пожал плечами.

— Скажем, ассистент доктора Тайхе, обладающий кое-какими необычными способностями. Вы достаточно хорошо знаете Институт, чтобы понимать, что речь идет не просто о междоусобице двух ганстерских групп.

— Интересно...— Внезапно она снова убрала пистолет в кобуру.— Ладно. Пока пусть будет так!

На Далгетти накатила волна облегчения.

— Спасибо,— прошептал он.— Куда мы можем пойти?

— Я плавала здесь в более спокойных местах,— призналась она.— И знаю одно место. Подождем там.

Она подошла к выходу и выглянула. Наверное, кто-то позвал ее: она в ответ замахала рукой. Потом она постояла, прислонившись к скале, и Далгетти заметил сверкание морских брызг в ее волосах. Через долгих пять минут она снова повернулась к нему.

— Все в порядке,— сказала она.— Последний из них только что поднялся вверх по тропе. Идемте.— Они пошли вдоль берега. Ярость моря заставляла его дрожать. Казалось, будто зубы мира пожирают скалы — такое раздавалось скрежетание сквозь фыркание и рев прибоя.

Берег изогнулся внутрь, образуя небольшой заливчик, защищенный выступающими шхерами. Вверх от него тянулась узкая тропа, но женщина махнула в сторону океана.

— Вон туда,— сказала она.— Следуйте за мной.— Она сняла туфли, как и он, и проверила кобуру: пистолет был водонепроницаемый, но все равно было ни к чему, если бы он выпал. Она ступила в море и поплыла кролем, мощно загребая руками.

6

Они вскарабкались на один из крутых уступов, возвышавшихся над берегом ярдов на десять. До поверхности воды от него была добрая дюжина футов. В середине его была трещина, образующая маленькую впадину, невидимую ни с земли, ни с воды. Они забрались в нее и сели, тяжело дыша. Сзади шумел океан, и они чувствовали холод воздуха, обдувавшего их мокрые спины.

Далгетти прислонился к гладкой поверхности камня и взглянул на женщину, которая безразлично подсчитывала, сколько патронов еще осталось в ее патронташе. Тонкая намокшая туника и брюки подчеркивали стройность ее великолепного тела.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Казимир,— ответила она, не поднимая глаз.

— Я хочу знать ваше имя. Меня зовут Симон.

— Елена, если вам так хочется это знать. Четыре пачки по сто плюс десять уже в магазине. Если уж нам придется стрелять, то лучше целиться получше. Это не «магнум», и чтобы парализовать человека, в него нужно попасть как следует.

— Что ж,— пожал плечами Далгетти,— тогда мы им устроим тут фейерверк! Клянусь, мы за себя уж постоим!

— О нет! — Он так и не понял, было ли это подтверждение или страх. — Только не в такое время.

— Да, это не способствует росту моей популярности, — согласился он. — Все при виде меня вспоминают о вязе. Но, как говорят во Франции, мы теперь о-о-одни, топ cherгу, и даже дерево дает густую тень.

— Не забивайте себе голову подобными мыслями, — резко произнесла Елена.

— О, у меня в голове множество идей, хотя, признаюсь, мы сейчас не там, где занимаются их осуществлением. — Далгетти переплел пальцы за головой и, моргая, уставился в небо. — Эх, сейчас бы полный бокал мятного коктейля!

Елена нахмурила брови.

— Если вы пытаетесь убедить меня, что вы самый обыкновенный американский парень, то можете сразу отказаться от этих попыток, — тихо сказала она. — Подобного рода... эмоциональный контроль, в такой ситуации, лишь делает вас менее человеческим.

Далгетти молча выругался. *«Да, она удивительно быстро соображает. И у нее вполне может хватить ума, чтобы понять...»*

Неужели мне придется убить ее?»

Он выбросил из головы эту мысль. Он мог справиться с любыми запретами, воспитанными в нем за годы жизни, включая убийство, если будет нужно, но он никогда не хотел этого. Нет, это исключено.

— Что известно ФБР?

— А почему я должна отвечать вам?

— Ну, было бы неплохо узнать, ждате ли нам подкрепления.

— Нет. — Голос ее был бесцветным. — Я вполне могу вам это сообщить. Институт в любом случае может узнать об этом через свои связи в правительстве... чертов спрут! — Она посмотрела в небо. Далгетти провел взглядом по изгибу ее скул. Необычное лицо — нечасто случается видеть столь странно приятные сочетания. Слабый отход от симметрии...

— Некоторое время мы размышляли о Бертроне Миде, как и любой способный мыслить человек, — бесстрастно начала она. — Как жаль только, что в нашей стране лишь горстка таких людей!

— Именно это обстоятельство Институт и пытается исправить,— заметил Далгетти.

Елена не обратила внимания на это замечание.

— В конце концов было решено внедрить агентов в самые различные его организации. Я нахожусь рядом с Томасом Банкрофтом уже примерно два года. Мое прошлое было тщательнейшим образом фальсифицировано, и сейчас я являюсь полезной помощницей. Но даже при этом только совсем недавно я вошла в доверие настолько, чтобы получить некоторые намеки о происходящем. Насколько мне известно, ни одному из агентов ФБР не удалось узнать столько.

— И что же вы узнали?

— В сущности то же самое, что вы описывали в камере, плюс другие детали о том, чем же на самом деле они занимаются. Институт, очевидно, намного раньше нас узнал о планах Мида. И каковы бы ни были ваши цели, но их не слишком хорошо характеризует то, что вы раньше не попросили у нас помощи.

Решение похитить доктора Тайхе было принято всего две недели назад. У меня не было возможности связаться со своими помощниками в организации — всегда кто-нибудь да находился поблизости. Вся эта шайка великолепно организована, и даже те, кто находится вне подозрений, почти не имеют возможности работать вне наблюдений, особенно если они пробивлись на самый верх и знают важную информацию. Каждый шпионит за каждым и периодически подает рапорты.

Она резко взглянула на собеседника.

— Вот так. Никому из официальных лиц не известно, что я нахожусь здесь, и если я исчезну, это назовут как прискорбный несчастный случай. Ничего нельзя будет доказать, и я сомневаюсь, что у ФБР вообще будет когда-либо другая возможность внедрить в эту организацию столь же эффективного шпиона.

— Но у вас ведь уже достаточно доказательств для налета,— рискнул заметить он.

— Нет, к сожалению. До самого последнего времени, когда мне стало известно о готовящемся похищении доктора Тайхе, я не знала наверняка, что здесь происходит нечто нелегальное. В законе нет ничего против людей, имеющих один и тот же склад ума, знающих друг друга и организовавших нечто вроде клуба. Даже если они наняли

головорезов и дали им в руки оружие, то закон тут бессилен. Акт № 1999 запрещает создание частных армий, но было бы сложно доказать, что у Мида именно такая.

— Да у него ее и нет, если признаться,— заметил Далгети.— Эти наемники не больше того, кем они и хотят казаться — телохранителями. Вся основная борьба идет в основном на... умственном уровне.

— Я так и поняла. Но могут ли в свободной стране быть запрещены дискуссии и пропаганда? Не говоря уже о том, что организация Мида включает в себя некоторых могущественных людей из самого правительства. Если мне удастся выбраться отсюда живой, мы сможем повесить на Томаса Банкрофта обвинение в похищении, отягощенном угрозами, нанесением увечий и тайном заговоре, но это не коснется основной части этой группы.— Она сжала кулаки.— Словно бы сражаешься с теньями.

— «Ты ведешь войну с сиянием заходящего солнца. Осуждение последует быстро, мой господин!» — процитировал Далгети. «Потом» Гериота был одной из нескольких поэм, которые ему нравились.— Вывести Банкрофта из игры — это уже кое-что! — добавил он.— Сражаться с Мидом нужно не физически, а путем изменения условий, при которых он должен работать.

— Изменять их на что? — она с вызовом посмотрела ему в глаза. Далгети отметил, что в их серой глубине сверкали золотые искры.— Чего хочет Институт?

— Здорового мира,— ответил он.

— Интересно,— начала Елена,— может, Банкрофт больше прав, чем вы. Может, мне следует в конце концов быть на его стороне?

— Я понимаю так, что вы предпочитаете либеральное правительство,— сказал Далгети.— В прошлом оно рано или поздно распадалось, и в основном из-за того, что в нем не было достаточно людей умных, бдительных, достаточно крепких, чтобы сопротивляться неизбежному наступлению власти на свободу.

Институт пытается сделать две вещи: создать совокупность граждан такого типа и одновременно построить общество, которое само создает людей подобного рода и поддерживает эти черты в них. Это возможно, со временем. В идеальных условиях по нашим оценкам это

заняло бы триста лет для всего мира. Но, разумеется, на самом деле это будет дольше.

— Но какого конкретно типа люди нужны? — холодно спросила Елена. — Кто принимает решение об этом? *Вы!* Вы — точно такие же, как и все остальные реформисты, включая Мида, — поборники изменений всей человеческой расы согласно собственным идеалам, нравятся ли это людям или нет.

— О, им это понравится, — улыбнулся он. — Это ведь часть процесса.

— Эта тирания хуже, чем с кнутами и колючей проволокой, — резко произнесла Елена.

— Однако вы не испытали ни то, ни другое.

— Вы *должны* знать, что это такое, — обвиняюще сказала она. — У вас есть данные и уравнения, чтобы быть... инженерами-социологами.

— В теории, — заметил он. — На практике же это не так все просто. Социальные силы так велики, что... в общем, нас могут превзойти прежде, чем мы что-либо закончим. И еще есть множество вещей, в которых мы еще так и не разобрались. Это все займет десятилетия, может даже, столетия, — полностью завершить создание теории динамики человека. Мы лишь на шаг опережаем политиков, правящих массами при помощи давления, но еще не достигли той точки, когда можно использовать правила скольжения. Нам придется еще нащупывать свой путь.

— Тем не менее, — сказала она, — вы заложили начало знания, которое ведет к истинной структуре общества и процессу ее создания. Получив это знание, человек сможет вовремя построить со временем собственный мировой порядок так, как он того хочет, стабильную культуру, которой будут неведомы ужасы угнетения или упадка. Но вы скрываете даже само то, что у вас есть подобного рода информация. Вы втайне от всех используете ее.

— Потому что вынуждены, — произнес Далгети. — Если бы стало общеизвестно, что мы тут и там оказываем давление и даем советы, ведущие к желанному нам пути, то все бы разлетелось на куски. Люди не любят, когда их подталкивают к чему-либо.

— И вы все равно делаете это! — Одна рука женщины опустилась к кобуре. — Вы, клика, состоящая, возможно, из ста человек...

— Больше. Вы были бы удивлены, если бы узнали, сколько нас.

— Вы решили, что вы — всемогущие арбитры. Ваша высшая мудрость приведет бедное слепое человечество на дорогу в рай. Я же говорю, что это дорога в ад! В последнем столетии у нас были диктатуры элиты и диктатуры пролетариата. Сейчас же, похоже, зарождается диктатура интеллектуалов. Мне ни одна из них не по душе!

— Послушайте, Елена.— Далгетти прилег на один локоть и посмотрел ей в лицо.— Все не так просто. Хорошо, у нас есть некие особенные знания. Впервые осознав, чего же мы достигли в своих исследованиях, мы были поставлены перед дилеммой: опубликовать ли публично свои результаты или только некоторые, выборочно, наименее важные находки. Неужели вы не видите: что бы мы ни делали, решать предстояло нам, нескольким людям? Даже уничтожение всех наших сведений — это уже какое-то решение.

Его голос стал более твердым:

— Итак, мы сделали то, что, как я считаю, было правильным выбором. История с такой же убедительностью, как и наши вычисления, показывает, что свобода — это не «естественное» состояние человека. В лучшем случае это состояние метаболизма, всегда слишком предрасположенное обратиться в тиранию. Тирания может быть введена извне при помощи лучше организованных армий завоевателей или возникнуть изнутри — волею самого народа, отдавшего свои гражданские права уважаемому всеми человеку, могущественному лидеру, основывавшему государство абсолютной власти.

— Какую пользу хочет Бертран Мид извлечь из наших находок, если бы ему стало известно о них? Положить конец свободе, воздействуя на людей, пока они сами не захотят этого. И весь ужас и проклятье здесь в том, что осуществить цель Мида гораздо легче, чем нашу.

Итак, предположим, мы бы открыли людям наши знания. Предположим, мы дали бы образование любому, кто захотел бы этого, научили пользоваться нашей техникой. Неужели вы не понимаете, к чему бы это привело? Неужели вы не видите ту борьбу, что идет за контроль над человеческим сознанием? Она могла начаться самым невинным образом, вроде планов какого-нибудь бизнесмена провести более эффективную рекламную кампанию.

А кончилась бы она сумятицей пропаганды, контрпропаганды, социальными и экономическими манипуляциями, коррупцией, соревнованием между ведущими служащими... и так далее, что в итоге вылилось бы в насилие.

Все когда-либо записанные психодинамические тензоры не остановят пулемет. Насилие, овладевшее обществом, бросает его в хаос, к вынужденному миру... и миротворцы, возможно, обладающие самой лучшей волей в мире, прибегнут к технике Института, чтобы восстановить порядок. И тогда один шаг ведет к другому, власть становится все более и более централизованной, и очень скоро перед вами снова будет тоталитарное государство. Только в этом случае его уже никогда нельзя будет разрушить!

Елена Казимир прикусила губу. Легкий ветерок скользнул по каменной стене и растрепал ее яркие волосы. После долгой паузы она сказала:

— Возможно, вы правы. Но у сегодняшней Америки в целом хорошее правительство. Вы могли бы дать им знать.

— Слишком рискованно. Рано или поздно кто-нибудь, скорее всего, из идеалистических побуждений, сделал бы все достоянием гласности. Поэтому мы держим в секрете даже сам тот факт, что существуют наши наиболее важные уравнения — и именно по этой причине мы не просили помощи, когда детективы Мида узнали о наших исследованиях.

— Откуда вы знаете, что ваш драгоценный Институт не станет такой же олигархией, как вы только что описали?

— Я не знаю, — честно ответил он, — но это невероятно. Видите ли, рекруты, которые неизбежно узнают обо всем, что мы знаем, проходят тщательную обработку и обращаются в вашу сегодняшнюю веру! И мы узнали достаточно много о психологии отдельной личности, чтобы осуществлять подобную обработку! И они продолжают это со следующим поколением, и так далее.

Тем временем мы надеемся, социальная структура и психологический климат будут так модифицированы, что со временем кому-либо станет очень трудно, если не невозможно, установить абсолютный контроль любыми путями: как я уже говорил, даже полностью разработанная психодинамика не всемогущая. К примеру, обычная пропаганда совершенно неэффективна в отношении людей, умеющих критически мыслить.

Когда достаточное количество людей по всему миру будут обладать психическим здоровьем, мы сделаем эти знания всеобщими. А до тех пор мы вынуждены держать его под спудом и тихо-мирно наблюдать за тем, чтобы кто-нибудь другой независимо от нас не узнал об этих же вещах. Кстати, большая часть таких предосторожностей состоит просто в привлечении в наши ряды многообещающих исследователей.

— Мир слишком велик,— очень тихо сказала Елена.— Вы не можете предвидеть все, что может случиться. Слишком многое идет не так, как надо.

— Возможно. Мы должны идти на такой риск.— Его собственный взгляд был мрачен.

Некоторое время они посидели в молчании. Потом Елена сказала:

— Все это звучит очень мило. Но... кто вы такой, Далгети?

— Симон,— поправил он.

— Кто вы такой? — повторила она.— Вы делаете такие вещи, которые, как я думала, человеку не под силу. *Вы человек?*

— Да. Так мне говорят.— Он улыбнулся.

— Да? Интересно! Как же стало возможным, чтобы вы...

Он поднял палец.

— Ага! Право неприкосновенности личности.— И он вмиг стал серьезен.— Вам уже слишком многое известно. Я должен быть уверен, что вы будете держать это в секрете всю свою жизнь.

— Поживем — увидим! — сказала Елена, не глядя на него.

7

С адящееся солнце превратило воды океана в пылающий костер, и остров вздымался над ними подобно сгустку ночи на фоне темнеющего неба. Далгети размял затекшие мускулы и посмотрел на залив.

В протекшие часы ожидания между ним и женщиной было сказано немного слов. Иногда он со старательной небрежностью опытного аналитика ронял несколько вопросов и получал желаемую реакцию. Он узнал о ней немного больше — дитя задушенных умирающих городов и призрачной семейной жизни восьмидесятых годов двадцатого столетия, вынужденная заковать себя в твердый панцирь, всю жизнь чему-то обучавшаяся, стремившаяся найти подходящую для себя работу, а теперь в этой работе искавшую какой-то идеал, коим она могла бы заменить нежность, которую никогда не знала.

Он ощутил к ней чувство жалости, но сейчас почти ничем ей помочь не мог. На ее собственные вопросы он отвечал осторожно. Ему вдруг пришло в голову, что он в некотором смысле тоже, как и она, одинок. *«Но, разумеется, я против этого не возражаю... или это не так?»*

Главным образом, они пытались обговорить свои следующие шаги. На некоторое время, по крайней мере, у них была одна цель. Елена описала план дома и примыкающей к нему территории и указала камеру, в которой обычно содержался Тайхе. Но для разработки тактики они сделать могли немного.

— Если Банкрофт основательно встревожится, — начала она, — он переправит доктора Тайхе куда-нибудь в другое место.

Он согласился.

— Вот почему лучше всего нанести удар сегодня, прежде чем он достигнет такой стадии беспокойства. — Эта мысль болью отдалась внутри него. *«Папа, что же они делают с тобой сейчас?»*

— Кроме того, не стоит забывать о проблеме пищи и воды. — Голос ее стал хриплым от жажды и унылым от голода. — Мы долго не сможем оставаться здесь. — Она как-то странно посмотрела на него. — Ты не чувствуешь слабости? — Они давно уже перешли на «ты».

— Пока еще нет, — ответил он. Он заблокировал все ощущения.

— Они... Симон! — Елена схватила его за руку. — Лодка... слышишь?

Бормотание мотора перебивало шум волн и прибоя.

— Да. Быстро... вниз.

Они выбрались на уступ и соскользнули вниз по дальней стенке утеса. Море билось у ног Далгетти, и пена

ключьями пролетала над головой. Он нагнулся низко и схватил ее за талию, когда она поскользнулась. Воздушная лодка рычала над головой, сверкая золотом в лучах заходящего солнца. Далгетти нагнулся, позволяя бурунам окатить его своим холодом. Уступ, под которым они скрывались, был гладким, и зацепиться было почти не за что.

Лодка сделала круг, на малой скорости ее двигатели работали особенно громко. *«Сейчас они ищут ее. Они, должно быть, уверены, что я еще жив».*

Белая вода ревела над его головой. Он торопливо глотнул воздух, прежде чем следующая волна не накрыла их. Их тела были полностью погружены в воду, их не должны увидеть в этой дымке пены... но гудение моторов слышалось все ближе, и на борту лодки должны быть пулеметы.

Далгетти напряг мышцы живота, ожидая, когда автоматная очередь поразит его.

Тело Елены выскользнуло из его руки и скрылось под водой. Но он продолжал цепляться за выемку в скале, не смея последовать за ней. Взгляд украдкой вверх — да, самолет снова скрылся из виду, возвращаясь назад, к полю. Он ослабил хватку и погрузился в волны. Над водой показалась голова девушки. Она оттолкнула его руку и сама выбралась на скалу. Но когда они снова оказались во впадине, ее зубы дрожали от холода, и она прижалась к нему в поисках тепла.

— О'кей,— тихо сказал он.— Все в порядке, теперь все в порядке. С этой минуты ты можешь считать себя полноправным членом нашего клуба Тихоокеанских вет-те-еранов.

— *Я... о-о! Вниз!*

Посмотрев на кромку, Далгетти увидел, как по тропинке спускаются люди. Их было шестеро, и все они были с оружием. На спине одного виднелась походная рация. Они были почти невидимы в тени утеса, когда начали спускаться к берегу.

— Они все еще охотятся за нами! — простила девушка.

— А ты ожидала иного, да? Я надеюсь лишь на то, что они не заявятся сюда. Неужели никому больше неизвестно об этом месте? — Он сказал это почти в ухо ей.

— Да, думаю, что никому,— выдохнула она.— Только я и отваживалась плавать в этом районе острова. Но...

Далгетти мрачно ждал. Солнце наконец село, сумрак сгустился. На востоке мерцало несколько звездочек.

Наемники закончили поиски и в шеренгу выстроились вдоль берега.

— Ого! — пробормотал Далгетти. — У меня есть одна идея. Банкрофт так тщательно прочесал землю, потому что уверен, что я где-то в море. На его месте я предположил бы, что я должен был заплывать настолько далеко, чтобы меня могло подобрать какое-нибудь судно. Поэтому... он станет охранять любые возможные для высадки подступы.

— Что же нам делать? — прошептала Елена. — Даже если бы мы могли проплыть вне поля их зрения, мы не сможем нигде выйти на берег: большая часть этого острова — отвесные скалы. Или ты можешь?..

— Нет, — ответил он. — Независимо от того, что ты могла бы думать обо мне, но на моих ногах нет вакуумных чашечек. На какое расстояние стреляет прицельно твой пистолет?

Она посмотрела на кромку. Ночь вступала в свои права — остров теперь казался стеной темноты, у подножия которой уже не видны были люди в сером.

— Ты не можешь *видеть*! — запротестовала она.

Он стиснул рукой ее плечо.

— О нет, могу, милая. Но вот достаточно ли я хороший стрелок, чтобы... Нам придется попытаться, вот и все.

Ее лицо маячило перед ним белым пятном, и от страха неизвестности в ее голосе зазвенел металл:

— Частично тюлень, частично кошка, частично олень, частично что еще? Не думаю, что ты человек, Симон Далгетти.

Он не ответил. Вызванное усилием воли ненормальное расширение зрачков болью отдалось в глазах.

— Что еще сделал доктор Тайхе? — Ее голос звучал холодно-спокойным в темноте. — Нельзя изучать человеческий разум, не изучая и тело. Что он сделал? Ты — мутант, о котором всегда ходили слухи? Неужели доктор Тайхе создал или обнаружил homo superior?

— Если я не попаду в их передатчик прежде, чем они смогут воспользоваться им, — сказал он, — я стану homo-genized.

— Ты не можешь отделаться от этого смехом, — произнесла Елена сквозь стиснутые зубы. — Если ты не нашей породы, то я должна предположить, что ты — наш враг... пока ты не докажешь обратное! — Ее пальцы крепко

обхватили его руку.— Именно этим твоя маленькая банда в Институте и занимается? Неужели они решили, что обычных людей недостаточно для развития цивилизации? Неужели они подготавливают приход твоей породы к власти над людьми?

— Послушай,— устало сказал Далгетти.— В данный момент мы просто двое смертных, за которыми охотятся. Так что заткнись!

Он вытащил пистолет из ее кобуры и сунул в магазин полную обойму. Сейчас его зрение было настроено на полную мощность, и ее лицо с серыми тенями вдоль сильных скул под расширившимися в испуге глазами белело на фоне влажной скалы. За рифами воды океана пенились в тени, матово отблескивая, словно от металлической поверхности пистолета, под слабым светом звезд.

Впереди него, когда он поднялся, линия охранников выступила подобно бледной тени на темном фоне вертикальной стены острова. Они установили один тяжелый пулемет в сторону океана и не включенный еще прожектор отдыхал поблизости. И хотя эти вещи таили угрозу для него, но первым делом он должен покончить с передатчиком, который мог вызвать на подмогу весь гарнизон.

Там! Небольшой бугорок на спине одного наемника, беспокойно расхаживавшего по берегу, не слишком приближаясь к воде, с автоматом в руках. Далгетти поднял пистолет, неторопливо прицелился, сосредоточиваясь и жалея, что у него нет винтовки. *«Вспомни свои практические навыки в стрельбе по мишеням: рука свободна, пальцы вытянуты, не тяни спусковой крючок, но нажимай; необходимо сразу же попасть!»*

Он выстрелил. Это оружие было военного образца, почти бесшумное и без выдающего Местонахождение снопа искр. Первая пуля развернула наемника и бросила его на песок и камни. Далгетти принялся нажимать на спусковой крючок, поднимая фонтанчики песка вокруг жертвы, осыпая его грудой свинца, которая *должна была* уничтожить передатчик.

Хаос на берегу! Если луч прожектора ударит ему прямо в глаза, когда они необычайно чувствительны, то он ослепнет на несколько часов. Он выстрелил, тщательно прицелившись, и разбил линзы и лампы. Безумно застрекотал пулемет, стреляя наугад в темноту. Если кто-нибудь еще

на острове услышит этот звук... Далгети снова выстрелил, и наемник выронил свое оружие.

Вокруг него зажужжали пули, улетая в темноту. Вот упал один, второй, третий. Четвертый побежал по тянувшейся вверх тропе. Далгети выстрелил и промахнулся, и так еще два раза. Сейчас он будет вне пределов досягаемости, поднимет тревогу... *есть!* Он медленно упал, как сломанная кукла, и покатился по тропе. Двое оставшихся бросились в укрытие пещеры, не давая возможности добраться до них.

Далгети вскарабкался на скалу, прыгнул в залив и поплыл к берегу. Пули всколыхнули поверхность воды. *«Интересно, слышат ли они мое приближение в шуме океанских волн?»* — подумал Далгети. Скоро он окажется достаточно близко, чтобы его мог заметить и обычный человек. Он полностью сосредоточился на плавании.

Его ноги коснулись песка, и он вышел на берег. С него стекала вода. Пригнувшись, он ответил на выстрелы из пещеры. Теперь свист и вой были повсюду вокруг него. Казалось невозможным, чтобы и они могли слышать что-нибудь еще. Стиснув зубы, он пополз в сторону пулемета. Бесстрастной частью своего сознания он отметил, что стрельба ведется наугад. Значит, они еще не видели его.

Человек, лежащий возле пулемета, был еще жив, но без сознания. Этого было достаточно. Далгети нажал на спусковой крючок. Ему никогда прежде не доводилось иметь дело с таким оружием, но он должен быть готов к действию — всего несколько минут назад из него пытались убить его. Он направил пулемет на вход в пещеру и нажал на спуск.

Отдача заставила пулемет затанцевать, пока он не приловчился к нему. Он не мог видеть никого в пещере, но зато мог поливать свинцом ее стены. Он стрелял целую минуту и лишь затем остановился. Потом под углом пополз к утесу. Скользя по нему, он приблизился к входу и стал ждать. Изнутри не доносилось никаких звуков.

Он рискнул на несколько мгновений заглянуть в пещеру. Да, пулемет сделал свое дело. Его слегка затошнило.

Когда он вернулся, Елена выбралась из воды. Она как-то странно посмотрела на него.

— Обо всех позаботился? — бесстрастно спросила она.

Он кивнул, но, вспомнив, что она вряд ли заметила его кивок, сказал вслух:

— Да, думаю, что так. Возьми какое-нибудь оружие и идем.

Сейчас, когда его нервная система была настроена на ночное видение, не составляло особого труда усилить восприимчивость и других органов и уловить ее мысль: *«...не человек. Зачем ему беспокоиться, что он убивает людей, если он сам не человек?»*

— Но я действительно беспокоюсь,— тихо произнес он.— Я никогда раньше не убивал никого, и мне не нравится это.

Она отпрянула от него. Это было ошибкой, понял он.

— Идем,— сказал он.— Вот твой пистолет. Но лучше бы ты взяла автомат, если умеешь с ним обращаться.

— Да,— согласилась девушка. Он снова понизил уровень своей восприимчивости, ее голос звучал тихо и сурово: — Да, я умею им пользоваться.

«Против кого?» — подумал он. Он поднял автомат, лежавший рядом с одним из убитых.

— Идем,— повторил он. Повернувшись, он стал подниматься по тропинке. По спине пробежали мурашки, когда он подумал, что она идет сзади, находясь на грани нервного срыва.

— Мы идем спасти Майкла Тайхе, ты не забыла? — прошептал он через плечо.— У меня нет военного опыта, поэтому, вероятно, мы наделаем кучу ошибок, о которых пишут в книгах. Но мы должны освободить доктора Тайхе.

Она не ответила.

На верху тропы Далгетти снова лег на живот и пополз по гребню. Он медленно поднял голову и посмотрел перед собой. Никто не двигался, ничто не шевелилось. Он встал и пошел вперед, низко пригнувшись.

Заросли в нескольких ярдах впереди мешали видеть дальше. И лишь далеко, у конца склона, мелькали огоньки. Один из этих ослепительных огней — резиденция Банкрофта. Как проникнуть туда так, чтобы их не заметили? Он подтянул Елену к себе. Мгновение она сопротивлялась его движению, потом подчинилась.

— Есть какие-нибудь идеи? — спросил он.

— Нет,— ответила девушка.

— Я могу притвориться мертвым,— высказал он предложение.— Ты могла бы заявить, что я схватил тебя, но

потом вернула себе пистолет и убила меня. Возможно, тогда они не станут подозревать и занесут меня внутрь.

— Ты думаешь, что сумеешь разыграть *такой* обман? — Она снова отпрянула от него.

— Конечно. Сделать небольшой порез и дать ему возможность кровоточить, чтобы он выглядел как пулевое ранение, которое, между прочим, обычно не так сильно кровоточит. Замедлить удары сердца, как и дыхание, пока обычные чувства будут уже не в состоянии их различить. Почти полное мышечное расслабление, включая даже те неромантические аспекты смерти, о которых предпочитают не говорить. О, да.

— Теперь я знаю, что ты не человек, — заявила Елена. Голос ее дрожал. — Ты — искусственное создание? Неужели они сделали тебя в лаборатории, Далгетти?

— Мне бы хотелось лишь услышать твое мнение о моем плане, — пробормотал он, подавляя закипавший внутри него гнев.

Чтобы избавиться от страха перед ним, Елене, наверное, пришлось приложить немалые усилия. Но все же она смогла покачать головой.

— Слишком рискованно. После всего того удивительного, что ты продемонстрировал передо мной, обнаружив твой труп, я бы на их месте первым делом всадила пулю в голову... и, может быть, в сердце, чтоб уж наверняка! Или ты выживешь и после этого?

— Нет, — признался он. — Хорошо, это было просто предложение. Давайте приблизимся к дому.

Они стали пробираться сквозь заросли кустарника и траву. Ему казалось, что целая армия делает меньше шума. Однажды его напряженный слух уловил звук шагов, и он увлек Елену в тень эвкалипта. Мимо протопали двое охранников, делая обычный обход. Их фигуры огромными черными пятнами вырисовывались на фоне звезд.

Возле газонов перед домом Далгетти и Елена притаились в длинной жесткой траве и стали ждать. По мере приближения к свету Далгетти пришлось понизить зрительную чувствительность: резкий свет бил из прожекторов, установленных на доме, поле аэродрома, бараках и лужайке. Только в одном окне, на втором этаже, горел свет. Наверное, там был Банкрофт, не находящий себе места и выглядывающий иногда во мрак ночи — туда, где скрывался его враг. Что, если он вызвал по радио подкрепление?

По крайней мере ни одна воздушная лодка ни прибыла сюда, ни улетела. Тогда бы он заметил ее в небе. Значит, доктор Тайхе пока еще здесь... если только жив.

Решение окрепло в Далгетти. Это был отчаянный шаг.

— Елена, а ты хорошая актриса? — спросил он.

— После двух лет агентурной работы я должна ею быть. — Когда она посмотрела на него, на ее лице под маской напряжения читалось легкое замешательство. Он мог догадаться, что она сейчас думает: *«...и он, супермен, еще задает мне такие простейшие вопросы! Но, тогда, кто же он? Или он просто лицемерит?»*

Далгетти объяснил свою мысль. Девушка нахмурилась.

— Я знаю, это безумие, — сказал он ей, — но есть ли у тебя какое-нибудь лучшее предложение?

— Нет. Если тебе удастся справиться со своей партией...

— А тебе — со своей. — Он бросил на нее холодный взгляд, но в нем был и призыв. Внезапно его полуосвещенное лицо сделалось удивительно юным и беспомощным. — Я отдаю свою жизнь в твои руки. Если ты не доверяешь мне, то можешь пристрелить меня. Но при этом ты убьешь не только меня.

— Скажи мне, кто ты, — еще раз попросила она. — Как я могу знать, что движет Институтом, если он использует таких, как ты? Мутант, андроид или... — у нее перехватило дыхание. — ...или действительно существо из космоса, пришелец со звезд. Симон Далгетти, кто ты?

— Если я отвечу на твой вопрос, — начал он с отчаянием в голосе, — то, вероятно, в любом случае солгу. Тебе лучше довериться мне в этом.

Она вздохнула.

— Хорошо. — Он не знал, говорит ли она сама правду.

Он опустил ружье на землю и сложил руки на затылке. Елена шла сзади него, вниз по склону холма в направлении света, держа пистолет возле его спины.

На ходу он собирал свою силу, готовясь действовать со скоростью, на которую не был способен ни один человек.

Один из часовых, расхаживающих по саду, остановился. Он вскинул свою винтовку и истерично завопил:

— Кто идет?

— Это я, Бак, — закричала Елена. — Не стреляй. Я привела пленника.

— А?

Далгетти медленно вышел на свет и остановился, ссутулившись, полуоткрыв рот, словно вот-вот упадет от слабости.

— Вы его схватили! — наемник подался вперед.

— Спокойнее, — сказала Елена. — Я схватила его, да, но есть еще другие. Так что будь осторожен. Я отобрала у него пистолет. Сейчас он не представляет опасности. Мистер Банкрофт в доме?

— Да-да, разумеется. — Суровое лицо смотрело на Далгетти, и в нем читалось нечто большее, чем страх. — Но мне лучше пойти с вами. Вы знаете, что он сделал в последний раз.

— Оставайся на посту! — резко крикнула она. — У тебя ведь приказ! Я сама смогу с ним справиться.

8

На большинство людей этот довод не подействовал бы, но эти наемники были не слишком умны. Охранник кивнул, сглотнул и продолжил свое патрулирование. Далгетти пошел по тропе к дому.

Мужчина у двери нацелил на него винтовку.

— Эй, стой, ни с места! Я сначала позову мистера Банкрофта. — Часовой скрылся внутри дома и нажал кнопку интеркома.

Далгетти, застывший в нервном напряжении, готовый в любой момент выплеснуть свою физическую силу наружу, почувствовал укол страха. Весь план держался на дьявольской неопределенности: все могло случиться.

Послышался голос Банкрофта.

— Это ты, Елена? Отличная работа, девочка! Как тебе это удалось? — Теплота его голоса, заметная за волнением, заставила Далгетти внезапно подумать, какие же отношения связывали этих двух человек.

— Я расскажу тебе наверху, Том, — ответила она. — Это слишком важно, чтобы кто-нибудь еще слушал нас. Но не стоит снимать патрули. На острове есть еще существа, подобные этому.

Далгетти представил себе, как внезапно Томас Бан-

крофт содрогнулся от первобытного ужаса, инстинкта, сохранившегося из глубины веков, когда ночь наполняла ужасом все, что находилось за крошечным кружком света, отбрасываемого костром.

— Хорошо. Если ты уверена, что он не сможет...

— Он у меня под отличным контролем.

— Все равно я пошлю шестерых охранников. Жди!

Из барakov, где они, наверное, дожидались приказа, выбежали охранники и кольцом суровых лиц, настороженных глаз и нацеленных ружей обступили его. Они боялись его, и этот страх делал их самих страшными. Лицо Елены было совершенно непроницаемым.

— Идемте, — сказала она.

Один наемник шел впереди пленника на несколько футов, все время озираясь. Еще один следовал с одной стороны от него, остальные замыкали шествие. Среди них шла Елена, ни на миг даже не нацелив свой пистолет в спину Далгетти. Они прошли по длинному красивому коридору и встали на почти бесшумный эскалатор. Глаза Далгетти изучающе вглядывались в каждую деталь... *«Сколько еще времени я вообще смогу что-нибудь видеть?»* — спросил он себя.

Дверь, ведущая в кабинет Банкрофта, была открыта, и оттуда доносился голос Тайхе. Он звучал ровно и спокойно, несмотря на удар, которым для него наверняка явилось известие о том, что Далгетти схвачен. По всей видимости, он продолжал беседу, начатую ранее:

— ...наука действительно прошла долгий путь. Фрэнсис Бэкон размышлял о истинной науке о человеке. Буль проделал определенную работу в этой области: он изобрел, к примеру, символическую логику, которая стала одним из основных инструментов при решении проблемы.

В последнем столетии некоторые из направлений получили свое развитие. Тогда, конечно, уже существовала психология Фрейда и его последователей, которая дала первое настоящее упоминание о человеческой семантике. Были биологические, химические и физические подходы к человеку как механизму. Пользующиеся сравнительными методами истории, вроде Спенглера, Парето и Тайнби, поняли, что история не просто случается, но представляет собой ряд образцов.

Кибернетики развили такие концепции, как гомеостазис и обратная связь, концепции, которые применимы и к

отдельному человеку, и к обществу в целом. Теория игр, принцип последнего усилия и обобщенная эпистемология указали на базисные законы и аналитический подход.

Новая символика в логике и математике предложила новые формулировки — ибо проблема теперь состояла не столько в сборе данных, сколько в создании стройной символики, способной после обработки данных указать на путь к получению новых данных. Огромная часть работы Института состоит в простом сборе и синтезе всех ранних находок.

Далгетти почувствовал внезапное восхищение. Пойманный в ловушку, беспомощный среди врагов, которых амбиции и страх сделали безжалостными, Майкл Тайхе по-прежнему был способен играть с ними в кошки-мышки. Он, наверное, подвергался многочасовым допросам, истощению наркотиками, мучениям, с помощью которых из него вытягивали один факт за другим... но действовал он столь тонко, что его пленители, вероятно, даже не осознавали, что сообщал он им лишь то, что они могли найти в любой библиотеке.

Группа вошла в большую комнату, богато и со вкусом обставленную, со множеством книжных полок. Далгетти обратил внимание на изящную китайскую шахматную доску, стоящую на письменном столе. Итак, Банкрофт или Мид играли в шахматы — по крайней мере они хоть чем-то занимались в эту ночь убийства.

Тайхе поднял взгляд от кресла, за которым стояли двое охранников, сложив руки, но он не обращал на них внимания.

— Привет, сынок,— пробормотал он. Боль мерцала в его глазах.— С тобой все в порядке?

Далгетти молча кивнул. Не было возможности дать сигнал англичанину, вселить в него надежду.

Банкрофт шагнул к двери и запер ее. Он махнул рукой охранникам, и те отошли к стенам, держа наготове оружие. Банкрофт едва заметно дрожал, а его глаза лихорадочно блестели.

— Садитесь,— сказал он.— Там!

Далгетти занял указанное ему кресло. Оно было глубоким и мягким. Будет трудно мгновенно выпрыгнуть из него. Елена уселась напротив него, на самом его краю,

положив автомат на колени. Внезапно в комнате воцарилась полная тишина.

Банкрофт подошел к столу и включил установку для увлажнения воздуха. Он не поднял взгляда на вошедших.

— Значит, ты схватила его,— сказал он.

— Да,— ответила Елена.— После того, как сначала меня схватил он.

— Как тебе удалось... переиграть? — Банкрофт достал сигару и яростно откусил кончик.— Что случилось?

— Я находилась в пещере, отдыхала,— бесстрастным голосом ответила Елена.— Он вынырнул из воды и схватил меня. Он скрывался под водой дольше, чем казалось возможным. Он заставил меня пойти с ним к скале в заливе — знаешь, где это? Мы прятались там до захода солнца, когда он заметил людей на берегу. И он прикончил всех их.

Я была связана, но мне удалось перетереть путы и освободиться — он связал меня куском своей рубашки. Пока он стрелял, я схватила камень и ударила его им по затылку. Потом, пока он был без сознания, я оттащила его к берегу, подняла один из автоматов, лежавших там, и привела его сюда.

— Отличная работа.— Банкрофт дышал неровно.— Я прослежу, чтобы ты получила соответствующее вознаграждение за это, Елена. Что еще? Ты сказала...

— Да.— Она впиалась взглядом в него.— Мы разговаривали там, в заливе. Он пытался убедить меня, что я должна помочь ему. Том — он не человек!

— Да? — Туша Банкрофта дернулась. С огромным трудом ему удалось взять себя в руки.— Что ты имеешь в виду?

— Его силу мускулов, скорость и телепатию. Он может видеть в темноте и задерживать дыхание дольше, чем любой человек. Нет, он не человек.

Банкрофт посмотрел на неподвижную фигуру Далгетти. Глаза пленника встретились с его, и именно Банкрофт отвел взгляд в сторону.

— Телепат, говоришь?

— Да,— ответила она.— Вы хотите доказать это, Далгетти?

В комнате воцарилась тишина. Спустя мгновение Далгетти ответил:

— Вот, что вы думаете, Банкрофт: *«Ладно, черт побери, неужели ты в самом деле можешь читать мои*

мысли? Давай же, попробайся, и ты узнаешь, что я думаю о тебе».— Все остальное было оскорблением.

— Догадка,— сказал Банкрофт. Пот побежал по его щекам.— Просто удачная догадка. Попробуйте еще раз.

Снова пауза, затем:

— Десять, девять, семь, А, В, М, Z, Z... Продолжать? — спокойно спросил Далгетти.

— Нет,— пробормотал Банкрофт.— Этого достаточно. Кто вы?

— Он ответил мне,— вмешалась Елена.— Тебе будет трудно в это поверить. Я и сама не знаю, верю ли я в это. Но он пришелец со звезд!

Банкрофт разинул рот, а затем снова закрыл его. Масивная голова закачалась в жесте отрицания.

— Он... с тау Кита,— сказала Елена.— Они знают путь к нам. Об этом люди размышляют последнюю сотню лет.

— Дальше, моя девочка,— заметил Тайхе. Никаких эмоций не проявилось ни на его лице, ни в его голосе, за исключением суховатого юмора, но Далгетти знал, какое пламя, наверное, внезапно вспыхнуло внутри него.— Прочтите «Микромегасы» Вольтера.

— Я читал подобную фантастику,— резко произнес Банкрофт.— А кто не читал? Ну хорошо, а почему они здесь, чего они хотят?

— Вы могли бы сказать,— проговорил Далгетти,— что мы благоволим Институту.

— Но вас же воспитывали с самого детства...

— О да. Мои соплеменники уже давно находятся на Земле. Многие из них родились здесь. Наш первый корабль прибыл в 1965 году.— Он подался вперед.— Я надеялся, что Казимир окажется благоразумной и поможет мне спасти доктора Тайхе. Поскольку она не сделала этого, то я должен воззвать к вашему здравому смыслу. У нас есть отряд на Земле. Мы знаем, где в любой момент находятся наши люди. В случае необходимости я могу умереть, чтобы сохранить в секрете наше присутствие на Земле, но в таком случае вы тоже умрете, Банкрофт. Остров будет подвергнут бомбардировке.

— Я...— Шеф посмотрел в окно в огромность ночи.— Вы не можете ожидать от меня, что я... поверю в это...

— У меня есть кое-что, что заставит вас изменить свое мнение,— перебил его Далгетти.— Эти факты, несомнен-

но, докажут правдивость моей истории. Однако отошлите своих людей. Это предназначено лишь для ваших ушей.

— И тогда вы наброситесь на меня! — резко произнес Банкрофт.

— Казимир может остаться, — сказал Далгетти, — и кто-нибудь еще, в ком вы можете быть абсолютно уверены, что он сможет держать тайну и контролировать свою жадность.

Банкрофт снова обошел комнату. Его глаза обежали охранников. Испуганные лица, на которых читалось замешательство, полные амбиций... трудно было принять решение, и Далгетти хмуро понял, что его жизнь зависит от того, насколько точно они с Еленой оценили характер Банкрофта.

— Ну хорошо! Дюмасон, Зиммерман, О'Брайен, оставайтесь здесь. Если эта птичка шевельнется, стреляйте в него. Остальные ждите снаружи. — Охранники вышли, и за ними закрылась дверь. Трое наемников остались, послушно заняв места: один — у окна, двое других — у стен. Потом на долгое время воцарилась тишина.

Елена вынуждена была на ходу вносить корректировки в их план, и она мысленно передала их Далгетти. Тот кивнул. Банкрофт встал перед креслом, широко расставив ноги, как бы готовясь принять удар, сжав кулаки.

— Ну хорошо, — сказал он. — Что же вы хотите мне сообщить?

— Вы схватили меня, — начал Далгетти, — поэтому я готов совершить сделку с вами ради своей жизни и свободы доктора Тайхе. Позвольте мне показать вам... — Он начал вставать, держа обе руки на подлокотниках кресла.

— Оставайтесь на месте! — резко крикнул Банкрофт, и трое охранников нацелили на Далгетти свои винтовки. Елена попятилась, пока не встала рядом с наемником, стоявшим возле письменного стола.

— Как вам будет угодно! — Далгетти снова откинулся на спинку кресла, небрежно передвинув при этом кресло на пару футов. Теперь он сидел лицом к окну и, насколько он мог судить, находился на прямой между стоявшим там человеком и человеком у дальней стены. — Совет тау Кита заинтересован в наблюдении за тем, чтобы на других планетах развивался нужный вид цивилизации. Вы, Томас Банкрофт, могли бы стать полезными для нас, если бы вас удалось убедить встать на нашу сторону, и вознагражде-

ние будет соответствующим.— Он на мгновение посмотрел на девушку, и та незаметно кивнула ему.— Например...

Это был момент всплеска в нем огромной силы. Елена, используя свой пистолет, как дубинку, ударила рукоятью по уху стоявшего рядом с ней наемника. В ту же долю секунды, прежде, чем до остальных дошло, что происходит, и они успели отреагировать, Далгетти начал действовать.

Тот же толчок, который сорвал его с кресла, послал эту тяжелую деталь обстановки по полу, чтобы с глухим приглушенным стуком она ударилась о человека, стоявшего за его спиной. В полете он кулаком левой руки угодил в челюсть Банкрофта. У охранника, стоявшего возле окна, не было времени отвести оружие от Елены и нажать на спуск раньше, чем рука Далгетти сомкнулась на его горле. Шея его сломалась.

Елена встала над своей жертвой, когда наемник еще падал на пол, и навела оружие на человека, стоявшего на другом конце комнаты. Ударом кресла его ружье отвело в сторону.

— Бросайте его, или я стреляю!

Далгетти подобрал оружие второго охранника и направил его на дверь. Он более, чем наполовину ожидал, что сюда ворвутся охранники. Но, наверное, толстые дубовые панели, полностью поглощали звуки.

Медленно человек за креслом позволил своей винтовке упасть на пол. Его рот исказился в сверхъестественном страхе.

— О Господи! — Долговязую выпрямившуюся фигуру Тайхе сотрясала дрожь, спокойствие сменилось ужасом.— Симон, риск...

— Но ведь нам нечего было терять, верно? — глухо прозвучал голос Далгетти, его состояние полной концентрации энергии прошло. Накатила волна усталости, и он понял, что скоро наступит расплата за то, как он обращался со своим телом. Он посмотрел на труп перед собой.— Я не хотел этого,— прошептал он.

Усилием дисциплинированного ума Тайхе взял контроль над собой и шагнул к Банкрофту.

— По крайней мере он жив,— сказал он.— О Господи, Симон! Тебя ведь так легко могли убить!

— И еще могут. Мы ни в коем случае еще не вышли из этой передраги. Папа, прошу тебя, найди что-нибудь, чтобы связать этих двоих.

Англичанин кивнул. Упавший рядом с Еленой охранник шевельнулся и застонал. Тайхе нагнулся и связал его полосками из собственной туники и заткнул рот. Другой достаточно охотно повиновался под дулом автомата, Далгетти поместил их обоих за диван, добавив туда и труп убитого им человека.

Банкрофт тоже пришел в себя. Далгетти нашел бутылку бурбона и дал ему ее. В обретших ясность глазах читался ужас.

— Что теперь? — пробормотал Банкрофт. — Вы не можете покинуть это место...

— Но, черт побери, попытаться-то мы можем. И если дело дойдет до драки с остальными из вашей банды, то мы используем вас как заложника, но пока что есть и другой путь. Встаньте! Так, поправьте тунику, причешите волосы. Отлично, теперь вы будете делать все, что вам скажут: если что-то пойдет не так, то нам не останется ничего другого, как пристрелить вас. — И Далгетти сказал, что нужно делать.

Банкрофт посмотрел на Елену, и в его глазах читалось нечто большее, чем просто физическая боль.

— Почему ты сделала это?

— ФБР, — ответила она.

Он покачал головой, и, все еще не отошедший от потрясения, прошел к письменному столу с видеофоном и вызвал ангар.

— Я должен немедленно отправиться на материк. Подготовьте спидстер через десять минут. Нет, только пилота, больше никого. Со мной будет Далгетти, но с этим теперь все в порядке. Он перешел на нашу сторону.

Они вышли из кабинета. Елена держала автомат наготове.

— Вы, ребята, можете возвращаться в бараки, — устало сказал Банкрофт людям снаружи. — Все улажено.

Спустя четверть часа личный самолет Банкрофта был в воздухе. Еще через пять минут он и пилот были связаны и заперты в заднем отделении. Майкл Тайхе повел самолет.

— У этой лодки быстрые крылья, — заметил он. — Ничто не сможет перехватить нас между этим островом и Калифорнией.

— Отлично,— равнодушным от истощения голосом сказал Далгетти.— Я собираюсь отдохнуть, папа.— На мгновение он положил свою руку на плечо старика.— Хорошо, что ты возвращаешься.

— Спасибо, сынок,— ответил Майкл Тайхе.— И ни слова больше я тебе не скажу — у меня их просто нет.

9

Далгетти нашел сиденье с откидной спинкой и устроился на нем. Один за другим он начал освобождать контролирующие его тело каналы: чувствительность, нервные центры, стимулирующие его тело. Его захлестывали усталость и боль. Он посмотрел на звезды и вслушался в темноту свистящего воздуха одними лишь обычными человеческими чувствами.

Елена Казимир подошла и присела рядом с ним, и он понял, что его работа еще не выполнена. Он изучающе смотрел на длинные складки на ее лице. Она могла быть серьезным противником, но и настолько же верным другом.

— Что будет с Банкрофтом? — спросил он.

— Ему и всем членам его банды будет предъявлено обвинение в похищении,— ответила она.— Теперь ему не выкрутиться, это я могу гарантировать.— Ее глаза неуверенно следили за ним, и к этой неуверенности примешивался небольшой испуг.— Психиатры федеральной тюрьмы прошли подготовку в Институте,— пробормотала она.— Вы ведь проследите за тем, чтобы его личность была исправлена в нужном вам направлении, не так ли?

— Насколько это окажется возможным,— заверил ее Симон.— Хотя это не слишком важно. С Банкрофтом покончено как с фактором, с которым нужно было бороться. Но, кажется, еще остается сам Бартран Мид. Даже если Банкрофт и признается во всем, сомневаюсь, что у нас будет что-либо против него. Но Институт теперь имеет опыт и примет меры предосторожности против экстраординарных методов... и в рамках закона мы все равно сможем заставить его принять нашу игру и нанесем ему в итоге поражение.

— Получив также помощь и от моего отдела, — добавила Елена. В голосе ее прозвучали стальные нотки. — Но всю историю о нашем спасении лучше попридержать. Ведь не стоит идти на то, чтобы в умах людей зарождались всяческие подозрения, верно?

— Да, — согласился он, чувствуя, какой тяжелой стала голова, ему очень хотелось положить ее на плечо девушки и заснуть на целое столетие. — Вообще-то это все зависит от тебя. Если ты должным образом составишь рапорт для своего начальства, то все сработает как надо. Все остальное — лишь детали. Хотя в противном случае ты можешь все уничтожить.

— Не знаю. — Она некоторое время смотрела на него. — Не знаю, следует мне это делать или нет. Вполне возможно, ты прав насчет Института, его целях и методах. Но как я могу быть полностью уверена, если я не знаю, что стоит за этим? Как я могу быть уверена, что эта история не более правдива, чем сказка о тау Кита, что ты на самом деле не являешься агентом какой-нибудь нечеловеческой силы, спокойно берущей под контроль нашу расу?

В другое время Далгети, возможно, стал бы спорить, пытаясь рассеять ее подозрения, пытаясь привлечь ее на свою сторону. Но сейчас он был слишком утомлен. Огромная апатия охватила его.

— Я скажу тебе, если ты этого хочешь, — произнес он, — и после этого буду всецело в твоих руках. Ты можешь пойти с нами или продать нас.

— Тогда говори. — В ее голосе прозвучала осторожность.

— Я человек, — сказал он. — Я такой же человек, как ты. Только я прошел особую подготовку, вот и все. Еще одно открытие Института, к которому, как мы считаем, мир еще не готов. Оно стало бы слишком большим искушением для многих людей — возможность создавать таких, как я, последователей своих учений... — Он отвел взгляд в темноту за окном, где шумел ветер. — Ученый — тоже член общества и у него есть ответственность перед ним. И это наше... ограничение... как раз и связано с нашими обязательствами перед обществом.

Елена ничего не произнесла, но внезапно одна ее рука поднялась и легла на его руку. Этот импульсивный жест наполнил его теплотой.

— Работа папы в основном была связана с психологией масс, — продолжал он, пытаясь не выдать интонацией

обуревавших его чувств,— но у него было множество помощников, пытавшихся понять отдельное человеческое существо как многофункциональный механизм. Со времен Фрейда о психике человека многое узнали, как с психической точки зрения, так и с неврологической. Но в итоге обе они сходились под одним углом.

Примерно тридцать лет назад один из отделов, основавших Институт, получил достаточное количество данных о связях между сознанием, подсознанием и произвольной реакцией мозга для того, чтобы начать практические тесты. Наряду с другими я тоже стал подопытным кроликом. И их теории подтвердились.

Мне нет необходимости подробно описывать свою подготовку. Она включает физические упражнения, умственную практику, гипноз, диету и так далее. Она значительно выходит за пределы довольно важной программы Синтетического обучения, которая является наиболее значительной из ставших достоянием гласности разработок Института. И цель этой подготовки — до сих пор еще так полностью и не понятая — состоит в том, что она просто создает полностью интегрированное человеческое существо.

Далгетти замолчал. Ветер шептал за стеной.

— Нет резких разграничений между сознанием и подсознанием или даже между ними и центрами, контролирующими произвольные реакции мозга,— продолжил он.— Мозг — постоянная структура. Предположим, например, что ты вдруг замечаешь, что на тебя несется машина. Учащается сердцебиение, увеличивается поступление адреналина в кровь, зрение становится острее, а чувствительность к боли падает — все это приготовления для борьбы или бегства. Даже без явной физической необходимости то же самое может происходить и в меньших масштабах — например, когда ты читаешь волнующий тебя рассказ. И люди, наделенные психикой с повышенной чувствительностью, особенно истерики, могут выдавать такие удивительнейшие физиологические симптомы, каких тебе просто не приходилось наблюдать.

— Я начинаю понимать,— прошептала Елена.

— Гнев или страх дают сверхсилу и быстрые реакции. Но человек с повышенной возбудимостью способен и на большее, он может выдавать физические симптомы: ожоги, пятна или — в случае женщины — даже ложную беременность. Иногда отдельная часть его тела становится

полностью нечувствительной — когда он блокирует определенный нервный центр. Кровотечение может начаться или остановиться без видимой причины. Он может впасть в кому или не спать в течение нескольких дней, сохраняя бодрость. Он может...

— Читать мысли? — Это прозвучало как вызов.

— О таком я не слышал, — захихикал Симон. — Но органы чувств человека на удивление хороши. Достаточно трех-четырех квантов, чтобы возбудить визуальный фиолетовый цвет — на самом деле чуть больше — из-за поглощения квантов самим глазным яблоком. Есть еще истерики, которые могут слышать тиканье часов в двадцати футах от них, тогда как обычный человек не услышит и в футах от себя. И так далее. Есть превосходные причины, почему порог чувствительности у обычного человека относительно высок — если бы не было защиты, стимуляция в обычных условиях привела бы к ослеплению, оглушению и непереносимой боли. — Он поморщился. — *Я знаю это!*

— Но телепатия? — настаивала Елена.

— Это делалось и раньше, — заметил он. — В прошлом столетии имелись несколько несомненных случаев чтения мыслей, благодаря чрезвычайно острому слуху. Большинство людей субвокализирует свои поверхностные мысли. При некоторой практике человек, способный услышать эти вибрации, может научиться интерпретировать их. Вот и все. — Он улыбнулся краем рта. — Если ты хочешь скрыть от меня свои мысли, просто избавься от этой привычки, Елена.

Она с каким-то чувством, которое он не смог до конца понять, посмотрела на него.

— Я поняла, — глухо произнесла она. — И у тебя должна быть идеальная память, если тебе по силам вытаскивать любую информацию из своего подсознания. И ты способен... сделать все это, разве не так?

— Нет, — не согласился он. — Я всего лишь продукт испытания. Наблюдения за мной дали ученым очень много, но единственное, что делает меня необычным, это то, что я сознательно контролирую определенные функции, в нормальных условиях проявляющиеся на уровне подсознания и произвольных реакций. Не все из них, но многие. И я не использую этот контроль больше, чем это необходимо. Имеются веские биологические причины, почему чело-

веческий разум так разделен и почему, как в моем случае, не обойтись без целого ряда наказаний. Мне понадобится пара месяцев, чтобы привести себя в порядок после этой заварушки. Я связан добрым старомодным нервным напряжением, и до тех пор, пока будет длиться это состояние напряжения, я буду чувствовать определенный дискомфорт.

Он смотрел на Елену, и призыв в его глазах все рос.

— Хорошо,— сказал он.— Теперь ты знаешь мою историю. Что ты собираешься делать со всем этим?

И только тут она наконец по-настоящему улыбнулась ему.

— Не беспокойся,— сказала она.— Не беспокойся, Симон.

— Ты поддержишь мою руку, пока я буду приходить в себя? — спросил он.

— Я ведь уже держу ее, дурачок,— ответила Елена. Далгети радостно улыбнулся. А затем уснул.

БОЛЬШОЙ ДОЖДЬ

Хотя Институт продолжал заявлять о бескорыстных и благих намерениях, злоупотребления оставались присущими психодинамике. Дебаты между Далгетти и Казимир были продолжены другими с еще большей горячностью и страстностью. Новые планетарные поселения предлагали широкое поле деятельности для соперничающих движений. В середине столетия Венера вышла из Организации Объединенных Наций после Второй Конференции в Рио. Более поздние события показали, что гораздо проще перемоделировать мир, чем переделать человечество.

I

Комната была маленькой и пустой; ничего, кроме Решетки вентилятора не освежало серости безликих пластиковых стен, никакая мебель не украшала ее — только стул да пара скамеек. Стояла жара, и холодный отблеск флюоресцентных ламп высвечивал капельки пота на лице сидящего в одиночестве человека.

Это был довольно высокий мужчина, с жесткими и резкими чертами лица, коротко подстриженными рыжеватыми волосами. Его серые глаза с холодным равнодушием взирали на унылую комнату, оценивающе глядя на голые стены и грубо сколоченную мебель. Рабочий комбинезон, облегающий худое тело человека, казался слишком ярким.

Из висящей на поясе сумки он неторопливо достал сигарету, покрутил ее в пальцах и зажег, жадно затягиваясь. Во всех его движениях чувствовалось спокойное ожидание.

Дверь внезапно открылась, и в комнату вошел мужчина. Он казался гораздо ниже ростом, с бледным лицом, одетый в одни шорты, к поясу которых был приколот значок в форме звезды и игольчатое ружье в чехле. Что-то неуловимое выдавало в мужчине военного.

— Симон Холлистер? — спросил он, скорее для проформы.

— Да, это я, — ответил худощавый, поднимаясь из-за стола. Он угрожающе посмотрел на незнакомца, но сам был безоружен; сразу по прибытии его тщательно обыскали.

— Я капитан Карсов, Корпус Охраны, — представился военный.

По-английски он говорил довольно бегло, с едва заметным акцентом.

— Садитесь. — Капитан опустил на скамью. — Я пришел просто поговорить с вами.

На лице Холлистера появилась недовольная гримаса.

— Как насчет ленча? — пробормотал он. — Я не ел уже... — Он помолчал секунду и продолжил: — Тринадцать часов двадцать восемь минут!

Такая точность не ускользнула от Карсова, но он пока предпочел не обращать на это внимания.

— Сейчас, — сказал он, — нам нельзя терять времени. Последний транспорт уходит через сорок часов, а до этого момента нужно решить, подходите вы нам... или должны будете уехать обратно.

— Странная манера обращаться с гостем, — проворчал Холлистер.

— Мы не приглашали вас сюда, — холодно заметил Карсов. — Если хотите остаться на Венере, то вам лучше подчиняться здешним правилам. А теперь... что, по вашему мнению, квалифицирует вас?

— Для жизни здесь? Я инженер. Имею опыт ведения строительства в бассейне Амазонки и на Луне. У меня есть соответствующие документы и рекомендательные письма. Если позволите, я достану их из своего багажа.

— Позже. Какова причина вашей эмиграции?

Холлистер угрюмо посмотрел на собеседника.

— Мне не нравится Земля.

— Если можно, конкретнее. Позднее вам придется пройти наркотестирование, так что правду мы все равно узнаем. Эти вопросы я задаю лишь для того, чтобы как-то помочь следователям. Чем быстрее вы ответите на них, тем легче для всех нас будет проходить испытание.

Холлистер вспыхнул.

— Это вторжение в мою частную жизнь!

— Венера очень непохожа на Землю,— отрезал Карсов, с трудом сдерживаясь.— Еще до того, как была разрешена посадка, вы подписали бумагу, в которой говорилось о вашем согласии находиться под нашей юрисдикцией во время пребывания на Венере. Я мог убить вас, и в ООН не сказали бы ни слова. Но нам очень нужны опытные специалисты, и я все-таки склонен предоставить вам вид на жительство. Не осложняйте, пожалуйста, мою задачу.

— Ну что ж, хорошо.— Холлистер пожал широкими плечами.— Я подрался с одним человеком, который после этого умер. Мне удалось замести следы, но никогда нельзя быть уверенным до конца — рано или поздно полиция докопалась бы до истины. А мысль о нейтрализующей обработке меня совсем не греет. Поэтому я решил исчезнуть до того, как окажусь под подозрением.

— Венера не совсем подходящее место для упрямых идеалистов, Холлистер. Люди должны работать вместе и быть терпимыми друг к другу. Если, конечно, хотят выжить.

— Да, я знаю. Но это был особый случай. Тот человек меня спровоцировал.— Холлистер скривился.— У меня есть дочь... Впрочем, неважно. Лучше расскажу об этом под наркозом, чем просто так. Но я просто не мог видеть, как такой отвратительный человек, как он, прикинулся «исправленным» и снова начал разгуливать на свободе.

Он добавил, как будто оправдываясь:

— Я всегда считался, пожалуй, антисоциальным субъектом, но вы поймете, что в этом случае имела место явная провокация.

— Ладно,— сказал Карсов,— если вы, конечно, говорите правду. Но если какие-то семейные узы соединяют вас с Землей, то это может несколько уменьшить вашу полезность здесь.

— Нет,— с горечью произнес Холлистер.— Больше никаких.

Допрос продолжался. Карсов был настоящим мастером по выуживанию фактов: Холлистер, Симон Джеймс; родился в США, Фриско Юнит; из приличной семьи; хронологический возраст — тридцать восемь земных лет; физиологический возраст, благодаря разумному использованию преимуществ биоэнергетики, — около двадцати пяти; получил образование второго уровня в области гражданского строительства, с упором на строительные машины с ядерными двигателями; рабочий стаж, психологический рейтинг при последней проверке, и так далее, и тому подобное... Иногда в ходе разговора включался магнитофон, схватывая каждый нюанс речи и визуальные впечатления для последующего анализа и регистрации.

Закончив беседу, капитан встал и выпрямился.

— Я думаю, вы справитесь, — сказал он. — Теперь наступило время наркотестирования. Оно займет часа три, а потом понадобится еще примерно час для восстановления сил. Только после этого вам будет разрешено пообедать.

Город притаился на одной стороне горы, овеваемый вечными ветрами. Над головой клубились ядовитые серые облака; время от времени формальдегидная крупа скрывала угрюмые рыжеватые склоны вокруг, и бесконечные тучи пыли засыпали глаза людям, так что они не могли разглядеть внизу солончаковую пустыню. Над строениями виднелись угрожающие фантастические очертания подточенных ветром утесов, и часто слышался отдаленный грохот лавин, но выступ, на котором находился город, перед строительством был тщательно проверен на устойчивость.

Город представлял собой единую мощную конструкцию из металла и бетона, низкую и закругленную в том месте, где она слегка горбилась, чтобы отражать натиск непрерывно завывающих ветров и бурь. Из каркаса выступали сотни рядов громадных труб, закрепленных на оси так, чтобы всегда быть обращенными к ветру. Он дул мимо фильтров, которые улавливали пролетающую пыль и песок и сбрасывали их по расположенным ниже желобам для использования на цементной фабрике. Трубы захватывали несущийся воздух и разделяли быстрые и медленные молекулы; более холодная фракция направлялась в систему охлаждения, поддерживающую в городе окружающую среду, обеспечивающую нормальную жизнедеятельность людей — снаружи температура превышала точку кипения воды. Меньший объем перегретого воздуха шел на уста-

новку технического обслуживания, где использовался в пневматической системе управления многочисленными насосами и генераторами. В городе было также около тысячи ветряных мельниц, которые непрестанно бешено вертелись, подпитываясь силой бури.

Конечно, ни один из компонентов этого воздуха не годился для дыхания. Атмосфера здесь была насыщена углекислым газом, а остальные ее компоненты составляли азот, инертные газы, пары формальдегида, немного метана и аммиака. Город использовал много гектаров своих площадей под гидропонические сады, которые обновляли запас кислорода и обеспечивали часть продовольствия, а также материал для химических очистителей, насосов и воздуходувок. Самой популярной шуткой на Венере было выражение «свободный, как воздух».

Вблизи оболочки города располагался космопорт, куда приземлялись грузовые корабли со спутниковых станций и межпланетные гиганты. Пилотам нужно было прилагать все свое умение, чтобы посадить космическое судно или поднять его с поверхности планеты, при тех условиях, что преобладали здесь. Все, кроме посадочных опор, радиомачты и коробки GCA в основном каркасе, находилось под землей, как и большинство построек в городе.

Здесь жило около двухсот тысяч колонистов. Среди них были горняки, чернорабочие. техники, работающие в продовольственных центрах и на станциях техобслуживания. Насчитывалось всего три доктора, немного учителей, библиотечкарей, горстка полисменов и представителей администрации. Ровно пятнадцать человек занимались приготовлением пищи, спиртных напитков, держали бары, крутили кино и выполняли не очень существенную работу по доставлению «хлеба и зрелищ».

Это был Нью-Америка, главный город на Венере, в 2051 году нашей эры.

Холлистеру совсем не понравилась еда. Он пришел в большую столовую, скорее, даже напоминавшую кафетерий, после выдачи временной продовольственной книжки. Выбор оказался небогатым: ленч представлял собой несколько видов овощей, много картошки, кусок какой-то влажной, похожей на дрожжи, синтетики, которая больше всего напоминала предлагаемое Венерой мясо — все это

«обилие» дополнял основной безвкусный пищевой концентрат — витаминная капсула, и стакан ароматизированной воды. Когда Холлистер вынул из кармана одну из оставшихся сигарет, на него жадно устремились несколько пар глаз. С табаком здесь тоже была напряженка. Он с наслаждением затянулся, чувствуя смутную вину от того, что не может поделиться с ними своим богатством.

Вокруг Холлистера в столовой находилось много людей, поглощающих свой ежедневный рацион. Мужчин и женщин было примерно поровну. Они были одеты почти одинаково — в рабочие комбинезоны или стандартные шорты. Практически все люди выглядели довольно молодо, но на лицах большинства отражалась усталость и какое-то жесткое равнодушие — даже у женщин. Холлистер дома привык видеть только инженеров и техников женского пола, но здесь работали ВСЕ.

И он пока никак не мог заставить себя расстаться со своей земной одеждой.

Холлистер сидел один в конце длинного стола, недоумевая, почему никто не заговаривает с ним. Можно было предположить, что они скучают без новых лиц и слухов, поступающих с Земли. Предубеждение? Да, есть немного, рассматривая политическую ситуацию; но Холлистер считал, что для этого есть еще какая-то причина.

Страх. Они все чего-то боялись.

Когда в столовую быстрым шагом вошел Карсов, многоязычный говор быстро стих, и Холлистер сразу же догадался о причине страха. Капитан направился прямо к столику землянина, ведя с собой крупного бородатого человека с круглым улыбающимся лицом.

— Симон Холлистер... Генрих Гебхардт,— представил он незнакомца.

Они обменялись рукопожатиями, оценивающе оглядывая друг друга. Карсов сел за стол.

— Мне, как обычно,— сказал он, передавая свою продовольственную книжку.

Гебхардт кивнул и направился к автомату, который просканировал их книжки и выдал их обратно, пока набирался номер заказа. Затем появились два подноса и немец понес их к столику капитана.

Карсов даже не удостоил его благодарности.

— Я искал вас,— произнес он, обращаясь к Холлистеру.— Где вы были?

— Бродил вокруг,— осторожно ответил землянин, почувствовав, как напряглись его мускулы. Сознание, казалось, насторожилось, как будто соскользнув гипнотически с псевдоличности, которая подразумевалась как маскировка при наркотестировании.— Здесь сплошные лабиринты.

— Вам следовало оставаться в казармах,— резко произнес Карсов. На гладко выбритом лице капитана не было никакого выражения; казалось, на нем всегда была одета непроницаемая маска.— Ах да. Я хотел сообщить, что вас нашли подходящим.

— Хорошо,— сказал Холлистер, стараясь казаться невозмутимым.

— После ленча я организую принятие присяги,— продолжал Карсов.— Теперь вы станете полноправным гражданином Федерации Венеры. Мы не соблюдаем особых формальностей, как видите. Просто нет времени.

Порывшись в кармане, капитан достал какой-то буклет и передал его Холлистеру.

— Я рекомендую вам тщательно изучить это. Здесь изложены тезисы наших основных законов и их отличия от земных. Граждане, которые нарушают законы и правила, существующие на планете, подвергаются суровому наказанию.

Геххардт виновато кашлянул.

— Так и должно быть,— добавил он басом, с характерным немецким акцентом произнося шипящие звуки и смягчая согласные. Однако по-английски этот здоровяк говорил вполне прилично; как-никак этот язык становился основным средством общения на Венере.— Эта планета была сохдана в аду,— заключил Геххардт.— Если ми не будем работать вместе, то все умрем.

— И есть, конечно, определенные проблемы, связанные с Землей,— сказал Карсов, сверля прищуренными глазами Холлистера.— Что думают там люди о декларации независимости?

— Ну...— Холлистер сделал паузу, но потом решил не приукрашивать реальные факты.— Есть чувство обиды, без сомнения. После того, как столько денег было вложено нами... ими... в развитие колоний...

— И фсе ресурсы уше исчерпани,— заключил Геххардт.— Люди пояфились на Фенере еще в прошлом столетии с целью рашработки ядерних ископаемых, которых

даше тогда било отшень мало. Колонии станофились самостоятельными, потому что это било дешевле, чем добыфание средств к существованию всех в целом. Это стало би нефиполнимою задачей. Некоторые колонии били сомнительными с точки зрения уголовного кодекса, некоторые упрафлялись случайными людьми. Так назифаемая демократия часто оснофифалась на безфольных людях, которые не смогли найти работу дома или били сломлены фойной. Нет, ми ни-че-го им не долшны.

Холлистер пожал плечами.

— Я же не спорю. Но люди спрашивают, почему вы не могли по крайней мере остаться в составе Объединенных Наций, если хотели национального статуса. Ведь Марс поступил именно так.

— Потому что нам... в обязательном порядке... необходимо создать совершенно новую цивилизацию, что-то абсолютно непохожее на то, что когда-либо видели на Земле,— огрызнулся Карсов.— Мы будем продолжать торговлю нашими ядерными ресурсами в обмен на необходимые нам товары, пока не научимся производить их здесь, у себя. Но мы хотим как можно реже иметь дело с Землей... Ладно, вы со временем все поймете.

Губы Холлистера скривились в грустной усмешке. Земля ничего не могла с этим поделатъ; при нынешнем состоянии астронавтики военная экспедиция для подавления националистов стоила бы очень дорого. Это не имело бы смысла на планете, уставшей от войны, если не существовало реальной опасности. Подобные распри бросили бы по разные стороны баррикад создающиеся правительства мира с их еще ограниченной властью.

«Но астронавтика неуклонно развивается,— подумал Холлистер мрачно.— Космическим кораблям не нужно особенных улучшений, чтобы перевозить грузы замороженных солдат, готовых к высадке, когда термоядерный удар с небес уничтожил бы на корню мировую цивилизацию. И какой бы мирной ни была Земля, она оставалась лакомым кусочком для остальной Системы. Все выглядит так, будто что-то затевается именно здесь, на Венере, которая могла стать ужасающей планетой еще до конца столетия.

Что ж, надо...»

— Первое назначение для вас уже подготовлено,— сказал Карсов, выведя Холлистера из угрюмой задумчи-

вости и заставив разжать кулаки.— Вашим руководителем будет Гебхардт. Если проявите себя достаточно хорошо, можете рассчитывать на быстрое продвижение по службе. Тем временем...— Капитан протянул ему какую-то расписку.— Вот долларовый эквивалент энной суммы в нашей валюте, которую вам необходимо иметь при себе.

Холлистер спрятал листок в сумку. Он знал, что это был сущий грабеж, но он находился не в том положении, чтобы жаловаться; к тому же правительство Венеры жаждало иностранной валюты. На эту сумму можно было разве что купить какие-нибудь мелочи, а предметы первой необходимости выдавались бесплатно, размер же рациона зависел от ранга. Материальным поощрением, однако, являлись деньги, позволяющие как-то развлекаться, но не потребляя при этом дополнительных дефицитных продуктов, одежды или жизненного пространства.

Холлистер подумал, что коммунистические страны до Третьей мировой войны все-таки никогда не заходили так далеко. Здесь же все было дано на откуп правительству. Система, естественно, не называла себя коммунистической, но по сути являлась таковой, и другого выбора не было. Частные предприятия требовали довольно больших экономических излишков, которых просто не существовало на Венере.

Что ж, критиковать внутреннюю организацию на планете вовсе не его дело. Холлистер никогда не причислял себя к нескольким фанатикам, оставшимся на Земле, которые пока что боготворили социалистическую экономику.

Гебхардт прокашлялся.

— Мне поручени фопроси атмосферы в этом регионе,— сказал он.— Здесь я ф отпуске, но сегодня же отправляюсь обратно. Отшень рад получит фас в помощь, Холлистер, нам фсегда не хфатает людей. Ми потеряли дфоиx фo фремя последнего землетрясения.

— Это не может не радовать,— произнес землянин с каменным выражением на лице.— Впрочем, я и не думал, что мой путь на Венере будет усыпан розами.

— Будет,— уверенно сказал Гебхардт.— Когда-нибудь, несомненно, будет.

Принятие присяги было довольно серьезным делом; фактически, Холлистер отдавал себя на милость Технического Совета, который по всем практическим вопросам выполнял роль руководства города. Каждая колония, сделал вывод Холлистер, имела такой орган, но здесь кроме него также существовал федеральный совет, определявший политику для всей планеты.

Любой, кто желал войти в правительство, подвергался серии жестких тестов, после чего следовали годы ученичества и стажировки, а потом постепенные повышения по рекомендациям старших. Обучение включало в себя изнурительный курс истории, психотехники, физических наук; в принципе, подумал Холлистер, вспоминая воинствующих невежд, которых частенько до сих пор избирали на руководящие посты на Земле, такое образование было неплохой задумкой. Советы управления объединяли в себе законодательные, исполнительные и судебные функции и насчитывали лишь пару тысяч человек. Это было совсем немного для нации, равной по количеству двум миллионам. Минимум бумажной волокиты удивил его — он думал, что встретит здесь вездесущую бюрократию.

Но, без сомнения, чиновникам на помощь приходили умные машины, записывающие все в электронные файлы, и компьютеры могли найти и сопоставить любые данные или произвести проверку. Холлистеру не без гордости сообщили, что школы прививают растущему поколению строгую этику послушания.

После ужина землянин вернулся во Временные Казармы на ночлег. Вместе с ним здесь находились еще несколько человек, прибывших в город по делам из других мест. Холлистера разбудило сигнальное устройство, фото ячейки которого выделяли его из общей массы людей и посылали ультразвуковой луч; несущая волна вызвала резкий звон в ушах, и Холлистер вскочил на ноги.

Геххардт встретил его в условленном месте в раздевалке. С ним был жилистый, выносливый на вид парень монголоидного типа, который представился Генри Ямашитой.

— Фиброси сфою забэфную одешду, мальчик,— загремел шеф, обращаясь к Холлистеру,— и фозьми это.

С этими словами немец передал ему тускло-коричневый комбинезон из плотной эластичной ткани.

Холлистер проверил карманы, потом без слов примерил новый костюм. К нему прилагалось тяжелое пластикордовое снаряжение, которое вместе с перчатками и ботинками несколько украшало весь облик. Ямашита помог землянину пристегнуть кислородные баллоны и включить охладитель. Последним надевался шлем, массивный шар которого пристегивался к плечам, но пока все они шли с непокрытыми головами, а шлемы висели на петлях сзади.

— Если што-то слушится с нашим танком,— сказал Гебхардт,— нуноно постараться быстро захлопнуть шлем. Иначе будешь пошош... на забальзамирофанного! Ха-ха-ха!

Настояние у немца явно улучшалось, когда Карсова не было поблизости.

Холлистер проверил клапаны с тщательностью, к которой приучила его Луна — инженерный опыт все-таки не пропал даром. Гебхардт одобрительно хмыкнул. Потом они взяли пакеты с туалетными принадлежностями, сменой одежды и небольшим запасом продуктов; прикрепили веревки, батарейки и походные фляги к поясу. Пить можно было, не снимая фляги, через трубки. Наконец, тяжело ступая, трое мужчин вышли из комнаты.

Некрутой спуск привел их к гаражу, где стояли танки. Они чем-то напоминали пескоходы Марса, но казались тяжелее и ниже, с охлаждающей трубкой вверх и захватным приспособлением в носовой части. Механик указал на одну из машин, к которой был прицеплен обшитый сталью вагон, полный припасов, и троица протиснулась в крошечную прозрачную кабину.

Гебхардт включил двигатель и удовлетворенно кивнул, когда тот взревел.

— Отлично,— сказал он.— Теперь поехали.

— А на чем он работает? — спросил Холлистер, пытаясь перекричать невообразимый шум.

— Спирт,— коротко ответил Ямашита.— Мы получаем его из формальдегида. Сжиженный кислород. Компрессор и система охлаждения предотвращают случайное взрывание кислородных резервуаров — иногда это происходит. Некоторые новые модели используют перекись.

— Я полагаю, вы сохраняете пары воды и углекислый

газ, чтобы получить кислород обратно? — отважился на вопрос Холлистер.

— Только воду. Тут везде полно двуокиси углерода. — Ямашита огляделся, и его лицо стало непроницаемым.

Танк, переваливаясь, преодолел большой воздушный шлюз и по длинному туннелю направился к поверхности. Когда машина вылезла наружу, ветер набросился на нее с бешеной силой. Холлистер почувствовал, как танк содрогнулся, и двигатель издал бешеный рев. Холлистер взял заглушки для ушей, которые ему любезно передал Ямашита.

Пыль и песок, поднятые ими, клубились вокруг, не давая разглядеть горный кряж, на который заполз танк. Холлистер различил смутные очертания похожих на клыки вершин, сырые болотистые низины с голубыми и коричневыми оттенками в тех местах, где на поверхность выступали минералы; марширующие дюны на более низких выступках. Небо над головой было похоже на дьявольский поток стремительных рваных облаков — черных, серых, желтых от серных примесей... Землянин не видел солнца, но свет, разливающийся вокруг, имел загадочный латунный оттенок, подобно земному пейзажу перед сильной грозой.

Ветер визжал и свистел, наваливаясь на корпус танка, пронзительно крича и улюлюкая. Снова и снова дрожь сотрясала землю, передаваясь телу Холлистера, когда лавина обрушивалась с горного склона. Внезапно опустилась завеса пыльной бури, так что они на мгновение ослепли, продираясь сквозь стихию тьмы, где правили ад и безумие. Огоньки на приборной панели тускло отсвечивали на напряженном лице Гебхардта, чье внимание было полностью приковано к рычагам управления.

Шатаясь, танк въехал в глубокий овраг. Холлистер, наблюдая за губами командира, понял, что тот сердито бормочет:

— Ш-о-рт побери! Этого раньше не было шдесь!

Он вытянул вперед захват, уцепился за скалу, и танк вместе с прицепом медленно потащился в гору.

Ямашита прикрепил к горлу два маленьких диска и жестом указал на аналогичное приспособление, висящее на костюме Холлистера. Его голос внезапно зазвучал в ушах землянина — тонкий, но достаточно ясный:

— Пользуйся разговорником, если хочешь сказать что-нибудь.

Холлистер послушно взял диски, угадав, что в ушных заглушках есть транзисторное устройство, работающее от изотопа и воспроизводящее вибрации в его горле. Ему пришлось сосредоточиться, чтобы понять сказанное, потому что голос искажался, но он предполагал, что сможет уловить все достаточно хорошо.

— Сколько часов осталось до наступления ночи? — спросил Холлистер.

— Около двадцати. — Ямашита указал на часы, светившиеся на приборной панели. Они были настроены на семидесятидвухчасовой день Венеры. — До лагеря примерно сто тридцать километров, так что до захода солнца мы должны преодолеть все это расстояние.

— Это неудобный метод передвижения, — заметил Холлистер. — Почему бы не воспользоваться авиатранспортом, или, по крайней мере, не построить удобные дороги?

— Самолеты, необходимые для пересечения непроходимой местности, и дороги — все это будет позже, — сказал Ямашита. — Эти танки вполне справляются с задачей транспортировки — в большинстве случаев.

— Но почему лагерь так далеко от города?

— Это самое лучшее место с точки зрения обеспечения всем необходимым. Мы получаем большую часть продуктов из Малой Москвы, воду — из Геллфайра, химические вещества — из Нью-Америки и Стоянки Роджера. Города так или иначе имеют специализацию, как вам известно. Они вынуждены делать это: в любом месте недостаточно запасов железной руды, равно как и всяких необходимых вещей для постройки города. Он будет настолько большим, что сможет обеспечивать себя всем сам. Поэтому воздушные лагеря разбиты таким образом, чтобы доставлять припасы как можно быстрее.

— Ты имеешь в виду радиус действия? Энергия, умноженная на время, требуемое для перевозки?

Ямашита кивнул, и в его глазах появилось нечто, похожее на уважение.

— Ты все правильно понял, — удивленно сказал он, тоже переходя на «ты».

Ветер продолжал гудеть вокруг. Скорее всего, не только медленное вращение планеты и ее близость к солнцу вызывали такие бесконечные бури; если бы это было так, не существовало бы никаких шансов сделать ее

обитаемой. Из-за высокого содержания углекислого газа в воздухе и парникового эффекта, за долгую ночь голые безводные скалы значительно охлаждались. При большом количестве воды и растительности, с атмосферой, схожей с земной, Венера имела бы теплый и довольно мягкий климат в целом, и ее ураганы превратились бы в пассаты. В самом деле, при более низкой кориолосовой силе, разрушительные циклоны Земли были бы здесь неведомы.

Об этом мечтали все венерианцы. Но, выглянув наружу, Холлистер понял, что затраченное время и усилия заставили бы даже Сахару покрыться лесами. Когда-то их послали сюда в качестве горнорабочих, причем без всякого принуждения оставаться на планете; если бы они захотели вернуться обратно на Землю, прошение было бы тут же удовлетворено, независимо от того, какие средства могли бы понадобиться для их доставки домой.

Тогда почему они этого не сделали?

ЗАЧЕМ ВОЗВРАЩАТЬСЯ В ПРОГНИВШУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ, ПОДОБНУЮ... Холлистер очнулся. Иногда его псевдовоспоминания были настолько реальны, что вытесняли истинные; негодование и печаль начинали переполнять его душу, пока он не вспоминал, что грустит о людях, никогда не существовавших. Из-за наркотестирования в нем должен был поселиться гнев, и Холлистер спрашивал себя, не отразится ли это на его миссии. Придет день...

Он сардонически усмехнулся самому себе. Один человек, пойманный планетой у врат Ада, за которым следит самое мощное и жестокое из правительств, охватывающее своей властью весь мир,— и он осмеливается восстать против него!

Вероятнее всего, ему суждено умереть здесь. Экономичные венерианцы переработают его тело с целью получения нужных химикатов, как это происходит и с остальными трупами. Таким будет конец для единицы мироздания, называемой Холлистер.

НЕТ, сказал землянин самому себе, **ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ХОТЯ БЫ ПОПЫТАТЬСЯ.**

Лагерь Гебхардта представлял собой торчащий выступ радиомачты и ангар, выступающий из подвижного пейзажа скал и песка; все остальное находилось под землей. Когда они приехали, солнце садилось, и была смутно видна

неровная линия горизонта, над которой висел огромный кроваво-красный диск. Ямашита и Холлистер по очереди управляли машиной, и землянину эта работа показалась изматывающей; голова у него гудела, когда он ступил, наконец, на твердый пол подземного гаража.

Ямашита повел его в казарму.

— Нас там примерно пятьдесят человек,— объяснял он.— Все мужчины.— Он ухмыльнулся.— Благодаря такому столпотворению система поощрений и наказаний, основанная на увольнительных в город, действует очень эффективно.

Казарма представляла собой длинную комнату с тремя рядами коек, несколькими столиками и креслами; только Гебхардт по рангу имел отдельную нишу, хотя занавески над каждой койкой предполагали некое подобие уединенности. Чтобы как-то оживить это место, на стенах развесили несколько довольно неплохих ярких фресок. Мужчины занимались своими делами: одни читали, другие писали письма, третьи просто болтали или играли во что-нибудь. Здесь был обычный конгломерат различных рас и национальностей, и Холлистер отметил про себя пару интересных метисов; тяжелая работа и скудное питание сделали этих людей меньше ростом, в сравнении со средним американцем или европейцем, но все-таки они выглядели весьма бодрыми.

— Симон Холлистер, наш новый помощник инженера,— громко объявил Ямашита, когда они вошли в комнату.— Только что прибыл с Земли. Теперь вы знаете о нем столько же, сколько и я.

Он плюхнулся на свою койку, а остальные встали и собрались осторожной группой.

— Подойди ближе. Расскажи им все. Рождение, образование, хобби, отношение к религии, сексуальные привычки, интересы, предрассудки — они все равно узнают все о тебе, так или иначе. У нас, черт побери, не так уж много развлечений.

Блондин плотного телосложения подозрительно воззрился на Холлистера.

— С Земли? — переспросил он медленно.— Помнится мне, вот уже тридцать лет оттуда не было новых людей. Чего тебе надо? Зачем было приезжать сюда?

— Мне так захотелось,— огрызнулся Холлистер.— Этого достаточно!

— Значит, перед нами тупоголовый сноб, верно? Мы слишком хороши для вас, сэр, я так полагаю.

— Расслабься, Сэм,— прозвучал чей-то голос сзади.

— Да-да,— усмехнулся негр,— он ведь может стать твоим начальником... ты же знаешь.

— Неужели? — возмущенно произнес блондин.— Я здесь родился, учился, изучал всю подноготную воздуха двадцать лет, а этот самодовольный бык приходит и в первый же день забирает у меня...

Холлистер как будто разделился — одна его часть механически зафиксировала, что венерианцы используют термины «год» и «день» для обозначения таких периодов их жизни, один из которых короче, а другой длиннее в сравнении с земными. Другая же половина напряженно застыла, ожидая стычки, но вмешались остальные обитатели казармы, и мир был восстановлен. Землянин нашел свободную койку и сел, закинув ногу на ногу и пытаясь завязать дружескую беседу. Это оказалось нелегко, и Холлистер остро ощутил свое одиночество.

Через некоторое время кто-то достал гитару, сделанную из пластика и стали, и забренчал по струнам. Вскоре все мужчины подхватили нехитрый мотив. Холлистер прислушался к словам песни:

*Когда с неба хлынет вода,
Изобилие будет всегда.
Расцветут в темноте сигареты,
На кустах созреют котлеты.
Поднимутся горы шербета.
Большой дождь подарит все это.
И шампанское хлынет рекою,
Звуки скрипки позовут за собою
В страну грез, где девчонки танцуют,
Нас с тобою они расцелуют.
Под большим дождем станцуем и мы,
Чтобы не было больше зимы.*

НАСТОЯЩИЙ РАЙ, подумал Холлистер. ОНИ МОГУТ ШУТИТЬ ОБ ЭТОМ, НО ЗНАЮТ, ЧТО НИКОГДА НЕ УВИДЯТ ЭТУ РАЙСКУЮ ЖИЗНЬ, НА КОТОРУЮ РАБОТАЮТ КАК ПРОКЛЯТЫЕ. ТОГДА ЗАЧЕМ ОНИ ВСЕ-ТАКИ ДЕЛАЮТ ЭТО? ЧТО ИМИ ДВИЖЕТ?

После обеда, короткого сна и следующего приема пищи Холлистеру предоставили для изучения несколько распечаток. Он ломал голову над этим заданием, призвав на помощь все знания, полученные им за время напряженной учебы, и через несколько часов пришел с отчетом к Гебхардту.

— Я знаю их,— доложил он.

— Уше? — Маленькие глазки шефа сузились.— Не стоит даше питаться блефовать здесь, мальтшик. Фенера фсегда распознает это.

— Я не блефую,— с обидой в голосе сказал Холлистер.— Если хотите, я могу провалять дурака целый день и прийти к вам завтра, но... я же знаю наизубок эти штуки!

Бородатый человек встал. В грузной фигуре немца угадывалась мощная мускулатура.

— Корошо, черт побъери,— произнес он, наконец.— Беру тебя ф следующую поездку.

До нее оставалось всего несколько часов. Третьим Гебхардт взял спокойного седого мужчину по имени Джонни, и в этот раз доверил Холлистеру вести машину. Танк тащил за собой обычный вагончик с оборудованием, и неровная почва делала вождение весьма трудным занятием. Холлистер и раньше имел дело с мультитрансмиссиями, и несмотря на то, что навигационные приборы были очень сложными, быстро схватывал все тонкости; сейчас его изматывало физическое напряжение и нагрузка на мускулы.

Ночь на Венере не казалась такой непроглядно темной, как можно было ожидать. Облака рассеивали солнечный свет вокруг планеты, и устойчивое мерцание утренней зари виднелось даже на этих средних широтах. Проектора могли понадобиться только при въезде танка в глубокое ущелье. Ветер по-прежнему сердито завывал вокруг, но Холлистер уже начал привыкать к нему.

Первый эйрмейкер на их пути находился всего лишь в дюжине километров от лагеря. Это было темное массивное сооружение, притаившееся на каменистом склоне. Его дымовая труба напоминала шею какого-то доисторического монстра. Танк остановился поблизости; путешественники опустили вниз шлемы и по одному вошли в воздушный шлюз.

Он был сконструирован по стандартному миниатюрному типу, едва ли подходящему, чтобы удерживать даже

одного человека. Это означало меньшее количество воздуха для откачки и большую скорость прохождения. Гебхардт сказал Холлистеру, чтобы тот стоял лицом к выходу с подветренной стороны; теперь трое мужчин были связаны друг с другом и стояли вокруг танка, служившего им защитой.

Холлистер потерял точку опоры, с грохотом упал на пол и, пытаясь подняться, закрутился от сильного ветра. Гебхардт и Джонни крепче вонзили свои каблуки с креплениями в землю и натянули канат. Когда они опять подняли новичка на ноги, Холлистер увидел ехидные улыбки за прозрачными пластинами шлемов. После этого он уделял больше внимания поддержанию своего равновесия, бросив все силы на борьбу с ветром.

Инспекция и техническое обслуживание установки оказалось нелегким заданием, и даже в свете прожекторов было трудно разглядеть детали небольших размеров. Различные секции открывались по очереди и подвергались проверке, с выполнением необходимых регулировок; заполненные баллоны с газом снимались, и на их место ставились пустые.

Неудивительно, что Гебхардт засомневался в способности Холлистера выполнять эту работу. Эйрмейкер представлял собой одну из наиболее сложных машин, существующих на Венере. Речь шла о том, чтобы переделать всю атмосферу на планете.

Впускная труба зачерпывала и перемещала воздух, с помощью компрессоров, управляемых пневматикой, через серию камер; некоторые из них имели катализаторы, другие были снабжены электрическими дугами или нагревательными катушками для поддержки температуры — прекращающаяся буря выполняла роль мощного генератора, — а некоторые вели в дополнительные камеры через запутанные системы соединений. Химия процесса была довольно простой. Параформ разлагался с целью получения связующих молекул воды; формальдегид, добываемый непосредственно из воздуха, реагировал с аммиаком и метаном — или сам с собой — для получения целого ряда углеводородов и более сложных соединений, необходимых для пищи, топлива и удобрений; углекислый газ, что не вступал в другие реакции, расщеплялся мощной электрической дугой на кислород и углерод. Кислород помещался в баллоны для промышленного использования; остающиеся

вещества частично разделялись дистилляцией — вновь с помощью силы ветра, в этот раз для охлаждения — и собирались в коллекторы. Дальнейшая обработка происходила уже на соответствующих химических заводах.

Очертания установки, которые неясно вырисовывались в ночи, казались огромными, но при одной мысли о фантастических запасах атмосферы планеты становилось ясно, что она ничтожно мала. Но каждый день создавалось все новое и новое подобное оборудование, которое охватывало всю поверхность планеты; существовало уже около миллиона установок, а нужно было достичь семи миллионов, и это число могло теоретически выполнить намеченную работу за следующие двадцать земных лет.

Это все было в теории, как объяснял Гебхардт по встроенному в шлем радиоприемнику. Появлялись другие рассуждения, например, закон об уменьшающемся возврате: когда эффект от машин становился заметным, процентное количество обрабатываемого ими воздуха неизбежно должно было падать; к тому же, говорилось о стратосферном газе, часть которого явно никогда не доходит до поверхности; и химию изменения атмосферы нужно было принимать во внимание. Основная временная оценка для этой стадии работы должна была пересматриваться с учетом прибавки еще одного десятилетия.

Кислород был повсюду: спрятанный в скалах, руде, в достаточном для человека количестве, если, конечно, эти запасы можно было бы извлечь. Эту работу выполняли специально выведенные бактерии, используя углерод и кремний и выпуская больше газа, чем могло потребоваться для их метаболизма; основным источником их энергии было солнце. Часть кислорода рекомбинировалась, конечно, но это количество было незначительно; особенно из-за того, что этот процесс мог действовать на поверхности или вблизи нее, а большая часть бактериального расщепления шла гораздо дальше вниз. Уже имелся едва заметный процент элемента в атмосфере. К тому времени, когда будут окончены все эйрмейкеры, бактерии также должны существовать.

Тем временем гигантские пульверизаторы раскалывали безжизненные камни и песок на мельчайшие частицы, которые должны были смешиваться с удобрениями, с

целью получения почвы; специалисты по генной инженерии развивали другие формы жизни, способные обеспечить сбалансированную экологию; возводились аквасооружения.

Именно на этом и основывалась вся операция. На Венере было полно воды, только она находилась в ловушке внутри тела планеты, и вулканы поднимали ее наверх так, как это происходило давным-давно на Земле. Здесь она быстро схватывалась полимеризирующимся формальдегидом, за исключением мест, подобных Гэллфайру, где строилось оборудование по ее извлечению из магмы и гидрированных минералов. Но в воздухе с каждым днем становилось все меньше формальдегида.

В нужное время водородные бомбы будут сброшены в места, выбранные геологами, и все вулканы проснутся. Появится большое количество двуокиси углерода — хотя к тому времени процент свободного газа окажется настолько мал, что это будет даже хорошо, — но и воды будет много, немисливо много. Вместе с этим самолеты начнут распространять в атмосфере платиновый катализатор, с помощью которого обычные на Венере молнии смогут атаковать оставшийся в воздухе яд. Тот будет оседать вниз в виде углеводов и других соединений, смываться водой и выщелачиваться со стерильной земли.

Именно таким венерианцы видят Большой Дождь. По предварительным оценкам он будет длиться примерно десять земных лет, и в конце его на планете, никогда не знавшей ничего подобного, появятся реки, озера и моря. На поверхности Венеры будет создаваться почва, давая начало развитию бактерий, растений, небольших видов животных. В течение нескольких веков дожди на планете, несмотря на некоторое затухание, будут сильными и продолжительными, хотя она и останется по сути пустыней. Но люди в этом мире смогут ходить в обычной одежде и шаг за шагом превращать пустыню в цветущий сад.

Через сто лет после завершения работ на планете уже можно будет жить. Еще спустя пятьсот лет Венера может превратиться в настоящий рай.

Для Холлистера это казалось слишком продолжительным временем ожидания.

Ему не понадобилось много дней, чтобы ухватить суть всех операций и стать руководителем строительной группы. Холлистер взял с собой двадцать человек, вагончик со всем необходимым оборудованием и отправился создавать очередной эйрмейкер.

Ветер дул настолько сильно, что установить обычные изолирующие палатки, обеспечивающие достаточный комфорт, оказалось невозможно. Мужчины отдыхали прямо в танках, бок о бок друг с другом, забываясь в чуткой полудреме и вдыхая запах собственного пота. Они громко возмущались, но все же терпели. Путь к месту назначения предстоял неблизкий; со временем весь лагерь должны были разобрать по частям и установить в лучшем месте, но пока приходилось мириться с монотонностью путешествия.

Холлистер заметил, что все мужчины в его отряде усвоили азиатскую способность просто сидеть, ни о чем не думая, час за часом. У них была также свойственная азиатам привычка разговаривать и шутить — резко, иногда очень язвительно и грубо, впрочем, внешне соблюдая приличия. Пожалуй, это можно было назвать характерным для их конкретной работы, а не всей планеты в целом. Вполне возможно, что вся наносная шелуха исчезнет, когда прекратится бесконечный воздушный аврал, и эти люди получат более подходящие для себя назначения.

В качестве босса, Холлистер мог расположиться в своем танке более свободно — лишь с одним соседом. Он выбрал изможденного с виду Джонни, который успел ему понравиться. Ведя машину через завывающую песчаную бурю, землянин теперь уже мог вести разговор — и он отметил про себя, что это признак повышения мастерства в его основной работе.

— Ты думал когда-нибудь о возвращении на Землю? — внезапно спросил Холлистер.

— Возвращения? — Джонни выглядел удивленным. — Я здесь родился.

— Ну... тогда о поездке на Землю.

— Где бы я взял деньги на поездку?

— Об этом говорится в «Разделе о Нужде» Космического закона. Они должны выделить тебе место на корабле, если ты подашь заявление. Но со временем ты

смог бы возместить затраты на поездку, причем с процентами. Получив такой богатый опыт, можно прекрасно устроиться на руководящую должность одного из восстановительных проектов на Земле.

— Видишь ли,— произнес Джонни встревоженным голосом,— я настоящий венерианец. Здесь во мне нуждаются, и я знаю это.

— Забудь об Охране,— раздраженно сказал Холлистер.— Я не собираюсь доносить на тебя. Почему все люди здесь терпят присутствие тайной полиции? Это выше моего понимания.

— Нужно держать всех в повиновении,— объяснил Джонни.— Чтобы преуспеть, мы должны работать вместе.

— Но неужели ты никогда не думал, что было бы неплохо самому устраивать свое будущее, а не слушать какого-то старшего дядю, опекающего каждый твой шаг?

— Это не просто «какой-то дядя». Речь идет о Совете. Они лучше знают, как тебе и мне лучше проявить себя. Конечно, есть и подрывные элементы, но я не принадлежу к ним.

— Почему же недовольные не могут просто сбежать, если не осмеливаются подать прошение об отправке на Землю? Они могут украсть необходимые материалы и построить себе поселок. На Венере места много.

— Это не так-то легко сделать. Ну, допустим, построят они такой поселок, а потом что будут делать? Просто сидеть и ждать Большого Дождя? Нам не нужны на планете бездельники, мистер.

Холлистер пожал плечами. В психологии венерианцев было нечто, сбивающее его с толку.

— Я вовсе не призываю к революции,— осторожно сказал он.— Я приехал сюда по своей воле и просто пытаюсь понять ситуацию.

Невыразительные глаза Джонни смотрели на землянина с подозрением, но потом он разразился непривычно длинной тирадой.

— Тебе легко сравнивать себя с нами, я понимаю. На первый взгляд кажется, что у нас здесь просто нельзя жить. Но помни, мы никогда ничего другого не видели. И с каждым днем жизнь наша становится лучше: пищевые рационы увеличиваются, нам позволено иметь нарядную одежду, а не только рабочую. Скоро начнут показывать телепередачи на аванпостах... и когда-нибудь... придет

Большой Дождь. К этому времени мы сможем позволить себе принять его легко и свободно.

Джонни замолчал и, замявшись, добавил:

— Вот почему мы порвали с Землей. Зачем нам работать, надрывая животы, чтобы обеспечить прекрасную жизнь нашим внукам, если с Земли прилетит горстка бездельников и займет Венеру? Нет, здесь все НАШЕ! Эта планета станет самой богатой из тех, что когда-либо видел человек, и должна принадлежать тем, кто создает ее.

Правительственная пропаганда, подумал Холлистер. Речь прозвучала достаточно правдоподобно, пока ее не разобрали по косточкам. Во-первых, каждая страна все еще имеет право устанавливать собственную иммиграционную политику. Более того, с учетом темпов прогресса Земли, восстановительных процессов, контроля рождаемости, использования новых ресурсов из океана, к тому времени, когда Венера «созреет», не будет никаких мотивов для того, чтобы покидать дом — эмиграция окажется слишком утомительным и дорогостоящим занятием. По каким-то причинам, которые ему еще предстояло узнать, правители Венеры умалчивали обо всех этих обстоятельствах, а вместо этого воспитывали у своих людей параноидальное отношение к Земле.

Новый эйрмейкер располагался на вершине уступа, торчащего из усеянной валунами равнины. Зловещий медный оттенок пустыни, казалось, окрашивал горизонт кровью. Несколько бульдозеров двигались уже далеко впереди: они выдолбили укрепленную горной стеной нишу, в которой нужно было установить прочные укрытия. Бригада Холлистера вылезла из танков и приступила к делу. Потом начались обычные взрывные работы, подготовка фундамента, забивание свай, сборка самого устройства.

На четвертый день начался невиданный ураган. Сначала появилось угрожающее зеленовато-желтое свечение в небе, потом ветер усилился, и низко над головой плыли грязно-серые облака. Во время третьей смены ветер начал дуть настолько сильно, что сбивал с ног, и стальные листы, призванные укрепить стены установки, раскачивались, как живые.

Белобрысый Сэм Роббинс, который с первого дня невзлюбил Холлистера, направился напрямик к шефу. По

радио, расположенному в шлеме, голос его звучал невнятно из-за статики и завывающего ветра:

— Мне это не нравится. Лучше быстрее спрятаться в укрытие.

Не то, чтобы Холлистер был против, но хрупкие сварочные электроды уже были установлены, и опустить их вниз уже невозможно, так же, как и оставлять беззащитными перед тучей песка, сметающей все на своем пути.

— Спрячемся, как только поднимем навес,— сказал он.

— Нет времени накрывать эти штуки!

— Есть время.— Холлистер повернулся к Роббинсу спиной. Тот чертыхнулся и вернулся к работе.

На востоке над землей поднималась черная стена, ржаво-красная по краям. Это была самая сильная песчаная буря на памяти Холлистера. Он сгорбился и, борясь с ветром и колючей пылью, пошел к установке. Настроив свое радио, землянин объявил: «Все на помощь! Чем быстрее справимся, тем раньше будем в укрытии».

Фигуры в шлемах засуетились вокруг, пытаясь справиться с безумно хлопающими металлическими листами, всеми силами удерживая их внизу, пока они крепились к каркасу. Внезапно Холлистер увидел в небе синеватобагровый отсвет молнии. Она ударила в столб, защищавший место строительства. После этого послышались оглушительные раскаты грома.

Ветер неистово обрушился на людей и металл; один из листов оторвался и понесся вниз по склону. Он ударил в скалу и зацепился за нее.

— Роббинс, Льюис, быстрее за ним! — закричал Холлистер и вдруг заметил, что сжимает кусок металла. Он рвался у него из рук и едва не распорол защитный костюм.

Рев ветра был настолько оглушительным, что Холлистер не слышал, как он усилился. В тумане налетевшего песка землянин будто ослеп, но смог уловить шум несущихся валунов. В его наушниках раздался ужасный крик: «Камнепад!»

Голос прервался; был издан приказ не занимать по пустякам канал радиосвязи. Измученные люди заработали с еще большим усердием, в сопровождении звона и грохота металла.

Холлистер взгляделся в темноту.

— Хватит! — решительно сказал он. — Всем в укрытие!

Никто не бросил инструменты, но все быстро повиновались и ощупью пошли к лагерю. Дорога шла мимо скалы, где Роббинс и Льюис все еще боролись с упрямой металлической плитой.

Холлистер сначала не понял, что произошло. Внезапно защитный костюм Льюиса разорвался, и оттуда хлынула кровь. Он опрокинулся на землю; ветер схватил его тело и понес прочь вместе с песком. *Кусок скалы, мелькнула у Холлистера безумная мысль. Он рассек его костюм. Льюис уже «забальзамирован».*

Буря продолжала бушевать вокруг, когда Холлистер карабкался по стене песка. Теперь ему даже был слышен свист пылинок, пролетающих мимо шлема. Землянин ощупью шел через непроглядную темноту, потом перевалился через уступ, оказавшись в ненадежном укрытии площадки лагеря, и пополз к самой большой из палаток.

На раздумья времени не оставалось. Они выпустили наружу воздух изнутри, оставив воздушный шлюз открытым, пока втискивались сюда. Сделал ли кто-нибудь то же самое с другими палатками? Холлистер не был уверен, но песок продолжал прибывать, наполняя укрытие. Он подошел и закрыл шлюз. Кто-то еще запустил насос, используя сжатый азот из баллонов, для поддержания давления воздуха и вымывания ядов. Кислородные баллоны можно будет открыть еще не скоро.

Холлистер снял шлем и огляделся. Палатка была наполовину заполнена; бледные очертания других семерых членов бригады мерцали в тучах песка. Единственная флюоресцентная трубка бросала холодный свет на их потные лица и рисовала причудливые тени на стенах. Снаружи бушевала стихия.

— Те еще удобства, — хмуро произнес Джонни, стряхивая песок со своего костюма. — Если палатку снесет, нам конец, в любом случае. — Он сел на землю и начал методично проверять свое снаряжение, потом взял камень неправильной формы, поплевал на него и принялся скрести прозрачную защитную пластину шлема, полируя твердый пластик. Все остальные последовали его примеру.

— Эй, ты, я к тебе обращаюсь!

Холлистер вздрогнул и оторвался от чистки костюма. Перед ним стоял Сэм Роббинс. Глаза его были красными от ненависти.

— Ты убил Джима Льюиса.

В воздухе явственно ощущалось напряженное ожидание. Холлистер встал, и теперь его высокая фигура нависала над маленьким венерианцем.

— Я искренне сожалею о его смерти,— сказал землянин, пытаясь сохранять спокойствие.— Льюис был славным парнем. Но такие страшные события иногда случаются здесь.

Роббинс затрясся от гнева.

— Это ты послал его туда, куда падали камни. Я тоже был там. Может быть, этот удар предназначался мне?

— Никто не может сказать точно, куда упадет кусок скалы,— спокойно произнес Холлистер.— Я подвергался точно такому же риску.

— Я же советовал тебе закончить работу за полчаса до начала этого кошмара!

— Мы не могли этого сделать, вся наша работа пошла бы насмарку. Сядь, Роббинс. Ты явно испуган и, наверное, слишком устал.

Остальные сидели совершенно неподвижно. За стеной бесновалась гроза.

— Ты... грязный землянин...— Кулак Роббинса метнулся вперед и угодил Холлистеру в скулу. Тот отшатнулся, мотая головой. Роббинс приближался, усмехаясь.

Холлистер почувствовал внутри леденящий холод. Он смутно понимал, что сейчас им движет псевдоличность, но на размышления времени не оставалось. Когда Роббинс подошел вплотную, Холлистер пригнулся и ударил его в живот.

Не тут-то было! Мышцы венерианца были прекрасно натренированы, и он сразу же ответил ударом в челюсть. Холлистер попытался применить апперкот, но встретил мастерский отпор. Этот человек, без сомнения, умел драться.

Землянин нанес еще один удар в живот, который оказался более успешным. Роббинс что-то пробормотал и сделал неловкий выпад, который пришелся Холлистеру в плечо. Он схватил венерианца за руку и перекинул его через себя. Роббинс рухнул на раму койки, прогнувшуюся под его тяжестью.

Но венерианец все еще не сдавался. Ему было неведомо, что Холлистер тоже опытный боец. Понадобилось всего лишь десять минут, чтобы Роббинс оказался на полу побежденным.

Тяжело дыша, Холлистер огляделся. На лицах людей, столпившихся вокруг, не было никакого выражения.

— Кто-нибудь еще хочет сразиться со мной? — спросил он хрипло.

— Нет, босс, — ответил за всех Джонни. — Вы правы, конечно. Я не думаю, что кто-то захочет получить двадцать плетей на базе.

— Что ты сказал? — Холлистер выпрямился. — Плетей?..

— Конечно. Это же был явный мятеж. А такое должно наказываться.

Холлистер покачал головой.

— Это слишком жестоко. Исправление не должно...

— Видите ли, босс, — прервал его Джонни, — Вы хороший инженер, а до сих пор, кажется, плохо знаете Венеру. У нас нет в достатке времени, рабочей силы, материалов и тому подобного, чтобы содержать исправительные тюрьмы. Буйвол, который брыкается, получает кнут или работу до седьмого пота. Потом все идет, как обычно. Закоренелые преступники заканчивают урановыми шахтами на Люцифере.

Даже в тусклом свете единственной лампы было видно, как дрожит венерианец.

Холлистер нахмурился.

— Неплохая система, — сказал он, пытаясь говорить в тон Джонни. — Но я думаю, что Роббинсу уже достаточно. Я не собираюсь никому докладывать о его поведении, если он сделает правильные выводы. Остальные, я думаю, поддержат меня.

Раздался невнятный ропот, который можно было расценить как согласие. Холлистер не был уверен, заужали ли его после этого случая или нет, но босс есть босс. В глубине души он подозревал, что Советы часто могли несправедливо обвинять людей, или по крайней мере наказывать за мельчайшие провинности, хотя бы для того, чтобы не простаивали шахты; иначе в характере венерианцев была бы тяга к неповиновению.

Холлистер занес еще один штрих, касающийся правил, в свою мысленную записную книжку.

На Венере трудно следить за временем; не только потому, что здесь собственный календарь,— просто один день был как две капли воды похож на другой. Незаметно для самого себя, Холлистер начал постепенно привыкать к размеренной жизни лагеря. Он взял несколько книжек, но у него была хорошая память и читать по второму разу он их попросту не смог. Холлистер изучил всех людей вокруг, у него не было никого ни в одном из городов планеты, кому можно было бы писать и о ком стоило иногда думать. Работа вносила в его жизнь некоторое разнообразие, потому что там ситуации никак не повторялись, и Холлистер не раз оказывался на волосок от смерти. Но кроме работы все остальное носило отпечаток застоя.

Двое других инженеров, Гебхардт и Ямашита, составили довольно приятную компанию. Первый был родом из Хорсельберга, немецкого поселка на Венере, и до сих пор сохранил в себе характерные черты своего народа. Он знал много занимательных историй и охотно рассказывал их. Второй компаньон, хотя и происходил из старинного Венеороамериканского рода, по духу был слишком любознательным для колониста; он читал больше других и живо интересовался огромным миром Солнечной системы. Но даже новизна общения с этими людьми постепенно притупилась за шесть месяцев.

В этом районе планеты Холлистер сначала наблюдал так называемую зиму, которая мало чем отличалась от лета, разве что ночи были длиннее. Потом вновь наступила стерильная весна, и работа возобновилась. Чувство времени у Холлистера позволяло отсчитывать дни с большой точностью. Он спрашивал себя, сколько его будут здесь держать, когда же появится возможность отправить доклад в свой офис. Внешне он будет выглядеть, как письмо к другу, которое заберет с собой один из космических кораблей; Холлистер знал, что вначале его прочтут сенсоры, но имел особый шифр, основанный на никому не известной книге восемнадцатого века. Он был уверен, что на Венере даже не слышали о ней.

Холлистер уже знал об этой планете гораздо больше, чем кто-либо на Земле. Посылать сюда корреспондентов было чересчур дорого, а последняя группа представителей

Объединенных Наций не смогла обнаружить каких-либо стоящих данных. То, что венерианцы оставались скрытыми в общении с ними, землянами, было старой привычкой, восходившей к ультранационалистическим мятежам последнего столетия. Колония А и колония Б двух стран, которые дома могли вообще не общаться между собой, не имели желания предоставлять помощь и поддержку друг другу; но на Венере такие искусственные барьеры должны были исчезнуть, если люди хотели выжить. Ямашита с увлечением рассказывал о том, как работали вместе изыскатели из Малой Москвы и Троллена, как делились друг с другом своими находками. Но, конечно, вы не можете допустить, чтобы ваши номинальные правители знали...

Холлистер начинал понимать, что присущий венерианцам характер слишком отличался от чего-либо земного. Иначе и быть не могло: Венера сделала этих людей именно такими. Человек непременно должен существовать в коллективе. Это помогало объяснить эволюцию особых правительственных форм и терпимость граждан к наиболее жестоким требованиям. Даже самый тупой трудяга, казалось, жил будущим.

Наши дети и внуки будут строить дворцы, читать умные книги, писать музыку. Наша задача — заложить фундамент всего этого.

Было ли это причиной того, что они завязли здесь, а не отправились обратно и не предоставили всю работу машинам-автоматам и нескольким платным добровольцам? Они бесконечно долгое время были изгоями, отвергнутыми всеми, обитателями вечной темноты; а теперь не могли позволить себе уступить упрямой и безрассудной гордости, даже когда в ней больше не было нужды. Холлистер подумал об Ирландии. Человек не имеет ничего общего с логически мыслящими животными.

До сих пор в венерианском обществе были черты, поразившие его и рассматриваемые им как совершенно лишние и угрожающие. Что-то надо было делать с ними, но Холлистер не знал точно, что именно.

Он много работал, собирал впечатления, регистрировал их... И выжидал. Наконец приказы получены. Лагерь сослужил свою службу, теперь его следовало разобрать и построить в другом месте, но вначале персонал должен был прибыть в Нью-Америку, для отдыха. Холлистер с плохо скрываемой радостью окунулся в процесс демонтажа деталей и погрузки их в вагоны.

...Землянин отправился с докладом в офис Воздушного Контроля вместе с Гебхардтом и Ямашитой для получения жалованья и вида на жительство. Служащий выдал ему небольшую карточку.

— Вас перевели в ранг старшего инженера,— торжественно объявил он.— Вероятно, в следующий раз вы получите собственный домик.

Гебхардт, довольный, похлопал Холлистера по плечу.

— АХ, ЗЕР ГУТ! Это я рекомендовал тебя, малтшик, ти карашо сработал, но я буду скучать по тебе.

— Разве... мы не останемся здесь на отдых, хоть на некоторое время? — спросил Холлистер, почувствовав себя неудобно.

— Я не останусь! У меня жена и детки, поэтому спешу на следующую ракету в Хорсельберг.

У Ямашиты в городе тоже была семья, и Холлистер понял, что не следует надоедать им своим присутствием. Он бесцельно слонялся по улицам, чувствуя себя совершенно потерянным.

Его новый рейтинг позволял иметь собственное жилье, крошечную комнатку почти без мебели, хотя умыться и принимать пищу приходилось, как и всем, кроме руководящего персонала, «публично». Холлистер уселся на стул и принялся обдумывать письма.

Внезапно раздался стук в дверь. Землянин вздрогнул, привычный к сканерам дома и не знающий, что таят за собой двери на Венере, и наконец ответил:

— Войдите.

В комнате появилась женщина — молодая, довольно хорошенькая, с грациозной походкой и рыжими волосами, от сияния которых перехватывало дыхание. Холодные зеленоватые глаза оценивающе пробежались по фигуре Холлистера.

— Меня зовут Барбара Брендон,— представилась женщина.— Административный Ассистент Воздушного Контроля.

— А-а... Здравствуйте.— Холлистер предложил ей сесть.— Вы здесь по делу?

В равнодушном голосе женщины появились веселые нотки.

— В некотором смысле. Я собираюсь выйти за вас замуж.

Холлистер едва не потерял дар речи от удивления.

— Что вы имеете в виду? — произнес он слабым голосом.

Барбара, наконец, уселась на стул.

— Все достаточно просто. Мне тридцать семь лет. Это у нас максимально допустимый возраст безбрачия, за исключением специальных случаев.

Она добавила с кротким, очень женственным выражением на лице:

— Имеется в виду венерианский возраст, конечно. Я увидела вас здесь и просмотрела ваши записи: наследственность вполне нормальная. Потом я подумала, и... «Попс» (то есть, Популяционный Контроль) одобрил это с генетической точки зрения, и Служба Охраны тоже дала согласие.

— М-м-м... видите ли...— Холлистеру внезапно захотелось иметь огромную комнату, по которой можно было бы расхаживать из угла в угол. В конце концов, он уселся на стол и начал болтать ногами.— Мне разрешается иметь свое мнение по данному вопросу?

— Вы можете, конечно, выдвинуть любые возражения, и они будут внимательно выслушаны. Но вам надо, в конце концов, родить с кем-нибудь ребенка, и как можно скорее. Наша планета нуждается в детях. Честно говоря, я считаю, что совместимость у нас будет идеальной. Вы часто ездите по командировкам, так что мы друг другу не будем надоедать, а когда окажемся вместе, то, вероятно, сможем поладить друг с другом.

Холлистер нахмурился. Его волновала не столько моральная сторона вопроса, сколько... На Земле он был холост, но агенту секретной службы вовсе незачем жениться. В любом случае, закон посмотрел бы сквозь пальцы на все его поступки на Венере, если он когда-либо вернется домой. Но что-то во всем поведении женщины раздражало Холлистера.

— Я не вижу необходимости в правилах, заставляющих людей размножаться,— сказал он холодно.— Вам не понять, какая борьба идет на Земле ради снижения показателей рождаемости до приемлемых значений.

— Здесь все по-другому,— ответила в том же тоне Барбара Брендон.— Нам нужно много людей для будущей работы, причем они должны иметь хорошую наследственность. Люди, страдающие с рождения какими-то недостатками, не могут иметь детей, чтобы оправдать свое суще-

ствование; если вы знаете, здесь существует программа эвтаназии. Но новые люди также требуются в других местах. Этот город, например, может разместить только прирост населения за год. Мы не можем посылать излишек детей в специальные ясли, потому что не хватает воспитателей и врачей, так что матери должны заботиться о всех своих детях; или же отцы, если они работают в городе, а их жены находятся на полевых стройках. Весь процесс ДОЛЖЕН идти по правилам.

— О, правила! — Холлистер взмахнул руками. — Посмотрите на дерзкого нарушителя!

Женщина выглядела взволнованной.

— Будьте поосторожнее в выражениях. — Она улынулась ему с непонятной грустью в глазах. — Это не будет для вас чересчур обременительно. Все должно строиться на добровольных началах, разве что... сюда включен пункт о рождении детей.

— Я... Все это так внезапно... — Холлистер с трудом выдавил из себя ответную улыбку. — Только не подумайте, я очень благодарен за столь высокую оценку моих достоинств. Но мне необходимо время для обдумывания, саморегулировки... Кстати, вы сейчас очень заняты?

— Нет, я совершенно свободна.

— Вот и прекрасно. Наденьте свое лучшее платье, и мы вместе сходим в бар выпить чего-нибудь. Там все и обсудим.

Барбара бросила застенчивый взгляд на свой тонкий цветной комбинезон и тихо сказала:

— Это и есть мое лучшее платье.

Нынешнее положение Холлистера позволяло ему посещать другой, более респектабельный бар, который отличался от той длинной, забитой людьми комнаты, где проводили свой досуг простые работяги. В этом баре были отдельные столики, скромные украшения, музыка. Здесь было тихо; аристократы-инженеры имели особую манеру поведения. На небольшом подиуме танцевали несколько пар.

Холлистер нашел свободный столик около изогнутой стены, сел и заказал вино и сигареты. Они были фантастически дорогими, но землянин слишком долго не позволял себе никаких излишеств, а теперь захотел с их помощью

расслабиться. Его спутница выглядела очень красивой в мягких лучах светильников бара.

— Ты родилась здесь, ведь так, Барбара? — спросил Холлистер после некоторой паузы.

— Конечно, — ответила она. — За последнее время ты первый иммигрант на планете. Было еще несколько депортированных, но...

— Я знаю. «Приговор временно откладывается при условии, что вы покидаете Землю». Это было еще до того, как все страны приняли новые законы. Ладно, неважно. Я просто хотел узнать, есть ли у тебя желание когда-нибудь посетить Землю.

— Вполне возможно. Но я нужнее здесь, а не там. И мне нравится на этой планете. — В голосе женщины слышался явный вызов.

Холлистер больше не настаивал. Светящиеся фрески на стенах демонстрировали мягкий, далекий от реальности пейзаж с реками и озерами, а на потолке бара мерцали искусственные звезды.

— Ты представляешь себе будущее Венеры именно таким? — поинтересовался Холлистер.

— Вообще-то, да. Пожалуй, без звезд, потому что здесь все время облачно. Но облака будут настоящими, ДОЖДЕВЫМИ. Нужно постараться дожить до начала этого.

— Барбара, — внезапно спросил Холлистер. — Ты веришь в Бога?

— Нет. А зачем? Конечно, некоторые люди в свободное время подрабатывают священниками, раввинами и кем-то еще... Но я не имею к этому никакого отношения. А почему ты спросил об этом?

— Ты не права, — уверенно сказал землянин. — Твой Бог — Венера. У вас здесь настоящее религиозное движение с логарифмической линейкой в руках.

— Что?.. — Барбара выглядела уже не такой убежденной; Холлистеру удалось сбить ее с толку. Зеленые глаза женщины широко раскрылись; в них появился испуг.

— Ветхозаветный Бог, — продолжал Холлистер, — безжалостный, всемогущий, жестокий. Если сможешь, достань где-нибудь Библию и прочти Иова и Экклезиаста. После этого поймешь, что я имею в виду. А когда дойдешь до Нового Завета... или даже пророка Михаила...

— А ты довольно забавный, — произнесла Барбара с

заминкой, потом нахмурилась, пытаясь ответить ему в том же духе.— После Большого Дождя все будет проще и легче. Наступит...— Она замолчала, вспоминая что-то,— ...наступит Рай.

— Но у тебя всего одна жизнь,— сказал Холлистер.— Разве существует какая-нибудь веская причина, чтобы тратить ее вот так, сидя взаперти в железных коробках, сталкиваясь со смертью чуть ли не каждый день, когда есть возможность спокойно отдыхать на морском побережье планеты Земля, где уже есть все, за что ты борешься здесь?

Барбара схватила Холлистера за руку. Пальцы женщины были холодными; она дышала взволнованно и часто.

— Нет! Не говори такого больше! Ты же вместе со мной находишься на Венере. Ты приехал сюда...

ИЗЫДИ, САТАНА...

— Извини,— смущенно произнес землянин и поднял свой бокал.— Меня, кажется, не туда занесло.

Барбара чокнулась с ним, все еще неуверенно улыбаясь.

— На Венере нет пенсионеров, не так ли? — вдруг спросил Холлистер.

— Есть, но это не очень ярко выражено. Старые люди получают более легкую работу. А когда становишься совсем уж дряхлым, неспособным выполнять какие-либо поручения... что ж, в этом случае применяется эвтаназия.

Холлистер кивнул, хотя на самом деле думал иначе. Однако Барбара этого не заметила.

— Я просто подумал... стоит ли говорить об окружающих розариями коттеджах, о тихом закате жизни. Всей этой чепухе в стиле Дерби и Джоан.

Она улыбнулась и, протянув руку, легонько погладила Холлистера по щеке.

— Спасибо,— прошептала она.— Может быть, к тому времени, когда мы состаримся, у нас будут окруженные цветами коттеджи.

Внезапно Холлистер резко повернулся, увидев боковым зрением приближающегося к ним мужчину. Возможно, причиной этому также было внезапно смолкнувшее бормотание голосов в баре. Мягко ступая, человек подошел к столику, за которым сидели Холлистер и Барбара, и устоялся на них сверху вниз; потом взял стул и уселся рядом.

— Привет, Карсов,— вяло поздоровался землянин.

Охранник едва заметно кивнул головой. На губах его играла странная улыбка.

— Как поживаете? — спросил он, впрочем, не ожидая ответа. — Я рад, что вы почти освоились с нашей жизнью. Кстати, ваш босс дал очень хорошую характеристику после вашей совместной работы.

— Спасибо, — сказал Холлистер, не в силах скрыть дрожь в голосе. Ему не нравилось напряжение, которое он ощущал в поведении Барбары.

— Я как раз проходил мимо и решил, что вам будет интересно узнать о вашем собственном экипаже, которым будете руководить в следующий раз, — сказал капитан. — То есть офис Воздушного Контроля дал мне такую рекомендацию.

Карсов лукаво посмотрел на Барбару.

— Вы случайно не имеете к этому отношения, мисс Брендон? Вполне возможно! — Глаза капитана неотрывно уставились на сигареты, пока Барбара не предложила ему закурить.

— Но позвольте... — Холлистер с трудом сдерживал гнев, стараясь говорить вежливо. — Я здесь новый человек, и некоторые вещи мне пока неизвестны. Почему ваш офис должен принимать подобные решения?

— Мой офис должен принимать любые решения, — бесцветным голосом произнес Карсов.

— Кажется, имеют значение чисто технические вопросы, пока моя характеристика чиста.

Капитан покачал прилизанной головой.

— Вы не понимаете, о чем я говорю. Мы не можем ставить кого-то на ответственный пост, если не доверяем ему в полной мере. Это не только вопрос воздержания от преступных действий. Вы должны быть С НАМИ все время. Не держа камень за пазухой. Вот для чего существует Психоконтроль и Охранники.

Капитан выпустил дым через нос и равнодушно продолжил:

— Должен сказать, что ваше поведение не всегда было правильным. Вы сделали несколько замечаний, которые могут быть... неправильно истолкованы. Я готов объяснить это тем, что вы не привыкли еще к венерианским условиям, но... вам же известно о законе об антиправительственной агитации.

Несколько мгновений Холлистер боролся с собой, чтобы не броситься с кулаками на капитана.

— Мне очень жаль,— произнес он наконец.

— Помните, что микрофоны установлены везде, и мы производим выборочную проверку всех людей. В любой момент вы можете подвергнуться повторному наркотестированию, если я прикажу. Но пока, мне кажется, в этом нет необходимости. То, что вы частенько пребываете в дурном настроении, совершенно естественно. Кстати, если имеете какие-то серьезные жалобы, можете предоставить их в местный Технический Совет.

Холлистер мысленно взвесил свои возможности. Карсов что-то затевает... Но внезапное проявление покорности вызвало бы не меньшую подозрительность.

— Я не совсем понимаю, почему полиция так заполицирована,— осмелился он.— Похоже, обычной сдерживающей силы было бы достаточно. В конце концов... куда денутся мятежники?

Холлистер услышал испуганный вздох Барбары. Но капитан, казалось, был невозмутим.

— Видите ли, сюда включены многие факторы,— начал он.— Например, некоторые колонии не испытывали особой радости по поводу вхождения в состав Федерации Венеры. Они предпочитали остаться со своими метрополиями или даже сохранять независимость. Все эти вопросы решены, но все равно за ними до сих пор нужен глаз да глаз. И потом, лучше всего обеспечивать здоровое общество на Венере, пока оно сравнительно новое и уязвимо для подрывных радикальных идей. Корпус Охраны, наконец,— это ядро нашей будущей армии и космической навигации.

Холлистер чуть было не спросил, зачем нужны Венере вооруженные силы, но вовремя осекся. Ответ капитана состоял бы из таких же общих фраз о земных империалистах, если Карсов вообще удостоил бы его ответа. Он и так слишком много рассказал.

— Все ясно,— сказал Холлистер.— Спасибо за объяснение.

— Может быть, хотите выпить с нами, сэр? — робко спросила Барбара.

— Нет,— решительно ответил Карсов.— Меня уже ждут. Работа, бесконечная работа...— Он встал из-за стола.— Я думаю, вы вполне приспособитесь к нашим условиям, Холлистер. Просто следите за своими словами... и мыс-

лями. Да, кстати, чуть не забыл. При данном положении вещей вам лучше пока не писать писем домой. Это могут неправильно понять. Лучше используйте одно из стандартных сообщений; выйдет гораздо дешевле, между прочим.

Карсов раскланялся и гордо удалился.

Взгляд Холлистера проводил его до самой двери. ЧТО ЕМУ ИЗВЕСТНО?

— Пойдем потанцуем,— сказала Барбара. В ее голосе слышалась мольба.

Они постепенно расслабились, следуя ритму негромкой музыки. На время Холлистер забыл о Карсове. Все его чувства и мысли сосредоточились на хрупкой и гибкой женщине, танцующей рядом, и он ощутил прилив давно забытого желания.

На следующий венерианский день землянин позвонил Ямашите. Они отлично провели время вместе и договорились устроить вечеринку, куда Холлистер собирался привести Барбару. Но когда он уже собирался уходить, Ямашита отозвал его в сторону.

— Будь осторожен, Сай,— прошептал он.— Когда я вернулся, ОНИ появились через несколько часов и начали со всех сторон атаковать меня вопросами о тебе. Я должен был все рассказать — ты же знаешь их умение выпытывать. Если бы я заколебался хоть на мгновение, мне бы устроили «нарко». Не думаю, что ты уже попал в беду, просто будь осторожен.

Барбара устроила все так, что ее отпуск совпал с его выходными,— поистине неутомимая женщина! Они проводили вместе почти все время. Оставалось совсем немного дней до их свадьбы, может быть, слишком поспешной, но Холлистеру вскоре предстояло отправиться в длительную командировку, и, кроме того — что греха таить! — они полюбили друг друга. При данных обстоятельствах это было неизбежно. Удивительно, как быстро разрушилась холодная самоуверенность Барбары, но благодаря этому она стала намного ближе и желаннее.

Холлистер чувствовал себя подлецом, но... может быть, он все-таки поступил правильно. *Carpe diem**. Если-ему когда-нибудь удастся выбраться из этого кошмара, он

* Пользоваться моментом. (Прим. перев.)

непременно заберет Барбару с собой; а пока пришлось мириться с новым препятствием в его миссии. Казалось, эти бесконечные трудности будут длиться вечно,— всю жизнь.

Молодожены отправились на дорогой первоклассный курорт у Грозового Ущелья, чтобы провести там короткий медовый месяц. Здесь было одно из немногих мест на Венере, которое отличалось естественной природной красотой. Атмосфера в домике была расслабляющей, приятной и спокойной; ни одного Охранника поблизости и максимум уединенности. Психоконтроль был достаточно проницательным, чтобы понять, что людям иногда требуется убежать от унылой работы, отвлекаться от реального мира, состоящего из песка, стали и камня. Это помогало им не сойти с ума.

Даже при этом процент душевных заболеваний на Венере был очень высоким. Это была запретная тема, но Холлистер однажды напоил одного врача и выудил из него кое-какие факты. Психов не отправляли обратно на Землю, так как они там были бы без присмотра, к тому же могли слишком многое выболтать. На Венере тоже не было учреждений для соответствующего их лечения. Если самые сильнодействующие процедуры за короткое время не восстанавливали пациента до какой-либо степени полезности,— они подчас выдерживали самую жестокую фронтальную лоботомию! — то его тихо устранили.

— Вс-се будет ин-наче пос-с-ле Большого Дождя,— бормотал врач.— Мой сын б-будет иметь свою клинику... да.

Холлистер все больше сомневался в этом.

Прошло еще несколько восхитительных безумных дней, и отпуск закончился. Влюбленные полетели на ракете обратно в Нью-Америку, и Холлистер впервые увидел слезы Барбары.

Он оставил ее сидящей с несчастным выражением на лице в маленькой двухкомнатной квартире, которую они теперь снимали; Барбара пыталась собраться с силами, чтобы разложить по местам небольшую стопку своих вещей, а Холлистер отправился в Воздушный Контроль. Старший ассистент вручил ему толстую кипу бумаг.

— Здесь приказы и распоряжения,— объяснил он.— Вы можете изучать их в течение двух дней.

Холлистер, запоминая массу информации за несколько часов, почувствовал прилив радости от мысли, что будет иметь кучу свободного времени. Служащий откинулся на спинку стула. Это был немногословный старик с узловатыми пальцами, которого посадили за канцелярскую работу после долгих лет тяжелых полевых работ. На его щеке виднелись характерные складки от рубцов после перенесенной операции — скорее всего рак, на Венере не было микробов, но существовало множество подобных смертельных ловушек.

— Послушайте несколько минут, я кое-что вам расскажу,— сказал служащий.

Он показал на большую карту, висевшую на стене. Ее нельзя было назвать ни точной, ни особенно полной; геодезическая съемка на планете была утомительной, и в этой области мало что делалось.

— Мы устанавливаем новый лагерь вблизи от Последнего Шанса,— продолжал ассистент.— Заметьте, что Малая Москва, Троллен и Стоянка Роджера сгруппированы вокруг в среднем на расстоянии двухсот километров, так что проблема получения припасов, отлучки в увольнение и прочие вопросы легко решаются. Я сомневаюсь, сможете ли вы появиться здесь до того, как закончите свою работу в лагере, то есть через пару лет.

А Барбара останется одна, вместе с ребенком, которого я никогда не увижу...

— Вы пойдете примерно таким маршрутом,— говорил старик, ведя по пунктирной линии, идущей от Нью-Америка.— Этот маршрут уже пройден, и он достаточно безопасен. Обратите внимание: на полдороге, в восточном направлении есть указатель к Люциферу. Там можно дозаправиться и пополнить запасы продуктов.

Холлистер нахмурился, пытаясь сосредоточиться на своей задаче.

— Я чего-то не понимаю. Почему бы не взять несколько дополнительных вагонов, вместо того, чтобы ехать окольными путями?

— Таков приказ,— кратко ответил ассистент.

ЧЕЙ ПРИКАЗ? ЭТО КАРСОВ, ГОТОВ ПОКЛЯСТЬСЯ СВОИМ ШЛЕМОМ. НО ЗАЧЕМ?..

— Ваш экипаж будет... не совсем обычным,— сказал старик,— состоящим преимущественно из жителей Куидад Альказар, местечка, расположенного на другой стороне

мира. Это одна из самых непокорных колоний. Когда Венера объявила о независимости, к ней пришлось применять силу, и там до сих пор не сломлен мятежный дух. Эти ребята крепкие орешки; их послали в наше полушарие, чтобы они не устраивали бунта у себя дома. Я прочитал в вашем досье, что вы, в числе других языков, владеете испанским, и это одна из причин, почему вам доверили этот отряд. Будьте с ними построже, держите в узде.

Я ДУМАЮ, ЧТО ЗА ЭТИМ КРОЮТСЯ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ПРИЧИН.

— Все подробности изложены в книге, — сказал напоследок ассистент. — Необходимо доложить через два дня, в это же время. Желаю успеха!

Старик позволил себе улыбнуться, потому что его миссия была окончена.

V

Темнота и вихри ядовитой крупы превратили здания в притаившихся черных монстров, едва различимых за окружающим неровным кольцом скал. Холлистер подъехал на своем танке к стоянке перед башней и был ослеплен лучом прожектора.

— Сиди тихо, Диего, — приказал он и скинул шлем.

Его главный ассистент по фамилии Фернандес молча кивнул черноволосой головой. Он был достаточно компетентен и оказался хорошим помощником в поддержании порядка в непокорном экипаже, но всегда оставался холоден со своим боссом. В его глазах хранилась какая-то тайна.

Холлистер пробрался через воздушный шлюз и прыгнул на землю. Человек в бронированном скафандре навел на него пистолет-пулемет, но опустил его, когда Холлистер приблизился. Вспышка белого света прожектора выхватила из темноты тупое лицо с выражением жестокости.

— Ты воздушный человек, который прибыл за подкреплением?

— Да. Могу я видеть вашего начальника?

Охранник отступил в сторону, давая Холлистеру возможность пройти. За затвором основного каркаса находилось помещение, где сидели вооруженные люди. Землянина провели во внутренний офис. Там его встретил мужчина средних лет в униформе охранника. Он широко улыбнулся Холлистеру.

— Как добрались? Мы получили информацию о вашем приезде. Все необходимое есть у нас на складе, так что вы сможете погрузить припасы в вагоны, когда только захотите.

Холлистер сел на стул.

— Я капитан Томас,— вмешался в разговор другой охранник.— Очень рад видеть вас. К нам на Люцифер почти никто не приезжает, вернее, приезжают не те люди, с кем можно поговорить. Как там дела в Нью-Америке?

Они немного поболтали на общие темы.

— У нас здесь есть совершенно замечательная установка,— похвастался капитан в конце беседы.— Хотите посмотреть на нее?

На лице Холлистера появилась недовольная гримаса.

— Нет, спасибо.

— О, я настаиваю. Должны непременно пойти вы сами, ассистент и парочка членов экипажа. Поверьте, все будет очень интересно, и вы сможете рассказать об этом остальным. Они обрадуются хоть каким-то новостям.

Холлистер размышлял, стоит ли отказываться сразу или заставить Томаса раскрыть карты. Но к чему суетиться? Карсов отдал приказ, а Томас, если необходимо, поведет его смотреть установку под дулом пистолета.

— Хорошо, спасибо,— произнес Холлистер холодно.— Только вначале позвольте мне разместить своих людей.

— Конечно-конечно. У нас есть несколько свободных казарм, для командированных. Я жду вас через два часа... с тремя членами экипажа, запомнили?

Диего Фернандес только кивнул, когда узнал от Холлистера об этой странной просьбе. Он выдавил из себя некое подобие улыбки.

— Только не забывайте охать и ахать,— предупредил Холлистера ассистент.— Наш гостеприимный хозяин будет разочарован, если вы этого не сделаете, а он не любит разочаровываться.

Жгучие глаза Фернандеса посмотрели на землянина насмешливо, но потом снова потухли.

— Я возьму Гомеса и Сан-Рафаэля,— сказал он.— У них крепкие желудки.

Томас принял их, рассыпаясь в елейных выражениях, и начал прогулку с отделений.

— Вам, как инженерам, интереснее всего было бы посмотреть на самую шахту,— сказал он.— Но я покажу небольшую ее часть. Это самое большое урановое месторождение в Солнечной системе.

Капитан провел их к большому блоку камер, где стоял охранник с ружьем наперевес.

— Будьте внимательны,— предупредил Томас.— У нас есть отчаянные парни, которым нечего особенно терять.

— Все приговоренные к пожизненному заключению? — спросил Холлистер.

Томас выглядел удивленным.

— Конечно! Мы не можем позволить им вернуться обратно, после того что радиация проделала с их генами.

Какой-то человек загрохотал засовом на двери, когда они проходили.

— Я из Нью-Америки! — внезапно хрипло закричал он. Эхо его голоса гулко отозвалось в каземате стальных стен.— Ты случайно не знаешь мою жену? Марта Рейли... С ней все в порядке?

— Заткнись! — рывкнул охранник и направил на человека шокер. Тот, шатаясь, исчез в темноте камеры. Его сосед, лицо которого было обезображено раком, усадил пострадавшего на койку.

В конце длинного ряда камер раздался еще чей-то вопль. Охранник бросился туда, но быстро вернулся. Голос издали жалобно причитал:

— Это ночной кошмар... кошмар... Какая-то дрянь заползла в мои мозги, и теперь мне каждую ночь снятся кошмары...

— Через некоторое время у них начинаются судороги,— объяснил Томас.— Губительное вещество БУДЕТ просачиваться через костюмы и оседать в их телах. Тогда они, кроме рытья канав, ни на что больше годиться не будут. Не бойтесь, джентльмены, мы позаботились о безопасности посетителей и охранников.

Предохранительная одежда была выдана в конце ряда камер. За двойной дверью находилась крутая тропа, которая оканчивалась краем карьера, теряющегося вдали, в сумерках.

— Пока еще запасы достаточно велики, чтобы вести открытые разработки,— сказал Томас,— хотя мы начинаем также прорабатывать туннели.— Он показал на гигантский экскаватор, около которого шевелились крошечные тени обреченных людей.— Продолжительность смены четыре с половиной часа, из-за радиации. Не верьте слухам, что мы не заботимся о своих ребятах. Многие из них доживут до тридцати лет.

У Холлистера пересохло в горле, и он еле удержался от соблазна стащить с капитана противогаз и толкнуть этого самоуверенного тупицу вниз, в карьер. Вместо этого землянин медленно спросил:

— Как насчет женщин-заключенных? Я слышал, что они тоже здесь работают.

— Ах да. Они находятся вместе с мужчинами. Мы верим в равенство на Венере.

В наушниках раздался сдавленный вздох, но Холлистер не понял, чей он.

— Работа здесь очень ответственная,— гордо продолжал Томас.— Мы очищаем руду прямо на месте, вы же знаете. Она не только обеспечивает потребности Венеры в ядерной энергии, но и экспортируется на Землю, в обмен на необходимые нам товары.

— Зачем использовать труд каторжников? — рассеянно поинтересовался Холлистер. Его воображение было захвачено картиной выжигания инициалов на скелете Томаса.— Вы можете использовать свободных людей, приняв соответствующие меры предосторожности. Это было бы гораздо эффективнее и экономичнее с точки зрения рабочей силы.

— Вы, наверное, не совсем понимаете ситуацию.— Капитан выглядел шокированным.— Они же враги государства!

Я ЧИТАЛ ОБ ЭТОМ В КНИГАХ ПО ИСТОРИИ, ЧТО ЭТО ЗА ГОСУДАРСТВО, У КОТОРОГО СТОЛЬКО ВРАГОВ?

— Установка по рафинированию, наверное, вас не очень заинтересует,— заметил Томас.— Стандартная процедура, которую выполняют неполитические заключенные, работающие под защитой. Они довольно опытные мастера и слишком ценны, чтобы их терять. Но все равно, каким бы умным или искусным ни был человек, если он осужден за измену родине, то его обязательно направят в шахту.

ЭТО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ... ИЛИ ПРОВОКАЦИЯ?

Когда они возвращались обратно в офис, Томас широко улыбнулся:

— Я надеюсь, вам, джентльмены, понравилась эта прогулка. Если когда-нибудь приедете сюда вновь, заходите в гости.

Он протянул руку для пожатия. Холлистер повернулся на каблуках, проигнорировав его жест, и вышел.

Он просто не мог пожать ему руку.

Холлистера несколько удивило, что после визита на Люцифер он стал более популярен в своем экипаже. Те трое, посетившие вместе с ним шахту, заметили его отвлечение и рассказали об этом остальным. Но он и сам старался заслужить их дружбу, хотя делал это ненавязчиво: обращался со всеми вежливо, наравне с другими участвовал в строительстве лагеря, внимательно выслушивал все жалобы на плохое самочувствие и не считал своих людей симулянтами. Это привело к некоторым неприятностям. Один из рабочих, который явно прикидывался больным, был снова отправлен на работу, где попытался симулировать травму. Холлистер одним ударом отправил его на пол. Оглянувшись на остальных, он медленно произнес:

— В этом лагере не будет наказания плетью, потому что я не верю в подобные методы перевоспитания. Но я намерен оставаться здесь главным, и поэтому работа должна делаться хорошо.— И заключил, легонько подтолкнув ногой упавшего человека:— Ну что ж, теперь возвращайся на место. Считай, что я все забыл, и в твоей характеристике не прибавится неприятных записей.

Холлистер не чувствовал гордости за свой поступок — провинившийся был гораздо меньше ростом и слабее его. Но дисциплину нужно было поддерживать так или иначе, а все венерианцы, казалось, ожесточились до такой степени, что все свои споры решали при помощи кулаков. Это было неизбежным следствием их типа правления и предвещало неприятности в будущем.

Немного позже его специалист по радиоэлектронике Вальдес, маленький паренек с мягким голосом, у которого в лагере, казалось, не было друзей, выбрал момент поговорить со своим боссом.

— Сдается мне, что у вас есть необычные идеи насчет нашей шахты, сеньор,— начал он.

— От меня требуется установить эйрмейкеры,— удив-

ленно произнес Холлистер.— По-моему, все идет по графику.

— Я имею в виду ваше обращение с людьми, сеньор. Вы самый лояльный шеф из всех, с кем мне довелось работать. Осмелюсь сказать, что многие это оценили, но некоторые просто сбиты с толку. Если позволите, я дам вам совет... было бы лучше, если бы они знали точно, чего им ожидать.

Холлистер почувствовал себя растерянным.

— Справедливости, если они хорошо выполняют свою работу. Что же в этом странного?

— Но некоторые из нас... из них... имеют кое-какие политические странные идеи.

— Это их дело, сеньор Вальдес.— Холлистер решил показаться более человечным в глазах техника.— У меня тоже есть кое-какие собственные идеи.

— О да. Значит, вы разрешаете вести свободные дискуссии в казармах?

— Конечно.

— Я спрятал микрофоны вполне надежно. Вы хотите прослушивать записи каждый день или мне просто готовить вам краткий доклад?

— Я не хочу ничего прослушивать,— отрезал Холлистер.

— Но они же могут замышлять измену!

Холлистер рассмеялся и махнул рукой в сторону серой непроницаемой стены.

— Посреди ВСЕГО этого? Что хорошего принесут им эти разговоры? — И мягко добавил: — Можете говорить между собой на любые темы. Я инженер, а не агент тайной полиции.

— Я понимаю, сеньор. Верьте мне, и я отплачу вам тем же.

Через три дня Вальдес погиб.

Холлистер послал его с отрядом для проведения испытаний рабочих характеристик первого из новых эйрмейкеров. Но рабочие вернулись взволнованные и сообщили, что в результате короткого внезапного камнепада техник Вальдес погиб. Холлистер нахмурился, скорее для того, чтобы скрыть свою жалость к бедному одинокому маленькому парню.

— Где же его тело? — спросил он.

— Осталось там, сеньор, где же еще?

Холлистер знал, что это было обычное явление — оставлять погибших на полевых работах именно там, где их настигла смерть. А когда венерианские ветры поработают над телом, то из трупа уже не получится никаких удобрений. Но...

— Разве я не **объявлял** о моих правилах? — огрызнулся Холлистер. — Я думал, что вы все согласитесь с ними. Мы должны сохранять тела умерших, пока не вернемся в город и не похороним их по-человечески. Разве не этого требует ваша религия?

— Но Вальдес, сеньор...

— Это не имеет значения! Сейчас же вернитесь за ним и принесите сюда. — Внимание Холлистера переключилось на проблему заполнения вакансии. Контролю не понравится, если он так скоро обратится за заменой. Впрочем, ее там не так-то просто найти. Что ж, придется поручить Фернандесу работу с самыми простыми вещами и взять на себя более сложные задачи.

В этот вечер Холлистеру было особенно одиноко сидеть в своей комнате, и он остро ощущал свою отдаленность от подчиненных; землянин слишком устал, чтобы написать еще одну страницу письма к Барбаре и уже собрался было спать. Внезапно в дверь постучали. Холлистер вздрогнул и подумал про себя, что нервы желательно подлечить.

— Войдите!

Это был Диего Фернандес. Холодный белый свет флюоресцентных ламп подчеркивал выражение ужаса в его глазах и трясущиеся губы.

— Добрый вечер, Симон, — сказал ассистент. Он уже называл шефа по имени, хотя в обращении использовал вежливое формальное «вы».

— Здравствуй, Диего. Что случилось?

Фернандес закусил губу и уставился в пол. Холлистер не торопил его. Снаружи бушевал ветер, и причудливые зубцы молний с шипением пересекали темное небо. Однако комната находилась на большой глубине, что обеспечивало относительную тишину.

Наконец Фернандес поднял глаза.

— Есть кое-что такое, чего вы могли не знать. Впрочем, наверное, уже знаете.

— Наверное, все-таки нет, Диего. Не бойся. Здесь нет никаких записывающих устройств.

— Тогда... В общем, Вальдес погиб не случайно. Его убили.

Холлистер замер, потрясенный.

— Вы не смотрели на тело вблизи, не так ли? — продолжал Фернандес, осторожно произнося слова. — Я раньше уже видел костюмы, разорванные от летящих камней, но... Эта дыра была совсем иная. Ее сделали каким-то инструментом, скорее всего, сверлом, работающим на сжатом воздухе.

— И тебе известно, почему это сделали?

— Да. — Лицо Фернандеса передернулось. — Я не могу сказать, что его смерть неожиданна для меня. Вальдес был шпионом. Он работал на правительство.

Холлистер почувствовал холодок внутри.

— Откуда это известно тебе?

— О таких вещах обычно знают все. Когда... венерианцы захватили Альказар, Вальдес с огромной энергией и рвением работал на полицию. Он всегда верил в конфедерацию и независимость планеты. Потом он исчез, как было сказано, по какому-то инженерному назначению. Но у Вальдеса был брат, который гордился тем, что в жилах его течет кровь настоящего идадьго. Он захотел смыть позор со своей семьи, предупредив кое-кого о том, что Вальдес-младший заодно с Охранниками. Брат сказал это по секрету, но, как это часто бывает, большинство жителей Альказара узнали обо всем. Тогда людей, которые боролись против захватчиков, спровадили сюда, на другую сторону мира, а мы здесь не очень часто получаем отпуск домой, даже на короткое время. Но мы ПОМНИЛИ и узнали Вальдеса, когда он появился здесь. Поэтому как только у наших людей появился шанс отомстить, они воспользовались им.

Холлистер посмотрел прямо в карие глаза Фернандеса.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — спросил он.

— Я даже... не знаю. Просто вы были хорошим шефом. Будет лучше, если мы сможем уберечь вас от неприятностей, которые могут произойти из-за этого случая.

ЕЩЕ БЫ! ВО-ПЕРВЫХ, Я УЖЕ ПОЧТИ РАССКАЗАЛ ВАЛЬДЕСУ, ЧТО Я ДУМАЮ О ПРАВИТЕЛЬСТВЕ, ЗНАЧИТ, ОН МОГ СООБЩИТЬ ОБ ЭТОМ В ПОСЛЕДНЕМ РАДИООТЧЕТЕ. А ТЕПЕРЬ ОН МЕРТВ. Холлистер заговорил, тщательно подбирая слова:

— Ты не считаешь, что лучший путь, который я могу выбрать для спасения, это... обвинить тех людей?

— Они тогда будут отправлены на Люцифер, Симон.

— Да, я знаю.— Холлистер взвешивал все за и против, удивляясь своему отрешенному спокойствию. С одной стороны был он сам, Барбара и его собственная миссия; с другой — полдюжины человек, которые доказали бы свою значимость в будущем — для которых становилось все более ясно, что суверенное состояние Венеры должно быть уничтожено, чем скорее, тем лучше.

Холлистер после некоторой заминки сбросил со счетов собственную личность; обучение его как агента ООН было слишком хорошим, чтобы он мог думать о себе. В его голове внезапно пронеслась знакомая мелодия. «ВОТ КАК НУЖНО ПЕ-РЕ-ДЕ-ЛАТЬ». Но речь шла не о нескольких людях, подумал Холлистер; весь экипаж, примерно пятьдесят человек, был под угрозой. Рассчитанный первоначально риск увеличился на порядок.

— Я ничего не слышал от тебя,— сказал землянин вслух.— Никаких подозрений не было. Ясно, что Вальдес погиб случайно — настолько ясно, что вопросов не должно возникнуть.

Вспотевшее лицо Фернандеса осветила улыбка.

— Спасибо, Симон!

— Спасибо ТЕБЕ, Диего! — С этими словами Холлистер протянул ему бутылку с вином — боссу разрешалось иметь небольшой запас выпивки,— и Фернандес ушел.

Боссу также разрешалось владеть автоматическим пистолетом типа «магнум», калибра 0,45. Это было единственное оружие в лагере. Холлистер вытащил его и тщательно проверил. Был ли это классический вердикт жюри коронера*, выносившегося много лет назад в Штатах? «Деяние Бога при очень подозрительных обстоятельствах». Холлистер усмехнулся сам себе, но усмешка вышла невеселая.

* Следовательно, ведущий дело о насильственной и скоропостижной смерти. (прим. перев.).

Ракета приземлилась через три дня. Холлистер, которому по радио объявили о прибытии, но не сказали, зачем дежурить, ждал снаружи. Площадка для приземления была гладкой и имела определенные отличительные знаки, и землянин чувствовал присутствие всех своих людей; видел танки и бульдозеры, припаркованные вблизи. Это было предусмотрено на всякий случай, если понадобится подмога: Холлистер надеялся, что все будут на его стороне, если случится беда. Мощные воздуходувки и сварочные аппараты были потенциально грозным оружием, а танки и бульдозеры могли заменить в крайнем случае бронированные машины.

Дул легкий бриз, непривычный для Венеры, но он принес с собой плотную тучу песка на изломанную равнину. Небо покрылось пылью, которая, казалось, похоронила под собой и землю. Даже сквозь шлем и наушники Холлистер слышал завывания ветра и раскаты грома вдали.

Но внезапно в небе появились новые звуки: шум реактивных двигателей, потом быстро нарастающее гудение летящего гладкого металлического предмета. Триммеры ракеты были полностью развернуты для компенсации тяги вверх; угадывались точные резкие команды пилота, направляющего свою слегка отклонившуюся от цели машину к опознавательным знакам посадочной полосы. Колеса ударились о плотно утрамбованный песок, подняв тучу пыли; посадочные закрылки были выпущены, и корпус ракеты задрожал от тормозного импульса в носовом двигателе. Наконец все стихло.

Холлистер быстрым шагом направился к ракете. Даже при малых размерах воздушного шлюза ему пришлось прождать пару минут, пока не появились две облаченные в скафандры фигуры. Конечно, это был сам пилот и...

— Барбара!

Ее изможденное лицо мелькнуло за прозрачной пластиковой скафандра, и Холлистер обратил внимание, что ее прекрасные рыжие волосы теперь были растрепаны. Он обнял женщину за плечи и услышал, как стукнулись друг о друга их шлемы.

— Барбара! Каким ветром тебя занесло сюда? У тебя все в порядке?

Она попыталась улыбнуться.

— Не нужно так кричать. Давай отойдем подальше.

Пилот остался около ракеты, давая указания по выгрузке небольшого количества оборудования, которое они привезли. Ни одна космическая поездка не проходила впустую. Фернандес мог справиться здесь и без своего босса. Холлистер повел жену к себе домой. По дороге они не проронили ни слова.

Пальцы Барбары были очень холодными.

— Что случилось, Барбара? — спросил Холлистер, когда они, наконец, вошли в комнату. — Чем я обязан столь приятному визиту?

Она отвела глаза и ответила неуверенно:

— Все очень просто. Нам же нужен ребенок! Пока ты на полевых работах, мы все время в разлуке... а от меня требуется вскоре стать матерью. Вот почему для меня организовали... что-то вроде отпуска. Я пробуду здесь десять дней.

Это равнялось почти месяцу в земном исчислении. Невслыханная роскошь! Холлистер уселся на койку и начал размышлять.

— Что с тобой? — Барбара взъерошила его волосы. — Разве ты не рад мне? Или у тебя в Троллене появилась девушка?

Холлистер понял, что в голосе женщины была какая-то фальшь. Конечно, с любой точки зрения, Барбара оставалась для него загадкой, но она не стала бы поддразнивать его с такой интонацией. Или она в самом деле думает...

— Мне это просто не нужно, — сухо ответил Холлистер.

— Конечно, нет, я же верю тебе, дурачок! — Барбара томно растянулась на постели. — Скажи, разве нам не чудесно будет вдвоем?

ДА-ДА... ЧУДЕСНО.

— За что нам такая награда?

— Я же говорила тебе, — удивленно произнесла Барбара. — Нам пора готовиться к рождению ребенка.

Холлистер сказал безжалостным тоном:

— Я не вижу в этом такой уж «горящей» необходимости. Не проще ли тебе обратиться к специалистам по искусственному оплодотворению. Совет одобрил бы такой поступок.

Землянин встал, схватил Барбару за плечи и заглянул ей прямо в глаза.

— Скажи, зачем ты приехала сюда?

Она вдруг начала плакать, что показалось Холлистеру еще более странным. Он принялся утешать жену, бормоча неловкие слова извинения и чувствуя себя подонком. Но что-то здесь было не так, и от него требовалось узнать, что именно.

Холлистер почти что потерял свою решимость за целый день. Он практически все время был снаружи, наблюдая за работой и помогая, и заметил, что несколько человек снова стали холодно относиться к нему. Может быть, это была идея Карсова — вбить клин между ним и его экипажем, дав ему такую неслыханную привилегию? Что ж, наверное, так оно и было, но ответы получены пока не на все вопросы. Когда Холлистер вернулся, Барбара уже распаковала свои нехитрые пожитки и успела — несколькими штрихами — придать его тусклому маленькому «спальному офису» вполне обжитой и домашний вид. Вместе с тем она была веселой, очаровательной и полной надежды, как всегда.

Ракета улетела, весь лагерь уснул; они распили бутылочку в честь прибытия Барбары и теперь молча сидели в темноте. В такие чудесные моменты легче всего потерять бдительность.

— Может быть, теперь ты будешь больше ценить Совет, — вздохнула Барбара. — Они все-таки не машины, а люди. И знают, что здесь находятся такие же люди, как они.

— «Люди» — очень широкое понятие, — вырвалось у Холлистера, почти автоматически. — Охранники на Люцифере тоже, кажется, люди.

Барбара протянула руку и потрепала его по щеке.

— На Венере еще не все так хорошо, как хотелось бы, — сказала она. — Никто и не говорит этого. Но после Большого Дождя...

— Ах да. Пряник впереди, кнут позади, а ослик все еще тащит тележку... Он не останавливается, чтобы спросить, куда же ведет дорога. Я мог бы привести тебе уравнения психодинамики, но даже элементарное обращение к истории доказывает: если определенная группа получает власть, она НИКОГДА ее добровольно не отдаст.

— Ты имеешь в виду Кемаля Ататюрка, далекий 1920-й год, не так ли?

— Ну-ну. Весьма замечательный случай: человек твердой закалки, практичный, он слыл идеалистом и поработал настолько хорошо, что его последователи — которые выросли при нем — не могли, да и не хотели продолжать диктаторство. Инспекторат ООН на Земле пристально изучал этот опыт и пытался применить... так, чтобы его собственная власть не стала в один прекрасный день притчей во языцех.

— Правительство Венеры не имеет с диктатурой ничего общего. Его тактика уже доказала это. На планете должна быть коллективная организация до Большого Дождя, я полагаю, но это не дает права никому «коллективизировать» умы людей. К тому времени, как эта чертова дыра станет пригодна для жизни человека, правительство уже почувствует себя достаточно уверенно. Основной принцип психобиологии: выживание с наименьшими усилиями. В человеческом обществе легче всего выжить и нагулять жир, управляя своими же согражданами.

— Это очень важно, что ты знаешь об Ататюрке. Какие сведения тебе известны о Советском Союзе? Государство там, кажется, совсем ослабело.

— А смог бы ты на самом деле... устроить заговор с целью восстания?..

ОПАСНОСТЬ! ОПАСНОСТЬ! КАК Я УМУДРИЛСЯ ВЛЯПАТЬСЯ В ЭТО? ЧТО Я ГОВОРЮ ? ПОЧЕМУ ОНА ЗАДАЕТ МНЕ ЭТИ ВОПРОСЫ? Одним прыжком землянин вскочил с постели и зажег лампу.

Яркий свет ослепил его, а Барбара закрыла лицо руками. Он мягко, но настойчиво отвел руки, преодолевая ее сопротивление. Лицо женщины показалось Холлистеру странно искаженным; черты его были вроде бы прежними, но в них появилось что-то нечеловеческое.

— Кто тебя втянул в это? — допытывался землянин.

— Никто... о чем ты говоришь, что случилось?

— За мной шпионит собственная жена, — сказал он горько.

— Что ты имеешь в виду? — Барбара села на постели, дико глядя на Холлистера через падающие на глаза волосы. — Ты сошел с ума!

— Ты **МОГЛА** бы стать шпионом?

— Я не шпион, — выдохнула она. — Клянусь, что...

— Я не спрашивал тебя об этом. Мне просто интересно, могла бы ты стать им?

— Я не... Это невозможно. Я...— Голос Барбары поднялся до крика, но плотные стены заглушали его.

— Карсов собирался послать меня на Люцифер, это так? — бросился в атаку Холлистер.

— Я не шпион. Я не...

Он продолжал засыпать ее вопросами, без перерыва, хлопая Барбару по щекам, когда у нее начиналась истерика. Первые две попытки кончились неудачей: женщина упала в обморок; Холлистер привел ее в чувство и продолжал, но в третий раз он решил прервать невыносимую процедуру и встал, задумчиво глядя на Барбару.

В нем не осталось ни злости, ни страха, ни даже жалости. Ощущалась только странная пустота; она поселилась в его черепе, и опустошенный человек словно автомат двигался по жизни, а в мозгу его как будто шелкали ржавые колесики, но внутри не было ничего... Он стал машиной.

ОНА ИДЕАЛЬНЫЙ ШПИОН. НО КАРСОВУ НЕ ДАНО ПОНЯТЬ, ЧТО ООНОВЦЫ ПРОШЛИ УЛУЧШЕННУЮ ПСИХОТРЕНИРОВКУ. МНЕ ЗНАКОМО ТО СОСТОЯНИЕ, В КОТОРОМ НАХОДИТСЯ БАРБАРА.

Работа была сделана превосходно, с использованием тех же лекарств, аппаратов и технологий обработки, что применялись к нему и придали ему маску новой личности. (Нет... не совсем тех. Венерианцы не знали, что мозг может быть настолько вербально обусловлен, чтобы выдержать наркотестирование; это был строжайший секрет Инспектората. Но принципы были те же). Барбара не помнила о посещении лаборатории, где ее подвергали обработке. Она не знала, что с ней произошло; женщина вполне сознательно верила в свои слова, и ей было мучительно сознавать, что любимый мужчина причиняет ей боль.

Но команда уже внедрена в ее сознание: любой ценой выудить подлинные мысли Холлистера. И она почти достигла цели. По возвращении Барбары ее наблюдения во всех подробностях будут извлечены из нее.

Но это могло сработать только при примитивной конспирации. Даже начиная подозревать самое худшее, нетре-

нированный человек не знал бы, как поставить в противоречие сознание и подсознание женщины, не распознал бы симптоматических реакций на то, чем они были.

ЭТО ЛОМАЕТ ВСЕ ПЛАНЫ, подумал Холлистер. **РАЗРУШАЕТ ИХ ДО ОСНОВАНИЯ.** У него не было специального оборудования, чтобы изменить сознание Барбары и отослать ее обратно с заведомой ложью, которая прошла бы психотехнику Охранников. Она знала уже достаточно, чтобы подтвердить подозрения Карсова. После доклада Барбары Холлистера бы арестовали, и из него начали бы вытягивать все секреты. Достигнут они успеха или нет, в любом случае от личности землянина уже ничего не останется.

Не посылать Барбару назад? Нет, это будет полное разоблачение тайны и в придачу принесет в жертву ее жизнь. Даже если она не попадет на Люцифер.

Что ж...

Во-первых, необходимо снять с нее психическую установку. Холлистер смог бы проделать такое за пару дней, с помощью простой гипнотерапии. Кроме того, в аптечке хранятся некоторые лекарства, которые вполне могут пригодиться. После этого...

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ НУЖНО ПОРУЧИТЬ ДИЕГО УПРАВЛЕНИЕ ОТРЯДОМ НА ЭТО ВРЕМЯ. ПУСТЬ ЛЮДИ ОБДУМАЮТ, ЧЕГО ОНИ ХОТЯТ, ИМ СКОРО ПРИДЕТСЯ О МНОГОМ ЗАДУМАТЬСЯ.

Холлистер оторвался от размышлений. Перед ним лежала, свернувшись калачиком, беззащитная женщина. Она будто пыталась укрыться от чего-то страшного. К землянину внезапно вернулись эмоции, и первое, что он почувствовал, это было огромное сострадание. Холлистеру даже захотелось плакать, но он сдержался. Время торопило его.

Барбара села на койке, прильнула к его груди.

— Да,— сказала она едва слышно.— Теперь я помню почти все.

— У тебя должен был родиться ребенок?

— Конечно... Они... убили его.— Рука женщины нашла его руку и крепко сжала.— Ты мог что-то заподозрить, если бы все осталось так, как было. Но мы снова сможем иметь детей... если, конечно, будем живы.

— Ты знаешь мнение Карсова обо мне?

— Он упоминал, что подозревает тебя как ооновца, но не уверен в этом. Ему нужно было доказать это наверняка, чтобы Технический Совет разрешил арестовать тебя. Потом... Нет, больше ничего не помню. Все, что произошло в той комнате, смешалось в голове...

Холлистер недоумевал, чем он выдал себя. Вероятно, ничем; ворчанье и недовольство было характерной чертой его новой личности, и никаких явных действий он не предпринимал. Но в конце концов, у Карсова работа такая — подозревать всех, а смерть Вальдеса толкнула его на отвратительный поступок.

— Ты хорошо чувствуешь себя, милая? — спросил Холлистер.

Барбара кивнула и повернулась к нему с едва заметной улыбкой на губах.

— Прекрасно. Только небольшая слабость, а в остальном нормально. И я... боюсь.

— У тебя есть все основания для этого, — тихо произнес Холлистер. — Мы попали в дьявольскую переделку.

— Ты В САМОМ ДЕЛЕ ооновец?

— Да. Меня командировали для изучения ситуации на Венере. Мои руководители очень обеспокоены, и их опасения, как видно, оправдываются. Я еще не видел ничего подобного этому.

— Я думаю, ты прав, — вздохнула Барбара. — Но что мы можем сделать? Ты хочешь вернуть Венеру обратно, под управление Земли?

— Тебе следовало знать многое, если бы банда националистов не прочесала сенсорами все книги и не посеяла там свою ложь еще до твоего рождения. Все это движение независимости, с самого начала было явно делом их рук, а я должен сказать, что они выполняют свою работу вполне компетентно; чего стоят одни только психотехники. Таков их путь к власти. Не то чтобы все они сплошь были циниками — но итог один.

Нельзя говорить о Венере, находящейся «под управлением» Земли. Если планета готова к независимости — а я согласен с тем, что готова — то она создаст государство с полными правами члена ООН. В Уставе сказано, что государство сможет осуществлять свою внутреннюю политику. Единственные ограничения касаются некоторых предметов торговли, вооруженных сил и права начинать войну,

гарантии определенных основных свобод, возможности контроля и выплаты своей доли в расходах Объединенных Наций — которая гораздо меньше стоимости самой мизерной армии. Вот и все. Ваши националисты исказили правду, как они привыкли это делать.

Барбара задумалась, потирая лоб. Холлистер мог только посочувствовать ей: многие годы назойливой пропаганды нельзя стереть за один вечер. Но пока она имеет желание понять истину, все остальное придет само собой.

— Нет никакого оправдания для тирании, под игом которой вы все живете,— продолжал землянин.— Она должна быть свергнута.

— Чего же ты хочешь от нас? — спросила Барбара.— Это не Земля. Мы должны работать, чтобы не умереть.

— Это верно. Но даже люди в самых худших условиях могут позволить себе больше свободы. Я не уполномочен писать для Венеры конституцию, но ты можешь посмотреть, как идут дела на Марсе. Они тоже вынуждены предъявлять требования профессиональной компетенции для общественной работы, но любой человек может поступить в школу — безнадежно тупые и ленивые быстро отсеиваются,— а выпускники, если хотят заниматься политикой, должны выдвигать себя кандидатами на руководящие посты. Периодические выборы не обязательно определяют лучших людей, как это делает система назначений, но они удерживают власть благодаря множеству лидеров. Марсиане тоже должны нормировать выдачу продуктов, запрещать определенные действия, могущие представлять угрозу для городов, но они свободны в выборе своего места жительства, семьи, способа мышления, работы... Они тоже пытаются восстановить всю планету, но не сгоняют людей насильственно, а нанимают их.

— Почему бы им просто не сидеть дома и ничего не делать? — невинным тоном спросила Барбара.

— Нет работы — нет денег; нет денег — нечего есть. Все очень просто. И когда в поле хватает занятый, а в городе все вакансии заполнены, люди БУДУТ работать в полевых условиях — как свободные люди, которые могут уволиться, когда им вздумается. Немногие это делают,

потому что их боссы не какие-нибудь чудовища, а нормальные начальники.

Неужели ты не видишь, что это МАССА, которую общество должно регулировать? Правительство вынуждено устанавливать такой порядок, чтобы обеспечивать правильную статистику. Нет смысла управлять отдельными людьми.

— Какая разница?

— Очень большая. Когда-нибудь ты поймешь это. А пока мы должны решить, что нужно сделать с правительством Венеры, потому что оно может стать реальной угрозой для Земли в ближайшем будущем. Пока Венера сильна, мирная и почти безоружная Земля становится слишком притягательной мишенью для ваших диктаторов. Мировые войны наглядный тому пример. Они вбили нам в голову страх и оставили вечные мемориалы — постоянные напоминания о разрушениях, и это убеждает нас в том, что раковую опухоль нужно уничтожать в самом начале, не давая ей разрастаться. Неограниченный национальный суверенитет всегда провоцирует войны. Я бы хотел, чтобы наши агенты занялись Венерой еще десять лет назад, слишком много славных парней погибнет из-за того, что мы так поздно спохватились.

— Значит, ты мог бы и не приехать сюда,— сказала Барбара, покраснев.

— Спасибо, дорогая,— Холлистер поцеловал жену.

Его мысли кружились в беспорядке, пытаясь выбраться из лабиринта.

— Если бы я смог каким-то образом послать сообщение на Землю! Это помогло бы уладить все дела. У нас есть космические корабли для доставки войск ООН. Очень дорогостоящая операция и, пожалуй, сомнительная с точки зрения законности... серьезная кампания вдали от дома, к тому же нам не хотелось бы разрушать города, но, по всей видимости, без этого не обойтись. Потому что этот вопрос выживания для всех нас. Конечно, города, оказывающие сопротивление, даже упрощают задачу — там можно творить все, что угодно; а такой простой ход, как захват продовольственного центра, вскоре приводит к капитуляции. Видишь, я хочу послать домой не только предупреждение, но и целый план военной разведки, которому нет цены. Если я потерплю неудачу, Охранники будут настороже; они могут преуспеть в разоблачении и одурачивании

любого агента, посланного вслед за мной, и дальнейшем ослаблении разведки Земли. Венера уйдет далеко...

Холлистер почувствовал, как напряглось тело Барбары в его объятиях.

— Значит, ты хочешь завоевать Венеру?

— Не говори ерунды, слышишь? Чего нам ждать от этой заброшенной пустыни? Мы хотим только одного: чтобы здесь было правительство, заслуживающее доверия. В любом случае... — Раздраженный голос землянина стал твердым, как сталь: — Если ты и я останемся живы еще на некоторое время, то это должно быть сделано.

Барбара ничего не сказала.

Мозг Холлистера просчитывал астрономическое количество данных, а логарифмическая линейка будто свистела в его пальцах.

— Грузовые корабли регулярно выходят на орбиты Хохманн «А», — задумчиво говорил он. — Это значит, что следующий прибудет через восемь венерианских дней. Экипаж состоит всего из четырех человек; они будут нагружены всякой всячиной, а обратно повезут урановые и ториевые заготовки, которые не занимают много места. Короче говоря, корабль может захватить в случае крайней необходимости несколько человек, если имеется в наличии дополнительный запас продовольствия.

— Паромы приземляются в Нью-Америка, — добавила Барбара.

— Точно. Моя дорогая, я думаю, наш единственный шанс — это захват всего города!

В бараке было жарко и стоял отвратительный запах пота. Холлистер подумал, что чувствует испуг своих людей... подобно собаке. Он стоял на столе рядом с Барбарой у края комнаты и медленно обводил взглядом собравшийся отряд. Маленькие, тощие, смуглые, почти безоружные и неряшливо одетые люди насторожились в тревожном ожидании. Они совсем не были похожи на армию. Но у Холлистера больше никого не было.

— Сеньоры, — наконец, произнес землянин совершенно спокойным и ровным голосом. — Я собрал всех вас здесь, чтобы предупредить об опасности, которая угрожает вашим жизням. Я думаю, что если вы останетесь со мной, мы сумеем спастись, но для этого потребуются все ваши

мужество и энергия. Вы уже доказали, что в полной мере обладаете этими качествами, и, я надеюсь, сможете применить их теперь.

Холлистер сделал многозначительную паузу и продолжил:

— Я знаю, многие из вас рассержены на меня из-за присутствия здесь моей жены. Вы считали меня еще одним подхалимом, который пресмыкается перед гнилым правительством...— Эти слова как будто пробудили всех ото сна,— ...и которого впоследствии наградят за то, что он поступает, как Иуда. Но это не так. Мы обязаны нашим будущим вот этой доблестной женщине. Меня самого подозревали во враждебном отношении к правящим кругам, и послали ее шпионить за мной. Вместо этого Барбара рассказала мне правду, которую я решил поведать вам.

Вы должны знать, что я агент, посланный с Земли. Нет, никакой я не империалист. Да будет вам известно, что страны Центральной Америки проявляют беспокойство в отношении колонии. Я имею в виду ваш родной город Куидад Альказар. Появилось подозрение, что он насильственно присоединен к конфедерации. Есть и другие страны, выражающие свою обеспокоенность. Я приехал для выяснения ситуации, и увиденное мной здесь подтвердило самые худшие опасения.

Холлистер заговорил быстро и подумал про себя, что слова его не совсем искренни. Нужно было разрушить антиооновский настрой этих людей, призвать к национализму, который он сам презирал. (При этом не существовало никакой особенной разницы, будут ли некоторые страны Земли сохранять номинальное владение определенным пространством на Венере или нет; демократическая конфедерация поглотит их в течение одного поколения, причем совершенно мирным путем.) Холлистер должен был убедить людей в том, что весь отряд планируется отправить на Люцифер, что все находятся под подозрением, а смерть Вальдеса только ухудшила ситуацию; к тому же на шахте всегда не хватает рабочих рук. Психотренировка сослужила землянину хорошую службу: вскоре весь отряд вскочил на ноги и взволнованно загудел. *Мне следовало бы заниматься политикой*, сардонически усмехнулся про себя Холлистер.

— ...Готовы ли мы терпеть это насилие? Будем ли гнить заживо в этом аду, заставляя страдать своих жен и

детишек? Или восстанем, чтобы спасти свою жизнь и освободить Венеру?

Когда возмущенный рев голосов затих, Холлистер изложил свой план: отправиться на Люцифер самим, захватить оружие и привлечь на свою сторону солдат из числа заключенных, потом предпринять атаку на Нью-Америку. Если все будет рассчитано верно, город можно захватить до того, как приземлятся паромы, и удерживать до тех пор, пока все не погрузится на грузовой корабль — потом перелет на Землю и через год-два триумфальное возвращение с армией-освободительницей!

— Если кто-то не захочет присоединиться к нам, пусть остается здесь. Я никого не заставляю. Мне нужны только те люди, что проявят себя храбрыми бойцами и будут выполнять приказы; люди, готовые рисковать своей жизнью так, словно это необходимо для защиты родины. Вы пойдете со мной? Пускай те, кто согласен присоединиться ко мне, встанут и крикнут: «Да!»

Ни один человек не остался сидеть; даже самые робкие тоже встали, не осмелившись пойти против своих товарищей, которые сгрудились вокруг стола, приветствуя Холлистера радостными возгласами. Комната гудела от возбужденных голосов; скрипели рамы коек, в водовороте лиц уже заблестели глаза, жаждущие битвы. Первая часть замысла Холлистера удалась; предстояла самая сложная задача.

Он назначил Фернандеса своим помощником в руководстве восстанием и предварительно распределил людей по рангам; военно-инженерная дисциплина здесь очень ценилась. Уже было поздно, когда Холлистер вместе с Барбарой и Фернандесом смогли, наконец, уединиться, чтобы обсудить конкретные планы.

— Мы оставим здесь двоих,— сказал землянин.— Они будут посылать обычные радиоотчеты, которые я напишу для них заранее, так что подозрения не возникнут; они также позаботятся о ракете, когда она прилетит за Барбарой, и я НАДЕЮСЬ, что полиция поверит тому, что с ней произошла авария. Мы пошлем за этими людьми, когда захватим город. Я думаю, Люцифер можно застать врасплох, но нельзя рассчитывать на удачу дважды: в другое место может поступить предупреждение до того, как мы прибудем туда.

Фернандес пристально посмотрел на Холлистера.

— Все ли из нас улетят на космическом корабле? — спросил он.

— Конечно. Остаться — смерти подобно. А на Земле очень пригодятся их знания о Венере.

— Симон, ты же знаешь, что корабль не может увести пятьдесят человек, а тем более сто, если мы захватим кого-то с Люцифера.

Лицо Холлистера было непроницаемым.

— Я не думаю, что выживет пятьдесят человек, — сказал он.

Фернандес перекрестился, но потом храбро кивнул.

— Я понимаю. Что ж, теперь о проблеме продовольствия...

Когда он ушел, Барбара посмотрела на мужа и столкнулась с его тяжелым взглядом.

— Ты ведь не всегда говорил правду, не так ли? — спросила она. — Я не очень понимаю по-испански, но кое-что я уловила, и...

— Все в порядке! — устало огрызнулся Холлистер. — Сейчас не время для слезливых уговоров. Мне нужно было как-то расшевелить людей, подстегнуть к действиям.

— Их вовсе не собираются отправить на Люцифер. У них нет никаких причин для борьбы.

— Они уже попали в водоворот, — резко произнес землянин. — Сегодня это пятьдесят или сто жизней, но в будущем мы говорим о сотне миллионов. Именно такое отношение мне вдолбили в голову в Академии, и я никогда от него не избавлюсь. Если хочешь остаться со мной, тебе придется принять это.

— Я постараюсь, — сказала Барбара.

VII

Черные силуэты башен мерцали в тучах пыли, под небом цвета запекшейся крови. Холлистер подбехал вплотную к ним и заговорил через радиосвязь:

— Хелло, Люцифер. Хелло, Люцифер. Как слышите меня?

— Люцифер, — раздался недовольный голос. — Кто ты такой и чего тебе надо?

— Авария. Нам нужна помощь. Дайте вашего капитана.

Холлистер оказался между двумя высокими орудийными башнями. Они были построены и снабжены дежурными на случай возможного мятежа заключенных и захвата танков; землянин надеялся, что их обслуживающий персонал вконец обленится за долгие безмятежные годы. Незаметно двигаясь к основному каркасу тюрьмы, Холлистер тяжело проехал к полю посадки и оказался поблизости от радиомачты. Один за другим двадцать танков из его команды вкатились в компаунд и рассеялись по нему.

Барбара сидела рядом, в своем непроницаемом костюме, с опущенным шлемом. Ее рука в толстой перчатке вцепилась ему в плечо, но из-за костюма он почти не ощущал давления. Оглянувшись на окаменевшее лицо женщины, Холлистер попытался улыбнуться.

— Хелло, эй вы, там! Говорит капитан Томас. Что вы собираетесь делать?

— Это Холлистер, из воздушного лагеря Последний Шанс. Помните меня? Мы в беде и нуждаемся в помощи. Чертов оползень уничтожил наши постройки.

Землянин повел машину прямо на поле.

— Эй, чего это вы там гарцуете? Поставьте ваши танки перед основным шлюзом.

— Хорошо, хорошо, дайте мне время отдать кое-какие распоряжения. Ребята, кажется, не знают, где им устраиваться на ночлег.

ПОРА! Холлистер ударил по переключателю хода, и его танк на полной скорости полетел вперед.

— Держись! — завопил он. — Томас! Эта штука вышла из-под контроля!.. Помогите!

Этот прием дал землянину лишнюю минуту. Он не был точно уверен, что происходит позади него. Танк врезался в радиомачту, и Холлистера подбросило в ремнях безопасности. Его руки рванулись вперед — ухватиться за согнутую стойку, оттащить ее в сторону и ТОЛКНУТЬ!

Конструкция неистово качалась. Танк застрял. Холлистер выскользнул из своего снаряжения, схватил режущий факел — контейнеры с горючим уже находились у него на спине — и вышел через воздушный шлюз, не останавли-

ваясь, чтобы законсервировать атмосферу. Перед ним мерцало голубое пламя; землянин опустил дополнительную затемненную пластину шлема и сосредоточился на работе. Убить этого зверя, пока он не послал сигнал о помощи!

Барбара заставила машину-буйвола ехать снова, подгоняя ее вперед и направляя на слабеющий остов. Мачта была спроектирована устойчивой и гибкой при сильных ветрах, но против такого удара она не могла устоять. Факел Холлистера ревел, разрезая основную опору. Огромный кусок стали со звоном упал на расстоянии метра от него.

Холлистер схватил факел и нырнул под танк, как раз вовремя, когда с грохотом обрушилась вся конструкция.

— Барбара! — он выбрался из-под обломков. — Барбара, ты в порядке?

Она выбралась из разбитой машины, бросилась в его объятия.

— С нашим танком покончено, — сказала она, дрожа. — Капот двигателя расплющила упавшая балка; из поврежденного блока течет масло.

— Не имеет значения. Пойду посмотрю, как там наши мальчики...

Он почти побежал через поле. Большой кусок бетона с шумом пронесся около его головы, и Холлистер припал к земле, когда одна из орудийных башен рухнула. Славные ребята! Они подложили под нее динамит!

Не обращая внимания на спуск, ведущий к гаражу, Фернандес подвел свой танк прямо к основному воздушному шлюзу для прохождения людей в каркасе. Он был сделан на совесть, но все равно фыркающий монстр Фернандеса смог преодолеть это препятствие. Воздух, пригодный для дыхания, вылетал наружу. Он тут же превращался в крупу, когда формальдегид захватывал пары воды.

Не было времени проверять, как идет битва снаружи, оставалось только надеяться, что его люди не оплошают. Холлистер увидел, как один из танков попал под огонь. Не все еще башни обезврежены. Но нужно было избавиться от них во что бы то ни стало.

— Оставайся здесь, Барбара! — приказал он.

Люди потихоньку вылезали из своих машин. Холлистер первым вошел в здание. Там его встретила картина разбросанных там и сям трупов, которые высыхали и сморщивались на глазах. Землянин вытащил карабины у них из

рук и передал людям, которые шли за ним. Остальные получают оружие позже.

Все помещения в каркасе были разделены автоматическими перегородками. Холлистер решил наугад взорвать одну из них. Град пуль, вылетевших из дымящейся дыры, убедил его в том, что охранники, которые сидели внутри, успели надеть скафандры.

Землянин махнул рукой.

— Тащите «Марию Ларгу!»

Это заняло некоторое время, и Холлистер рвал и метал от нетерпения. Наконец, появились шестеро мятежников, толкая перед собой странное орудие. На обычной тележке, предназначенной для полевого оборудования, находилась так называемая «Длинная Мэри»: воздуходувка, приводимая в движение мотором, соединенная с шестиметровым шлангом и насадкой. Данная установка имела кислородный баллон и бак с горючим приличных размеров, прикрепленный кое-как, что делало ее похожей на суперогнемет. Фернандес встал за стальную пластину, которая располагалась впереди, как защитная броня, и направил шланг на зияющую в стене дыру. Человек, стоявший сзади, вскрикнул и повернул рукоятку. Взметнулся огонь, уничтожив весь отсек.

Вокруг блока камер были и другие помещения, но Холлистер пока о них не думал. Воздушный шлюз в этой перегородке нужно было открыть обычным путем, причем только два человека могли пройти через него за раз. С другой стороны, скорее всего, находились охранники. Холлистер протиснулся внутрь вместе с Сан-Рафаэлем и подождал, пока насос очистит камеру. Потом он быстро открыл внутренний замок, бросил в помещение самодельную гранату и вошел, окутанный клубами дыма.

Холлистер переступил через два мертвых тела. Внезапно, когда из дальнего угла комнаты раздалась очередь, Сан-Рафаэль сдавленно охнул и упал. Землянин вскинул пистолет и нашел в себе силы оглянуться назад, но увидел лишь невыносимо ярко освещенный коридор. Никого. Заключенные пронзительно визжали в камерах, как дикие звери.

Холлистер вернулся, приказав своим людям выпустить узников, выдать им скафандры из раздевалок и объяснить ситуацию; потом продолжил чистку остальных помещений.

Это было грязное и кровавое занятие. Холлистер потянул десять человек из своего отряда. Раненых вообще не могло быть: если пуля или ракета разрывала костюм, то несчастному, находившемуся в нем, приходил конец. К тому же охранники использовали магниевые пули.

Фернандес доложил, что врагам не удалось скрыться на ракете, но несколько самых стойких забаррикадировались в очистительной установке, располагавшейся отдельно от остальных строений. Холлистер пересек поле, наблюдая как клубится пыль вокруг разбитых машин, и остановился возле меньшего каркаса.

В наушниках раздался хриплый голос Томаса:

— Эй, ты! Что все это значит?

Это было уже слишком. Холлистер начал смеяться и долго не мог остановиться, так что многие, пожалуй, решили, что он сошел с ума.

Всклипывая, землянин ответил, стараясь придать голосу равнодушие:

— Мы взяли верх. Вы попались, дали себя захватить голыми руками. Мы можем взорвать вас всех, если захотим, но предпочитаем, чтобы вы сдались сами.

Томас угрожающе произнес:

— В этом месте полно радиации, ты же знаешь. Если ворвешься внутрь, то нарушишь защиту — или мы сделаем это вместо тебя, — и смертельное вещество будет рассеиваться повсюду. Ты не проживешь и недели.

Он, безусловно, мог блефовать, но...

— Хорошо, — сказал Холлистер бодро. — В данный момент вы находитесь взаперти, без пищи и воды. У нас есть время подождать. Но я думаю, вам лучше спасти свою жизнь.

— Ты безумец. Мы сотрем тебя...

— Это ваше дело. Значит, когда надумаете выбираться оттуда, наберите номер телефона в офисе. Вас поместят в камеры и обеспечат пропитанием, чтобы вы не умерли с голоду до нашего отъезда.

Холлистер повернулся и направился прочь.

После этого он посвятил несколько часов реорганизации; построил всех заключенных в шеренгу, после чего выяснилось, что большая часть их, несмотря на радость освобождения, готова примкнуть к отряду Холлистера. Его армия быстро увеличилась до двух сотен с лишним человек. Бараки были на скорую руку отремонтированы и обставлены чем придется; амуниция найдена и распреде-

лена поровну, транспорт и припасы инвентаризованы. Наконец, пришло сообщение о том, что горстка фанатиков во главе с Томасом готова сдаться, Холлистер препроводил их в камеры и назначил нескольких заключенных охранять надсмотрщиков.

Он имел твердое намерение выполнить свое обещание, но когда часом позже его разбудили, сообщив жуткую новость о том, что «охранники» буквально разорвали узников на части, Холлистер не нашел в себе силы сурово наказывать их, просто задал им хорошую головоломку.

— А теперь,— обратился землянин к своему военному советнику,— нам лучше двигаться дальше. Мы явно поймали удачу за хвост, и никакой информации о наших делах не просочилось наружу, но до Нью-Америки еще долг путь.

— Но у нас нет транспорта для перевозки более ста человек,— заметил Фернандес.

— Я знаю. Мы возьмем с собой только самых лучших из числа заключенных, а другие... пока останутся. Они МОГУТ проделать тот же трюк на следующем составе с продовольствием, что собираются предпринять с ракетой наши люди на Последнем Шансе,— но могут этого и не делать. В любом случае, я в самом деле не надеюсь, что они смогут продержаться или что мы сможем заставить врасплох следующий... объект — но зачем кому-либо об этом знать?

— Ладно,— нахмурился Фернандес,— но все равно это грязное дело.

— Война всегда грязное дело,— резонно заметил Холлистер.

Он потерял весь следующий день на организацию нового отряда. Среди новичков было очень мало умеющих стрелять, но все оружие было автоматическим, без отдачи, и Холлистер надеялся, что обойдется без травм. Главным было восстановить на крайний случай строительное оборудование, которое было им знакомо. Сорок латиноамериканцев, как испытанные солдатские кадры, распределялись между шестью десятками заключенных в соотношении, эквивалентном числу сержантов и рядовых. Вся эта организация заставила бы любого военного проснуться в холодном поту, но другого выхода не было.

Вагоны со всем необходимым были подготовлены, а на некоторых танках установили пулеметы. У Холлистера

было четыре венерианских дня, чтобы добраться в Нью-Америку и захватить город; а если восставшие придут слишком скоро, полицейские силы сумеют отбросить их опять, и если в битве разрушатся системы радиоконтроля, то паромы не смогут приземлиться.

Ситуация складывалась непростая.

Первую ракету они увидели на пятый день кампании. Она за пару минут пересекла небо, разрывая его от горизонта к горизонту, но скорее всего, смогла обнаружить беглецов. Холлистер вел свой караван по равнине к брошенному селению, где можно было бы укрыться, но, к сожалению, времени на отдых не оставалось. Что ж, придется ехать днем и ночью.

На следующий день появился бронированный монстр с атомным двигателем, прогрохотавший над головой. В бескислородной атмосфере, разрываемой бурями, летательный аппарат с Земли двигаться не мог — ни вертолет, ни ленивое воздушное судно, — но иногда на непредвиденный случай создавались и такие модели. Холлистер включил радио, уверенный, что с ним попытаются связаться.

— Назовите себя! Это Корпус Охраны.

Землянин начал придумывать новую версию, не ожидая, что кто-либо поверит в нее, но каждую минуту, когда он пытался остановиться, танк дергался вперед еще на сто метров или больше.

Голос звучал саркастически:

— Вы, конечно, не имеете ничего общего с атакой на Люцифер.

— Какой атакой?

— Ну, хватит! Убирайтесь с равнины и устраивайте лагерь, а потом мы вас проверим.

— Конечно, — сказал Холлистер кротко. — Конец связи.

С этого момента по всей его армии было объявлено строгое радиомолчание. Холлистер выиграл примерно час, так как наблюдатели не могли быть твердо уверены, что он можетслушаться — тут как нельзя кстати началась пыльная буря.

Следуя намеченному плану, танки разделились на пары, и каждая двигалась сама по себе, до объединения в районе Нью-Америка в определенное время. Кто-то мог в

дороге поломаться, кто-то погибнуть, некоторые придут позже — а возможно и раньше, — но выбора не было. Холлистер был уверен только в одном: никто не станет дезертировать, потому что они сами выбрали этот путь.

Землянин посмотрел на Барбару; ее лицо вытянулось, черты его заострились, потускневшие рыжие волосы спадали на плечи безжизненными прядями. Под глазами были темные круги и мутные капельки пота. Но все равно прекрасней этой женщины для Холлистера не было никого на свете.

— Мне очень жаль, что пришлось втянуть тебя во все это, — тихо сказал он.

— Все в порядке, дорогой. Конечно, я боюсь, но мне спокойно от того, что ты рядом.

Холлистер поцеловал Барбару, долго не отрываясь от ее губ, а потом резким движением опустил на голову шлем.

Первые бомбы упали еще до заката солнца. Холлистер сначала увидел вспышки в тучах пыли, а потом почувствовал, как сотрясение от их удара отдалось эхом в корпусе танка. Он продолжал вести машину по узкому оврагу. Во втором танке находилось двое заключенных — Джонсон и Васкович, — хорошие ребята, особенно если вспомнить о том, что им пришлось пережить.

Пыль и песок стали его настоящими друзьями, скрывая его даже от инфракрасных датчиков над головой, которые все видели в темноте. Селение тоже здорово помогало. Главное — нельзя было останавливаться ни на секунду, ехать день и ночь, держась поближе к отвесным утесам и лощинам, прячась в случае атаки и потом наверстывая упущенное. Скорее всего, Холлистеру предстояло потерять много боевых единиц, но он подумал, что угроза будет исходить сверху, пока они не достигнут Нью-Америка. Охранники не стали бы рисковать своими дорогостоящими машинами без нужды, да еще на огромном расстоянии от дома.

VIII

Танк возник из-за горной вершины и неожиданно остановился перед ним. Это была военная машина, и ее приближение прикрывали вращающиеся орудия.

Холлистер повел своего монстра по ухабистой дороге прямо на врага. Вдоль борта раздался резкий хлопок, и стальные обломки зазвенели по броне. Землянин холодно отметил про себя, для возможного будущего отчета, относительно примитивности венерианской военной техники: отсутствие оболочки следящей системы, роверов... Он раньше уже спланировал, что нужно предпринять при подобной встрече, ознакомив с этим планом своих людей — теперь это случилось с ним.

Танк Охранника подался назад, сердито ворча. Он был не таким быстрым и маневренным, как машина Холлистера, так как предназначался для военных действий вблизи от города, где земля была чистой. Пулеметная очередь внезапно разорвала кабину; пули пронеслись прямо над головой землянина. Тогда он нанес удар. Танк задрожал, и тело Холлистера содрогнулось, когда захват сомкнулся на ближайшем ободе колеса вражеской машины.

— Наружу! — закричал Холлистер.

Барбара открыла воздушный шлюз и опустилась на камни. Землянин вылез вслед за ней и посмотрел назад. От его второго танка, осевшего на одну сторону, остались горящие обломки, но оттуда с трудом вылезла одинокая фигура и, пошатываясь, направилась прямо на него. В руке у человека была связка динамита. Он упал на землю, увидев направленное на него дуло пулемета, и прополз последние несколько метров. Васкович.

— Они пристукнули Сэма, — коротко доложил он, съехившись под стальным гигантом вместе со своими товарищами. — Нужно взорвать эту штуку?

Холлистер быстро оценил ситуацию. Противник был скован и оставался без движения благодаря транспортной машине, вцепившейся в него, как бульдог.

— У меня есть идея получше. Ты должен мне помочь. Он взобрался на самый верх башни танка.

— Отлично, теперь передай мне факел. Я собираюсь применить свой способ!

Пламя загудело, ударившись о металл. Холлистер увидел, как зашевелилась наружная дверца люка. Значит, как он и предполагал, парням захотелось выбраться наружу! Землянин сделал паузу. Из танка появилась рука, державшая гранату. Факел Холлистера метнулся вниз. Барбара попыталась подхватить падающий снаряд, но потерпела

неудачу. Васкович схватил ее и потащил наверх. Инцидент был исчерпан.

«Осталась ли она в живых?» — Холлистер нагнулся так, чтобы антенна радио была направлена в сторону воздушного шлюза.

— Выходите, если хотите жить. Иначе я сожгу вас всех.

Из танка появились три угрюмые фигуры, подняв руки вверх. Холлистер молча наблюдал, как они спускаются на землю, держа пистолеты наготове. Его сердце радостно забилось, когда он увидел Барбару целой и невредимой. Васкович накладывал на свой костюм клейкую ленту в тех местах, где его поцарапали осколки.

— С тобой все нормально? — спросил Холлистер.

— А как же, — ворчливо, но довольно произнес заключенный. — Мне опять повезло. Что теперь будем делать?

— Мы приобрели в качестве трофея один из их танков. Нужно найти проволоку или что-то в этом роде, чтобы привязать Ужасный Номер Три к нам. А четвертый трогать не будем.

— Но это же настоящее убийство! — закричал один из полисменов. — В этих костюмах у нас хватит кислорода всего на четыре часа.

— Тогда вам остается только надеяться, что битва закончится к этому времени, — сказал Холлистер. Он отошел в сторону и отсоединил машины друг от друга.

Рычаги контроля захваченного танка были очень схожи с обычными, уже знакомыми Барбаре, так что управление поручили ей. Холлистер прочел Васковичу короткую лекцию о том, как обращаться с пулеметами, а сам сел за сорокамиллиметровое орудие; волей-неволей пришлось игнорировать другое, двадцатимиллиметровое. Они закрыли шлюзы, не обременяя себя тем, чтобы пополнить воздух внутри; однако, когда Холлистер начал взбираться по горному склону, Васкович перезарядил их кислородные баллоны, используя запасы машины.

Когда танк выбрался на уступ, беглецам открылась картина битвы и огромная панорама города. Проносющаяся в воздухе пыль ограничивала видимость, но Холлистер успел заметить несколько стычек, в которых участвовали его танки и вражеские машины. Установка была такая: врезаться в танк противника и удерживать его захватом, вылезти наружу и применить динамит или факелы, а потом

постепенно продвигаться к основному воздушному шлюзу колонии. Его можно было бы открыть при помощи взрыва, но перегородки защищали находящихся внутри людей.

Новый военно-инженерный танк приближался к Холлистеру. Он понял, что придуманная им схема имела определенные недостатки. Вскоре еще одна полицейская машина появилась из тучи песка; ее пулеметы громко стрекотали, механики суетились, но вскоре откуда-то сбоку грохнул выстрел, и с машиной было покончено. Холлистер, сцепив зубы, двинулся вперед. Впервые в жизни он так близко видел настоящий бой; но это только укрепило его в стремлении к тому, чтобы на Земле никогда больше не случилось ничего подобного.

Вся операция зависела от правильности его предположения о численности врага. В каждом городе было всего несколько Охранников, которые не имели ни времени, ни резервов, чтобы обеспечить себя достаточным подкреплением; а танки, к сожалению, не могли летать. Но несмотря на такое положение дел, нельзя было забывать о том, что драться они будут со знанием дела и упорством. А у них самих, кроме инженерной дисциплины и сомнительных знаний о войне, не было никакой подготовки — даже психологической, которая помогла бы превратить испуганных отдельных личностей в одну мощную боевую единицу. Они, скорее всего, будут атаковать вслепую и паниковать, когда дело примет серьезный оборот — как, например, сейчас.

Холлистер продолжал двигаться к воздушному шлюзу. Через клубящуюся пыль начали просматриваться смутные очертания. Для защиты ворот с полдюжины мобильных орудий были расставлены полукругом. Это означало, что число вражеских танков, бьющихся с мятежниками на выстуpe, равнялось шести или семи.

— Сделаем так, — голос Холлистера вибрировал в наушниках. — Будем стрелять отсюда. Барбара, сделай зигзаг на 10 градусов и держись примерно на этом расстоянии; если увидишь нечто подозрительное, дай знать. Иначе я могу попасть не туда.

Землянин прижался лицевой пластиной к прицелу, пока его руки и ноги нащупывали рычаги орудия. Наводка... Дистанция... **ОГОНЬ!** Ближайшая машина взлетела на воздух.

СНОВА ОГОНЬ! И ТРЕТИЙ ВЫСТРЕЛ! Его сорокамиллиметровка перезаряжалась сама. Вторым ударом еще одно орудие было ликвидировано; третий выстрел — осечка... **ЧЕТВЕРТЫЙ! ПОПАЛ!**

Откуда-то выскочило несколько десятков Охранников. Должно быть, их доставили сюда по воздуху. Васкович навел на них пулемет и открыл огонь; ряды смешались, и солдаты начали падать, как тряпичные куклы, но некоторые перестраивались и отползали. Да, бойцы были что надо. Возникли, как из-под земли, еще три вражеские машины, беспорядочно стреляя через тучи пыли.

— Давай выбираться отсюда, Барбара!

Когда они достигли спасительного укрытия, шум на поле битвы стал оглушительным. Перед ними появился вражеский танк, который Холлистер вывел из строя двумя снарядами, почти не целясь.

Если б можно было отвлекать вражескую артиллерию настолько долго, чтобы его люди успели пройти в ворота...

Холлистер увидел танк полиции, который сцепился с его машиной, сломанной и мертвой. Землянин сомневался, что после этого боя кто-либо останется в живых. Он не видел танков, только обломки нескольких машин. Где же все люди?

Тело Холлистера внезапно содрогнулось. Эхо удара прокатилось над землей и некоторое время дрожало в воздухе. У землянина закружилась голова. Моторы все еще работали, но...

— Я думаю, в нас попали, — упавшим голосом произнесла Барбара.

— Нормально. Тогда нужно вылезать. — Холлистер вздохнул; это была прекрасная попытка, но за нее придется расплатиться сполна. Он вскарабкался к шлюзу, подал руку Барбаре, они проскользнули на землю, как вдруг на самоходных тележках подъехало три полевых орудия.

Внезапно заговорила пушка неисправного танка, и одно из полицейских орудий вышло из строя.

— Васкович! — Голос Барбары пронзительно зазвучал в наушниках. — Он остался там...

— Мы не можем спасти его. Если он сумеет продержаться на нашем танке достаточно долго... Когда-нибудь воздвигнем ему памятник. А теперь пошли! — Холлистер направился в темноту, окутывающую все своим покровом. Ветер рычал и свистел вокруг.

...Когда землянин приблизился к главному шлюзу, рассеянные ружейные выстрелы заставили его припасть к земле. Он не мог разобрать, откуда исходил огонь, но это были отрывочные залпы — возможно, полиция обнаружила его.

— Ребята, это я! — громко закричал Холлистер. Где-то в глубине сознания он понял, что не было смысла оповещать об этом всех через радио. Привитый землянину со школьной скамьи самоконтроль, должно быть, дал трещину.

— Симон? — В наушниках прогремел удивленный лос Фернандеса. — Идем быстрее, мы находимся около шлюза, но надо успеть до атаки.

Холлистер смахнул пыль с лицевой пластины и попытался подсчитать, сколько людей у него осталось. Всего, и латиноамериканцев, и заключенных — около двадцати.

— Неужели больше никого нет? — допытывался землянин. — Вы единственные?

— Не знаю, Симон, — проговорил Фернандес. — Я собрал всех, кого мог; мы забаррикадировались за двумя разбитыми машинами, а когда увидели, что артиллерия отступает, предприняли бросок сюда. Может быть, где-то еще остались наши, но я... сомневаюсь.

Холлистер взъядся за ручку аварийного управления, которая открывала ворота снаружи. Было бы неплохо обойтись без взрыва... Слава Богу! Они не закрыты! Он завел два десятка своих людей в камеру, закрыл внешнюю дверь и запустил насосы.

— Они тоже могут сюда попасть, — сказал Фернандес с сомнением в голосе.

— Я знаю. Или через этот вход, или через десяток других. Но у меня есть идея. Главное, держитесь поближе ко мне.

В вестибюле никого не было. Гражданское население, должно быть, скрывалось во внутренних отделениях, а все «копы» участвовали в боевых действиях снаружи. Холлистер сбросил шлем, вдохнув полной грудью свежий воздух, и быстро, но осторожно зашагал по длинным коридорам.

— Совсем скоро должен прибыть космический корабль, — сказал он. — Прежде всего нужно найти и захватить радиорубку. Полиция ничего не знает точно относительно наших планов, поэтому не осмелится уничтожить это здание хотя бы потому, что мы находимся здесь. Гораздо легче заставить нас умереть голодной смертью.

— Или использовать усыпляющий газ,— добавил Фернандес.— Кислорода в наших костюмах хватит только на пару часов.

— Да... Я полагаю, именно это они и сделают. Лучше бы этот корабль прилетел побыстрее!

Все их надежды на выживание были связаны только с ним. Холлистер знал, что переправа занимает несколько дней, и рассчитал свою атаку на те часы, когда по расписанию прилетает грузовой корабль. Он знал о паромках лишь то, что они уже приземлялись один или два раза.

Холлистеру не было известно, останется ли кто-то из его отряда в живых, чтобы полететь на корабле. Он сомневался в этом: битва оказалась более жестокой, чем ожидалось. Они не захватили город, как планировалось раньше — но сейчас для него главным была отправка донесения на Землю.

В радиорубке мятежников встретили двое испуганных техников. Один из них начал было возмущаться вторжением, но Фернандес, помахав оружием перед его носом, быстро его отрезвил. Холлистер оглядел мерцающие клавиши контроля и приборы. Можно было самому вызвать корабль, но у него не хватало знаний относительно управления воздушным судном при снижении. Что ж...

Землянин снял перчатки и уселся за пульт. Под его уверенными пальцами замелькали клавиши. Когда могут появиться полицейские? В любую минуту.

— Хелло, грузовой корабль. Хелло, эй вы, там? Корабль, вас вызывает Нью-Америка. Прием.

В наушниках не было слышно ничего, кроме жужжания и треска статических помех.

— Корабль! Это Нью-Америка. Ответьте, черт побери!

На пульте замерцали огоньки; послышалось щелканье компьютеров, направляющих поисковый луч вверх. Он проходил через ионосферу, едва достигая ближайшей из крошечных, равно отстоящих друг от друга релейных станций-роботов, окружавших планету. Послушный вызывающему сигналу робот усиливал луч и посылал на следующую станцию, которая улавливала его и направляла дальше. Ретранслятор, расположенный ближе всех к нынешней позиции корабля на орбите, фокусировал этот луч на нем.

Неужели на орбите пусто?

— ...Хелло, Нью-Америка.— Голос дрожал, слабый и едва слышный из-за помех.— «Вечерняя звезда» вызывает

город Нью-Америка. Что у вас там происходит? Мы запрашивали сигнал три часа назад.

— Авария,— жестко сказал Холлистер.— Дайте мне капитана — быстро! А пока запишите следующее.

— Но...

— Быстро, я сказал! И записывайте! Это дело первейшей срочности, режим «красный свет». — Холлистер чувствовал, что покрывается потом внутри скафандра.

— Записываю. Сейчас пошлем за капитаном.

— Вот и прекрасно! — Холлистер склонился над микрофоном.— Для Главного Офиса, Земля, Инспекторат Объединенных Наций. Повторите: Главный Офис, Инспекторат ООН. Срочно, конфиденциально. Говорит агент А-431-240. Повторите, агент А-431-240. Шифр «Стреляный Воробей». Докладываю о ситуации на Венере... — Он начал кратко обрисовывать положение дел.

— Мне кажется, я слышу голоса в холле,— прошептала Барбара Фернандесу.

Латиноамериканец кивнул. Он уже вытащил пару столов в коридор, соорудив нечто вроде баррикады, и теперь расставлял людей по местам, оставив нескольких снаружи, остальные в полной боевой готовности тесно сгрудились в комнате. Холлистер видел, что происходит, и качнул пистолетом в сторону двух техников, чтобы задействовать и их. Они были страшно напуганы и выглядели очень молодо, но у землянина не было времени на сантименты.

Сквозь помехи в наушниках раздался голос:

— Это капитан Брэки. Чего вы хотите?

— Я агент ООН, капитан. Нахожусь в радиорубке, вместе с несколькими своими товарищами. Нас нужно вытащить отсюда.

Холлистеру показалось, что капитан даже рот открыл от удивления.

— Боги Космоса — неужели это правда?

Холлистер мысленно похвалил предусмотрительность своей конторы.

— У вас на борту среди официальных записей должна быть секретная кассета. Все космические корабли и средства передвижения первого класса снабжены ею. Она меняется ооновоц каждый год или примерно с такой периодичностью. Так вот, там имеется идентификационный шифр, сигнал секретного распознавания. Он докажет мое право реквизи-ровать на время ваше транспортное средство.

— Я знаю это. Что находится на кассете?

— В этом году фраза звучит так: «Ах, эти ранним утром скользящие кораблики!.. Они дают свободу мне или — увы! — голубку на траве». Пригласите радиотехника, и он тут же проверит это.

Пауза. Затем раздался голос:

— Хорошо. Я верю тебе на слово до тех пор, пока не будет проведена проверка. Что тебе нужно?

— Спустите два грузовых корабля, на расстоянии примерно пятьдесят километров друг от друга. На борту нет оружия, я полагаю?.. Нет. Что ж, пусть на них будут только пилоты, потому что есть вероятность увезти с собой человек двадцать или около того. Сколько времени это займет?.. Два часа? Так долго?.. Да, я понимаю, что необходимо точно вывести корабль в нужную точку орбиты, и... Все хорошо, даже если не можете управиться быстрее... Будьте готовы погрузить всех, кто находится здесь и ждет вашего прибытия, и немедленно подняться вверх. Тем временем ожидайте дальнейших инструкций... Черт побери, конечно, вы сможете это сделать!

Снаружи защелкали затворы автоматов.

— Отлично. Я через минуту начну запись своего отчета. Приступайте к делу, капитан!

Холлистер повернулся к остальным.

— Я должен надиктовать для Земли все, что знаю, на случай, если не смогу доложить лично,— сказал он.— Кстати, кто-нибудь должен проверить, как техники посадят наши суденышки. Диего, я хочу, чтобы несколько человек охраняли это место. Остальные пойдут и поищут дополнительные кислородные баллоны для себя и столько пищевого концентрата, сколько смогут унести; на корабле не предусмотрено лишних запасов питания, чтобы накормить всех нас. Барбара покажет, где должно находиться все необходимое.

— А как выберешься ты? — закричала она, когда Холлистер изложил ей свой план по-английски.

— Придумаю что-нибудь. Ты должна пойти с ними, дорогая, потому что ты здешняя и знаешь, где можно разжиться продуктами. Оставь пару костюмов здесь, для техников, и разыщи другие поближе к куполу. После приземления парома кто-то из вас должен прорваться сюда, в рубку. Она как раз напротив внешней стены. Я вижу, Гар-

сия, что у тебя до сих пор в руках динамит. Сделаешь дыру, чтобы мы прошли через... Да, это рискованно, но что нам терять?

Барбара наклонилась поцеловать Холлистера. Не было времени сделать это как следует. Из коридора слышался угрожающий треск пистолетов-пулеметов.

Холлистер встал и приказал двум своим пленникам надеть скафандры.

— Я не держу зла на вас, ребята,— устало сказал он.— Фактически, вы можете даже полететь с нами на Землю, если боитесь гнева полицейских,— но если с кораблями что-нибудь случится, мне придется вас пристрелить.

Фернандес, Барбара и дюжина других членов его отряда выскользнули в холл под непрерывным огнем, направленным на баррикаду, и исчезли. Холлистер надеялся, что они справятся с задачей. Так будет лучше! Иначе, даже если несколько человек смогут спастись, им грозит голодная смерть во время перелета домой.

Пищевого концентрата, неверное, будет достаточно. Он производился в Малой Москве — безвкусный, однако чрезвычайно питательный и сытный; обычно его добавляли к венерианскому скудному рациону. Концентрат не отличался изысканным вкусом, но очень долго мог поддерживать жизнь человека.

Техники не покладая рук работали у пульта управления. Шестеро мятежников проскользнули обратно в комнату; двое остались лежать неподвижно за сломанной баррикадой. Холлистер взял дополнительный микрофон и начал скороговоркой надиктовывать всю информацию о Венере.

В комнату заглянул Охранник. Рывкнули три залпа, и голова слетела с плеч неосторожного солдата. Немного позже в дверь было просунуто ружье с привязанным к нему белым лоскутком.

Холлистер отложил в сторону микрофон.

— Я буду говорить,— сказал он.— Я выйду с поднятыми руками. Перед вами будет только один безоружный человек.

Землянин приказал своим людям затащить мертвого солдата в рубку, пока длится перемирие.

В холле его встретил Карсов. Он выглядел уставшим, но на его гладком лице не было и тени страха.

— Чего вы пытаетесь добиться? — спросил капитан спокойно.

— Хотим держаться подальше от твоих шахт, — сказал Холлистер. Лучше будет, если он создаст впечатление о происходящем, как о простом мятеже.

— Вы, кажется, вызвали корабль?

— Да. Сюда вышлют грузовой паром.

— С ним вполне может случиться неприятность. Мы принесем глубокие извинения и сможем объяснить, что виной всему был случайный снаряд, выпущенный во время боя с вами, бандитами, и, пожалуй, возместим даже стоимость судна. Я говорю все это для того, чтобы вы поняли: надежды нет. Лучше сдавайтесь.

— Никакой надежды все равно не будет, даже если мы сдадимся, — сказал Холлистер. — Я лучше использую все свои шансы, чтобы вернуться на Землю; самое худшее, что мне могут сделать, это промыть мне мозги.

— Ты намерен продолжать весь этот фарс? — повысил голос Карсов. Но в нем уже не чувствовалось былой уверенности, это было ясно. Капитан не мог понять, как ооновец мог пройти наркотестирование и не выдать себя. А Холлистер, конечно, не станет проливать свет на это.

— Что вы потеряете, разрешив нам уехать? — продолжал землянин. — Да, мы расскажем обо всех здешних ужасах дома. Но люди уже давно знают, что ты правишь жесткой рукой.

— Я не собираюсь выпускать вас, — сказал Карсов. — Вам конец. Вторая часть вашего отряда долго не продержится: даже если они выберутся наружу, то просто задохнутся. А капитану корабля я сейчас сообщу по аварийной связи, что бой еще не окончен, и ему лучше отозвать свое судно. Таким образом, все будет улажено; а если этого не произойдет, то корабль будет уничтожен. Что касается твоей группы, то для нее мы приготовили усыпляющий газ.

— Я лучше застрелюсь, но не дамся вам в руки, — угромо произнес Холлистер.

— Это избавит нас от многих неприятностей, — спокойно сказал Карсов, повернулся и зашагал прочь. Холлистеру страшно хотелось выстрелить ему в спину, но он решил оставить это удовольствие на потом. Ни к чему раз-

дражать полицию и заставлять ее применять взрывчатые вещества.

Землянин вернулся в рубку и снова вызвал «ВЕЧЕРНЮЮ ЗВЕЗДУ».

— Хелло, капитан Брэкни! Говорит ооновец. Здешние боссы собираются послать вам сообщение, состоящее из сплошного вранья. Притворитесь, что поверили им, и согласитесь отозвать корабль. Помните, они думают, что приземлится только один. Потом...— Холлистер продолжал объяснять ситуацию.

— Но это же верная смерть! — воскликнул капитан.— У пилота первого корабля не останется шансов...

— Останутся! Вызовите его, используя промежуточный шифр; я думаю, ни одна из этих пташек его не разгадает, если вдруг услышит сигнал. Сообщите о необходимости надеть скафандр и быть готовым к жесткой посадке, с последующим броском ко второму кораблю.

— Это рискованно.

— А вы думаете, я не подвергаюсь опасности? Это приказы Инспектората ООН, капитан. Я ваш босс, пока мы не вернемся на Землю... и пока я жив. Итак, вам все понятно? Тогда ждите дальнейших указаний.

Через некоторое время Холлистер уловил легкий дымок в воздухе и сказал в микрофон:

— Сюда пустили газ. Я вынужден надеть шлем. Это Холлистер, конец связи.

Члены его отряда и техники сделали то же самое. Некоторое время под защитой шлемов они чувствовали себя довольно уютно, тем более, что газ рассеивался вентиляторами. Холлистер попытался изобразить на лице ободряющую улыбку, но не смог.

— Последний раунд, — сказал он. — Тем из нас, у кого самый маленький рост, придется уснуть уже сейчас. Остальные возьмут их кислород и вынесут тела наружу, когда мы выйдем.

Кто-то протестующе замахал руками, но Холлистер сурово оборвал все возражения.

— Не хочу ничего слышать! Для всех нас это единственный шанс. Ни один человек не имеет запаса кислорода больше, чем на час; нам же предстоит ждать по крайней мере полтора часа. Как прикажете поступить?

Все неохотно подчинились приказу, но продолжали бороться с анестезией пока хватало сил. Холлистер вытащил один баллон с кислородом у первого уснувшего человека, чтобы заменить свой, пришедший в негодность. Теперь его отряд состоял из троих спящих людей и троих бодрствующих, но вконец измученных.

Землянин надеялся, что полицейские не будут атаковать их так скоро; вероятно, они собрались снаружи, чтобы передвижными орудиями встретить грузовой корабль... если он до сих пор собирается приземлиться. С мятежниками, скорее всего, они решили подождать.

Минуты тянулись невыносимо долго. Кто-то из отряда перед смертью отрешенно пытался пересказывать всю свою жизнь, но для Холлистера было настоящей пыткой слушать его. Он слишком устал и сидел, тупо уставившись на телеэкран, показывающий космические просторы. Пустота, пыль, ветер, мутный сумрак и безликие каркасы — больше ничего.

Один из заключенных, пока еще не спавший, вдруг обратился к Холлистеру по радио, вмонтированному в шлем:

— Значит, ты ооновец? И затеял все это только для того, чтобы вернуться на Землю?

— Чтобы отправить на Землю мой отчет,— уточнил землянин.

— Столько людей погибло,— с горечью произнес один из латиноамериканцев по-английски.— Ты принес нас в жертву, двигал нами, как пешками, разве не так? Что стало с нашими товарищами, которые остались на Последнем Шансе?

— Боюсь, что они погибли,— сказал Холлистер без всякого выражения, и впервые почувствовал тяжесть вины, неперенной спутницы лидера.

— Нет, все эти жертвы были не напрасны,— произнес заключенный.— Если ты сможешь разрушить до основания нашу гнилую систему... это стоит того.— Глаза человека сверкали нездоровым блеском. Среди заключенных было много безумцев.

— Помолчи-ка лучше,— заметил Холлистер.— Побереги свой кислород.

Прошел час. Огоньки на датчиках радаров продолжали мерцать. Космическим кораблям не было дела до сопротивления атмосферы; у них было достаточно горючего, чтобы опускаться почти вертикально вниз.

Час десять минут. Интересно, жива ли Барбара?

Час двадцать.

Час тридцать минут. В любом случае...

— Вот он, сеньор! Смотрите!..

Холлистер вскочил на ноги. В углу экрана появилось размытое огненное пятно — наконец-то!

Корабль медленно опускался, подняв тучу пыли, когда свирепая струя дыма ударила по грунту. Некоторое время паром неистово шатался, но именно для таких условий его создавали. Ближе, еще ближе — неужели эта штука никогда не опустится? Наконец корабль сел на посадочную раму, и двигатели смолкли.

Внезапно раздался артиллерийский залп, пробивший обшивку корабля. Полицейские были осторожны, им не хотелось рисковать, стреляя по ядерным двигателям и заражая радиацией посадочное поле. Корабль зашатался на раме. Холлистер молил Бога, чтобы пилот остался жив. Пилота второго корабля, наверное, информировали о том, что ему следует делать.

Грузовой корабль, медленно снижаясь, вынырнул из гряды облаков. Он не был таким маневренным, но пилот вел себя, как настоящий наездник: понукая, умоляя судно следовать его приказам, прищипывая его и подгоняя, когда нужно. Корабль сделал круг и пошел на снижение по шаткой кривой, вне радиуса действия экранов.

Если Бог есть на свете, подумал Холлистер, то взрывная волна при приземлении уничтожит тех, кто атакует первое судно.

Второй паром вновь показался в небе, его пилот с трудом удерживал контроль над своей машиной. Холлистер застонал от бессилия.

— Направляйте его на посадочную опору! — закричал он, свирепо махая ружьем в сторону техников. — И чтоб он приземлился, как следует, если хотите жить!

Корабль приземлился.

К нему побежали крошечные фигурки людей, не обращающая внимания на дымящуюся под ногами землю. Трое из них резко повернули назад и вскоре приблизились к радиорубке.

— Отлично, — гаркнул Холлистер. — Быстро в коридор!

Он схватил одного из пребывающих в бессознательном состоянии мятежников, потом остановился и загерметизировал его скафандр для защиты от ядовитых газов снаружи. Внутри достаточно воздуха, чтобы сохранить человеку жизнь еще на несколько минут.

Внезапно Холлистер ощутил резкий удар и увидел брызги стекла и куски проводов, летевшие от двери; пуля просвистела мимо его шлема. Венерианский ветер загудел вокруг. Землянин нагнулся и крепче взял свою ношу.

— А теперь пошли!

Они вскарабкались по обломкам стены и вышли на поле. Теперь ветер дул в спину, облегчая движение. Рядом с Холлистером выросла фигура латиноамериканца; потом он увидел лицо Барбары, тусклое за пластиной шлема.

Когда они достигли паромы, остальные уже заканчивали погрузку ящиков с продовольствием. Со стороны разрушенного корабля к ним нетвердой походкой приближалась фигура в толстом скафандре. Может быть, судьба снова повернулась лицом к беглецам. Быстро оглядев равнину, Холлистер увидел одни развалины. Конечно, не все полицейские убиты, но они скрываются в городе, и им понадобится некоторое время, чтобы выбраться наружу.

Землянин подсчитал людей и проверил количество ящиков с продуктами. Пятнадцать человек будут лететь, включая двух пленников, — отряд Барбары пришел не в полном составе, но ОНА, слава Богу, жива! Припасов было достаточно, хотя перелет предстоит долгий, и возможно, придется немного поголодать, — но они готовы к этому.

В отверстии люка появилась голова Фернандеса.

— Все готово, — объявил он. — Поднимайтесь на борт. У нас нет сидений, поэтому мы должны взлетать при низком ускорении, но пилот говорит, что горючего достаточно.

Холлистер помог Барбаре взобраться по лестнице и войти на корабль.

— Я надеюсь, тебе понравится Земля, — сказал он неловко.

— Я в этом уверена, потому что там будешь ты, — ответила Барбара.

Холлистер посмотрел через закрывающийся воздушный шлюз на пустыню, зовущуюся Венерой. Когда-нибудь она расцветет, но пока...

— Мы возвращаемся, — сказал землянин.

*...Когда терра-формирование будет окончено, прольется ли дождь сострадания, справедливости и щедрых даров на иссохшую Венеру? Смогут ли планеты и народы, развиваясь самостоятельно, жить в мире друг с другом? После целого столетия затраченных усилий, мечта Института о здравомыслящих гражданах и стабильной цивилизации, казалось, была далека от воплощения. Вечные политические вопросы, существующие между народами и внутри общества, все еще не были решены. Могут ли ооновцы вместе с Психотехническим Институтом противостоять коварному соблазну, который таит в себе власть? Их роль заключалась в том, чтобы следить за человеческими судьбами, **НО КТО БУДЕТ СТОРОЖИТЬ СТОРОЖЕЙ?***

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Научная фантастика многим обязана Роберту А. Хайнлайну. Хотя бы придуманной им «Истории будущего». Были и до него писатели, сочинявшие истории с продолжениями, но действие этих рассказов и романов происходило в статических обществах и занимало небольшие промежутки времени. И в них не прослеживалось подлинного развития общества. Олаф Стэплдон написал хроники будущего человеческого рода, а затем и Вселенной, но в этих романах не было сколько-нибудь значительных и запоминающихся персонажей, да и интересовали его больше геологические процессы, нежели исторические. Хайнлайн же не просто создал яркие истории о людях будущего — у него сама цивилизация становится одним из главных действующих лиц. Не статичная, она способна изменяться — оптимизм первой межпланетной эры, утраченный в скорумпированном диктаторском обществе, начал возрождаться после революции, хотя и медленно, из-за последующей неразберихи, по мере того, как человечество вступало в зрелость.

Как и большинство читателей, я был очарован его новаторством. Уже в первых своих произведениях я начал писать что-то похожее. Нет, я сочинял не только это, и ни в коей мере эти рассказы, собранные вместе, не претендуют на такое громкое название, как «История будущего», но все же я создал серию рассказов, связанных между собой. Любой из них, конечно, был хорош и сам по себе. И все же для тех, кто следил за моим творчеством, каждый из них добавлял что-то новое к создаваемой мною картине... по крайней мере я так надеялся.

Поэтому я, как и Хайнлайн, начертил диаграмму, и

время от времени заполнял ее в каком-нибудь месте, соотнося его с названием только что законченного произведения. Как и Хайнлайн, я не придерживался хронологического порядка и писал по настроению — то, что чувствовал, пойдет. И все-таки это было грандиозно: создавать историю человечества, начиная с ближайшего будущего, и рассказывать о дальнейшем расселении его по Галактике.

Ряд рассказов образовали серию «Психотехнической Лиги». Часть из них вошли в эту книгу. Есть и другие произведения, покрупнее — «Девственная планета» и «Странник».

Потом я отказался от этой серии. Это не было поспешным решением — последняя ее часть, «Пират», появилась в 1968 году, а до этого был долгий период молчания. Просто я вдруг понял, что все больше и больше отвлекаюсь на другие темы, тем более, что новая история будущего совсем не походила на первоначальную.

Благовидным предлогом поставить на этой идее крест стало то, что в реальном мире, похоже, происходили вещи вовсе не те, что я описывал. Например, Третьей мировой войны до сих пор не случилось, и ее следовало бы ожидать впереди, а не позади текущего потока времени. Несомненно, я мог бы поменять слегка даты. Но как отмахнуться от важных научных открытий и технологического прогресса, которых мне не удалось предвидеть?

Люди и общество тоже значительно изменились по сравнению с моим представлением их в своих ранних рассказах. Некогда я был пылким либералом, что, вероятно, весьма чувствуется в «Ооновце». Ныне же я считаю ООН опасным фарсом, с которым следует покончить (справедливости ради должен заметить, что когда я писал эту небольшую повесть, ООН совершенно отличалась от нынешней и казалась способной к усовершенствованию).

Впрочем, мои нынешние политические воззрения на этой книге никак не отразились — больше вы не найдете наставлений — в моих сочинениях, я просто рассказываю истории. Мне хочется думать, что они лучше моих первых рассказов.

Да и зачем исправлять написанное?

Что ж, прежде всего я надеюсь, что они понравятся тебе, читатель. Да, они относятся к временной линии, оставшейся неоконченной, ну и что с того? Мы ведь продолжаем получать удовольствие от произведений Райдера

Хаггарда и Эдгара Райса Берроуза, хотя мы уже все узнали об Африке и Марсе. Если ты, читатель, моего возраста, то ты, возможно, читал эти истории, когда они только появлялись на свет, и, быть может, мои рассказы теперь пробудят в тебе приятные воспоминания молодости. Если же у тебя возраст моей дочери или ты совсем еще юный, то, скорее всего, ты их не читал, и, возможно, ты прочтешь их с не меньшим удовольствием, какое получали твои родители!

Я мог бы даже снова заняться подражанием Хайнлайну и насочинить целую серию рассказов, заявив, что это альтернативные истории будущего. Однако миссис Мизел только что сделала это от моего имени.

А вторым оправдывающим обстоятельством выхода этой книги может послужить то, что она может оказать некоторую помощь исследователям научной фантастики. Хотя эти истории не похожи на хайнлайновские, но они также заняли достойное место в фантастике предыдущего поколения. Мы все прошли с тех пор длинный путь, но иногда неплохо оглянуться назад и вспомнить, какими мы были.

Пол Андерсон

ПОКОИ МЕРФИ

Это все ложь, но мне бы хотелось, чтобы бóльшая ее часть оказалась правдой.

Ослепляющая боль пронзила его тело и, казалось, целую вечность сжигала все внутри него огнем, наполняя животным ужасом. А затем он перевернулся и понял:

*«О нет! Разве я
должен уже уйти?
Не исчезай, Вселенная,
ты так прекрасна!»
Месяц, только месяц.*

Чудовищный грохот и свист слились воедино, подобно звону колокольчика, который качнули один раз, а затем он никак не мог перестать звенеть. Звуки наполняли темноту, заглушая все остальное, пока не начали затихать, а может, исчезали в бесконечности, столетие за столетием, а ночь тем временем становилась глубже и мягче, пока он не обрел покой.

Придя снова в сознание, он обнаружил, что находится в каком-то длинном и высоком месте. И увидел не-глазами пятьсот сорок дверей, за которыми на фоне необъятной темноты сверкали облака света. Некоторые из этих облаков рождали новые звезды, другие же, более громадные и далекие, состояли из звезд, уже созданных, превратившись в огненное колесо. Ближайшие звезды бросали языки пламени, ослепительные лучи света, сверкая бриллиантами, аметистами, изумрудами, топазами, рубинами; и вокруг них кружились искры, которые, как он знал своим не-моз-

гом, были планеты. Его не-уши слышали тихий, едва слышный перестук космических лучей, рев солнечных бурь, спокойный, медленный, ритмичный пульс гравитационных течений. Его не-плоть ощущала тепло, биение крови, миллионлетия изумительной жизни на бесчисленных планетах.

Его ждали семеро. Он встал.

— Но ведь вы...

Он запнулся.

— Добро пожаловать,— приветствовал его Эд.— Не удивляйся. Ты всегда был одним из нас.

Они начали вести спокойную беседу, пока наконец Гас не напомнил им, что даже здесь они не являлись властелинами времени. Вечности, да, но не времени.

— Нам лучше пойти дальше,— предложил он.

— Ха-ха,— рассмеялся Роджер.— Особенно после того, как Мерфи набедокурил здесь за наш счет.

— Он, кажется, вовсе не так уж плох,— заметил Владимир.

— Я не уверен,— ответил Роберт.— Как не уверен я и в том, что мы что-нибудь вообще когда-нибудь выясним. Но, друзья, идемте. Уже пора.

Восемь человек оставили зал и торопливо спустились по звездным тропам. Не единожды новичок подвергался соблазну взглянуть более внимательно на то, что мелькало вокруг него. Но всякий раз он напоминал себе, что Вселенная неистощима на чудеса, а у него просто нет времени, чтобы обозреть их все.

Они некоторое время постояли на огромной пепельно-серой равнине. Вид был столь же сверхъестественно прекрасен, как он и надеялся; нет, даже больше — когда Земля, голубая и безмятежная, белоснежным шаром за-сверкала над головой — Земля, с которой прибыл аппарат, сейчас опускающийся вниз на столбе огня.

Юрий взял Константина за руку, как это делали русские.

— Спасибо,— произнес он сквозь слезы.

Но Константин в свою очередь отвесил поклон Уилли, до самой земли.

И так они стояли в длинных лунных тенях, под высоким лунным небом, и видели, как неуклюжий аппарат наконец-то обрел покой, и услышали:

— Хьюстон, говорит орбитальная станция. «Орел» приземлился.

...На Земле звезды маленькие и тусклые. О нет, думаю, что они довольно яркие, когда зимними ночами смотришь с вершин гор. Я помню, что когда я был маленьким, мы накопили достаточно денег на билеты, чтобы отправиться в заповедник «Гранд Каньон», и разбили там лагерь. Я никогда раньше не видел столько звезд. Я смотрел на них, и словно твой взгляд уходит все глубже и глубже... и, знаете, мне казалось, что до каждой из них — разное расстояние, и пространства между ними еще больше, чем можно себе вообразить. И Земля с ее людьми терялась в этой бездонной пропасти и казалась не более чем песчинкой среди этих холодных ярких звезд. Папа говорил, что они не слишком отличаются от тех, что ты видишь в космосе, разве что их несколько больше. Воздух тоже был холодным, чистым и приятно пах соснами, которых здесь было полно. Где-то вдалеке завыл койот. И вой его летел над холмами и равнинами, не встречая преград.

Но я вернулся туда, где живут люди. На облако смога неплохо смотреть с крыши дома, хотя хотелось, чтобы мне так и не довелось бы никогда вдохнуть этот воздух, уже успевший пройти через несколько миллионов пар легких, прежде чем попасть в мои,— плотный и жирный. Городской шум тоже не слишком беспокоил меня: обыкновенный визг, грохот, рев реактивных лайнеров и треск перестрелки. А когда выключают свет после какой-нибудь аварии, то вообще в темноте видны звезды, по крайней мере отдельные.

Главной моей мечтой было, чтобы мы жили в Южном полушарии, где видна альфа Центавра.

Папа, что ты делаешь сегодня ночью в Покоях Мерфи?

Есть такая шутка. Я знаю. Закон Мерфи: «Все, что может произойти не так, как должно, произойдет». Только мне кажется, в этой шутке есть доля правды. Я хочу сказать, что я прочитал все книги и просмотрел все ленты, которые оказались под рукой, все учебники по истории, где говорилось о первопроходцах. С начала времен и до настоящего времени. А затем я приобрел привычку придумывать для себя истории о том, чего не было в книгах.

Стены кратера ощерились клыками, острыми и серовато-белыми в лучах безжалостного солнечного света, резко контрастировавшими с темнотой, наполнявшей чашу кра-

тера. И они росли, росли. Корабль падал, вращаясь, и сейчас вместо тишины, обычной в условиях, где не действует сила тяжести, ощущалась тошнота после многочисленных рывков. Какой-то незакрепленный предмет с грохотом ударился о стену за креслами пилотов. Вой вентиляторов смолк, и теперь два человека дышали зловонием. Неважно. Это не катастрофа с «Аполло-13». Они просто не успеют задохнуться от собственных испарений.

Джек Бредон хрипел в микрофон:

— Алло, станция Контроля... Лунный Трансляционный Спутник... кто-нибудь. Вы слышите нас? Передатчик неисправен? Или это только наш приемник? Черт бы его побрал, нельзя даже попрощаться с женами!

— Говори быстрее, — приказал Сэм Уошберн. — Возможно, они нас слышат.

Джек попытался вытереть пот, выступивший на его лице, а теперь танцевавший сверкающими капельками перед ним.

— Слушайте нас, — произнес он. — Говорит первая экспедиция Моусли. У нас одновременно перестали действовать все двигатели, примерно через две минуты после начала торможения. Все дело, вероятно, в том, что отказал интегратор подачи топлива. Я подозреваю магнитное возмущение, хотя, может быть, причина неисправности — в коротком замыкании в системе подачи энергии — датчики зафиксировали какой-то всплеск, перед тем как произошел отказ систем. Отдайте эту систему на доработку! Передайте нашим женам и детям, что мы их любим!

Он замолчал. Зубья кратера заполняли весь иллюминатор. А Сэм осклабился в широкой усмешке.

— Как тебе это нравится? — сказал он. — И мне, первому черному космонавту.

Потом последовал удар.

Затем, когда они наконец снова пришли в себя и поняли, где находятся, Сэм произнес:

— Интересно, выпустит ли он нас наружу заняться исследованиями?

Зал Мерфи? Так ли его настоящее имя?

Отец привык кричать: «Это сделал Мерфи!» — когда выходит из себя. Остальное я нашел в старых записях, пьесах о космонавтах, выдуманных еще тогда, когда людям нравилось слушать подобного рода истории. Когда человек умирал, там говорилось: «Он пьет в Зале Мерфи».

Или танцует, спит, поджаривается, мерзнет и так далее. Но действительно ли они говорили слово «Зал»? Эти записи были старыми. Никто за сто лет не подумал скопировать их на более современные пластиковые ленты, а может, и все двести. Голограммы потускнели и покрылись пятнами, звук плавает и изобилует случайными помехами. Несомненно, в отношении этих записей проявился Закон Мерфи.

Мне хотелось спросить у Отца, о чем говорят космонавты и во что верят, о чем думают, когда возвращаются после завоевания планет. Или притворяются, что думают. Конечно, они никогда не вспоминали о некоем Мерфи, владельце Зала, куда попадают космонавты, когда он призывает их к себе. И возможно, они даже отпускали шутки по поводу этого. И вообще, шла ли речь о зале? Может быть, только о пути, как мне тоже приходилось слышать? Мне хочется спросить Отца. Но он не часто в последние годы бывает дома — слишком занят на строительстве и испытаниях своего космического корабля. А когда он приходит домой, я вижу, что ему хочется побыть в основном с Мамой. А когда мы с ним остаемся наедине, это всегда слишком волнующим оказывается для меня, чтобы я помнил о клятвах, которые давал себе перед тем, как заснуть; ну а потом он снова уходит.

Трофей* Мерфи?

К тому времени, когда Моше Сильверман закончил свой рапорт, температура под куполом достигла семидесяти градусов и поднималась достаточно быстро, чтобы достичь к началу нового земного дня ста градусов. Конечно, вода сразу не закипит — избыток энергии компенсируется испарением. Но их наспех сделанным аппаратам по испарению воды больше не удастся охладить эту гадость до температуры, при которой ее можно было бы пить. Они слишком быстро засорятся. Моше сидел обнаженный, обливаясь бегущим с него рекой потом.

Хорошо хоть не отключили свет. Энергобатареи, которые не в состоянии были обеспечить работу кондиционеров, по крайней мере не дадут Софии умереть в темноте.

* *Naui* по-англ.: трофей, улов (с англ.). *Naui* — зал, покои, чертоги. Здесь и далее часто повторяется подобная игра слов. (Прим. перев.)

В ушах гудело, а голова заныла от боли. Время от времени к горлу подступала тошнота. Он давился горячей жидкостью, которую должен был постоянно пить. *«Только без соли,— думал он.— Быть может, именно это убьет нас еще раньше, чем эта жара, кипение и тишина, эта оупляющая жара»*. Он чувствовал ломоту в костях, несмотря на то, что притяжение Венеры было поменьше земного; но все равно его мышцы одрябли, и он ощущал вонь собственных выделений.

Заставив себя сосредоточиться, он проверил то, что написал,— изложенное сухим языком сообщение об аварии реактора. Следующая экспедиция обнаружит его и, прочитав, узнает, что эта густая, ядовитая адская атмосфера делает с графитом при соприкосновении со свободными нейтронами; а затем инженеры разработают соответствующие меры предосторожности.

С неожиданной злостью Моше схватил кисточку для письма и на обратной стороне металлической страницы написал:

«Не сдавайтесь! Не допускайте, чтобы эта преисподняя победила вас! Слишком многому мы должны здесь научиться».

Прикосновение к плечу заставило его резко обернуться и подняться. София Чьяппеллоне вошла в кабинет. Даже теперь, когда он был физически опустошен, ее кожа сверкала от пота, лицо опухло, глаза запали, а волосы слиплись, она казалась ему привлекательной.

— Разве ты не закончил, дорогой? — Голос ее звучал безучастно, но руки искали его.— Нам лучше уйти в общую комнату. Займемся установкой опахала Мохандаса.

— Да, я иду.

— Но сперва поцелуй меня. Раздели со мной соль. Потом она просмотрела его отчет.

— Ты считаешь, что они попытаются еще раз? — спросила она.— Ведь материалов так мало, и они так дороги сейчас, когда идет война.

— Если они откажутся...— ответил он.— Не знаю, у меня такое чувство... я знаю, оно рождено безумием, но почему мы не можем стать безумцами?... я думаю, если они откажутся, то нечто большее, чем просто наши кости, останется здесь. Наши души, ждущие кораблей, которые так никогда и не появятся.

Тут она вздрогнула и увлекла его к их товарищам.

Может быть, мне следовало почаще бывать дома. Мама могла нуждаться во мне. Она негромко рыдает. Плачет, оставаясь одна в нашей маленькой квартире. Но возможно, она чувствует себя лучше, когда меня нет дома. Что может сделать неуклюжий четырнадцатилетний паренек с одутловатым лицом?

И что он может сделать, когда станет взрослым?

О папа, большой храбрый папа, я хочу отправиться вслед за тобой. Даже в... Твердыню Мерфи?*

Директор Сабуро Мураками стоял за столом в зале общих заседаний и по очереди смотрел всем им в глаза. На некоторое время воцарилась угнетающая тишина. Яркие цвета и фигуры на фресках, нарисованных Георгиосом Ефтимакисом, никогда не существовавших особей — нимф и фавнов, кентавров, резвящихся под чистым небом рядом с ослепительно голубой рекой среди травы, цветов и лавровых деревьев — внезапно показались гротескными, бесконечно чуждыми. Он слышал, как гулко стучит сердце. Дважды ему пришлось сглотнуть, прежде чем во рту набралось достаточно слюны, чтобы он смог заговорить сухим деревянным языком.

Но стоило ему только начать, как пришли слова, суровые, хотя и чуточку сухие и холодные. Но это было совсем не удивительно. Всю ночь он пролежал без сна, бесконечное количество раз повторяя их.

— Юсуф Якуб сообщил мне, что в своей работе по изучению псевдовируса ему удалось добиться определенных успехов. Это еще не лекарство; предстоит также дожидаться лабораторных исследований. Наши водоросли будут болеть, и мы будем испытывать в них нехватку до прибытия нового грузового корабля, который доставит нам очередную партию. Я передам по радио космоконтролю, что нам необходимо в первую очередь. У них там, на Земле, будет достаточно времени все подготовить. Как вы помните, корабль намечалось отправить... э-э... с таким расчетом, чтобы он прибыл сюда через девять месяцев. На это время нам гарантирован такой уровень регенерирования кислорода, что нам не станет угрожать опасность задохнуться — при условии, что мы будем избегать физических нагрузок. Я верно изложил суть дела, Юсуф?

* Hold по-англ. См. предыдущее замечание.

Араб кивнул. По-испански он говорил с сильным акцентом, а правый глаз сводило тиком.

— Ты попросишь отправить сюда специальный корабль? — спросил он.

— Нет, — ответил им Сабуро. — Вам ведь отлично известно, что все иные трассы, кроме оптимальной хоманнской, слишком дорого обходятся, и уже одно это уничтожило бы любую прибыль, которую дает наша база... чего я постоянно опасаясь. Но, с другой стороны, наше вынужденное бездействие может стать причиной закрытия базы.

Он наклонился вперед, легко удерживая свое тело на кончиках пальцев в условиях низкой марсианской гравитации.

— Именно это я и хочу сегодня обсудить с вами, — сказал он. — В условиях конкуренции вложение *денег* куда-либо осуществляется в зависимости от степени интереса к этому делу. Ну а деньги являются эквивалентом вложенного в них человеческого труда и природных ресурсов. Это истинно при любом социэкономическом строе. Вы знаете, насколько отчаянно там, на Земле, нуждаются как в квалифицированных рабочих руках, так и в природных ресурсах. Да рабочих рук — миллиарды — но из-за повсеместной бедности имеется лишь считанное количество образованных людей. Вспомните, какая политическая борьба шла в Совете перед тем, как было решено основать эту базу.

Мы знаем, для чего мы прибыли сюда: для проведения исследований, изучения планеты. Для основания здесь первого постоянного дома вне Земли и Луны. Чтобы в итоге уже наши праправнуки могли изменить марсианскую атмосферу так, чтобы люди дышали местным воздухом, чтобы здесь зеленели поля и леса, где поселенцы смогут отдохнуть душой. — Он указал на стену, хотя больше этот жест выглядел, как издевка. — Мы не думаем, что на Земле начнется голод, как и не стоит верить тем, кто утверждает, что голод — это хорошо. Особенно когда с каждым кораблем планету покидает некоторая часть металла, горючего и труда инженеров, которые можно было бы потратить на то, чтобы их дети прожили чуть больше. Энергия, которую они извлекают из нашей урановой руды, бережно, экономно расходуется, и все, что сверх наших затрат, является прибылью.

Сабуро вдохнул затхлый, отдающий металлом воздух. Из-за нехватки кислорода его голова закружилась. Однако ему как-то удалось остаться выпрямленным и продолжить:

— Полагаю, что мы, живущие в этом крошечном одном-единственном поселении,— последняя надежда человечества на покорение космического пространства. Если нам будут оказывать поддержку, пока мы не перейдем на самообеспечение, Сырт Харбот станет залогом будущего. Если же нет...

Он собирался еще немного поизводить их своими учениями, прежде чем перейти к сути, однако не смог из-за кислородного голодания в легких, в результате чего бешено билось сердце. Он ухватился за край стола и произнес, борясь с наплывающими клочьями тьмы:

— Лишь половине из нас хватит кислорода для активной деятельности. Отставив на время другие проекты и работая исключительно на шахты, мы сможем добывать достаточно урана и тория, чтобы по крайней мере в бухгалтерских книгах не появилось записей о перерасходе. Жертвы будут иметь... будут иметь... пропагандистскую ценность. Я обращаюсь к мужчинам-добровольцам, или мы можем бросить жребий, либо же... Разумеется, я сам буду первым.

...Так было вчера.

Сабуро был среди тех, кто решил уйти в одиночку, а не группой. Ему было наплевать на все эти гимны о человеческой солидарности; он мечтал о том, что в будущем настанет день, когда тем, в ком будут его и Элис хромосомы, не понадобится никакая солидарность. Возможно, даже к лучшему, что она раньше погибла при пожаре стапеля. Он и без того едва мог смотреть на мучения своих детей.

Он пересек хребет Вейнбаума, но остановился, когда купола поселка скрылись из виду. Он не должен заставлять поисковый отряд забираться слишком далеко. Хотя бы потому, что внезапно обрушивавшаяся пыльная буря может занести его следы, и его вообще так никогда и не найдут. А кому-то его скафандр очень бы пригодился. Как и его тело, которое пойдет в бак с водорослями на переработку.

Некоторое время он стоял осматриваясь. Горная стена с темными утесами и причудливо выветренными вершинами тянулась вниз к нежной красно-золото-охряно-голубо-радужной равнине. Как бы бросая вызов темно-фиолетовому небу, из своей синей тени ввысь возносился какой-то кратер. В этом разреженном небе (ему сейчас было слышно лишь призрачное завывание ветра) Марс — ослепительно сверкающий, могучий, красивый — раскрывался перед его

взором во всех деталях, утонченных и абстрактных, словно полукруглый фриз на воротах перед каменным садом. Отвернувшись от ослепительно яркого солнца, он смог различить звезды.

Он ощущал внутри себя мир и покой, чувствуя себя почти счастливым. Может быть, причиной тому было лишь то, что впервые за несколько недель у него была неурезанная наполовину норма довольствия кислородом.

«Однако я не должен зря тратить его», — подумал Сабуро. И то, что его пальцы не тряслись, когда он завинчивал вентиль, его обрадовало.

А затем его ждал сюрприз, когда его душа, душа атеиста, склонилась над его телом и, поднимаясь к Полярной звезде, произнесла:

— *Нами Амида Бутсу.*

Он откинул забрало шлема.

Это милосердная смерть. Вы теряете сознание всего через тридцать секунд.

...Он открыл глаза, не понимая, где находится. Огромное помещение, дверные проемы, обрамляющие райское безумство ночи сияние звезд, галактик и зеленым загадочным мерцанием туманностей? А может, это гигантский, так быстродвигающийся в пространстве корабль, что кажется, словно Млечный Путь пенится вдоль его носа и кружится за кормой, в кильватере серебра и планет?

Здесь были и другие люди, собравшиеся возле высокого кресла в противоположном конце этого помещения, смутно различимые в сумеречном свете отсюда, издалека. Сабуро встал и двинулся в их направлении. Может быть, может быть, среди них есть Элис?

Был ли папа прав, оставляя маму надолго в одиночестве?

Я помню ее реакцию, когда мы получили это сообщение. Это случилось в среду, когда я бывал свободен и мы с ребятами гуляли на улице со свинчаткой в кармане. Я должен признаться еще и в том, что кое-кто из моих приятелей мне не нравился. Но приходится довольствоваться теми, кто, как и вы, не можете учиться в школе и получать образование. А может, вам по душе больше слоняться по городу в одиночестве. (Можно вспомнить, хотя нет, лучше не вспоминать, что сделала банда «Ураганов» с Дэнни?)

Тогда вам лучше находиться в районах, патрулируемых полицией. А не там, где всем верховодил Жак-Жак, собиравший со всех довольно высокую дань, а его умение руководить проявилось сполна в прошлом году, когда на нас неожиданно напали «Ласки». Больше они не пытались — мы прикончили троих — троих! — и мне кажется, вряд ли бы это смогла сделать любая другая компания.

А она была действительно хорошенькой, мама. Я видел фотографии. Правда, она похудела, полагаю, из-за тревог за папу и размышлений о том, как выкручиваться после того, как семьям космонавтов снова урезали обеспечение. Но когда я зашел в дом и увидел ее, сидящую, но не на диване, а на ковре, грязном сером ковре, и плачущую... Она прижималась к этому дивану так, как к папе.

Но почему она рассердилась на него? Хочу сказать, что случившееся с ним было вовсе не его виной.

— Пятьдесят миллиардов выброшено на ветер! — вскричала она, когда мы завели об этом разговор. — Ведь это сто, двести миллиардов обедов для голодных детей! И на что они это потратили? На убийство двенадцати человек!

— Ты ведь тоже того же хочешь, верно? Слава Богу, одно то, что этого тебе не удастся, почти оправдывает его смерть.

Мне не следовало выходить из себя, не следовало говорить:

— Т-т-ты хочешь, чтобы я стал... канцелярской крысой, врачом, инженером, возящимся с водорослями... на какой-нибудь милой и безопасной работе и со спросом... и оказывать тебе такую поддержку, какую ты бы хотела от него получить?

Но лучше мне перестать биться головой о стенку. Пользы от этого голове не будет. О, когда-нибудь я пойму, какие же слова должен был найти тогда я.

Ладно. Не будем об этом.

Но вся беда была в том, что это *не была* ошибка Отца. Если бы все шло хорошо, то мы бы полетели через пару лет на альфу Центавра. Он, она и я... Тамошние планеты, о, они, разумеется, настоящие сокровища! Но вот только сам полет и звездолет!.. Я помню слова Жака-Жака: *«Да ты просто сдохнешь от скуки через шесть месяцев. Скукающий на борту звездолета, ха-ха-ха!»*

Нет, все-таки мозги у него заплыли жиром. Полагаю,

он был отличным вожаком, но вот с воображением у него было туго. Наверное, мама рассмеялась бы, если бы я повторил ей эти слова, и сказала бы: *«Откуда взяться скуке на борту корабля твоего папы? Ведь тут есть миллионы книг и лент, сотни самых умных людей, постоянно прогуливающих по палубам...»*

Что ж, этот полет мог оказаться похожим на пикники, о которых мне, когда я был маленьким, читала Мама: добрые старые истории с флейтами и скрипками, ослепительными нарядами, пищей, выпивкой, танцами с красивыми девушками в лунном свете.

Холм* Мерфи?

С Ганимеда Юпитер выглядит в пятьдесят раз больше, чем Луна с Земли; и когда Солнце скрывается, король, повелитель планет, сверкает в тамошнем небе так ослепительно ярко, как не могут все звезды в ночном небе родного дома человека.

— *Вот это дом человека,* — пробормотала Каталина Санчес.

Арне Йенсен бросил на нее долгий взгляд, очарованный ее красотой в этом золотистом свете, заливавшем чистые стены консерватории. Он рискнул обнять ее за талию. Она вздохнула и отстранилась от него. На них был минимум одежды — в колонии предпочитали короткие, хотя и яркие спортивные костюмы — и он ощутил тепло и нежность ее тела. В мешанине запахов цветов (на грядках справа, слева и сзади высились на необычайно высоких стеблях крупные бутоны всевозможных расцветок, некоторые из которых вам бы показались просто невероятными, а длинные нити лоз и лабиринты ползучих растений — порождением какого-то сна) он уловил аромат ее по-летнему расцветшего тела.

Солнца уже не было, и Юпитер виднелся почти в полной фазе. И хотя проект по преобразованию спутника быстро продвигался вперед, но все же его атмосфера была слишком разрежена, чтобы мешать наблюдению. Темно-желтые лучи пробивались сквозь медленно движущиеся ленты облаков — зеленые, синие, оранжевые, темно-коричневые. Словно бриллиант сверкала Красная Точка. И знание того, что одного-единственного из ураганов, бушующих сейчас там, было бы достаточно, чтобы прогло-

* Nell по-англ. см. предыдущий комментарий.

тить всю Землю, только добавляло величия этой красоте и безмятежности, а понимание того, что без магнетогидродинамических спутников, запущенных людьми на орбиту вокруг этого шара, его поверхность утонула бы в смертельной радиации, еще больше усиливало ощущение триумфа человеческой мысли. Несколько звезд были достаточно яркими, чтобы пробиться сквозь это сияние, на самом краю рваного горизонта. Мягкий золотистый свет струился на скалы, ущелья, кратеры, ледники и машины, призванные завоевать эту планету.

Снаружи царило великое молчание, но здесь, внутри, из танцзала, лилась музыка. А праздновать было что. В эксплуатацию пустили новые гидролизные фабрики, которые генерировали кислород на пятнадцать процентов больше, чем ожидалось. Однако все равно, в каких бы условиях ты ни находился — низкой гравитации или высокой, — но рано или поздно ты устаешь от танцев (хотя ганимедские танцы выглядят предпочтительнее земных: здесь можно парить и прыгать высоко), веселье пузырится, словно шампанское, и девушка, красотой которой ты очарован, говорит тебе, что да, она не прочь понаблюдать за Юпитером...

— Надеюсь, ты права, — сказал Арне. — По крайней мере, у нас есть хорошая, счастливая жизнь, интересная работа, отличные друзья — и все это для наших детей. — Он обнял ее крепче.

Она не возражала.

— Чего же нам не хватает? — спросила Каталина. — Мы уже с избытком обеспечиваем себя и можем начать торговлю с Землей, Луной, Марсом или же направить эти средства на дальнейшее развитие, которое идет по экспоненте. — Она улыбнулась. — Ты, наверное, считаешь меня каким-нибудь ужасно нудным профессором. И все-таки в самом деле, что же идет не так, как должно?

— Не знаю, — признался Арне. — Война, перенаселение, бедственная экологическая обстановка...

— Ну, не хмурься, — пожурела его Каталина. Из тиары местного хрусталя, украшавшей ее волосы, ударил радужный луч. — Люди способны учиться. Они не должны вечно повторять одни и те же ошибки. И здесь мы построим рай. Конечно, несколько необычный рай — где деревья возносятся в небо, в котором царствует Юпитер, с медленно низвергающимися в темно-синие озера водопадами, где

птицы летают, словно крошечные многоцветные пули, а олени преодолевают луг десятиметровыми прыжками... вот такой рай!

— Не лишенный недостатков,— заметил он.— Не идеальный.

— Но мы и не хотим такой,— согласилась она.— Должна остаться какая-то неудовлетворенность, активизирующая разум, заставляющая его стремиться к звездам.— Она засмеялась.— Я уверена, историки найдут, как заставить наших потомков поверить, что где-нибудь в другом месте условия для жизни еще лучше... Или природа... О!

Зрачки ее глаз расширились. Она поднесла руку к губам. А потом неистово начала целовать его, и он ответил ей, и они сжимали друг друга в объятиях, пока кружилась мелодия вальса и вокруг них вздыхали цветы, и величие Юпитера осеняло их, нисколько не заботясь об их существовании.

Арне ощутил на своих губах соленый вкус ее слез.

— Давай потанцуем,— попросила она.— Давай танцевать до упаду.

— Непременно,— пообещал он и повел ее обратно в танцзал.

Танцы должны были помочь им снова забыть о гигантском метеорите (одном из многих, которых тяготение Юпитера вырвало из Пояса), врезался точно в строения Аванпоста Ганимеда ровно за пять лет до того, как была упразднена марсианская колония.

Знаете, мне кажется, люди не способны учиться. Они могут размножаться, сражаться, уничтожать друг друга, гадить там, где живут, пока.

Мама: «Мы не можем позволить себе это».

Папа: «Мы не можем позволить себе это».

Мама: «Эти дети — они, как гоблины, как голодные призраки. Если бы Тед был одним из них и кто-нибудь посчитал бы его непригодным, даже если бы построили межзвездный корабль... Интересно, как бы ты тогда действовал?».

Папа: «Не знаю. Но я уверен, что это наш последний шанс. Мы будем действовать, исходя из наших скромных возможностей, чтобы все было так, как мы хотим. Если бы Лунная Гидромагнитная лаборатория не сделала это от-

крытие, когда правительство уже собиралось закрыть ее... Дорогая, мне во всяком случае по этой причине придется убить прорву времени на борту корабля, пока он будет строиться и испытываться. Зато вся моя банда будет сидеть на тройном окладе».

Мама: «Предположим, ты своего добьешься. Предположим, ты действительно получишь свой драгоценный звездолет, который сможет лететь почти со скоростью света. Неужели ты даже на секунду не способен себе вообразить, что... что какая-нибудь армада может уничтожить жизнь нескольких людей: что они для человечества — всего несколько атомов?»

Папа: «Ну, несколько десятков ценных атомов. Начиная с тебя, Теда и меня».

Мама: «Я чувствую себя чудовищем, в безопасности и в комфортабельных условиях летящим к новому миру, когда сзади миллиарды людей ютятся в бедности и тесноте».

Папа: «Мой первый долг — позаботиться о вас двоих. Но давай не будем об этом. Давай поговорим о человеке вообще. Что он есть? Зверь, который рождается, чтобы жрать, совокупляться, гадить и умереть в итоге. Ха-ха! И все же человеческое племя нечто большее. Изредка оно рождает Иисуса, Леонардо, Баха, Джефферсона, Эйнштейна, Армстронга, Ольвейду — кто, по-твоему, оправдывает наше существование здесь больше, чем он? Знаешь, если согнать всех людей, словно крыс, в одну кучу — они и начинают вести себя, как крысы. Что им тогда душа? И я хочу сказать тебе: если мы — горсточка свободных людей, чьи потомки в итоге смогут вернуться и возродить человечество, не отправимся к звездам, то кто тогда позаботится, будет ли двухногое животное существовать еще один миллион лет или вымрет через сто? Человечество наверняка вымрет».

Я: «И дьявол, мама, будет смеяться!»

Мама: «Ты ничего не понимаешь, дорогой».

Папа: «Спокойно. Се — голос не младенца, но мужа. Он все понимает лучше тебя».

Ссора: я со слезами убегаю. Ладно, мне всего восемь или девять лет. Но не с этой ли ночи я начал рассказывать себе истории о Зале Мерфи?

Это Зал Мерфи. Я верю: это именно то место, где должен оказаться мой отец.

...Когда Ху Фонг, старший инженер, зашел в каюту капитана и сообщил новые данные, тот несколько минут сидел неподвижно. Их окружало гудение корабельных двигателей; краем сознания они замечали его — песню, отдававшуюся в их костях. И с потолка в уютное просторное помещение падал свет. Мебель, книги, поразительной красоты фотография туманности Андромеды, и тут же рядом на стене — мультипликационное изображение Мэри и Теда. И постоянная сила тяжести под ногами — в одно «g» — из-за непрерывающегося ускорения — световой год за год, хотя на борту звездолета после того, как начинают проявляться эффекты, предсказанные теорией относительности, время на борту корабля замедляется... всего два десятка лет до центра этой Галактики, три — до соседней, изображение которой завораживающе действует на хозяина каюты... Как трудно поверить, что ты мертв для других!

— Но ведь ясно, что рамоскоп работал, — сказал капитан, чтобы что-то сказать.

Ху Фонг пожал плечами.

— Вряд ли — после того, как радиация повредила его чувствительные электронные части. Нет никакого смысла тормозить и ложиться на обратный курс, двигаясь на малой скорости, если и мы, и корабль получим смертельную дозу.

Межзвездный водород — примерно один атом на кубический сантиметр — чистейший вакуум для жителей Земли живущих на дне воздушного океана и дышащих смесью смога и испарений. Но космонавты (для которых водород — горючее, активное вещество, путь к звездам) даже такое количество атомов, встречающихся ежесекундно — смертельно; они ударяются о корпус и излучают гамма-лучи, несущие гибель, подобно проклятию ведьмы. И только защитные экраны способны защитить людей от этой опасности.

— А мы только-только достигли скорости в одну четвертую скорости света! — возразил капитан. — А ведь в более, чем в 99 процентах запусков автоматических зондов, не возникало никаких проблем!

— Эта система, очевидно, не годится для случая, когда у корабля масса намного бóльшая, — ответил инженер. — Нам следовало сначала до конца выполнить программу испытаний звездолета в автоматическом режиме.

— Ты же знаешь, что у нас не было средств для уста-

новки дополнительных автоматических устройств, чтобы сделать это.

— Мы можем отправить на Землю сообщение. Следующая экспедиция...

— Сомневаюсь, что она будет. Да, хорошо, мы отправим домой сообщение. После чего, думаю, продолжим путь вперед. У нас еще есть четыре недели — правильно? — пока нас всех не скосит радиационная болезнь. Вся проблема не в том, как осуществить передачу сообщения на Землю, а в том, как сообщить об этом остальным нашим товарищам.

Впоследствии, оставшись наедине с изображениями Андромеды, Мэри и Теда, капитан подумал: *«Я потерял больше, чем оставшиеся годы жизни, что я не прожил. Я напрасно потерял годы, прожитые мной без вас.*

Что мне сказать вам? Что я пытался достичь своей цели, но меня ждала неудача и мне очень жаль? Но так ли это на самом деле? В этот час я не хочу лгать, особенно вам.

Был ли я прав?».

Да.

Нет.

О Господи, о черт, что мне ответить? Луна поднимается над облаком копоты. Комиссар Уэниг сказал мне, что нам следует оказывать поддержку последней Лунной Базе, пока изворотливый человеческий ум не найдет замену тем видам топлива из гигантских молекул, которые пока применяются. Но разве не говорил премьер-министр Объединенной Африки, что подобные производства необходимо запретить, тем что они недопустимо расточительны и любая нация, сохраняющая их, должна считаться врагом человеческой расы?

На улицах трещат автоматы. Откуда-то доносится пронзительный визг какой-то женщины.

Мама здесь нет — это последнее, что я мог сделать в память о папе.

Через десять лет учебы я стану инженером-пищевиком или врачом, и тогда я, вероятно, буду настолько измотан работой, что мне будет наплевать на Луну. Еще через десять лет сидения за столом в канцелярии я стану толстым, и, возможно, меня будет приводить в ярость любое предложение потратить свои казенные деньги на...

...за исключением, быть может, защиты. В Сибири уже молятся этой странной, только что возникшей религии. И президент Европы сказал, что в случае необходимости его правительство предаст их анафеме, нанеся ядерный удар.

А корабль плывет меж звезд, и на борту его — экипаж мертвецов, от которых остались лишь кости. Через сто миллиардов лет он достигнет Границы... не границы пространства или времени (которого не существует), границы с маленькой буквы, но Границы с большой... и найдет пристанище в Зале Мерфи.

И пыль, созданная космическими лучами, начнет шевелиться, вновь обращаясь в кости; и от изъеденного радиацией остова корабля медленно отделятся атомы, из которых снова образуется плоть; и очнутся капитан и его команда. Они откроют глаза и взглянут на звезды, которые ослепительными шарами будут плыть над их головами.

— Вот мы и дома, — скажет капитан.

Гордый за себя и своих людей, он смело шагнет вперед с палубы в зал с пятьюстами сорока дверьми. Мимо него будут проноситься кометы, новые взорвутся с ужасающим великолепием, планеты начнут вращаться, а новая жизнь оповестит о себе криком, в муках появляясь на свет.

Кровля этого дворца вознесется вверх подобно горам на фоне ночной темноты и облаков света. Концы стропил вытянутся с краев крыши, обращаясь в головы драконов, а через порог двери, к которой капитан вел свою команду, шеренгой пройдут восемьсот человек. И только одно существо будет дожидаться их, чтобы приветствовать пришествие; и за этой фигурой будет лишь темнота.

Когда капитан поймет, кто перед ним, он поклонится до самого низу.

И тот возьмет его за руку.

— Мы ждали, — скажет он.

Сердце капитана екает.

— Мэри тоже?

— Да, конечно. Все.

Я. И ты. И ты, будущий, если появишься на свет. В конце концов Закон Мерфи касается всех нас. Но мы, мои друзья, должны пройти к нему трудный путь. Наша удача

никуда не убежит от нас. Наоборот, решение, которое могло быть сделано, уже принято. Так уж было установлено для всей нашей расы (как и для триллионов других, должно быть, задающих себе вопросы, а что же находится за их небесами), что бы мы ни делали, о чем бы ни мечтали. Нет, наша цель — сделать так, чтобы у каждого была отличная и безопасная жизнь и равное положение, и если это окажется невозможным, тогда ничто другое не будет иметь никакого значения.

Если я попаду в такое место (и я рад, что это всего лишь вымысел), я постараюсь не забыть, что мы делали, видели, знали, кем были и кого любили.

Зал Мерфи.

ПОВЕЛИТЕЛЬ ТЫСЯЧИ СОЛНЦ

— Да,— рассуждал я,— почти все, что человек способен представить себе, может обнаружиться где-нибудь в Галактике. Их до черта, этих планет, с фантастическим разнообразием условий, с самыми фантастическими формами жизни, разума и цивилизаций, так что можно встретить все, что угодно. Я и сам, к примеру, бывал на планетах, населенных огнедышащими драконами, или там, где гномы сражаются с гоблинами, коими в детстве нас пугали матери. А на одной планете я даже повстречал расу колдуний-телепатов, способных гипнотизировать людей на расстоянии. Готов поспорить, что нет ни одной даже самой невероятной сказки, которая не имеет своего воплощения где-нибудь на другом конце Вселенной.

— Угу,— согласился Лэрд. Слова его звучали удивительно мягко и тягуче: — Вот и я однажды выпустил джинна из бутылки.

— Вот как? И что случилось потом?

— Он убил меня.

Я уже раскрыл рот, собираясь рассмеяться, но что-то в поведении Лэрда заставило меня удержаться: слишком уж серьезен был он. Его бесстрастное лицо не казалось застывшей маской клоуна, начавшего плести что-то несусветное, отнюдь, в его глазах появилась какая-то скорбь, смешанная с холодным сарказмом.

Я не слишком хорошо знал Лэрда, да он ни с кем и не был в особо близких отношениях. Большую часть времени он проводил среди звезд, выполняя задания Галактической Инспекции и реже других своих товарищей возвращался в Солнечную систему, где почти не задерживался и мало с кем общался.

Он был высок — почти шесть с половиной футов — со смуглым лицом и орлиным взором зеленовато-серых и удивительно блестящих глаз. То, что он немолод, можно было увидеть лишь по седым волосам на висках. Он был вежлив со всеми, но не любил говорить о себе, да и редко смеялся. Старые приятели, знавшие его тридцать лет, рассказывали, что некогда это был самый веселый и беззаботный офицер Солнечного Флота; по их мнению, какое-то событие во время мятежа так повлияло на него, что ни один психолог никогда не согласится, что с человеком возможны такие перемены. Сам он хранил об этом молчание. Известно было, лишь то, что после войны он ушел в отставку и поступил в Инспекцию.

В этот вечер мы оказались с ним одни в зале Исследовательского клуба, который размещался в здании за пределами главного купола Лунной Базы. Мы устроились в углу возле одного из больших окон, потягивая коктейль, доставленный с Центавра, ну и, разумеется, трепались языками.

Лэрд начал первым, хотя я подозреваю, что он просто хотел узнать у меня какие-нибудь новости.

Зал был почти пуст. За окном открывался великолепный вид: нагромождение скал по самому обрыву кратера, за которым простиралась черная холмистая равнина, залитая голубым светом Земли. Сверху чернел космос с мириадами холодных далеких звезд, искрами сверкавших в этой черноте.

— Но вы ведь сейчас живы? — заметил я.

Он рассмеялся, но не слишком весело.

— Ладно, — начал он, — я могу рассказать вам эту историю, хотя вы ей и не поверите, впрочем, это неважно. Иногда, под воздействием алкоголя, когда меня охватывает ностальгия, я ее рассказываю.

Он удобнее расположился в кресле.

— Возможно, это был не настоящий джинн, — продолжал он. — Скорее, призрак. Это случилось на планете, где некогда обитала раса существ, повелевавшая звездами за миллионы лет до появления человека и обладавшая такими знаниями, о которых наша цивилизация не имеет ни малейшего понятия. Но потом они исчезли, уничтоженные в одной-единственной вспышке пламени, и после этого взрыва на планете остались лишь развалины и пустыни, да еще призраки, ожидавшие в бутылке.

Я жестом показал бармену, чтобы он принес нам еще выпивки, подумав, что же имеет в виду этот здоровяк и насколько у него в порядке с головой. Впрочем... кто его знает? Среди звезд я видел такое, что невозможно увидеть ни в одном, даже самом безумном сне. Я видел исследователей космоса, которые вернулись из глубин пространства психами, с пустыми взглядами что-то бессвязно лепечущими, — их мозги были выжжены ледяной пустыней космоса. Считается, что космонавты могут поверить во что угодно. О Господи, а почему бы им и не быть такими!

— Уж не имеете ли вы в виду Новый Египет? — спросил я.

— Идиотское название! Стоит только найти где-нибудь остатки великой исчезнувшей цивилизации, как сразу же к этой планете приписывают название какой-нибудь незначительной земной местности. Поверьте, существа, населявшие Ввирдду, были подобны богам. Их мощь была такой, что гасли солнца во время их сражений, а однажды и на нашей милой Земле они показали себя — одного их корабля оказалось достаточно чтобы уничтожить всех динозавров миллионы лет тому назад.

— Черт побери, откуда вам все это известно? — удивился я. — По-моему, археологам так и не удалось расшифровать их записи.

— О да! Если что и поймут когда-нибудь наши археологи, — это то, что ввирдданцы удивительно походили на нас, людей, а их невероятно развитая цивилизация была уничтожена миллионы лет назад. По правде говоря, мне точно не известно, действительно ли они уничтожили динозавров на Земле, но уж то, что они постоянно занимались истреблением крупных рептилий на планетах земного типа, — это точно! При этом они рассчитывали колонизировать эти планеты в будущем. Насколько мне известно, они посетили Землю, поэтому я и предполагаю, что подобные действия они вполне могли осуществить и здесь.

Лэрд потянулся к бокалу и поднял его во второй раз.

— Благодарю! Ну а теперь, с вашего разрешения я продолжу.

Это случилось... когда же?.. тридцать три года назад. Тогда я был совсем молоденьким лейтенантом с блестящими перспективами и не менее грандиозными идеями и надеждами. Мятеж уже разгорелся вовсю, и под контролем дженеров оказался весь район космоса в созвездии

Стрельца. Дела для Солнечной системы складывались из рук вон плохо, и мне кажется, никто даже не подозревал, насколько мы были близки к поражению. Противник собирался вторгнуться в наши границы, смять своей армадой нашу линию обороны и спалить все живое на Земле адским пламенем своих орудий, как это они уже проделали с шестью другими планетами. Наша линия защиты, растянувшись на многие миллионы кубических световых лет, была ужасающе хрупкой. Да, ужасное было время.

Ввирдда — Новый Египет — была обнаружена незадолго до начала войны. Нам почти ничего не было известно о ней тогда, как, впрочем, и сейчас. В сущности, нам было ведомо, лишь, что в так называемой долине Богов содержится больше реликвий, чем в любом другом месте планеты. Меня очень заинтересовали проводимые здесь археологические раскопки, и я отправился на Ввирдду, где вошел в состав группы, обнаружившей гравитомагнитный генератор. Нам удалось его восстановить; благодаря этой находке мы многое узнали о гравитомагнитных полях.

Я был молод и воображал себе, что где-то в этом лабиринте можно найти и другие артефакты. Внимательно изучив отчеты исследователей, мне показалось что я знаю, где мне начать поиски... поиски оружия, мощь которого миллионы лет назад рождала новые звезды...

Планета находилась глубоко в тылу дженеров и с военной точки зрения не представляла никакого интереса. Естественно, что эти варвары не держали там гарнизон, и, уж конечно, им в голову не могли прийти идеи, бродившие в моей голове. Я надеялся, что одноместный разведчик сможет проскользнуть сквозь вражеские заграждения, раскинутые в космическом пространстве, с его невероятно огромными, не поддающимися человеческому осмыслению расстояниями. Да и что я терял — лишь жизнь, — тогда как мог стать обладателем неисчислимых сокровищ.

Добрался я до планеты без каких-либо происшествий, приземлился в Долине Богов и принялся за работу. Вот тогда-то и начались развлечения!

Лэрд усмехнулся, и в его усмешке было что-то жуткое.

Луна огромным, в три Земли, неровным щитом нависала над холмами; ее белый ледяной свет обесцвечивал все в долине, так что исчезали все тени. Над головой сверкал

невероятный небосвод Стрельца — тысячи и тысячи звезд, постоянно перемещавшихся, взгромождавшихся друг на друга, образовывавших группы, скопления, созвездия, непривычные человеческому глазу. Искорки звезд мерцали в холодном прозрачном воздухе. Пальцы Лэрда онемели от холода. В свете луны он мог рассмотреть каждую пору на коже руки, каждую вмятинку на шершавой поверхности пирамиды. От холодного ветра его пробирала дрожь, в лицо мело облака пыли, и все это сопровождалось сухим треском. Тело его в миг покрылось ледяной коркой. Дыхание белым паром вырывалось изо рта, а вдыхаемый воздух казался жидким.

Вокруг лежали остатки того, что некогда было городом. Сохранились лишь несколько колонн и рухнувших стен — да и то благодаря растекшейся по поверхности лаве, в которой все застыло.

Он точно оказался в городе призраков: в этом фантастическом свете луны причудливые тени и песок, носимый ветром, словно бы являлись призраками живых существ, обитавших в этих высоких строениях города, города-призрака на планете призраков, и на всей планете от них ничего не осталось — лишь эти развалины.

Но где-то здесь, в глубинах...

Внезапно Лэрд услышал в вышине какое-то гудение... что-то опускается? Вот оно уже ниже звезд, луны. Он вспомнил, как за несколько минут до этого стрелка детектора металлов качнулась вверх, когда он находился в глубинах пирамиды. Он поспешно поднялся на поверхность и теперь ждал с замиранием сердца.

«Нет-нет, только бы не дженеры! — с отчаянием подумал Лэрд. — Тогда конец всему!

Ветер разносил его яростные ругательства вместе с песком и хоронил их в вечном молчании долины. Взгляд Лэрда устремился к его маленькому кораблю. Тот был скрыт тенью пирамиды, к тому же он на всякий случай засыпал его песком. Однако если у дженеров окажется металлоискатель, подобная мера предосторожности не поможет. Песок и ветер — им не помеха; они без труда его выследят в лабиринте пирамиды, какую бы ловкость и проворство он ни проявлял. К тому же он почти безоружен. Его рука сжала рукоять бластера... Что он может сделать с таким жалким оружием?!

«Господи! Получается, что я привел их прямо сюда! Именно я привел врага к оружию, способному уничтожить Землю!»

Наконец он решился. Проклиная все на свете, он бросился бегом ко входу в пирамиду.

В свете фонарика он увидел бесконечные коридоры, уходящие вниз, куда уносилось гулкое эхо его шагов. Тусклое сияние фонарика плясало на стенах, и казалось, что его со всех сторон окружают ни на миг не останавливающиеся тени,— миллионлетние призраки древних богов, вот-вот готовых наброситься на него и задушить.

Лэрда начал охватывать ужас первобытного человека, еще больше усиливавший его тревогу, смешавшуюся с отчаянием: ведь он спускался в древнюю гробницу,— и ему пришлось собрать всю волю, все мужество, чтобы не броситься со всех ног без оглядки назад. Но все равно он не отваживался оборачиваться.

Ниже, еще ниже, вниз по этому петляющему коридору в самое чрево планеты. Человек легко мог заблудиться в этом мраке и холоде и не выбраться наружу, бродя по бесчисленным галереям, слыша лишь гулкое эхо собственных шагов. Единственным проводником ему служили донесения Марчисона, но, чтобы достигнуть сокровищницы, возможно, понадобится несколько недель. Ага, теперь сюда...

Лэрд бросился в узкий проход. Ему пришлось направить луч бластера на дверь, преграждавшую вход в хранилище, и она стала медленно крениться в бездонный мрак впереди. О, это были настоящие врата — несколько десятков футов в высоту,— и, перешагивая через порог, он ощущал себя муравьем в величественности открывшегося перед ним зала и его сокровищ.

В тусклом свете фонарика он увидел металл, стекло, какие-то материалы, неизвестные ему, по всей видимости, пролежавшие здесь нетронутыми миллионы лет до его появления с надеждой пробудить мощь открывшихся его взору машин. Об их предназначении он не имел ни малейшего понятия. Лэрд нажал какие-то кнопки. Послышалось мерное гудение, приборы замигали, но он побоялся продолжать дальше свои эксперименты. Землянин надеялся обнаружить здесь антигравитационное устройство, чтобы поднять все это богатство на корабль. Только бы доставить его на Землю! Уж тогда бы ученые разобрались, что к чему.

Он по-волчьи оскалился и включил фонарик поярче. Свет залил гробницу, отразился от уродливых корпусов машин, которыми он не мог воспользоваться и которые вобрали в себя мудрость технологии чуждой расы, бороздившей межзвездное пространство и повелевавшей солнцами и планетами. До прихода врагов он должен понять, как пользоваться хотя бы одной из этих машин. «Может быть, мне удастся одним ударом покончить с ними (как герой из какого-нибудь боевика), — мелькнуло в его голове. — Или по крайней мере разрушить здесь все, дабы оно не попало в руки врага. Мне следовало предвидеть подобный исход. Надо было сделать бомбу, чтобы в крайнем случае можно было отправить ко всем чертям эту пирамиду...»

Призвав на помощь все свое самообладание, он остановил бешеный бег мыслей. Землянин огляделся: на стенах хранилища он заметил рисунки, стершиеся от времени, но все еще различимые — предназначались они, по всей видимости, тому, кто в конце концов обнаружит эту сокровищницу. На них были изображены жители Нового Египта, существа, очень похожие на людей, — высокие и величественные, с черной кожей и темными волосами, резкими чертами лица, одетыми в яркую одежду. Один из рисунков привлек его внимание, это была схема действий, как в старом комиксе: человек брал прозрачный шлем, укреплял его на своей голове, слегка поворачивал маленький тумблер. Лэрд захотелось проделать это, хотя только одному Богу было известно, что же из этого может выйти!

Он нашел этот шлем и осторожно напялил его на голову. Скорее всего, в этом заключался его последний шанс. На ощупь прибор оказался холодным, гладким, твердым. Сразу надеть его не удалось; шлем странным образом сопротивлялся его попыткам, словно... он был живым! Лэрд вздрогнул и повернулся к машинам.

Вот эта штука, в центре которой стержень, обмотанный проводом, видимо, энергетический проектор. Как же привести его в действие? Черт побери, где же отверстие, указывавшееся на схеме? Тут он услышал отдаленный топот, — он приближался к вратам, через которые он сюда попал. «О Господи! — простонал Лэрд про себя. — Они времени зря не тратят!»

Впрочем, торопиться им было некуда: благодаря детектору металлов, корабль дженеров приземлился возле этой

пирамиды, а не у любой соседней из десятка разбросанных по всей долине. Ну а детектор энергии показал, где он скрывается...

Лэрд потушил фонарик и присел за одной из машин, крепко сжимая в руке рукоять бластера.

Голос по ту сторону двери произнес:

— Соппротивление бесполезно, солнечник. Выходи!

Лэрду с трудом удалось промолчать, и он стал ждать.

Затем заговорил женский голос, причем красивый, отметил тут же, совсем некстати Лэрд — низкий, приятно модулированный, хотя в нем и звучала сталь. Дженеры были очень жестокими, у них даже женщины становятся командирами, капитанами судов, несущими смерть людям.

— Тебе лучше всего сдаться, солнечник. Ты все сделал за нас. Наши подозрения насчет попытки пробраться сюда оправдались. Нам так и не удалось перехватить донесения ваших археологов, а без них надежд на успех почти не было. Вот поэтому вокруг планеты и кружился наш корабль, оснащенный детекторами массы. Мы сразу же засекли тебя, но позволили немножко поработать здесь, на планете, и теперь мы явились забрать то, что ты здесь обнаружил.

— Убирайтесь! — воскликнул Лэрд, едва ли отдавая отчет в том, что делает. — Я установил бомбу. Уходите — или я все здесь разнесу к чертям!

Раздался презрительный смех.

— Ты лжешь; если бы она у тебя была, мы бы знали об этом. Тем более что мы в скафандрах. Выходи с поднятыми руками, иначе мы пустим газ в это подземелье.

— Отлично! — вскричал он. — Отлично, вы сами на это напросились!

И он повернул тумблер шлема.

Голова его словно бы разлетелась на множество кусочков. Мрак как бы разорвала вспышка молнии. Он чуть не обезумел от нахлынувшей на него ярости, как током ударившей по его нервам и парализовавшей его тело. Он рухнул на пол. Над ним закружились какие-то бормочущие призраки. Мрак ночи, смерть, гибель мира. И высоко над всем этим — смех.

Он лежал, скрючившись, на полу возле машины и стоял. Услышав его стоны, враги медленно, с осторожностью вошли в пещеру и теперь, возвышаясь над ним, наблюдали за его последними спазмами...

Они, мятежники-дженеры, были высоки и хорошо сложены. Тогда, триста лет назад, Земля отправила лучших своих сыновей и дочерей для колонизации Стрельца. И колонистам пришлось вести долгую и жестокую борьбу, завоевывая планеты, обживать их, хотя ни одной из них никогда не стать второй Землей. Наверное, это изменило их души, сделав их ледяными, а тела — похожими на сталь.

Все началось с ссоры по поводу таможенных тарифов, которая затем переросла в мятеж против Империи. В сущности, это был мятеж ребенка-мутанта, новой культуры, рожденной в огне, боях, и одиночества громадных пустых пространств между звездами.

Дженеры продолжали стоять и бесстрастно взирать на корчившееся тело, дожидаясь, когда оно затихнет. После чего один из мужчин-дженеров наклонился и снял с головы Лэрда шлем, сделанный из блестящего металла, похожего на стекло.

— Он, видимо, хотел использовать это против нас, — сказал дженер, вертя в руках шлем. — Но оно не приспособлено к нашему типу жизни. Древние обитатели этой планеты имели человеческий облик, но, похоже, на этом сходство с ними заканчивается.

Женщина-командир с некоторой жалостью посмотрела на Лэрда.

— Он был храбрецом, — заметила она.

— О, не торопись его хоронить, он, похоже, еще жив. Вот он пытается подняться...

Даришу наконец удалось овладеть этим дрожащим телом. Оно было слабым, безвольным. Мозг землянина переполняли страх и отчаяние. Перед ним стояли враги, собравшиеся уничтожить его цивилизацию и родную планету. Но самое страшное, он испытывал невероятную тяжесть в мышцах; не было контроля над нервной системой. Он словно бы оказался в пустоте и темноте — отказали все пять чувств; он был глух, нем, слеп...

«О, Ввирдда, Ввирдда... Я оказался пленником в мозгу существа, не способного к телепатическому обмену мыслями! Призрак, воплотившийся в плоть какого-то полутрупца!»

Сильные руки помогли ему встать.

— Твоя попытка противостоять нам была просто глупой, — услышал он холодный женский голос.

По мере того, как нервная и эндокринная системы и мускулатура обретали связь с его разумом, полностью уже пробудившимся и готовым бороться за обладание этого тела с безумцем Лэрдом, Дариш чувствовал, как к нему возвращаются силы. Он дышит и вздрагивает... он снова вдыхает воздух после... скольких же лет? Сколько же времени он пробыл мертвым?

Глаза его впились в женщину. Она была высока и стройна. Рыжие волосы выбивались из-под шлема с забралом, широко расставленные голубые глаза открыто смотрели на него, и лицо ее было красиво, дышало свежестью и молодостью. Он на минуту вспомнил Илорну, и старая боль пронзила его тело... Он справился с собой, снова посмотрел на женщину и улыбнулся.

Это была презрительная улыбка, и женщина гневно выпрямилась.

— Кто ты, солнечник? — спросила она.

Дариш, обладавший воспоминаниями хозяина своего мозга, лингвистическими навыками, равно как воспоминаниями и знаниями ввирдданца, понял вопрос. Он твердым голосом ответил:

— Лейтенант Имперского Солнечного Флота, Джон Лэрд, к вашим услугам. А теперь представься сама.

— Ты слишком много хочешь знать,— ответила она ледяным тоном,— но хорошо, я отвечу: ведь я намерена расспросить тебя кое о чем. Я капитан Джоанна Ростов, Дженерский Флот. И будь почтителен, не забывайся.

Дариш огляделся. Дела шли неважно. Сейчас он был лишен возможности рыться в воспоминаниях Лэрда, но и так было ясно, что он оказался в руках врага. Сейчас ему было все равно, кто был прав в военном конфликте, начавшемся века спустя, через миллионы лет после гибели Ввирдды, но, чтобы свободно действовать, ему необходимо было узнать побольше. Тем более, что, кажется, Лэрд, выжил и начинал оказывать ему сопротивление.

Знакомые устройства и машины выглядели как-то непривычно. Среди них были и такие, которые способны превратить в пыль целые планеты! Но неужели знания Ввирдды должны унаследовать какие-то варвары! Разумеется, вопрос об использовании этого шквала огня будет принадлежать ему. Непроизвольно он гордо вскинул голову. Ему! Ибо он — последний представитель цивилизации ввирдданцев, создавших эти машины, и это было его наследие.

Он должен как можно быстрее избавиться от них!

Джоанна Ростов смотрела на него со смесью любопытства, подозрительности, испуга и смущения.

— Что с тобой, лейтенант? — спросила она. — Ты совсем не похож на человека, мечты и надежды которого только что развеяны в прах. Для чего предназначается этот шлем?

Дариш пожал плечами.

— Это контрольное устройство, — тут же ответил он, без труда найдя нужные слова. — Я спешил и не смог должным образом приспособиться к его управлению. Впрочем, неважно. Тут есть множество других устройств и машин!

— А для чего они?

— О, для самых разных целей. Вот эта, внизу, к примеру, — атомный дезинтегратор, ну, а это — устройство, устанавливающее защитное поле, а...

— Ты лжешь. Ты не можешь знать столь много.

— Доказать?

— Конечно, нет. Иди сюда!

Дариш спокойно прикинул расстояние до врагов. Сейчас уже полностью восстановилась вся великолепная психосоматическая координация его расы, развитой до совершенства за миллионы лет, правда, похоже, этому телу не хватает отдельных подклеточных элементов. Тем не менее... пока не следует идти на излишний риск.

Он бросился на дженера, стоявшего рядом с ним. Ребром ладони он ударил того по горлу, а другой рукой толкнул его на второго солдата. Не сбиваясь с ритма движения, он перемахнул через валившиеся тела, схватил автомат, оброненный одним из солдат, длинным прикладом достал до выключателя защитного поля проектора.

В сумраке блеснуло оружие. Пули, попадая в мощное защитное поле, взрывались. Дариш прыгнул к двери и скрылся в туннеле.

Через несколько минут враги кинулись за ним, но он к тому времени уже полностью мог контролировать двигательную систему этого великолепного тела с его такими длинными ногами. Дариш бежал легко, ровно дыша, сохраняя силы. Он еще не вполне владел подсознательными функциями своего нового организма, слишком уж велики были различия в их нервных системах, но бежать в таком темпе он мог очень долго.

Дариш нырнул в боковой проход, вспомнив внезапно про его существование. Сзади раздался щелчок выстрела, а затем на него обрушился дождь пуль. Дженерцы поливали огнем и другие коридоры — им придется проверять каждый закоулок этого лабиринта, каждый изгиб туннеля, а без детектора жизненной энергии им ни за что не найти его. И тогда они заблудятся в этом лабиринте и будут бродить по нему, пока не умрут от истощения.

Но капитан у них — умная женщина. Она догадается, что он попытается пробраться к поверхности и проникнуть в их корабль. Она постарается преградить ему путь. Чувствуя некоторое беспокойство, Дариш продолжил бег.

За многие и многие века эти темные и пустые коридоры покрылись инеем. Воздух стал сухим и пыльным. Сколько же прошло времени? Сколько?

Джон Лэрд медленно приходил в себя. Восстанавливались связи между нейронами в мозгу. Его личность приходила в себя после потрясения. Дариш вздрогнул, когда некоторые мышцы одна за другой стали дергаться, получая сигналы от мозга: его второе «я» пыталось снова обрести над ними контроль. Дариш выругался про себя, желая, чтобы оно снова исчезло в небытие. Он подбодрил себя: «Держись, Дариш, держись! Еще несколько секунд!».

Через маленькое боковое отверстие в стене пирамиды он выпрыгнул наружу. Он снова был в долине, вдыхая свежий воздух, жадно пожирая все вокруг взглядом, песок, камни, незнакомые звезды, новые созвездия... Боже, значит, действительно прошло столь много времени! Луна уж точно значительно увеличилась в размерах по сравнению с той, что помнил он. Видимо, она приблизилась к планете за эти неисчислимые века, но по-прежнему заливала мертвый пейзаж холодным серебром.

Корабль! Где же, черт побери, он?!

Невдалеке располагался корабль дженеров — длинный корпус в виде торпеды, покоящейся на дюнах, но его, безусловно, охраняли, так что и думать не стоило пытаться захватить его. Но где же корабль Лэрда?

Пробираясь в несвязных воспоминаниях чужака, Дариш вспомнил, что корабль захоронен к востоку... Нет, это сделал не он, а Лэрд. Дьявольщина, надо поторопиться! Он побегал вокруг невероятно огромной пирамиды, источенной эрозией, увидел небольшой холмик и там тускло блеснуло отражение металла. Ну и дурак же этот Лэрд!

Он начал выбрасывать песок из пневматического шлюза. Сухой воздух обдирает горло и легкие. У него было в запасе всего несколько минут. Теперь, когда его враги знают наверняка, что ему известно устройство этих машин...

Вот наконец тускло заблестела дверь шлюза. Он ощутил ее холод под руками. Поворачивая ручку, он разразился страшными проклятиями, неизвестными на древней Ввирдде, но, видимо, привычные для хозяина его нового тела, существа, не прошедшего психосоматической тренировки, остановившегося в эволюционном развитии... Они идут!

Схватив автомат, он дал короткую очередь по дженерам, показавшимся из-за угла. Они попадали как подкошенные, завопив в мертвенно-бледном лунном свете. Вокруг него засвистели пули, отскакивая от корпуса корабля.

Воспользовавшись тем, что враги отступили, чтобы предпринять новую попытку, он открыл люк. На мгновение ледяная улыбка мелькнула на суровом лице воина, повелевавшего тысячью солдатами и командовавшего флотом Ввирдды.

— Прощайте, мои милые,— пробормотал он, и родная ввирдданская речь сладким медом прозвучала для слуха.

Захлопнув дверь люка, он вбежал в рубку управления, автоматически отдавшись навыкам Лэрда. Недостойное начало, конечно. Вот когда он поднимется в небо и освободится...

Что-то сильно толкнуло его в спину и с силой швырнуло в пилотское кресло. Металл вокруг разлетелся на куски в диком реве и треске. Господи! Дженыры выстрелили из дальнобойных орудий своего корабля. Они попали в двигатель, и машина больше не слушается его, она падает...

Дариш угрюмо рассчитал траекторию падения: ему еще повезло, он упадет среди холмов милях в ста от долины. Но ему придется бежать — дженыры будут преследовать его на своем корабле, как дикого зверя... что ж, Джон Лэрд получит то, чего хотел. Он стал изрыгать из себя проклятия, в то время как личность хозяина тела снова дала знать о себе. Впрочем, это яростное сражение скоро закончится...

«Ну ладно.— Дариш мысленно пожал плечами.— В худшем случае я просто сдамся дженерам, перейду на их

сторону. Какая мне разница, кто выиграет эту идиотскую войну? У меня есть дела поважнее».

Возникло ощущение кошмара. Джон Лэрд скорчился в продуваемой насквозь ледяным ветром пещере и вглядывался в голые холмы, облитые холодным лунным светом. Глазами другого он видел корабль дженеров, который приземлился рядом с обломками его судна, блеск стали охотившихся на него врагов. Охотились-то на него.

Но остался ли он самим собой? Или он просто пленник в собственном черепе? К нему приходили чужие воспоминания; он ощущал, как мысленный зонд чужака копался в его воспоминаниях. Да, он убегал от врагов, но в то же время он, Лэрд, находился в темной пропасти безумия. Он вспоминал собственную жизнь, но одновременно помнил и о другой, что длилась тысячу лет. Глядя на дикие скалы, песок, пыль, поднимаемую ветром, он видел эту местность другой — зеленой и прекрасной. Он вспомнил, что был Даришем из Толлога, правившим целыми планетными системами в Империи Ввирдды. И в то же время он был Джоном Лэрдом с Земли; два потока мыслей шли через его сознание, прислушиваясь друг к другу и наскакивая друг на друга в тесноте его мозга.

Миллион лет!

Дариш мысленно созерцал развалины Ввирдды, ощущая ужас, ностальгию и скорбь. Миллион лет!

«Кто ты? — кричал Лэрд мысленно. — Что ты со мной сделал?»

И пока он задавал эти вопросы, поднимались из глубин воспоминания, принадлежавшие теперь ему. Он знал уже ответ.

Это было восстание эроев. Их предки в свое время приехали на Ввирдду, но прошедшие века в жестоком окружении, они изменились не в лучшую сторону. И восстали против незыблемого правления Бессмертных. За одно столетие войны они объединили половину Империи. Бессмертные и те, кто остался им верен, совершенствовали сверхмощное оружие, способное уничтожать звезды, оружие, которое было запрещено и миллионы лет оставалось захороненным в самых глубоких подземельях Ввирдды. Однако... эрои знали. И у них тоже было это оружие.

В конце концов Ввирдда пала, ее флот был уничтожен, армия разбежалась по тысячам опустошенных планет. Торжествующие эрои вознамерились до конца разрушить мир,

в котором родились, ибо в мощных имперских арсеналах не было ничего, что могло бы их остановить.

Их культура не имела под собой твердой основы, а значит, не могла продержаться столь же долго, как Ввирдда. Через какую-то тысячу лет эрой исчезли, не оставив после себя никаких следов. «Но нам-то от этого что?» — произнес про себя Лэрд с горечью, и с ужасом вдруг понял, что это была мысль Дариша.

Ввирдданец желает высказаться, скинуть с себя груз миллионлетнего одиночества, осознал землянин.

«Послушай, Лэрд, по-видимому, мы обречены оставаться в одном теле, пока один из нас не избавится от другого. И, похоже, дженеры жаждут заполучить это тело. А борьба за обладание им ослабит его — не лучше ли нам объединиться, а?»

«Эй, приятель, за кого ты меня принимаешь? Неужели ты считаешь, что я прямо-таки горю желанием делить свой разум с подобным тебе вампиром?»

«Подобным мне? — Ответ был яростный и холодный. — Мне, Даришу из Толлога, повелителю тысячи солнц и возлюбленному прекрасной Илорны, бессмертному владыке величайшей Империи во Вселенной! Теперь волею судьбы заключенному в тело примитивного чуждого существа через миллионы лет после гибели всего, что составляло суть моей жизни. Тебе повезло, Лэрд, что ты встретил меня здесь. Ведь только я могу управлять всем тем оружием из лабиринта. Я!»

Глаза были устремлены на мрачный ландшафт, в то время как двойной разум следил за фигурками, шныряющими по холмам в поисках следа и казавшимися отсюда совсем крошечными.

«И что с того? — молвил Лэрд. — Не забывай, я ведь знаю твои мысли и помню, о чем ты думал раньше. Солнце или Дженея — для тебя между ними нет разницы. Откуда мне знать, что ты не обманешь меня?» Ответ последовал незамедлительно, сопровождаемый издевательским хохотом.

«Что ж, попробуй прочитать что-нибудь в моем мозгу, Лэрд, ведь он теперь, кажется, и твой тоже?! Похоже, — продолжил он более спокойно, — история повторяется, но на новом витке, в меньших масштабах и при менее развитых науке и технике: мятеж скатившихся в варварство колонистов против планеты-прародительницы. И вряд ли

можно ожидать, что это пойдет на пользу цивилизации. Впрочем, возможно, в этот раз мне удастся принять более активное участие, чем миллионы лет назад».

Ему казалось каким-то нереальным то, что он лежит среди развалин древнего мира, — своего родного мира! — спасаясь от преследователей, и читает мысли, которые были вовсе не его! Он не имел над ними власти! Лэрд сжал кулаки, пытаясь обрести контроль над своим разумом.

«Так-то лучше, — иронически заметил Дариш. — Но не стоит напрягаться. Дыши медленно и глубоко, постарайся хотя бы одну минуту не думать ни о чем, кроме дыхания, а затем обследуй мой мозг, который также и твой».

«Заткнись! Скройся!»

«Боюсь, что это невозможно. Теперь, когда мы в одном теле, нам придется привыкать друг к другу. Расслабься, приятель, успокойся. Подумай о том, что с тобой произошло, согласись, что тебе еще повезло».

Говорят, что человек — это животное, ограниченное во времени. И лишь Ввирдда с ее необыкновенной волей и страстным желанием смогла в свое время преодолеть границы смерти. И вот он возродился через миллионы лет, за которые его гибнущий мир канул в лету.

Что такое личность? Это нечто неуловимое и нематериальное, схема, существующая в определенном процессе. Рождающийся организм обладает определенным генетическим наследием. Попав в мир, он разбивается в сложнейших взаимосвязях. Он есть нить от наследственности к окружению. Его интеллектуальный компонент, иногда называемый «я», «эго», неотделимая от тела составляющая, может быть изучена и отдельно.

Наука Ввирдды достигла такого уровня, что ученым удалось выделить то, что составляло личность Дариша. Когда близился час последнего решающего боя, а враг готовился к штурму последних бастионов Ввирдды и было ясно, что цивилизации Ввирдды наступит конец, ученые в лабораториях создали молекулярный сканер, который мог записывать привычки, память, рефлексy, инстинкты, то есть то, что составляет личность в электронном виде, на особые кристаллы. Был взят мозг именно Дариша, а не чей-нибудь другой: он был единственным из Бессмертных, кто захотел этого. Никого не вдохновляла мысль возродиться через столетия после своей смерти, оказаться в

мире, давно забывшем о его родной цивилизации. Дариш обладал отвагой, а после того, как умерла Илорна, ему было безразлично, что случится с ним лично.

«Илорна, Илорна!» — Лэрд уловил в своей памяти ее незабываемый образ: лучистые глаза, улыбающееся лицо, шапка длинных черных волос, ниспадавших на гибкое обворожительное тело. Как же сладок был ее голос и нежны губы! Он любил ее. Прошли миллионы лет, ветер давно развеял пыль, оставшуюся от нее, а он продолжал любить той своей частью, которая была Даришем, и, кажется, эта страсть все сильнее проникала и в сознание Джона Лэрда... Илорна, Илорна!..

И Дариш... Тело его погибло вместе с планетой, но электронная запись его личности на кристалле сохранилась в подземной сокровищнице вместе с другими замечательными творениями цивилизации Ввирдды. Электронная схема ждала своего пробуждения: кто-то обнаружит сокровищницу, наденет на голову шлем и включит устройство воспроизведения разума Дариша, и тогда он, Дариш, расскажет о погибшей цивилизации Ввирдды и постарается возродить традиции пятидесятимиллионной давности. Обет, данный Ввирдде, исполнится через бездну времени...

«Но ведь Ввирдда *мертва*, — вдруг подумал Лэрд. — Сейчас новое время, новая история... Ты не имеешь права указывать, что нам делать!»

Тут же последовал холодный ответ:

«Я буду поступать так, как сочту нужным. А тебе советую не мешать мне и не спорить со мной».

«Заткнись, Дариш! — мысленно рявкнул Лэрд. — Не желаю выслушивать приказы от кого-либо, даже от призрака».

«Сейчас у нас нет выбора, — продолжал увещевать голос Дариша. — За нами охотятся, и если у них есть детекторы жизненной энергии — да, я вижу, они у них есть, — они без особого труда найдут нас по излучению тепла нашего тела. Так что для нас лучше всего мирно сдать. Они загрузят свой корабль могущественными машинами и устройствами Ввирдды. И вот тогда нам предоставится шанс».

Лэрд неподвижно лежал и смотрел на приближающихся врагов. Его захлестнуло чувство поражения. Разве по силам ему справиться с Даришем? Стоит ли вообще пытаться?

«Хорошо,— сказал он наконец вслух.— *Отлично!* Я согласен, но буду продолжать следить за всеми твоими мыслями, понятно? Не думаю, что, если я решу покончить с собой, ты сумеешь помешать мне в этом».

«А я думаю, мне это удастся. Противоположные команды нейтрализуют друг друга, и тогда тело впадает в паралич. Расслабься, Лэрд; уйди, отдай контроль над телом мне. Я — воин-Дариш, я бывал в более жестоких сражениях, чем это».

Он встал и начал спускаться с холма с поднятыми руками. По пути Дариш продолжил свою мысль:

«Помимо всего прочего... эта девушка-командир — просто очаровательна... Все может оказаться очень интересным!»

Под луной раздался его нечеловеческий смех.

— Я не понимаю тебя, Джон Лэрд,— сказала Джоанна.

— Порою я и сам не вполне понимаю себя,— легко-мысленным тоном ответил Дариш.— И тебя тоже, дорогая.

Она выпрямилась.

— Лейтенант, не забывай, в каком положении ты здесь находишься.

— К дьяволу все звания! Попробуем хоть немного побыть просто живыми людьми.

Она испуганно посмотрела на него.

— Ты ведешь себя и разговариваешь как-то необычно для солнычника.

Дариш мысленно проклял это тело. Какое оно уродливое! В нем нет силы и утонченности, чуткости восприятия, к которым он привык. Грубая структура мозга не соответствовала его способностям. Он утратил ясность мышления, увязнув в трясине неторопливых мыслей, естественно, совершая ошибки, на которые в старом теле он, Дариш, был не способен. И эта молодая леди тотчас же заметила это. Его взяли в плен смертельные враги Джона Лэрда, и мозг землянина связывает мысли его, волей и воспоминаниями... и он, готов сражаться, если появится хоть малейшее подозрение на предательство...

Тут «я» землянина злорадно ухмыльнулось. «Осторожнее, Дариш, осторожнее!»

«Молчи уж!» — возразил тот, внезапно осознав, что и его собственная нервная система, как бы тренирована она ни была, тоже устала.

— Теперь я могу признаться, капитан Ростов,— громко сказал он — я вовсе не Лэрд. Теперь уже не Лэрд.

Она не ответила, только опустила глаза и откинулась на спинку кресла. Мимоходом он отметил длину ее ресниц... а может, это сделал разум Лэрда, потрясенный необычайным сходством с Илорной?

Они сидели вдвоем в ее маленькой каюте на борту крейсера дженеров. За дверью стоял охранник, но дверь была заперта. Время от времени до них долетали лязганье и скрежет металла: на корабль грузили тяжелые машины Ввирдды. И если бы не эти звуки, то могло бы показаться, что они — единственные живые существа на этой разрушенной планете.

Спартанскую обстановку каюты приукрасили женские руки: портьеры, маленький цветок в горшке, нарядное платье в полуоткрытом шкафу. И главное украшение — красивая молодая женщина с рыжими волосами, свободно ниспадавшими на плечи, и блестящими глазами. Однако ее изящная рука покоилась на рукоятке пистолета.

— Мне хотелось поговорить с тобой без свидетелей,— откровенно начала она.— Кое-что я никак не могу понять. Но помни: при малейшем подозрении я буду стрелять. И даже если тебе все-таки каким-то образом удастся захватить меня, то я не буду представлять для тебя интерес как заложница. Для нас, дженеров, дело важнее наших жизней.

Она замолчала, ожидая, что теперь он станет говорить.

Он взял сигарету из пачки, лежавшей на столе,— опять-таки дала знать о себе привычка Лэрда,— закурил и медленно выдохнул дым. «Очень хорошо, Дариш, продолжай в том же духе. Думаю, что действуешь ты правильно, если только это к чему-нибудь в итоге приведет. Но не забывай, что я тоже слушаю тебя».

— Ты видишь перед собой Дариша из Толлога, Бесмертного с Ввирдды, последнего представителя давно погибшей цивилизации,— начал он ровным тоном,— впрочем, в определенном смысле я тоже умер миллионы лет назад.

Джоанна не шевельнулась, но он видел, как напряглись ее руки и дыхание прерывисто вылетало через полураскрытый рот.

Он постарался как можно короче рассказать, каким образом ученым его планеты удалось сохранить запись его сознания, каким образом он стал хозяином тела и мозга Джона Лэрда.

— И ты полагаешь, что я поверю в эту историю? — с презрением спросила девушка.

— На борту корабля есть детектор лжи?

— Да, он есть в моей каюте, и я могу воспользоваться им.

Джоанна поднялась, подошла к шкафу и достала устройство. Дариш отметил грациозность ее движений. «Ты давным-давно умерла, Илорна... ты умерла, и во всей Вселенной не было и не будет такой, как ты. Но я продолжаю жить, и она напоминает мне тебя».

Девушка включила черное устройство; оно загудело, засветилась приборная шкала. Дариш надел металлический шлем, подключил к запястьям клеммы и стал ждать, пока Джоанна наладит прибор. Из воспоминаний Лэрда он выяснил, как действует эта штука, изменяющая активность отдельных мозговых центров и силу напряженности связей между ними, резко возрастающая в момент лжи.

— Так, — сказала Джоанна, — скажи какую-нибудь заведомую ложь.

— У Нового Египта, — улыбнулся он, — есть кольца, состоящие из голландского сыра. Однако сама планета состоит из деликатесного камамбера...

— Достаточно. А теперь повторите свой рассказ.

«Расслабься, Лэрд, ради Бога, исчезни!.. Я не смогу справиться с этой штукой, если ты будешь мне мешать».

Он твердым голосом повторил свой рассказ, одновременно продолжая копаться в мозгу Лэрда, изучая возможности его контроля над нервной системой землянина, пользуясь своим огромнейшим багажом знаний цивилизации Ввирдды. И, уж конечно, он без труда сумел обмануть электронный прибор, поднимая, где надо, уровень активности нервных центров.

Он решительно продолжал излагать свою историю, все-таки опасаясь неожиданного срыва — вдруг внезапно подсочившиеся стрелки выдадут его ложь, после чего последует незамедлительный выстрел в сердце.

— Разумеется, личность Лэрда была полностью стерта, поглощенная мной. Правда, кое-какие из его воспоминаний остались, но если не считать этого, то перед

тобой — Дариш с Ввирдды, и я готов предложить свои услуги!

— О каких услугах может идти речь?! — Джоанна прикусила губу. — Ты убил четверых моих людей!

— Попробуй представить себя на моем месте. Шок после возрождения в новом теле: вот только что я сидел в мягком кресле, когда с меня бралась запись мозга... и внезапно я оказываюсь в чужом теле. Естественно, моя нервная система была потрясена, и я не мог здраво мыслить. Мною владела только одна навязчивая идея Лэрда: вокруг меня смертельные враги. Я действовал чисто инстинктивно. Помимо этого, я еще страстно желал освободиться от остатков личности Лэрда, полностью и единолично контролировать тело. Что мне в конце концов и удалось. Я сожалею о гибели твоих подчиненных, Джоанна, но думаю, что мои знания послужат достаточной компенсацией.

— Гм-м! Но ты сдался, когда у тебя не было никакого иного выхода.

— Да, это так, но я все равно уже собирался пойти сдаваться вам в плен.

Глаза женщины впились в показания прибора, означавшие для него жизнь или смерть.

— В конце концов я ведь нахожусь в глубинах вашей территории, вы побеждаете в войне, до которой мне нет никакого дела. И мне так кажется, что для человеческой расы будет лучше, если победят дженеры. История свидетельствует: когда вновь появившиеся культуры, которые старая империя считает варварскими, хотя на самом деле они-то и являются более прогрессивными, с лучшей способностью к адаптации, побеждает над более старыми и более консервативными культурами, то в результате происходит скачок в будущее и необычайный расцвет.

Заметив, что девушка расслабилась, он мысленно торжествуя улыбнулся. Как же легко удалось провести ее! Молодо-зелено. Достаточно лишь скормить ей правдоподобную ложь, звучавшую красиво, в духе пропаганды, в которой она воспитывалась... и вот она уже не думает о нем как о враге.

Она подняла на него голубые глаза. Губы ее раздвинулись.

— Ты хочешь помочь нам? — спросила она шепотом. Дариш кивнул.

— Я все знаю об этих машинах: принцип их действия, устройство и применение. Их сила действительно способна уничтожить целые планеты. Вашим ученым никогда не открыть и половины того, что знаю я. Я научу вас, как пользоваться этими машинами. Естественно,— добавил он, пожимая плечами,— что за это я ожидаю соответствующее вознаграждение. Но даже из чисто альтруистических соображений я сделаю все, что в моих силах. Контроль над ними должен быть у того, кто разбирается в них. Если управлять ими попытается невежественный человек, то это может привести к невообразимым катастрофам.

Внезапно Джоанна убрала пистолет в кобуру, встала и протянула Даришу руку.

Он энергично пожал ее и наклонился, чтобы поцеловать. Когда он выпрямился, то заметил, что она смущена и то ли счастлива, то ли испугана.

«Это не честно! — возразил Лэрд. — Бедная девочка не имеет ни малейшего представления о кокетстве. С ней никто никогда не вел себя с подобной обходительностью. Для нее любовь — это не игра, а нечто таинственное, серьезное, возвышенное...»

«Заткнись, повторяю еще раз! — холодно перебил его Дариш. — Послушай, дружок, даже если нам позволят свободно ходить по палубам этого корабля, то это не избавит нас от враждебного к нам отношения. Мы должны укреплять наше положение всеми доступными способами. А теперь расслабься и получи удовольствие».

Он снова повернулся к Джоанне, обошел вокруг стола и взял ее руку в свою.

— Я хочу признаться,— начал он, криво усмехнувшись: он сам верил в свои слова,— ты напоминаешь женщину, которую я знал на Ввирдде миллионы лет назад.

Она слегка подалась назад.

— Тут я ничего не могу поделать,— произнесла она. — Ты... ты принадлежишь не нашему времени, и перед грузом древних знаний, которыми ты обладаешь, я чувствую себя ребенком. Дариш, меня это пугает.

— Напрасно Джоанна,— тихо сказал он. — Я не стар, разум мой молод и очень одинок. — Он придал своему голосу разочарованный тон. — Джоанна, мне нужен кто-нибудь, с кем я мог бы разговаривать, мне нужна компания. Ты просто представить себе не можешь, что это значит — пробудиться через миллионы лет, когда весь твой

мир — мертв, и ты чувствуешь себя более одиноким, чем... О, позволь мне время от времени навещать тебя и дружески болтать с тобой. Забудем о пропасти времени между нами, смерти и одиночестве. Мне очень нужен кто-нибудь вроде тебя.

Джоанна потупила взор и честно призналась:

— Я тоже думала, что это было бы неплохо. Дариш, ты ведь знаешь, что у капитана корабля на его судне нет друзей. Лишь благодаря своим способностям я и получила назначение на этот корабль. Хорошо, можешь приходить сюда, когда только пожелаешь. Надеюсь, в этом не будет ничего предосудительного.

Они еще немного переговорили, и когда он, пожелав ей спокойной ночи, поцеловал ее, то это вышло совершенно естественно. Потом он прошел в небольшой неиспользуемый отсек, куда с палубы перенесли его ложе. Он был опьянен своим успехом.

Дариш лег, погасил свет и возобновил молчаливый спор с Лэрдом.

«Что дальше?» — спросил землянин.

«Нужно действовать не спеша, осторожно, — начал терпеливо объяснять Дариш («Неужели этот идиот не может прочитать все в их общем мозгу!»). — Пока будем присматриваться, ждать удобного случая. Предложим им привести в боевое положение энергопушки, а при этом установим устройство, способное взорвать корабль лишь от одного нажатия кнопки. Они ничего не заподозрят, ведь дженеры не имеют ни малейшего понятия о подпространственных потоках. И как только этот благоприятный случай нам предоставится, мы тут же покидаем корабль, нажимаем эту кнопку и попробуем вернуться в Солнечную систему. Моих знаний науки Ввирдды достаточно, чтобы повлиять на ход ведения всей войны. Безусловно, это рискованный план, но другого я просто не вижу. И ради Бога, не мешай мне. Пусть на время тебя как бы вообще не станет».

«И что потом? Я смогу от тебя избавиться?»

«Если говорить честно, то я не вижу такой возможности. Наши «я» слишком перемешались. Теперь нам придется привыкнуть как-то уживаться между собой. Но ты от этого только выиграешь, — продолжал убеждать Лэрда Дариш. — Только вообрази себе, приятель: во всей нашей власти будет Солнечная система, да что Солнце — вся Галактика! Я сделаю новое тело, которое будет обладать

всей мощью, чувствительностью и способностями настоящего ввирдданца, перенесу в него наш разум, подключу к нему неисчерпаемый источник жизненных сил, и мы станем бессмертными! Ты никогда не умрешь!»

«Не слишком блестящая перспектива,— скептически произнес Лэрд.— Шансы, что при этом моя личность сохранится, не будет уничтожена более могущественным «я» Дариша, очень сомнительны. Возможно, психиатр... наркоз... гипноз...»

«Нет! — угрюмо прервал его размышления Дариш.— Мне столь же дорога моя индивидуальность, как тебе — твоя».

Общий рот скривился в двусмысленной улыбке.

«Мне кажется, нам нужно научиться любить друг друга», — подумал Лэрд.

Постепенно измученное тело погружалось в дремоту. Мозг Лэрда уснул, его «я» витало в царстве Морфея, в стране грез. Дариш бодрствовал чуть дольше. Сон — трата времени. Бессмертные никогда не испытывали потребности в нем.

Он засмеялся про себя. Какую сеть из полуправды и полужли завязал он. Если бы только Лэрд и Джоанна знали!..

Мозг — довольно сложная структура. Он может кое-какие вещи скрывать от себя, в определенной степени забыть наиболее тягостные воспоминания, убедить свои высоконравственные компоненты во всем, что подсознательно считает правильным. Рассудительность, шизофрения, самогипноз — при помощи этих смягчающих средств мозг пытается обмануть себя. Прошедший подготовку Бессмертный мог сознательно пользоваться обычно скрытыми в человеке возможностями мозга; он способен был остановить сердце, блокировать боль, разделить свою личность на отдельные составляющие.

Дариш понимал, что его «я» придется сражаться с разумом хозяина, кто бы он ни был, и заранее приготовился к этому. Одна часть его личности находилась в полном контакте с разумом Лэрда. Другая же, отгороженная от главного потока сознания стеной тщательно контролируемой шизофрении, мыслила отдельно и разрабатывала собственные планы. Самогипнозом он за несколько секунд, когда

мозг Лэрда был уже погружен в сон, воссоединил свое сознание, в остальное же время между частями его личности осуществлялся только подсознательный контакт. И этот уголок разума, недоступный землянину, вынашивал собственные планы.

«Устройство для уничтожения корабля необходимо для того, чтобы усыпить подозрения Лэрда,— сказал самому себе Дариш.— На самом деле оно так и не сработает».— В этом отношении Дариш был правдив с Джоанной — он предпочитал, чтобы победу одержали дженеры и хотел лично привести их к ней.

Избавиться на некоторое время от Лэрда будет совсем несложно: достаточно убедить его, что по каким-то тактическим соображениям необходимо напиться в стельку. «Я» Дариша с его более лучшим самоконтролем сохранит ясность мышления, тогда как «я» Лэрда будет парить в винном забытьи. И уж тогда он займется Джоанной, которая к тому времени с радостью будет делать все, что бы он ни сказал ей.

Психиатрия... Мысль засыпающего Лэрда была неплохой. Методы воздействия на шизофрению. Что ж, при некоторых модификациях с их помощью можно будет подавить личность Лэрда. И тогда он сотрет ее, полностью уничтожит в себе разум землянина!

И уж затем он создаст себе новое бессмертное тело, и на века, тысячелетия эта цивилизация окажется в полной его власти!

Демон, изгоняющий человека!.. С этой мыслью, с улыбкой на устах Дариш уснул.

Звездолет пронизывал звездную ночь. Только по корабельным часам можно было судить о смене дня и ночи... монотонные, сменяющие друг друга периоды сна, приема пищи, когда медленно перемещались созвездия.

Постоянная дрожь стен и пола, отдающаяся в костях, безостановочный круговорот работы, еды, сна... и Джоанны. «Будет ли этому конец,— думал Лэрд.— Не стану ли я новым Летучим Голландцем, вечным скитальцем, обреченным всю эту вечность пребывать взаперти в собственном черепе, сражаясь с его хозяином?» — Успокоение от этих беспокойных мыслей он находил лишь в объятиях Джоанны, насыщаясь ее молодой, бьющей через край энер-

гией, когда он и Дариш составляли единое целое. Но потом...

«Мы идем на соединение с Главным Флотом. Ты слышал об этом, Дариш? Для Джоанны это триумфальное шествие к объединенной силе и мощи Джэнеи, ведь она доставит своему главнокомандующему непобедимое оружие Ввирдды».

«А почему бы и нет? Она молода, честолюбива, и, как и мы, жаждет славы. Чего ты хочешь?»

«Мы должны исчезнуть раньше, чем она достигнет места randevu. Нам нужно похитить спасательную шлюпку, потом уничтожить корабль со всем его содержанием».

«Включая и Джоанну Ростов?»

«Боже мой, конечно нет! Мы ее похитим и увезем с собой. Знаешь, я влюбился в нее. Но наше дело касается всей Земли. На борту этого крейсера достаточно оружия, чтобы уничтожить всю мою планету. А у меня там родители, братья, друзья, это моя цивилизация. Нам нельзя больше медлить!»

«Отлично, Лэрд. Не отчаивайся. Сначала нам нужно собрать систему энергетических пушек и продемонстрировать их работу, чтобы усыпить подозрения дженеров. Среди офицеров звездолета только Джоанна доверяет нам».

Двойной разум в едином теле усердно работал, руководя техниками-дженерами, которые не способны были даже понять, что же они создавали. Из воспоминаний Дариша Лэрд знал, какая мощь таится в этих проводах, трубках, создающих поля невидимой энергии, высвобождавших силы, способных превратить великую созидательную мощь Вселенной в разрушительную энергию, разрывающую пространство-время,— чистую энергию из атомов, нарушить равновесие полей, поддерживающих мировой космический порядок. Вспомнив разрушенную Ввирдду, Лэрд содрогнулся.

Система пушек была приведена в боевую готовность. Дариш намекнул, что было бы неплохо где-нибудь остановиться для испытаний. Они выбрали безжизненную планету в ненаселенной системе и легли на орбиту в пятидесяти тысячах миль от нее. Через час от планеты остался огненный шар.

— Если бы мне удалось использовать всю мощь устройства, то я бы разнес эту планету на куски,— как бы мимоходом заметил Дариш.

Офицеры экипажа, потные и напряженные, с мертвенно-бледными лицами смотрели на него. Двоих, кажется, затошнило. Джоанна, пытаясь успокоиться, прижалась к нему, и он чувствовал, как она дрожала.

Однако уже через минуту она с ликованием подняла голову и нетерпеливо взглянула на него. На ее лице было написано что-то хищное и радостное, как у сокола, вонзающего когти в свою жертву.

— Господа, вы видели гибель планеты!

— У землян нет ничего, что могло бы остановить нас,— ошеломленно пробормотал один лейтенант.— Достаточно оснастить корабль силовым экраном, о котором вы, сэр, нам говорили — и даже такого крошечного корабля, как у нас, будет достаточно, чтобы опустошить всю Солнечную систему!

Дариш кивком согласился. Вполне возможно. Нужно только побольше энергии: генераторов Ввирдды хватит только для начального высвобождения невероятно более могучих сил. Мир Ввирдды не смог продержаться против них. А что говорить тогда про Землю, не имеющую даже зачатков этих знаний для организации защиты. Да, такое вполне может случиться.

Он выпрямился, захваченный врасплох неожиданной яростной мыслью Лэрда:

«Дариш, вот оно, то, что нам нужно!»

План, рожденный их двойным разумом, был в сущности прост. Они должны вооружить корабль и оснастить его защитным полем до воссоединения с флотом дженеров, тем более, что никто из их техников ничего не смыслил в машинерии Ввирдды, а он теперь пользовался полным доверием на борту судна и без особых проблем сможет установить взрывное устройство.

Оказавшись среди флотилии Дженеи, достаточно будет простого нажатия на кнопку, чтобы по крейсеру распространилось смертоносное излучение, и на борту останутся лишь трупы... и роботы, которых они запрограммируют на убийственный огонь по кораблям флота дженеров. Таким образом, одного этого крейсера окажется достаточно, чтобы уничтожить несколькими выстрелами все надежды варваров. А затем роботы уничтожат и сам звездолет — на

тот случай, если кто-нибудь из дженеров уцелеет в этой бойне.

«А мы... мы скроемся в суматохе, Дариш. Заранее прикажем роботам приготовить капитанскую спасательную шлюпку, захватим с собой Джоанну и отправимся к Солнечной системе! И некому будет погнаться за нами!»

Ввирдданец внезапно мысленно ответил:

«План неплох! Дерзок. И мы его выполним!»

— Что с тобой, Дариш? — встревоженно спросила Джоанна. — Ты выглядишь...

— О, ничего, просто задумался. Знаешь, капитан Ростов, вообще не стоит никогда о чем-нибудь думать. Это вредно для мозга.

Позднее, обнимая ее, Лэрд чувствовал угрызения совести при мысли об измене, которую он ей готовил. Друзья Джоанны, весь ее мир, ее дело... все это уничтожит один фантастический удар, и нанесет его он, Лэрд. И когда все будет кончено, станет ли она вообще разговаривать с ним?

Дариш, бессердечный дьявол, лишь иронически посмеивался про себя, улавливая эти мысли.

Когда же Лэрд уснул, Дариш подумал, что план парня и в самом деле хорош. Разумеется, он поддержит этот план. И все будет идти, как задумал Лэрд, до того момента, когда они придут на randevу с флотом дженеров, ну, а тогда... тогда будет уже слишком поздно что-то предпринять. Дженеров ждет победа. Даришу только и нужно будет, как держаться подальше от этой роковой кнопки. А если Лэрд попытается самолично... что ж противоположные желания вызовут паралич их тела, а это будет означать победу Дженеи.

Даришу нравилась эта молодая цивилизация. В ней чувствовалась свежесть и энергичность, вера и надежда, чего он не находил в земных воспоминаниях Лэрда. С ее силой и упорством она далеко пойдет. Оказывая психологическое давление, из нее можно будет вылепить, как из податливой глины, все что угодно.

«Ввирдда, — шептал Дариш, — мы снова восстановим твой облик! Ты возродишься!»

Вот и Большой Флот!

Миллионы закованных в броню крейсеров и катеров собрались вокруг погасшего красного карлика. Они

гигантской толпой кружились по невероятно громадной орбите. Их бронированные корпуса отражали в бездонную темноту космоса ослепительно яркие лучи звезд. Армада выстроилась бесконечными рядами, подобно стае гигантских акул, и ее вооружение: пушки, торпеды, бомбы — как и люди, готово было сокрушить планету и уничтожить цивилизацию. Человеческий разум отказывался охватить одним взглядом всю эту безмерную картину, пасуя перед всей ее колоссальностью.

Это была главная ударная сила Дженеи. Она, как нож сквозь масло, пройдет через слабую линию защиты Солнечной системы и низвергнет из небес ад на Землю, сердце Империи.

«Нет, они все-таки не вполне люди, — с болью в сердце подумал Лэрд. — Слишком уж изменил их космос. Никому из людей и в голову бы не пришло уничтожить колыбель человечества. Отлично, Дариш. Все идет по плану! Пора приступать к его реализации!»

«Не в данную минуту, Лэрд, подожди еще чуть-чуть. Пока у нас не будет законного повода покинуть корабль».

«Хорошо, — идем в рубку. Я хочу быть рядом с этой кнопкой. О Господи, судьба всего человечества сейчас в наших руках!»

Дариш чуть помедлил, прежде чем согласился. Та часть сознания Дариша, что была открыта Лэрду, несколько удивилась этому; но другая, скрытая от землянина, часть, знала, в чем дело: она дожидалась постгипнотического сигнала, который должен был пробудить ее.

Звездолет выглядел незаконченным и непривычным: прежнее вооружение было демонтировано и заменено машинами Ввирдды, которыми управлял робот-мозг, почти живой, в сущности; отныне ему предстояло быть оружием, пилотом и командиром корабля. И только двойной разум землянина знал, какие приказы получил этот робот:

«После нажатия главной кнопки тебе нужно будет залить корабль смертоносной радиацией, а когда капитанский катер удалится на достаточное расстояние, ты уничтожишь весь флот дженеров, за исключением этого катера. Когда же не останется ни одного корабля, ты активизируешь дезинтеграторы и превратишь собственный корабль в газовое облако».

Лэрд с лихорадочным блеском в глазах смотрел на эту кнопку. Самая обычная. «Неужели вся история зависит от того, будет нажата она или нет? Господи милостивый, возможно ли это?» — Лэрд отвел взгляд в сторону и посмотрел на армаду вражеских кораблей, закурил сигарету, пытаясь успокоиться, но руки его дрожали. Не находя себе места, он принялся ходить взад-вперед, продолжая курить. Он ждал.

Тут появилась Джоанна в сопровождении двух офицеров; у всех были ликующие лица. Глаза женщины блестели, щеки разругались, в отблесках света ее волосы казались расплавленной медью. «Она просто обворожительна», — подумал Лэрд. — А мне предстоит разрушить все, что составляет ее жизнь».

— Дариш! — крикнула она ему. — Великий адмирал пожелал увидеть нас на борту своего корабля. — В ее голосе слышался смех. — Вероятно, он попросит продемонстрировать мощь оружия Ввирдды, после чего, как я считаю, флот немедленно двинется к Солнечной системе, во главе с нами. И, Дариш, о Дариш, это будет конец войны!

«Пора! — взорвалась в сознании Лэрда мысль. — Пора! Но оставайся спокойным, не забывай: генераторы должны хотя бы немного разогреться. А они тем временем покинут корабль, и его экипаж ждет невероятный сюрприз... Ну, а потом — путь домой!»

И тут сработало подсознание Дариша, рука замерла на полпути.

«Нет!»

«Как — нет»?! Ведь...»

Недоступная ранее Лэрду часть разума Дариша полностью открылась, и видя все торжество ввирдданца, землянин понял, что проиграл.

Все было невероятно просто: чтобы остановить Лэрда, достаточно было поставить их единое тело перед конфликтом противоположных желаний их разумов. К тому же, пока Лэрд спал, пока его «я» витало в иных слоях реальности, специально натренированное подсознание Дариша, используя самогипноз, заставило его написать Джоанне письмо, в котором он рассказал всю правду, и он оставил это письмо на самом видном месте, чтобы, когда станут обыскивать его вещи, пытаясь найти объяснение его внезапному параличу, его сразу же нашли. Помимо всего про-

чего, в письме было указано, как извлечь из мозга Дариша сознание Лэрда: какие устройства и как подключить, какие применить наркотические средства, гипнотические аппараты и так далее.

Победа дженеров казалось неизбежной.

— Дариш! — Голос Джоанны доносился как бы изда-
лека, Дариш на границе потери сознания видел ее колы-
хающееся в красном тумане лицо. — Дариш, что с тобой?
О милый, что случилось?

«Сдавайся, Лэрд, — с неумолимой беспощадностью до-
бивал его Дариш. — Отдай мне свое тело, и тогда ты сохра-
нишь свое «я». Сам видишь, что я говорю тебе на этот раз
правду; мой разум полностью открыт перед тобой. Я ста-
раюсь, насколько это только в моих силах, не идти на
измену, ну, а тебе я кое-чем обязан. Но сейчас ты должен
сдаться — иначе будешь уничтожен!»

Падение в темноту, провал... а в награду за сопротив-
ление — медленная смерть. И воля Лэрда уступила. Разры-
ваемое хаотичными мыслями сознание Лэрда не способно
было ясно мыслить. Он послал смутный ответ:

«Сдаюсь, Дариш. Ты победил!»

Безвольное тело выпрямилось. Джоанна с тревогой
склонила над ним.

— Что случилось, Дариш? Что с тобой?

Дариш овладел собой и вымученно улыбнулся.

— Время от времени у меня случаются нервные при-
падки. Я еще не до конца овладел этой чужеродной мне
нервной системой. Но сейчас все в порядке. Идем.

Рука Лэрда потянулась к кнопке и нажала ее.

Дариш закричал. Звериный вой вырвался из его горла,
он попытался отдернуть руку, и тело снова замерло в
параличе, вызванном столкновением двух воль.

Но было уже поздно. И подобно тому, как перед этим
объединилось сознание и подсознание Дариша, так и
теперь то же самое произошло с разумом Лэрда. И это
было, словно он восстал из ада. Одна его половина все еще
трепетала от унижительного чувства поражения, другая же
ликовала от осознания своей победы.

«Никто ничего не заметил, — говорил Лэрд себе. — Их
взгляды были прикованы лишь к моему лицу. А если и
обратили внимание, то что с того, ведь это, по моим сло-
вам, какая-то безобидная кнопка. И... смертельная радиа-
ция уже разливается вокруг! И это не остановить! Если ты

немедленно не станешь со мной сотрудничать, Дариш, то мы пробудем здесь в параличе до самой смерти!»

Все оказалось на удивление просто: разделяя с Даришем его воспоминания, Лэрд откопал в них и его знания о тренировке подсознания. Скрытой половиной своего мозга он предвидел подобный шаг со стороны ввирдданца и поэтому в свою очередь послал самому себе постгипнотическую команду: когда возникнет ситуация, практически безнадёжная, его сознание ответит согласием на предложение о сдаче, тогда как подсознание прикажет руке нажать на кнопку...

«Соглашайся, Дариш, не остается ничего другого, кроме как сотрудничать со мной. И тогда мы покинем этот ад!»

Дариш неохотно признал:

«Ты выиграл, Лэрд».

Их тело встало, опираясь на плечо Джоанны, и не спеша двинулось вперед. Невидимые лучи смерти уже пронизывали корабль, медленно приближая гибель всему живому на борту судна. У них в запасе еще оставалось три минуты. Потом будет поздно.

— Бежим!

Джоанна остановилась; на лицах офицеров появились складки озабоченности — они начали что-то подозревать.

— Зачем, Дариш?.. Да что это с тобой?

— Капитан... — заговорил один из офицеров. — Прошу меня извинить, капитан, но я заметил, как он нажал на одну кнопку. А теперь торопится покинуть борт корабля. А ведь никто из нас так толком и не знает, для чего нужна эта кнопка.

Лэрд выхватил из кобуры Джоанны пистолет и выстрелил в офицера. Второй отпрыгнул назад, потянувшись к своему пистолету, но оружие Лэрда рывком выскочило из кобуры.

Кулаком он ударил Джоанну по лицу и вырубил ее. Потом подхватил ее на руки и бросился бегом к шлюзу.

В проходе перед шлюзом стояли два члена экипажа.

— Что с капитаном, сэр?

— Обморок... утечка радиации из машин... Нужно доставить ее на корабль-госпиталь, — выдохнул Лэрд.

После секундной нерешительности они пропустили их.

Лэрд открыл шлюз и прыгнул в катер.

— Мы должны сопровождать вас, сэр?

— Нет!

Лэрда слегка подташнивало, он чувствовал, как смерть все более цепкой хваткой сжимает его горло.

— Нет! — повторил он, и ударил кулаком по лицу не отстававшего от них дженера, после чего захлопнул дверь катера и уселся в кресло пилота.

Рев разогревавшихся двигателей. Звук колотящих в дверь кулаков и ног. Его начало рвать.

— Джоанна, не умирай!..

Он нажал на пуск. Его вдавило в кресло, когда шлюпка рванулась вперед. «Свободны!»

Когда он посмотрел в иллюминатор, то увидел ослепительно сверкающие сполохи: крупные орудия Ввирдды открыли свой безжалостный огонь.

Мой стакан опустел. Я жестом руки показал, чтобы его вновь наполнили, при этом думая, стоит ли верить этому рассказу.

— Я читал книги по истории,— начал я, растягивая слова,— и мне известно, что в результате какой-то загадочной катастрофы был одновременно уничтожен весь флот дженеров. Это изменило весь ход войны. Солнечная система перешла в наступление и через год добилась полной победы. И вы считаете, что это произошло благодаря вам?

— В некоторой степени. Вернее даже, Даришу. Вы ведь понимаете, что мы действовали как одна личность. Он реально смотрел на вещи и умел признавать поражения. Так что, осознав это, он совершенно искренне перешел на мою сторону.

— Но почему... О Господи... почему никто так никогда и не узнал об этом? Неужели вы никогда никому не рассказывали об этом? Ведь можно было восстановить эти машины...

— Ну уж нет! — печально улыбнулся Лэрд. — Эта цивилизация еще не готова к таким знаниям. Даже Ввирдда оказалась неготовой, а ведь нам и за миллион лет не достичь тех высот, которых она достигла. Кроме того, это часть нашего договора.

— Какого еще договора?

— Вы ведь понимаете, что нам с Даришем приходится как-то уживаться в одном теле. А жизнь под постоянным

подозрением просто невыносима. Поэтому, совершая долгое путешествие обратно в Солнечную систему, мы заключили это соглашение и подвергли себя самогипнотическому внушению, используя ввирдданскую методику, чтобы наверняка не допустить нарушения этого договора.— Он хмуро воззрился в лунную ночь.— Вот почему я и сказал вам, что меня убил дух из бутылки. Неизбежным исходом было слияние обоих разумов в один единый, и, естественно, что новая личность большей частью Дариша, а не Лэрда. Мы храним воспоминания о нашей прежней, раздельной жизни. Мы учитываем особенности каждого «я». По правде говоря, Жизнь Лэрда настолько ограничена, настолько ей недоступны все возможности и чудеса Вселенной, что я редко сожалею о случившемся. Лишь изредка меня охватывает ностальгия, и тогда мне хочется поговорить с кем-нибудь. Но я всегда выбираю такого собеседника, кто не знает, верить мне или нет. Как вы, например.

— А почему вы ушли в Поиск? — тихо спросил я.

— Я хочу как следует изучить Вселенную, прежде чем заняться ее преобразованием. Необходимо достаточное количество данных. И вот тогда мы примем решение... Когда мы... я... перейду в новое бессмертное тело, то у меня будет уйма работы — направить Галактику по новому и лучшему пути, учитывая все то, что случилось с Ввирддой. О, это займет тысячелетия, но у Дариша есть столько времени. Или у меня... что же еще мне рассказать вам? — Он провел рукой по волосам, в которых было немало седых прядей.— У Лэрда тоже было условие: чтобы мы вели обычную человеческую жизнь, пока наше тело не станет совсем дряхлым. Вот так мы и живем.— Он пожал плечами.

Некоторое время он сидел молча, потом встал.

— Прошу прощения,— сказал он.— Пришла моя жена. Спасибо за компанию!

Он пошел навстречу высокой красивой женщине с рыжими волосами. Голос его стал мягким:

— Здравствуй, Джоанна!

И они вышли из зала; он вел ее под руку — самая обыкновенная пара.

А я подумал о том, что, может быть, существуют еще столь невероятные истории на свете.

ПИРАТ

Мы охраняем великий Договор, но юное поколение пограничных миров так часто не понимает этого.

Обычно они пользуются нашими услугами. Звездолет «Песнь арфы Нерфуса» с Высокого Неба до сих пор не объявился у Земли Давида... Предполагается, что возможная конкуренция между кибернетическим производством на Оазисе и более старыми торговыми фирмами, приведет к стабилизации рынка... Появились сообщения о бандитах... Что нам делать с полностью чуждой людям расой существ, на которых мы наткнулись? Но стоит нам только перегородить им дорогу и сказать: «Нельзя!» — как мы тут же становимся корди, то есть врагами.

Возьмем хотя бы совершенно типичный случай с мертвой планетой, называемой Доброй Удачей. Теперь, по прошествии жизни целого поколения, Служба готова предать гласности правду, и я могу рассказать о Майке Тревелияне, Хуане Мердоке, Дымокуре, рыжеволосой Фаустине и всех остальных, а вы уж сами решите, кто прав, а кто — нет.

В те годы Тревелиян проводил свои отпуска на Земле. Он говорил, что ее спокойствие и высокий интеллектуальный уровень прямо-таки чудодейственны для него, восстанавливают силы, ну, а повеселиться от души он может и на других мирах. И, конечно, он стал своим человеком в мозговом центре Службы, если таковой мог быть у организации, действующей по всей Галактике. Вот почему он имел большее, чем многие из его коллег, представление о том, как обстоят дела с соблюдением Договора. Что еще больше повышало его эффективность; он был посвящен в весьма важные секреты.

Большую часть своей жизни он проводил в дальних странствиях, и я подозреваю, что на Землю-матушку возвращался он от тоски по человечности, коей он так мало находил среди звезд. Одновременно он укреплялся в своем желании быть верным хранителем Договора.

Не был он и педантом. Крупного телосложения, черно-волосый, с орлиным носом и суровыми глазами цвета морской волны, он всегда готов был улыбнуться, хотя юмор его был суховат. Одевался он по последнему крику моды и умел получать удовольствие от любых радостей жизни, начиная от музыки Баха и кончая пивом.

Когда компьютер вызвал его для ведения дела Доброй Удачи, он уже некоторое время проживал в Логери Хот, находящемся в самом центре прекрасной зеленой долины Дордони, окруженной отвесными скалами. Каменный дом его подружки был построен в Средневековье прямо у подножия скалы. Внутренние изменения не коснулись внешнего вида дома — он как бы становился неотъемлемой частью этих холмов, а может, наоборот. Вдоль фасада росли кусты, которые скрывали археологические раскопки поселения первобытных людей, уже познавших секрет огня. Они охотились на северных оленей в течение тысячелетий, когда ледник покрывал север Европы. Но теперь яркое голубое небо прочерчивали не дротики, а ракетопланы, летающие по маршруту «Гренландия — Алжир», а по ночам среди звезд, которых сейчас достиг человек, передвигались искорки — космические корабли, выскальзывающие из тени Земли. Совсем мало на Земле осталось других мест, где можно было бы острее чувствовать неразрывность времени.

— Ведь тебе еще рано отправляться, — лелея отчаянную надежду, произнесла Браганза Дайен: она его любила, но слишком часто им приходилось расставаться.

— Боюсь, что пора, — ответил он. — Компьютер не стал бы вызванивать мне ради забавы. Всем известно, что это здравомыслящая машина. — Девушка промолчала на его шутливое замечание, и он пояснил: — В банках данных есть сведения лишь об одном человеке, имевшем дело с неким индивидуумом. Это скользкое существо нечеловеческого типа, похуже больше на животное, с острыми зубами, и мой опыт может сыграть решающую роль.

— Будем надеяться! — Она подавила слезы, боясь, что он подумает, что она еще совсем юная и впечатлительная

девица, а не зрелая женщина, и подставила губы для прощального поцелуя.— Ты ведь сможешь добавить... остаток этого отпуска... к следующему и провести его со мной. Правда?

— Мне бы очень хотелось этого,— осторожно ответил Тревельян, не давая прямого обещания.

Он поцеловал ее, вдыхая аромат летнего сена, и они вернулись на некоторое время в дом.

После того как он упаковал свои вещи и попрощался по видеофону с ближайшими соседями, милыми добродушными крестьянами, чьи предки жили здесь с незапамятных времен, она отвезла его в аэропорт Бордо. Оттуда он на ракетоплане переправился в космопорт Невада. Компьютер так подобрал расписание рейсов, чтобы он без какой-либо задержки смог добраться до места назначения и приступить к работе; к тому же ему хотелось побеседовать с Хуаном Мердоком в самой непринужденной обстановке.

Он прибыл не поздно. Солнце катилось к горизонту, окрашивая пурпуром горы. Когда он въехал в город, его огромные квадратные здания, нависавшие над улицами, отрезали от него вид первозданной природы. По асфальту громыхали машины, и сквозь гул двигателей можно было расслышать пронзительные голоса торговцев. В неистовом сверкании реклам блек свет звезд. Люди и инопланетяне толкались, шутили, мошенничали, бранились, дрались, воровали, проповедовали, богатели, разорялись, появлялись и исчезали; под всем этим шумным фасадом скрывалась малозаметная энергия, которую грузовые корабли доставляли из своих миров в подобные анклавы. Тревельян позволил себе короткое «фи», когда его захлестнула лавина вонючих запахов.

Подобные города были ему знакомы по сотням других на бесчисленных мирах. И он знал, как наводить справки у случайного соседа в баре. В конце концов он нашел одного человека из команды Мердока, который смог сообщить, где проводит этот вечер его шеф. На этот раз Тревельян попал не в дешевый притон, где от дыма курящих травку десятка наркоманов слезились глаза, но в тихий и роскошный «Альтаир Хауз».

Старший официант, не робот, хотя и инопланетянин, не хотел пропускать его. «Капитан Мердок просит его не беспокоить. Ему предстоит важная встреча. Капитан Мердок

имеет право...» Тревельян показал ему свое удостоверение. Оно не давало ему никаких законных привилегий, но недавно Служба предотвратила войну на родной планете старшего официанта.

Поднявшись наверх, Тревельян позвонил в дверь и попросил впустить его в комнату. Ему было сказано, что гость капитана Мердока ушел после ужина очень довольным, а сам капитан и его дама, собираясь продолжить празднество, заказали шампанское.

— Входите-входите! — прогремел знакомый дружеский голос.

Дверь скользнула в сторону, и Тревельян переступил через порог.

— Гм-м! А я думал, это... Клянусь Солнцем! Это вы снова! — Мердок вскочил на ноги. Он замер на несколько секунд, среди портьер, картин, сверкающей стеклянной посуды, тихой спокойной музыки и благовоний. Потом он обошел вокруг стола и подошел вплотную к Тревельяну.

Такого же роста, как и землянин, он был шире его в плечах. Грубое, изборожденное глубокими морщинами лицо, светлые волосы и длинные пшеничные усы. Его красочная одежда уже вышла из моды на земле, но он носил ее так рисуясь, что этого нельзя было не заметить.

Женщина осталась сидеть. Она так же, как и ее спутник, но по-своему, приковывала к себе внимание: великолепная фигура, классические черты лица; к тому же она обладала редкой комбинацией безупречной белой кожи и рыжих, как мех лисицы, волос. Однако она не была девушкой на ночь. Вслед за потрясением, вызванным столь неожиданным появлением Тревельяна, он увидел в ее глазах откровенную враждебность.

Тревельян поклонился ей.

— Прошу прощения, если я помешал, — сказал он.

Мердок расхохотался.

— Конечно-конечно, Майк, ты прощен. Если только не собираешься оставаться надолго. — Он похлопал агента Службы по плечу. — Как поживаешь? Сколько лет мы не виделись?

— Пять или шесть. — Тревельян попытался улыбнуться в ответ. — Прости, что побеспокоил, но, как я понял, послезавтра ты улетаешь, и в последние двадцать четыре часа у тебя будет куча дел.

— Ты прав, приятель, — согласился Мердок. — Вот мы

и устроили сегодня прощальную вечеринку. Однако началась она с деловой встречи: нужно было решить вопрос о дальнейшей финансовой поддержке — так что ее можно вполне отложить еще на несколько микросекунд. — Голос его по-прежнему звучал весело, но взгляд посуровел. — У тебя тоже какое-то дело, а? Ты бы не стал меня выследживать, только чтобы пожелать счастливого путешествия старому другу.

— Не только для этого, — признался Тревельян.

Мердок взял его за руку и провел к столу.

— Так, присаживайся и выпей с нами. Фаустина, познакомься: Майк Тревельян из Координационной службы Звездного Союза.

— Хуан рассказывал мне о вас, — сухо сказала женщина.

Тревельян сел. Он расслабил мышцы, одну за другой: ничто не должно отвлекать мозг в предстоящей дуэли.

— Надеюсь, он не употреблял выражений, которые не принято говорить при дамах?

— Я с Нового Марса, — фыркнула она. — Там не принято делать различий в поведении мужчин и женщин.

«Мог бы и сам догадаться», — подумал Тревельян. В отличие от общепринятого мнения, в Галактике было немного планет, годных для проживания людей, так что фактически в настоящий момент заселялись самые удаленные или суровые. Он мог себе представить ужасающую нищету Нового Марса, в которой она провела всю свою прежнюю жизнь, и Хуана Мердока — могучего сказочного принца, явившегося вызволить ее оттуда, посадить на белого коня и увезти в замок, который он собирался завоевать для нее.

— Так уж получилось, что мои представления о долге вошли в противоречие с мнением капитана Мердока о его правах, — сказал Тревельян.

— Я зарабатывал кучу денег на торговле мехом и лесом на Ванахейме, — произнес Мердок.

— Нарушая экологическое равновесие целого континента, — ответил Тревельян.

— Не нужно было приходить и говорить, что они должны были из-за меня менять свои законы, — со злостью произнес Мердок. Он сполоснул бокал водой из графина и снова налил в него шампанское. — Надеюсь, ты не против, что перед этим из этого бокала пил один банкир?

— Нет. Спасибо. — Тревельян взял бокал.

— И тогда, когда он честно выполнял обязанности наемника...— В голосе Фаустины была слышна неприязнь.

— Используя современное оружие против примитивнейшей цивилизации, не представлявшей никакой опасности,— перебил ее Тревельян.— Это повсюду считается незаконным. Как уничтожение коренных жителей или колонистов.

— Неужели ваш драгоценный Союз в самом деле считает, что сфера действия его законов распространяется на весь космос?

— Фаустина, остынь! — крикнул Мердок.

— Союз — это не правительство, хотя его поддерживают многие планеты,— ответил Тревельян женщине.— Наша Галактика слишком огромна, чтобы ею могла править какая-нибудь одна организация. Но мы действительно считаем себя вправе действовать, насколько это в наших силах, так, чтобы ситуация нигде не выходила из-под контроля. Это включает и правонарушения со стороны наших же граждан, где бы они их не совершали.

— Корди никогда не сажали меня за решетку,— сказал Мердок.— Они только пресекали мою деятельность. Я успевал улизнуть и не оставлял никаких улик. Так что я не держу на тебя зла.— Он поднял бокал. Без особого желания Тревельян чокнулся с ним и выпил шампанское.— По правде говоря,— добавил Мердок,— я даже благодарен тебе, дружище. Ты показал, что я шел неверным путем. Теперь я организовал предприятие, которое не даст мне богатство, но сделает меня столь уважаемым человеком, что никто не посмеет рыгнуть в моем присутствии.

Фаустина закурила, пустив длинную струю дыма.

— Меня попросили проверить истинность твоего утверждения,— сказал Тревельян.

— Да у меня все честно, нет никаких тайн,— ответил Мердок.— И ты уже знаешь это. Я раздобыл корабль, не спрашивая как, и отправился к созвездию Эридана. Нашел планету, необитаемую, но пригодную для колонизации. Я представил документы, удостоверяющие мое право первооткрывателя. Инспекторы Службы подтвердили, что освоение Доброй Удачи (так я назвал планету) не противоречит закону. И вот здесь, на Земле, я собираю людей и необходимое оборудование для проведения первоначальных работ, чтобы превратить один наиболее благоприятный район в безопасное для жизни поселенцев место.

Помнишь,— его тон стал назидательным,— проверить наличие опасных организмов и веществ в окружающей среде, определить климатические условия, сейсмические характеристики и так далее. Когда мы закончим, я начну рекламировать планету и организую доставку на нее. На время действия моего патента я могу устанавливать такие правила въезда, какие только пожелаю. Большинство первооткрывателей взимают просто плату за перевозку. Я же намерен обеспечить их всем. Помимо самой перевозки их будет ждать там заранее построенный поселок со всем, что может понадобиться людям на первых порах. Вот почему мне потребовалась финансовая поддержка.

— И до тебя предпринимались подобные попытки,— предупредил Тревельян,— но пока что они не приносили дохода. Стоимость поселения так велика, что среднему иммигранту не по карману первый взнос. Поэтому он остается дома, а дутая реклама приводит горе-открывателя к краху. И он спустя некоторое время рад избавиться от своего дела за тысячную долю вложенных средств.

— На этот раз все будет иначе,— сказал Мердок.— Я возьму с них самый минимум — примерно половину того, что им пришлось бы выложить, чтобы приобрести необработанную землю и построить собственные дома, дороги и прочее из местных материалов. И они клюнут на это.— Он допил напиток и снова наполнил бокал.— Но чем вызван твой интерес, интерес корди? Я ведь не рассказывал тебе ничего такого, что ты не мог бы сам узнать в своей Службе. Раз уж вы решили сунуть нос в мои дела, ответь, почему ты не пришел ко мне раньше?

— Потому что у нас есть и другие дела,— с горечью ответил Тревельян.— Наш компьютер только вчера заметил некоторую связь между определенными фактами. Мы стараемся обеспечивать основные условия жизни по всей Галактике, но она слишком огромна для нас, слишком разнообразна...

— Вот и хорошо! — фыркнула Фаустина.

Тревельян бросил на нее хмурый взгляд.

— Осторожнее, мадам,— сказал он,— или в один прекрасный день что-нибудь из этого многообразия прикончит вас.

Мердок нахмурился.

— Хватит! Мы уже все обговорили. Сегодня я хочу провести вечер со своей девушкой, а ты приперся сюда и

что-то вынюхиваешь. У тебя нет ничего против меня, верно? Вот и отлично. А теперь не пришла ли пора тебе проваливать отсюда.

Тревелиан напрягся.

— Или я желаю тебе спокойной ночи — если тебе это больше нравится, — добавил Мердок более дружелюбным тоном.

Тревелиан встал, поклонился, пробормотал слова прощания и вышел. Внутренне он был весь собран. В поведении своего врага он заметил не столько злорадство, сколько желания отомстить.

«Похоже, придется принять решительные меры», — подумал он.

«Кампесино», мощный крейсер, оснащенный посадочными ботами и оборудованием, необходимым для освоения планет с самыми разнообразными условиями, покинул земную орбиту и Солнечную систему на гравитационных двигателях. Потом он привычным образом совершил прыжок в гиперпространство. На борту корабля находились Мердок, Фаустина, шесть членов экипажа и два десятка техников.

Вслед за ним вылетел скоростной корабль Службы «Джэнджи», управляемый Тревелианом и гуманоидом, чье непроницаемое имя отдаленно соответствовало земному имени Дымокур. Преследование звездолета в космосе было даже не техническими навыками — настоящим волшебством. В обычном пространстве слежка за «Кампесино» не представляла никакого труда — достаточно было визуального наблюдения при помощи телескопа, датчиков теплового излучения, электромагнитных волн, потока нейтрино, истекающего из атомного привода. Они перешли на тахионный режим, местонахождение корабля выдавал лишь слабый поток этих испускаемых со скоростью, превышающей световую, частиц. И у Мердока, несомненно, тоже были детекторы, которые могли обнаружить преследователей.

Благодаря мастерству и удаче пилота, «Джэнджи» мог оставаться на пределе чувствительности, не выдавая своего присутствия. Но для этого масса корабля должна была быть гораздо меньше, а скорость его значительно больше, чем у других звездолетов. Поэтому на борту «Джэнджи» был самый минимум вооружения: один лазер,

два крупнокалиберных электродинамических ускорителя массы и несколько метровых управляемых ракет с ядерными боеголовками. Но Тревельян не сомневался, что «Кампесино» был вооружен куда более основательно.

Тревельян часами сидел у обзорного экрана, не отрывая взгляда от россыпи драгоценных камней на черном бархате, означавших звезды во внешнем космосе. Его окружало мерное гудение гипердвигателей, ритм которых он ощущал всем телом.

— Мне кажется, мы его накрыли,— наконец сказал он, показывая на экран. Его охватило возбуждение охотника.— Они определенно взяли курс к Эридану.

— Возможно, они уже засекли нас, или сделают это позднее, и тогда последует атака,— бесстрастным механическим голосом ответил Дымокур.

— Что ж, приходится идти на такой риск,— согласился Тревельян.— Хотя на Мердока это не похоже. Он крутой мужик, но я не знаю ни об одном совершенном им хладнокровном убийстве.

— Наша информация о его прошлой жизни обрывочна, а уж о его будущих намерениях мы вообще ничего не знаем. Более того, те данные, что нам удалось достать, показывают, что он подобрал себе довольно разношерстную компанию.

— М-м-м, да, отчаянный народ, ни одного уроженца Земли, несколько негуманоидов из культур, славящихся своей воинственностью. Уже сам это факт должен встревожить нас.

— Что еще? Мы вылетели столь поспешно, что я не успел изучить материалы дела, и мне не известны биологические и социальные особенности вашего вида.

Тревельян смерил взглядом своего спутника. Начальник Службы Родионов должен был назначить ему в помощь первого и предположительно лучшего из имевшихся у него агентов, а Австралийский Центр никогда не страдал избытком негуманоидов. Гомо сапиенс по натуре оставался волком, и долгое пребывание в замкнутом пространстве корабля могло привести к тому, что в какой-то момент они вцепятся друг в друга. Но даже если у отдельных наших агентов более мягкий характер, то все равно старались подбирать экипаж из разных видов. Члены команды, конечно, должны быть физически совместимы, но при этом иметь существенные различия в психологии и способно-

стях, чтобы образовывать единую команду, способную выполнить больше, чем если бы каждый из агентов действовал поодиночке.

Вся беда была в том, что Тревельян никогда раньше не сталкивался с существами с планеты, которую люди называли Реардон. Он слышал о них, но ведь космос так огромен, и в нем так много различных рас, что просто невозможно помнить обо всех, не говоря уже о личном знакомстве с ними.

Форма тела Дымокура напоминала бочонок: ростом 140 сантиметров, на четырех коротких ножках, кончавшихся когтями. Сверху извивалось четыре щупальца, каждое из которых заканчивалось тремя бескостными пальцами, обладающими на удивление мертвой хваткой. Голова более всего напоминала венчик из мясистых голубых лепестков, поверхность которых выполняла функции органов чувств, хотя Тревельян и не знал, каким образом это осуществлялось. И все же Дымокур по-своему был красив. В самом деле, Тревельян с удовольствием наблюдал за перламутровыми переливами его складчатого торса.

Тревельян решил сразу взять быка за рога:

— Уже само то, что тут замешан Мердок, выглядит подозрительно. Вероятно, дабы не привлекать к себе внимания, он решил готовиться на Земле, а не на какой-нибудь колониальной планете, где его никто не знает.

— С другой стороны, лишь отдельные коммерческие предприятия сейчас основываются на Земле.

Но средний землянин в отличие от среднего колониста не особенно интересуется подобными делами. Города с космопортами практически игнорируются землянами, их стараются избегать. Вот поэтому-то Мердок и мог получить здесь, на Земле, необходимую, особо не афишируемую — э-э... это означает тайную — денежную помощь, ведь Земля по-прежнему остается главным банкиром человечества. И наконец, хотя донесения агентов Службы из всех уголков космоса поступают в компьютерный Центр, но поток данных столь огромен, что Мердок вполне мог закончить свои дела и улететь, прежде чем машина заметила его.

— Что же тогда возбудило подозрения? Я не верю, что все дело в составе его экипажа.

— Не только. Это мы выяснили позднее. Да и экономическая сторона его проекта не выглядела особенно инте-

ресной. Несомненно, его поселение окажется жалким скопищем лачуг; но при этом он не нарушал закона — *saveat emptor**; только простаки-покупатели клюнули бы на его приманку.

Нет, Службу насторожило приобретенное Мердоком оборудование. Его отчет по Доброй Удаче был достаточно подробен, чтобы можно было вполне судить о том, какое понадобится оборудование. Эта планета поменьше Земли, немного холоднее, суше, с более разреженной атмосферой. Но у нее есть магнитное поле и согревается лучами менее горячей звезды. Поэтому радиационный фонд довольно низок.

— Но необходимое оборудование зависит от того, какой расы будут колонисты.

— Конечно, Мердок решил, что это будут люди. Разумеется, не жители Земли, а колонисты из других миров. Мы просто не в состоянии уследить за каждым, кто прибывает на Землю или какую-нибудь другую планету или улетает с нее, ведь нас так мало, и сделать мы почти ничего не можем. Ну, а местным властям наплевать. Они рады избавиться от излишков населения. Кроме того, большинство колонистов — анархисты по натуре. Они не терпят вмешательства государственных органов в их дела.— Тут Тревелиян умолк и заморгал удивленно.— А с чего бы вас так это заинтересовало?

— Где-то в глубинах вашего сознания родилась мысль.

— Если это и так, то она слишком слабая, чтобы ее определить. Ладно. Так все-таки, почему он не взял с собой оборудование для поиска воды, бурения скважин, взрывчатых веществ для создания озер и тому подобное? Зачем ему датчики радиации и защитные скафандры? Приобретенная им биологическая лаборатория тоже не предназначалась для Доброй Удачи, а для изучения иных форм жизни. Могу продолжить, но общая идея вам понятна.

— И вот теперь он изменил курс.— Дымокур смотрел на приборную панель.— Повернул в сторону созвездия Скорпиона.

— Да? Вам даже не нужно запрашивать компьютер, чтобы понять это?.. Вся беда в том, что в законе ничего не сказано о том, что он должен достигать места назначения,

* Риск покупателя, лат. (Примеч. перев.)

объявленного им перед стартом, или объяснять нам, почему он это сделал. — Тревельян улыбнулся уголками губ. — Но и ни в одном законе не запрещается нам преследовать его.

От Дымокура донесся пронзительный визг, он вырвался не из его автопереводчика, а из его могучей глотки — настоящая литавра, которая то поднималась, то опускалась. Почувствовав что-то вроде удара током, Тревельян понял, что его приятель-инопланетянин издает ультразвуковые колебания. В воздухе повис едкий, как кровь, запах, смешанный с серой и другими запахами, которые землянин так и не смог определить.

— Святой Космос, что вы делаете?! — воскликнул он.

— Это древний способ связи, возникший на моей родной планете. Где свирепствовали ветры, среди инея и горы, ослепительно сверкавшей, как факел, под лунами, тусклый свет которых едва разрывал темноту ночи, когда тебя охватывает желание преследовать и вонзить ядовитые клыки... Хватит!

Пятьсот двадцать восемь световых лет от Солнечной системы, показывали приборы. И тут небо впереди внезапно ослепительно вспыхнуло.

Тревельян в это время погрузился в философские думы. Спасаясь от утомительной скуки, он все эти недели занимался подобной медитацией, слушал музыку, занимался физическими упражнениями. Дымокур по-своему был хорошим попутчиком, но слишком уж чуждым для игр и никудышным собеседником. На вопрос, почему ему нравится так проводить свое время, он непрерывно шевеля руками, отвечал:

— Я создаю свою альтернативную жизнь. В вашем языке нет слов для выражения этой концепции.

Столь стремительное преобразование, случившееся с еще совсем недавно тусклой голубой звездой, насторожило Тревельяна. Он привстал, вцепился в подлокотники кресла и впился взглядом в экран, пока не почувствовал, что тонет в глубинах мерцающего черного бархата. И все это время звезда становилась все ярче и ярче: «Джэнджи» миновал фронт первой ударной волны. Звезда заполнила весь экран, и лишь тогда Тревельян наконец закричал:

— Сверхновая!

Сияние ее усиливалось, пока она не стала светить в

пятьдесят раз ярче, чем Луна, в десять миллионов раз сильнее, чем ближайшая звезда. Несмотря на то что защитные экраны приглушали эту ослепительную белизну, Тревельян не смог долго выдерживать сияние. Перед глазами запрыгали огненные зайчики, и он отвел взгляд, однако еще несколько минут он не мог ничего видеть.

По полу зацокали когти вошедшего в рубку реардонита. Тревельян уловил дуновение воздуха и понял, что Дымокур, как и он, ошеломлен. Наверное, пытаясь скрыть это, инопланетянин нарочито бесстрастным тоном сказал:

— Да, сверхновая второго типа, если увиденное мною соответствует теории. По статистике считается, что они должны вспыхивать в Галактике в среднем раз в пятьдесят лет. Остатки некоторых из них исследовались, но до сих пор ни одна из вспыхнувших сверхновых не наблюдалась с такого близкого расстояния, когда можно было бы вести записи.

— Мы уже не на таком близком расстоянии, — прошептал человек. Его передернуло. — Неужели Мердок напавился как раз к ней?

— Вероятно. Ведь он не изменял курса.

— Совпадений быть не может. Он, наверное, забрался так далеко, выискивая удачу, которую корди не смогли бы забрать у него, и... — Запнувшись, он неровным голосом произнес: — Давайте посмотрим, что показывают приборы.

Каждый корабль Службы был оборудован астрофизическими приборами, и компьютер выдал несколько данных. Сверхновая находилась в 150 парсеках, что означало, что взрыв, погубивший ее, произошел пятьсот лет назад. Это был голубой гигант с массой в несколько десятков Солнц. Свет был ярче солнечного примерно в пятьдесят тысяч раз, но скопления в созвездии Скорпиона скрывали ее от земных астрономов прошлого, ну, а нынешние ученые слишком были заняты другими делами, чтобы обратить свое внимание в этот далекий уголок космоса.

Подобное неистовство не могло продолжаться больше нескольких миллионов лет. Нестабильность внутри огромной звезды привела ее к взрыву. И в самом пике взрыва выделилась энергия, равная суммарному излучению всей остальной Галактики.

Конечно, вспышка не могла длиться больше чем несколько дней. По мере того как корабль пожирал световые годы, Тревельян видел угасание этой ослепительной кра-

соты. Родившись из газов, насыщенная только что образовавшимися ядрами тяжелых элементов, возникала туманность, которой было суждено впоследствии сыграть решающую роль в появлении новых звезд и планет. Приборы обнаружили и ядро звезды, раскаленное добела, все еще излучающее в рентгеновском диапазоне, смертельное вблизи. Но оно быстро сжималось под действием собственной чудовищной силы тяжести, чтобы принять размер белого карлика, Юпитера, Земли. В конце концов плотность звезды станет такой, что ничто, даже свет, не сможет покинуть ее; и она исчезнет из Вселенной.

Тревелиян сердито воскликнул:

— Но он не сообщил об этом! Мы потеряли информацию о переднем фронте волны, когда...

— Может, повернем назад? — спросил реардонит.

— Ну... нет, полагаю, что нет. Если мы упустим Мердока, то Космос знает, какие еще дьявольские преступления могут случиться. Будут ведь и другие сверхновые, но смертный приговор никогда не отменяется.

— Мы теперь знаем его цель.

— Что? — Тревелиян чуть не выронил трубку, которую он трясущимися руками набивал табаком.

— Взгляни на фотоувеличительный дисплей и вот сюда.— Щупальца скользнули по приборной панели.— Это обычная звезда типа б3, расположенная в ста световых годах от сверхновой. Расчеты показывают, что в момент вспышки она была еще ближе. Курс наблюдаемого нами объекта и траектории движения звезды пересекаются. Вполне вероятно, что полет закончится в точке пересечения.

— Но... Нет! — возразил Тревелиян.— Что же он хочет?

— Доза радиации, полученная каждой планетой меньшей звезды за период вспышки сверхновой, длившейся несколько дней, составляла тысячи рентген, несмотря на некоторую защиту, предоставляемую атмосферой и магнитным полем. Но это излучение имело для жизни на планете катастрофические последствия. Хотя, возможно, самые низшие формы жизни могли уцелеть, особенно растения или обитатели морских глубин. Вскоре установится новое экологическое равновесие, несомненно, нестабильное, с высоким уровнем мутаций, но стремящееся к стабильности. Вероятно, наличие радионуклеотидов, сосредоточенных в определенных районах на поверхности пла-

неты, потребует применения специальных мер предосторожности. Но в целом эта гипотетическая планета, пригодная теперь для жизни существам твоей или моей расы, будет весьма схожа с Землей и Реардоном. Могу добавить, что подобные катаклизмы приводили к массовому вымиранию на многих планетах, в том числе, насколько мне известно, и на твоей родной.

Тревелиян едва ли расслышал бесстрастный голос реардонита: его внезапно охватил ужас.

Когда желтая звезда превратилась в диск, слишком яркий для невооруженного глаза, но окруженный короной и зодиакальным сиянием на приглушающем свет экране, тогда туманность, образовавшаяся при вспышке сверхновой и находившаяся в тридцати парсеках от нее, превратилась в маленькое пятнышко неровной формы, всего в несколько угловых минут в поперечнике, среди окружающих созвездий; и, казалось, словно в эту часть Млечного Пути некий космический ветер принес расцветшее дерево. Даже невозможно было поверить, какой неистовый шторм бушевал четыреста лет назад здесь. Не было ничего необычного в параметрах межпланетного пространства, как и в самих семи планетах этой звездной системы.

Но Тревелиян знал, что это обманчивое впечатление. Каждая планета по-своему уникальна. А третья, привлекавшая его внимание, напоминала Землю.

Изучать это явление сейчас он мог лишь при помощи оптических средств. Сейчас, когда «Кампесино» вышел из гиперпространства в нескольких миллионах километров от планеты, опасно было запускать зонды и использовать лазерные лучи: Мердок мог обнаружить их. Его преследователи повторили его маневр. Затем — чтобы он не смог обнаружить излучение нейтрино — они выключили ядерные реакторы и перешли на питание от аккумуляторов, заняв орбиту, на значительном расстоянии отстоящую от орбиты интересовавшей их планеты.

— Наблюдаемый объект приблизился к атмосфере планеты земного типа, — объявил Дымокур.

— Меня это не удивляет, — ответил Тревелиян. Он оторвал взгляд от приборов и записок. — Похоже, это настоящий двойник Земли; вторую подобную вряд ли и сыщешь когда-либо еще! Воздух, радиационный фон,

диаметр, масса практически одинаковы. Между прочим, у планеты были две луны, вращавшиеся на близком расстоянии от нее, и поэтому рисунок приливов был сложным, но океанам не грозит загнивание. Период вращения планеты вокруг оси — двадцать восемь часов, ось наклона — двадцать градусов. Средняя температура — чуть выше земной, нет полярных шапок, чуть меньше поверхность суши... полагаю, климат мягкий. Короче говоря, если не считать зон повышенной остаточной радиации, идеальное местечко.

— И возможны экологические осложнения, — заметил реардонит.

Тревелиян поморщился.

— Проклятье, могли бы не напоминать мне об этом? — Он нахмурился, оторвал взгляд от приборов и откинулся на спинку кресла. — Вопрос в том, что нам делать с Мердоком? Ведь он не нарушил никаких законов, если не считать того, что не зарегистрировал свое открытие. И мы, вероятно, не сможем доказать, что он не бывал здесь раньше, что не изменил случайно курс. Кроме того, это правонарушение весьма тривиально.

— Разве не существует способа заставить человека говорить правду?

— Разумеется, есть. Электронное зондирование мозга. Совершенно безвредное. Но у нас, людей, есть законы и правила, запрещающие подобные вещи, если индивидуум против этого. Поэтому в основном данный метод используется, чтобы доказать честность свидетелей обвинения. И, как я сказал, мы не можем предъявить ему никакого серьезного обвинения.

— Можем ли мы сделать что-нибудь, помимо отправки сообщения Службе? Сюда нужно отправить экспедицию.

— Сообщение займет немало времени. А он тем временем много чего может натворить здесь. Конечно... гм-м... если Мердок не подозревает, что мы следуем за ним, то тогда он может не спеша заняться всеми своими приготовлениями, и это дает нам шанс...

— Наблюдаемый объект выключил двигатели.

— Что? — Тревелиян выпрыгнул из кресла, страстно желая сам взглянуть на показания прибора. Сделал он это с такой поспешностью, что содрал кожу на руке о жесткий покров тела инопланетянина, столкнувшись с ним. Несмотря на то, что излучение атомных приводов было едва заметным по сравнению с обычным высоким фоновым

уровнем потока нейтрино, пронизывающих космос, компьютер «Джэнджи» позволял выделить сигнал двигателей среди шумового фона и показать это на одном циферблате. Сейчас стрелка на нем была на нуле.

Внутри все оборвалось. Тревельян воскликнул:

— Он садится на аккумуляторы, планирует в атмосфере! К тому времени, когда мы войдем в пределы чувствительности других средств поиска, он может оказаться где угодно на поверхности планеты.

Тон Дымокура не изменился, но едкий запах заполнил рубку, и лепестки над бочкообразным существом зашевелились.

— Вероятно, он уверен, что мы не обнаружим его на поверхности планеты. Мы не заметили и следа атомной энергии, поэтому, несомненно, ее не удастся засечь. Наверное, он хочет сбить со следа именно нас.

— Да.— Тревельян, не находя себе места, принялся ходить взад-вперед от одной стенки крошечной рубки до другой. Мы почти и не сомневались, что он заметит нас, тем более что его должно было насторожить мое появление в космопорте Невады. Но почему он так недвусмысленно сообщает нам об этом?

— У моей расы послание прежде всего говорит о характере отправителя.

— У моей тоже, в какой-то степени.— Шаги Тревельяна стали шире.— Чего Мердок хочет добиться от нас? У нас два выбора. Мы можем сразу же вернуться назад или же сначала приземлиться и осмотреть планету.

— Второй вариант незначительно увеличит временной интервал до нашего возвращения.

— В этом-то вся и загвоздка, мой друг. Ближайшая база Службы, где мы могли бы подготовить исследовательскую экспедицию, расположена... э-э... полагаю, на Лире, но они, скорее всего, заняты делом Королевы Штормов. А пограничные планеты расположены ближе, и на них полно людей, которые с радостью хлынут сюда в поисках возможности разбогатеть. Тем более что при этом у них появится шанс... э-э.. насолить корди.

— Более того,— подчеркнул Дымокур,— у нас нет никаких неопровержимых доказательств, которые могли бы оправдать необходимость столь далекой экспедиции. Да, сверхновая. Но она представляет ценность только для ученых. Но у нас-то просто какая-то необитаемая планета.

С какой стати командир базы, которому ничего не известно о прошлом Мердока, тем более если этот командир — негуманоид, не способный оценить всю важность этой информации, согласится с тем, что Мердок задумал что-то незаконное? Скорее, он решит, что Мердок требует прислать инспекционный патруль, чтобы затем подать документы для оформления прав первооткрывателя.

Тревелиан кивнул.

— Нас так мало, нас, блюстителей Великого Договора. Часто нам приходится проходить мимо троп, которые вполне могут привести к местам, где прячется некое зло, потому что мы идем по следу другого чудовища. Или мы узнаем о чем-то дурном, что необходимо пресечь в самом зародыше, но теперь, по прошествии времени, наше вмешательство может привести только к худшему. У нас перед глазами, когда мы хотим привести подобный пример, сразу встает случай с планетой Нерф. Там была основана процветающая колония колонистов-людей, но затем обнаружилось, что на планете есть своя, местная разумная жизнь. Нам еще повезло, что в том случае с огромным трудом удалось найти компромисс, устраивающий обе стороны.

— Неужели Мердок хочет, чтобы мы вернулись обратно и подняли тревогу, имея информацию, недостаточную для немедленного принятия ответных мер? — произнес Дымокур. — Это вполне возможно. До этого он побывал в Федерации Миров Скорпиона и наверняка лучше нашего знает, какая там сейчас ситуация. Поэтому он должен знать, что мы можем не получить помощь на Лире.

— Мы можем... мы можем даже реквизировать гражданские звездолеты с экипажем... если на этой планете окажутся разумные обитатели. Под предлогом очевидной опасности территориальных захватов. Или Мердок может просто ограбить их.

— Маловероятно, чтобы там кто-нибудь выжил.

— Согласен. Но если они мертвы...

Тревелиан умолк. Он бросил на экран долгий взгляд. Планета светилась ласкающей глаз голубизной. Она росла прямо на глазах. Команда «Кампесино» может спрятать корабль где угодно, принять любые меры предосторожности против незваных гостей. Своей численностью и вооружением Мердок, несомненно, намного превосходит их. Тревелиан не хотел думать, что этот здоровый и пухлый Хуан Мердок задумал убийство. С другой стороны, на это

вполне способна Фаустина, тем более что она была единственной женщиной на борту звездолета.

Тревелиян принял решение.

— Будем садиться.

Они приближались осторожно, не упуская ни одной мелочи, готовые к любой неожиданности. В том, что их догадка была верна, они убедились, облетая планету.

Планета была обитаемая, но все ее жители погибли.

Если кто и выжил, то никаких следов этого не было видно. Вполне возможно, массовая гибель обитателей планеты, паника, анархия и голод привели к уничтожению цивилизации. На некогда возделываемых полях теперь росли лишь кустарник или вообще ничего. Впрочем, одичавшие потомки горожан могли выжить в деревнях. Детекторы «Джэнджи» регистрировали бы тепло, поднимающееся от их костров. Кроме того, могло начаться возрождение цивилизации, тем более что космическая радиация не причинила вреда ни инструментам, ни машинам, ни книгам, все осталось, как было... кроме живых существ.

Глядя на экран, на котором в просветах облаков мелькали высокие башни, возвышавшиеся около какого-то озера, Тревелиян сказал:

— Густонаселенная зона, что означает, что у них были развитые сельское хозяйство и транспортная сеть, по крайней мере в наиболее развитых районах. Я вижу железные дороги и остатки автострад. Полагаю, начальная стадия промышленного развития, двигатели внутреннего сгорания, возможно, ограниченное использование электричества... Но в отличие от большинства цивилизаций, достигших этого уровня технологического прогресса, они сохранили чувство прекрасного.— Тревелиян прогнал эту мысль прочь, боясь того, что за ней скрывалось. Если он не сможет оставаться бесстрастным, он заплачет.

— Только ли радиация привела к их гибели? — спросил Дымокур. Похоже, ему без особых проблем удавалось сохранить невозмутимость.— Впрочем, он ведь не был гуманоидом и не мог испытывать похожие на человеческие чувства к обитателям этой планеты, которые, как решил Тревелиян, были гуманоидами.— Они могли найти укрытие.

— Возможно, они ничего не знали о радиоактивности. А может, уцелевших было слишком мало, их разбросало по

планете, а мутации довершили дело. И они исчезли... Стойте!

Пальцы Тревельяна забежали по пульту управления. «Джэнджи» дернулся, подался назад и замер.

Наличие атмосферы затрудняло визуальные наблюдения, но тут на помощь приходили лазеры, детекторы и компьютер. Город находился на острове, посреди широкой реки. Поэтому, хотя с материком его соединяло несколько мостов, он не утонул в океане растительности, а та, что смогла все же пробиться, была уничтожена почти дочи́ста — и сделано это было недавно — запрограммированными машинами, две из которых сейчас замерли недвижно на центральной площади. Тревельян не мог различить мелких деталей, но, несомненно, они были сделаны на Земле. Несколько готовых рухнуть зданий взорвали, другие же просто снесли, поскольку они мешали прокладке дороги, а обломки затем сгребли в кучи. Активной деятельности сейчас не было видно, но сильный электрический фон указывал на то, что монтаж мощной энергетической установки уже частично завершен.

— Мердок, — бросил Тревельян как ругательство.

— Вы можете определить местонахождение его корабля? — спросил реардонит.

— Нет. Заметив наше приближение, он наверное, спрятал его в какое-нибудь другое место и замаскировал к тому же. Может быть, он надеется, что у нас не будет возможности обнаружить его, а может, он еще раз решил посмеяться над нами. Конечно, еще в первое посещение планеты он выбрал это место и теперь сразу же после приземления приступил к делу.

Тревельян вернул «Джэнджи» на прежнюю орбиту. Некоторое время в рубке было слышно лишь мерное гудение двигателей корабля. Половину экрана занимали облака, моря, рассветы, закаты, а другую — звезды.

— Местных жителей не осталось, — наконец проговорил Дымокур. — Реликты их цивилизации имеют ограниченный научный интерес. Достаточно ли у нас основания направить сюда вооруженный звездолет, в котором отчаянно нуждаются в других местах, чтобы остановить его?

— Допустим, достаточно... я, как и вы, не уверен в этом, но, допустим, достаточно... неужели они смогут остановить его? — Тревельян снова склонился над пультом управления. Гудение двигателей стало громче. — Приготовьтесь к посадке.

Трепельян выбрал город, где только начало светлеть небо, чтобы у него в запасе был целый день. От набережной в изумрудно-сапфировую бухту выдавалась дамба, бетонная, судя по показаниям сонара, столь же прочная, как и четыреста лет назад. Он приземлился там и, выйдя из корабля, пошел вперед. Грависани доставили бы его быстрее, но он хотел понять тех, кто жил здесь раньше. Его корабль, готовый к взлету, остался позади, возвышаясь, словно медный обелиск.

Его не волновала безопасность окружающей среды. Мердок уже наверняка провел анализы. Оставалось лишь уточнить некоторые детали. Например, какие из привезенных злаков будут здесь хорошо расти?

«Наверное, любые», — решил Трепельян. Эта планета была щедра и плодородна. Несомненно, она была такой и до катаклизма, но сохранила свою красоту, к тому же природа быстро излечивает раны.

Бухта блестела, вода плескалась меж золотисто-зеленых холмов. За бухтой открывался океан. Спускаясь, он увидел выброшенные на берег огромные причудливые кучи морских растений и живность. Ветер ерошил волосы Трепельяна, но в вышине не было птиц. Большинство, если не все, позвоночные животные погибли. Зато низшие формы жизни выжили в этой катастрофе. Насекомые или им подобные роем парили на тончайших радужных мембранах, постоянно ослепительно сверкающих в лучах солнца. Серебристые рыбы выпрыгивали из воды. Пахло солью, йодом и жизнью.

Над головой проплывали редкие облака, голубоватые в яркой синеве неба. Невидимая днем в это время года, где-то далеко находилась сверхновая. «Катастрофа! — подумал Трепельян, содрогнувшись. — Как мало знали древние земные астрологи о том, какие беды несет это придуманное ими слово!

Впрочем, этот солнечный день был холодным и мирным. Он направился к берегу, оглядываясь по сторонам.

Отдельные суда затонули, других отнесло в море, когда сгнили крепившие их к пристани канаты. Однако прибрежная вода была столь чистой, что он видел несколько из этих затонувших судов, лежавших на небольшой глубине. Грациозные очертания парусников не удивили его, это было вполне естественно. Но он с внезапной болью в сердце понял, что давно погибшие хозяева столь же

сильно, как и он сам, любили плавать на этих шлюпах и яликах. На многих из этих судов бронзовые фигуры, превратившиеся в позеленевшие, изъеденные коррозией остатки, в которых угадывались цветы, крылья, язычки пламени, некогда прекрасные и свободные формы. Огромное судно выбросило на берег. У него был железный корпус и, судя по трубе, паровой двигатель. Но нет, этому судну тоже было предназначено танцевать на волнах.

Тревелиян приблизился к пристани. Выстроенные в ряд деревянные складские помещения кое-где сгнили, кое-где утонули в лианах. Тем не менее он мог представить, как некогда вздымались к небу куполообразные крыши. Стелу проржавевшего механизма, вероятно, крана, украшало личико веселого зверька.

Тревелиян постоял некоторое время перед аркой в начале пристани. Тут-то он и заметил впервые обитателей этой планеты, высеченных в камне.

Их искусство не смотрелось бы на фотографиях. Свобода линий и форм вызвала учащенное биение сердца Тревелияна, ничего подобного никогда раньше он не видел. Словно наяву вставали перед глазами образы двуногих существ с длинной стройной фигурой, шестипалыми руками, длинными шеями и головами с вытянутыми клювами. Он чуть ли не слышал, как их каменные плащи шуршат на ветру.

По пути в город Тревелиян начал находить их кости.

Пожиратели падали практически не потревожили тел. Пыль, принесенная ветром, осела и превратилась в почву. В нее попали семена, выбросили хрупкие корни, которые со временем сокрушили кирпич и бетон. Над этим первым зеленым ковром вознеслись к небу кусты и лианы, чтобы затем карабкаться еще дальше вверх по стенам. Выжившие виды деревьев проникли в места, где раньше росли их менее удачливые соперники, и еще дальше, на ферму и в город. Но дикая растительность наступала медленно, спешить ей было некуда. Она заняла все прибрежные кварталы города и медленно захватывала следующие, но пока что высала вперед разведчиков и, как с грустной улыбкой подумал Тревелиян, саперов.

Высоко над землей вздымались здания из гранита, мрамора и камня, омываемые дождем и лучами солнца, почти не потрепанные непогодой. Только в отдельных местах лианы мешали рассмотреть их очертания. Как и рельефные

фигуры на их стенах, они вздымались ввысь, буквально рвались в небо, но не как построенные человеком небоскребы, а в своем особенном ритме — казалось, что их вершины словно летят в небе. Украшенные колоннами, балюстрадами, широкими окнами, некоторые из них еще сохранили краску, некогда смягчавшую их строгость.

Тревелияна удивило отсутствие парков или садов. Судя по тому, что он видел при посадке, местные жители любили и берегли природу. В отделке зданий преобладал растительный орнамент. Что ж, обитатели планеты не были людьми. Понадобится много времени, чтобы влезть в их шкуру, постичь их психологию. Возможно, они наслаждались контрастом произведений искусства и открытых пространств. Если все их города такие, то в каждом из них жизнь была в радость. Принеся в жертву экономику, обитатели планеты избавили свои города от постоянного шума, а воздух и воду — от грязи и ядовитых выбросов. Им, конечно, повезло, что дома не требовали подогрева. Впрочем, насколько понял Тревелиян, заводы во множестве располагались за чертой города, соединенные железными дорогами. Хотя, наверное, достигнутый технологический уровень позволял строить автомобили, нигде их не было видно. Зато Тревелиян обнаружил кости крупных четвероногих животных, использовавшихся как вьючные. И еще — остовы транспортных средств с примитивными электрическими двигателями. По прошествии четырехсот лет трудно было судить, но у него по крайней мере создалось впечатление, что несмотря на свою весьма продуктивную и процветающую цивилизацию у местных жителей почти не было отходов производства. Вероятно, они предвидели проблему окружающей среды и приняли меры. Интересно, так ли это?

Не были они и святыми. Тревелиян подошел к статуям и потускневшим фрескам, на которых изображался бой. Дважды над надписями, которых он не мог прочитать, он видел статую существа в лохмотьях, срывающего с себя цепи. Это означало, что кто-то до этого заковал его в них. Но чаще всего он видел изображения, которые можно было истолковать как привязанность, нежность, работа, учение, радость от сделанного открытия или же просто наслаждение жизнью.

Он проходил дворы, минуя высохшие бассейны и фонтаны, входил в здания. В некоторых он обнаруживал

лифты и этому несколько не удивлялся, учитывая уровень тамошней цивилизации. Тревельян машинально отметил, что в цилиндрические шахты с широкими спиральными лестницами легко впишутся гравитационные подъемники. Внутри зданий яркость фресок осталась почти неизменной, и это немного развеяло его печаль. Тем не менее, хотя он не был ни суеверным, ни даже особенно ревностным религиозным фанатиком, он постучал в первую дверь, прежде чем войти.

Двери сдвигались либо складывались, не было ни замков, ни защелок, что еще раз подчеркивало необычность их поведения. Большинство квартир были пустыми. Ткани сгнили, металл потускнел, штукатурка потрескалась. Пол устилал многосантиметровый слой пыли. Но мебелью вполне еще можно было пользоваться — тем, кто фигурой походил на них. Стоило вычистить и подремонтировать дома, подвести воду, принести, если надо, керосиновую лампу и походный примус (первоначальные владельцы, похоже, не готовили ничего у себя в домах, обтянуть мягким материалом стулья, кресла, диваны, кровати, положить ковры на искусно выложенные мозаичные полы и — вот у вас комфортабельное жилье! А когда появится электроэнергия от смонтированных энергоустановок, то можно будет превратить это место в истинный рай.

Но до этого, однако, нужно избавиться от картин, бумаг, загадочных инструментов и полок с книгами. Соседство с ними навевало бы грустные мысли.

Тревельян провел в доме несколько часов, обходя одну квартиру за другой. В некоторых он обнаружил скелеты. Нельзя сказать, как они умерли: захваченные врасплох, как те бедолаги, кости которых он видел на улицах, или же решив уединиться в свой последний день жизни. Один из них лежал на кушетке с книгой. Дважды Тревельян обнаруживал маленькие скелеты, прикрытые большим. Неужели мать поняла, что с неба исходит погибель? Да, она видела ее в вышине, сверкающую точку, слишком яркую, чтобы можно было смотреть на нее невооруженным глазом, окруженную ореолом — результат особенностей местной атмосферы. Вероятно, она знала, что смерть ожидает всех. Но ею руководил инстинкт Ниобы.

Обнаружив склеп, Тревельян понял, что их должно быть еще несколько; именно такую смерть выбрали обычные жители. Склеп находился в огромном зале... что это:

театр? аудитория? храм? Наиболее болезненные, наверное, к тому времени уже умерли, и лучевой болезнью страдали остальные. У людей она вызывала тошноту, рвоту, выпадение волос, внутреннее кровоизлияние, а также кровь из всех отверстий и глаз, слабость, лихорадку и беспмятство. Несомненно, это же происходило и с обитателями планеты.

Снаружи виднелись остатки нескольких наскоро сложенных угольных печей. Их трубы подавали окись азота в герметично закрытое помещение. Кости и проржавевшее оружие, обнаруженные им неподалеку, свидетельствовали, что, завершив свою миссию, кочегары покончили с собой. Тревельян обнаружил лишь одну деревянную дверь в это помещение, и когда она не поддавалась его усилиям, он просто пнул ее ногой, и дерево рассыпалось облаком гнили. За ней он увидел скелеты сотен взрослых и детей, игрушки, игры, чашки, знамена, музыкальные инструменты... «Не знал, что они делали на этой вечеринке,— подумал Тревельян,— но если бы мы были столь же мужественными, как они, то своим детям мы бы сказали, что в этом году карнавал начался раньше».

Он вернулся на залитую ярким солнечным светом тихую улицу. Мимо пролетело насекомое, похожее на бабочку, хотя красота ее крылышек превосходила что-либо аналогичное на Земле. Будучи немного любителем антикварных вещей, он воскликнул вслух:

— Бог дал и Бог взял,— вспомнив изречение из древней книги.— Я не стану благословлять имя Божье. Но я запомню. О да, я запомню!

Не успел он дойти и до середины города, когда услышал нарастающий рев. Посмотрев за верхушки башен, он увидел огромный сверкающий силуэт спускающегося «Кампесино». Когда корабль встал между ним и солнцем, Тревельян оказался в его тени.

Он тут же бросился в подъезд в поисках укрытия. Одна рука потянулась к пистолету. Угрюмо досадуя на себя, он включил крошечный радиопередатчик, лежавший в кармане его туники.

— Эй, корди! — услышал он голос Мердока. — Ответьте!

Пустой «Джэнджи» не ответил. Мерно гудя гравита-

ционными двигателями, слегка покачиваясь, «Кампесино» пошел на посадку.

— Эй, вы! — рявкнул Мердок. — Мы засекли ваше тахионное излучение на полпути сюда. Мы следили за вами по излучению ваших нейтрино. Не стоит пытаться блефовать, мы знаем, что вы здесь одни, и мы отлично видим вас в прицеле лазера. Я хочу поговорить с вами.

Ему ответило молчание. Тревельян почувствовал, что тело и руки покрылись потом. Он не мог предсказать, что теперь станет делать Мердок. В лучшем случае, насколько он сумел понять натуру Мердока, тот примет любой ответ, который он ему даст. И Тревельян начал лихорадочно обдумывать план в ситуации, где необходимо было импровизировать... независимо от того, окажется этот план удачным или нет.

Из приемника донесся едва различимый голос:

— Полагаю, никого нет внутри. Наверное, исследуют город?

— Вполне возможно, — согласился Мердок. — Странно, что они оставили корабль без охраны.

— Ловушка?

— Ну... возможно. Правда, это не в стиле корди, но, наверное, нам лучше держаться от него подальше.

Тревельян хотел, чтобы «Кампесино» сел где-нибудь подальше, и его орудия не угрожали «Дженджи». Он решил отвлечь на себя внимание от корабля, бросился вперед, достал бластер и нажал на курок. Вспышка пламени рассекла воздух. Запахло озоном.

— Смотрите! Туда, вниз! Эй, ты нас слышишь?

Тревельян не видел смысла отрицать это. Наоборот, при этом он мог приобрести какие-нибудь крошечные преимущества в борьбе с металлическим грозовым облаком, нависавшим над ним. Космос свидетель, ему понадобится любая помощь, которую он только сможет получить. Он махнул рукой и бросился в направлении центра города, к площади, которую заметил при посадке.

Посоветовавшись, экипаж звездолета сделал то, что Тревельян сделал бы сам на их месте. Из открывшегося люка «Кампесино» выскользнули грависани, управляемые одним или двумя людьми. Ракет там не было, как и других эффективных средств поражения. Впрочем, бот мог зависнуть неподалеку от «Дженджи» и поднять тревогу, заметив что-нибудь подозрительное. Сам же звездолет опустился

за башнями. При посадке земля задрожала, и рев дюз эхом отдался от стен.

Трепельян выключил передатчик, включил радио и ускорил шаг. Однажды он случайно задел череп, и тот с сухим стуком откатился в сторону. «Извини,— мысленно обратился он к нему. Ведь некогда это существо, не совсем чуждое ему, ступало по этим улицам, любовалось заливыми солнцем фасадами, дышало, двигалось. Оно жило в оживленном городе, полном друзей, любви, музыки, развлечений...— Смеялся ли ты? Возможно, я скоро присоединюсь к тебе»,— добавил он, выругав себя за подобное ребячество.

Он вышел на вымощенную плитами золотистую прямоугольную площадь. Трава пыталась растащить плиты, но дожди четырех столетий так до конца не смыли желобки, вытопанные многими поколениями. Площадь окружали приземистые здания. Их вид не вызывал особого волнения, хотя в трех или четырех еще сохранились остатки многоцветных витражей. Перед одним он обнаружил множество скелетов. Посреди площади возвышался «Кампесино».

Трепельяна дожидалось несколько человек и негуманоидов, с оружием наготове. Да, эти бандиты шутить были не намерены. Рядом стояли Мердок и Фаустина, одетые в черные комбинезоны, отделанные серебристым орнаментом. Волосы женщины сверкали в лучах солнечного света. Трепельян приблизился к ним, убавив шаг, держа руки далеко от бластера.

— Майк! — прогремел авантюрист. Он откинул голову, зайдясь в хохоте, и его усы завибрировали.— Вот уж не думал, что ты окажешься один!

— Кто еще с тобой? — спросила Фаустина.

Трепельян пожал плечами.

— А кто с вами? — в свою очередь спросил он.

— Ты видел нашу посудину,— сказал Мердок.— Я предполагал, что ты откажешься подняться к нам на борт, но боюсь, что тогда мы вынуждены были бы силой заставить тебя это сделать, и поэтому я сам спустился сюда.— Он указал на сверкающий корпус корабля.— Все орудия внутри наготове.

Трепельян выдавил улыбку.

— А с чего ты взял, что у тебя тут возникнут проблемы? — мягко спросил он.

Мердок заморгал удивленно.

— Ну... ты же преследовал меня с самой Земли...

— Отнюдь,— возразил Тревельян.— Сам подумай. Космос открыт для всех. Да, Координационная Служба проводит расследования там, где может, но она запрещает своим агентам применять насилие за исключением самых крайних случаев. Тебе ведь известно это не хуже меня.

Люди Мердока переминались с ноги на ногу, что-то бормоча между собой, стреляя глазами по сторонам. Тревельян ощущал в них беспокойство.

— Например,— протянул он,— здесь ты нарушаешь закон, сначала не сообщив о своем открытии...

— Нет, мы только что сделали его! — перебила Фаустина. Она сжала кулаки, а на ее белокожем лице появились пятна румянца. Тревельян несколько секунд изучал ее, с состраданием думая: «Она боится, что я отниму у нее славу — ее шанс заграбастать кучу денег и навсегда избавиться от страха нищеты, глубоко въевшейся в нее. — И с осторожностью: — Берегись! У агрессивной человеческой личности страх порождает безжалостность».

— Пожалуйста, дайте мне закончить,— сказал он.— Ни меня, ни Службу не интересуют столь мелкие правонарушения. Они случаются по сотне раз в год и редко, когда что-то значат. В силу необходимости Служба в своей деятельности придерживается древнего принципа, гласящего, что закон не должен размениваться по пустякам.

Фаустина отступила назад, тяжело дыша. Она выпятила губы, явно сбита с толку. Лицо Мердока с крупными чертами лица оставалось невозмутимым.

— Продолжай,— сказал он.

— Вы совершили более серьезное преступление, уничтожив материалы, представляющие научную ценность.— Тон Тревельяна оставался дружелюбным, и легкая улыбка появилась на его лице.— Я имею в виду этот город на острове. Но эта планета — просто настоящая Голконда для археологов и биологов, так что мы готовы закрыть глаза на ваш проступок, классифицировав его как простительный энтузиазм дилетантов, ведь вы оказали неоценимую услугу цивилизации, открыв для нее эту планету. Вы должны помнить, что агент, вроде меня, имеет право даровать амнистию за несущественные правонарушения. Если хотите, я уже сегодня оформлю необходимые документы и

выпишу представление о награждении вас медалью Полярной Звезды.

Он протянул руку.

— Не волнуйтесь,— сказал он.— Давайте выпьем и вместе полетим обратно.

Мердок не захотел пожать руку. Рослый авантюрист некоторое время просто смотрел на него, и гробовая тишина становилась все невыносимее. Наконец он разорвал ее, прошепав:

— Ты это серьезно?

Трепельян отбросил притворство под дулами бластеров и сказал твердым голосом:

— Это честное предложение. Ведь у вас уже есть Добрая Удача, так что на жизнь вам хватит. Довольствуйтесь этим.

— Добрая Удача! — закричала Фаустина, махнув одной рукой.— Какой же ты идиот! Это и есть Добрая Удача!

— Я надеялся на обратное,— тихо произнес Трепельян.

— И что, по-твоему, я замыслил? — спросил Мердок.

— Это очевидно,— со вздохом ответил Трепельян.— Итак, ты открыл эту планету. Но как же снять с нее сливки? Ты не мог получить патент первооткрывателя, потому что Союз не разрешил бы колонизацию, пока ученые не закончили свои исследования. А принимая во внимание удаленность планеты, недостаток персонала и огромный объем работ, это заняло бы по меньшей мере столетие, а может, и больше. По правде говоря, я даже думаю, что одно-два десятилетия мы будем держать в секрете координаты планеты, чтобы не допустить на нее ненужных посетителей, пока ученые не смогут наладить свою охрану.

— Ученые! — чуть ли не завизжала Фаустина.

Мердок сжал ей руку, призывая ее к спокойствию. Он не сводил своего хищного взгляда с Трепельяна.

— Какая, однако, возможность сколотить состояние! — сказал агент Координационной Службы.— Предложить прекрасные, полностью обставленные жилища сотням миллионов людей, причем за цену, доступную обычным колонистам! Ты мог бы стать одним из богатейших людей за всю историю человечества.

Ну, а затем ты отправился бы на поиски планеты, колонизация которой не вызвала бы у нас возражений. Тебе не подвернулось ничего особенного. Планета как планета, не хуже других, уже заселенных, и по крайней мере здесь нет

населения, которое уже начало бы задыхаться из-за истощения и без того скудных полезных ископаемых. И, видя, что предварительная работа по обустройству уже сделана и цена вполне доступная, люди стали бы платить тебе.

И некоторых ты мог бы доставить и на ту Богом забытую планету. Особенно если рядом случайно окажется агент вроде меня. Ты бы потерял на них деньги. Но это не имело бы особого значения. Потому что подавляющее большинство остальных ты бы привез сюда, на планету, где целые города достались бы тебе практически бесплатно. Возможно, тебе пришлось бы немного подкорректировать восторженные письма, которые понесли бы обратно твои корабли, чтобы мы, корди, не пронохали о твоём предприятии слишком рано. Да и вряд ли бы это случилось, ведь мы и без того перегружены множеством неотложных дел, да и немного среди многочисленных миров найдется людей, готовых активно сотрудничать с нами. И я не сомневаюсь, что прошли бы многие годы, прежде чем несоответствия стали бы такими вопиющими, что мы обратили бы на них внимание и начали бы расследование.

— И чтобы вы после этого предприняли? — спросил Мердок.

— Ничего, — ответил Тревельян. — Разве смогли бы мы переселить десятки тысяч, может, даже миллионы мужчин, женщин и детей, приехавших по доброй воле, начавших новую и радостную жизнь, пустивших корни, растящих новое поколение? Если не физически, то это невозможно по политическим и моральным причинам. Они стали бы защищать свои дома, а мы не смогли бы бомбить их, верно?

Только тебя одного мы могли бы засадить в тюрьму... теоретически... конфисковать твою собственность. На практике же ты бы сделал все, чтобы мы не могли до тебя добраться, не пожертвовав другими людьми, и это стоило бы нам очень дорого. Ты создал бы колониальное правительство и утвердил бы конституцию, провозглашающую тебя отцом-основателем и пожизненным президентом Доброй Удачи. И тогда люди стали бы сражаться за тебя. И поэтому, чтобы не нарушать собственного запрета на агрессивные войны, Союзу пришлось бы простить все твои преступления ради сохранения оставшихся научных и культурных ценностей.

Тревельян замолчал. Он чувствовал усталость, в горле

пересохло, и ему хотелось курить, но он не посмел достать трубку под дулами бластеров.

Мердок кивнул.

— Да, ты прав.— Он захихикал.— Спасибо за титул отца-основателя. О нем-то я и не подумал. Как раз то, что мне нужно.

— Но знаешь ли, я не могу этого допустить,— сказал Тревельян.

— А почему? — с искренним удивлением спросил Мердок.— На самом-то деле, что мы здесь имеем? Мир, где остались одни кости. Мне очень жаль, что так случилось, но мертвым уже ничем не поможешь. И это была лишь еще одна раса, одна среди миллионов. Что нового мы можем узнать, роясь среди их костей и этих развалин? Да, полагаю, вы надеетесь обнаружить технические новинки, новые формы искусства или еще что-нибудь такое. Но, вероятно, вы лучше меня понимаете, насколько это нереально. А там, на других планетах, миллионы людей жаждут лучшей жизни!

— В должное время планета будет открыта для заселения.

— И когда же наступит это «должное время»? Сколько из этих миллионов умрут, так и не познав лучшей жизни?

— Новорожденные всегда приходят на смену иммигрантам. Так что в конечном результате срок переселения не имеет большого значения.

— Забудем о конечном результате и подумаем о плоти и крови живущих.

Тревельян не смог сдержать свой гнев.

— Хватит демагогии! — рявкнул он.— Ты такой же альтруист, как и боевой лазер.

— А ты,— фыркнула Фаустина,— ты — машина. Мне так хочется убить тебя... разобрать на части!

— Подожди-подожди! — воскликнул торопливо Мердок.— Остынь. Давайте говорить спокойно и рассудительно.

На мгновение он опустил взгляд на землю, а затем выпрямился, повернулся лицом к Тревельяну и сказал:

— Я обрисую тебе ситуацию. Обнаружив хвост, мы решили вести тебя за собой, потому что после того, как станет известно, что в этом районе есть сверхновая, сюда хлынут ученые, и кто-нибудь другой мог бы обнаружить нашу Добрую Удачу.

Ты мог бы повернуть домой, не садясь на планету. В таком случае мы бы полетели к ближайшим планетам с людьми-колонистами и привезли бы их сюда. И обосновались бы на Доброй Удаче до того, как ты успел бы растормошить свою Службу. И этого оказалось бы вполне достаточно, чтобы вы отказались от любых действий против нас.

— Я догадывался о твоём плане,— произнес Тревелиан.— По пути домой я собирался облететь каждый из миров Скорпиона и объявить, не уточняя местоположения Доброй Удачи, что её заселение запрещено для сохранения культурных ценностей. И переселение сюда, сознательное нарушение этого запрета послужило бы оправданием нашему вмешательству и насильственной депортации людей. Служба должна поддерживать свой авторитет.

— С чего ты взял, что вернешься домой? — спросила Фаустина. В ухмылке Фаустины сквозила ненависть.

— Остынь! — повторил Мердок. Потом обратился к Тревелиану: — Я надеялся, что ты приземлишься, и я не ошибся. Я помахал перед тобой красной тряпкой, разве не так? Видишь ли, я знал, что у тебя корабль гораздо слабее моего. И вот ты в моих руках.

— И что вы сделаете со мной? — спросил координатор.

— Ну... э-э... должен признаться, кое-кто из моих людей... э-э... жаждет крови,— ответил Мердок.— Но я не вижу смысла в твоём убийстве. Мне бы этого не хотелось. Для корди ты славный малый. И на Земле не имеют ни малейшего представления, куда мы направились. Я не собираюсь возвращаться туда — все мои дела уже улажены. И если меня впоследствии спросят о тебе, я... э-э... отвечу, что и ведать не ведал, что ты преследуешь меня. Наверное, с тобой случилась какая-нибудь беда, и я очень сожалею. Возможно, я даже воспользуюсь твоим ботом, чтобы пустить корди по ложному следу.

Его маска притворной застенчивости отпала. Он сиял.

— Вот что я тебе скажу, Майк,— продолжил он.— Где-нибудь в океане найдем тебе остров, оставим инструменты, запасы продовольствия и покажем, какие растения можно употреблять в пищу. Считается, что вы, корди,— философы. Что ж, времени для размышлений у тебя будет достаточно. Я даже попытаюсь найти тебе женщину. А потом сам отвезу тебя в космопорт, который мы построим. Ну как, это честное предложение?

Тревелиан вдохнул полной грудью, решимость крепла в нём.

— Вот что я понял. Вы что, всерьез собираетесь забросить меня на необитаемый остров, чтобы я не смог сообщить об этом деле?

— Тебе еще повезло,— заметила Фаустина.— Но раз уж у Хуана такое мягкое сердце, то да, собираемся.

— Вы осознаете, что ваши действия являются серьезными нарушениями прав личности? — спросил Тревельян.— Вы осознаете, что вмешиваетесь в действия офицера Союза, находящегося при исполнении своих обязанностей?

Мердок побагровел.

— К черту твои обязанности!

— Я требую позволить мне вернуться на мой корабль и беспрепятственно взлететь с планеты.

Фаустина фыркнула.

— Вы не согласны? — спросил Тревельян и стал ждать в тишине, нарушаемой лишь шепотом ветра.

— Хорошо,— сказал он наконец.— Теперь я могу показать при зондировании мозга, что вы виновны в попытке совершения преступления, чтобы оправдать ваш арест. Вы пойдете со мной добровольно?

— Ты в своем уме? — воскликнул Мердок.

— Ваше сопротивление аресту,— добавил Тревельян,— вынуждает меня применить силу.

Охранники, невнятно выругавшись, потянулись к бластерам. Фаустина зашипела. Мердок тоже достал оружие.

Тревельян, с показным спокойствием скрестив руки на груди, сказал:

— Если бы моя Служба не уважала ваших прав, то грош цена была бы такой цивилизации. И у самой цивилизации есть права. Я признаю, что отвлекал вас от своего напарника,— он услышал приглушенные проклятия,— но едва ли вы можете сказать, что я завлек вас в западню. Он здесь, под крышей одного из зданий, на грависанях, приводимых в движение аккумулятором, вооруженный несколькими ракетами с ядерными боеголовками. Если вы не сдадитесь, он уничтожит вас.

Он не обращал внимания на крики охранников. Он не отрывал взгляда от их предводителей.

Мердок достал передатчик из кармана пиджака и отдал приказ тем, кто оставался на борту «Кампесино».

— Ну-ка, покажи им, что ты здесь, Дымокур,— сказал Тревельян.

Никто не увидел, откуда вылетела торпеда. Все произошло слишком быстро. В одно мгновение высоко в небе вспыхнул ослепительный адский огонь. Ударная волна, хотя и ослабленная расстоянием, едва не сбила их с ног, отдавшись звоном в ушах. Кости запрыгали перед храмом.

— Чересчур близко,— заметил Тревельян. Тело его дрожало. Во рту пересохло. Где-то в глубине сознания он решил, что это неадекватная реакция. «Надо лучше тренироваться». Впрочем, разум его оставался спокойным, а в голосе звучали стальные нотки: — Нам потребуются антирадиационные прививки. Думаю, что ты, Хуан, согласишься, что следующий выстрел может прийти прямо сюда, а потом мой приятель-реардонит без труда разделяется с вашими наблюдателями.

— Ты тоже умрешь,— простонал Мердок.

— Я не хочу умирать,— произнес Тревельян,— но на карту поставлено нечто большее, чем мои желания.

Фаустина выскользнула из-за Мердока, выхватила бластер из его кобуры, кинулась к Тревельяну и приставила дуло к его животу.

— О-о-о! — Корди поперхнулся. «Я ведь не считаю себя героем, верно? — мелькнуло в голове.— Но что, кроме своего мужества, могли противопоставить жители этой планеты бессмысленному гневу небес, низвергшемуся на них».

— Я сама убью тебя! — закричала женщина.

Тревельян знал приемы, как выбить оружие из ее рук. Но другие набросились бы на него. Встретив взгляд ее глаз, наполненных слезами, он спросил:

— И тогда уже ничто не помешает моему напарнику уничтожить вас.

Мердок вырвал бластер из рук Фаустины. Она попыталась вцепиться в него, но он ударом руки сбил ее с ног. Он задыхался, пот ручьями стекал с его лица и капал на землю.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Если ты что-нибудь знаешь о реардонитах,— начал Тревельян и увидел кивок Мердока,— то должен понимать, что Дымокур без зазрения совести уничтожит меня вместе с вами. Но он согласен, что это нежелательный исход. Так же, как и разрушение этой прекрасной площади. Давайте найдем более приемлемое решение.

— Я же спросил тебя, чего ты хочешь, дьявол?

— Вернуться на свой корабль. Дымокур будет следить

за мной по радио. При малейшем подозрении он откроет огонь. Сами видите, в худшем случае ему придется уничтожить оба звездолета, надеясь при этом, что когда-нибудь эту планету откроет кто-нибудь еще, уважающий память ее мертвых. Затем я поднимусь над городом и тут же приземлюсь, чтобы забрать Дымокура, причем так быстро, что вы не сможете мне помешать. Но можете не бояться, я не причиню вам вреда. Взлетев раньше и имея более быстрое судно, я достигну пограничных планет быстрее и объявлю запрет на заселение Доброй Удачи. И никто не последует за вами, узнав, что вскоре в небе появятся военные крейсера. Я советую вам найти скромное место и затаиться.

Раз за разом Мердок ударял кулаком в открытую ладонь. Минуту он выглядел постаревшим и опустошенным. Затем к нему вернулось прежняя жизнерадостность.

— Ладно, Майк, ты победил, — сказал он. — Я лично проведу тебя к твоему борту. — Он протянул Тревельяну свой бластер. Тот взял его.

Фаустина привстала. На ее щеке появился синяк там, куда попал кулак ее любовника. Она смотрела на них, сквозь слезы и спутанные локоны, превратившись в маленькую озадаченную избитую девочку.

— Но почему? — взмолилась она. — Почему мы не можем получить патент... ведь м-м-мы нашли для вас эту сверхновую? Ты готов сделать это — погубить все ради.. двухсот-трехсот с-с-специалистов... и их любопытства?

Тревельян склонился над Фаустиной. Одной рукой он сжал обе ее руки, а другой широким жестом указал на храм.

— Нет, — тихо сказал он. — Ради них. Разве у них нет на это права? На то, чтобы сюда прилетели люди, узнали их, чтобы мы никогда не забыли о них.

Но она не понимала.

— Мы охраняем великий Договор — сердцевицу цивилизации, общества, самой жизни, — нигде не писанный Договор, принятый среди живых, мертвых и еще не родившихся на свет, призывающий их прилагать все силы, но оставаться единым целым в неразрывности времени. Без него все утратит свой смысл, и, возможно, погибнет. Но молодые поколения так часто отказываются понимать это.

Содержание

Рыцарь фантастики	
Предисловие к сборнику «Психотехническая лига»	5
Психотехническая лига	11
Марий	15
Ооновец	30
Чувствительный человек	125
Большой дождь	193
Послесловие автора	276
Покои Мерфи	279
Повелитель тысячи солнц	298
Пират	332

Пол Андерсон
ПСИХОТЕХНИЧЕСКАЯ ЛИГА

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск
Ильгар Гусейнов

ЛР № 061867 от 03.12.92.

Сдано в набор 18.01.96. Подписано в печать 01.04.96.

Формат 84×108/32. Бумага типографская № 2.

Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 19,32.

Тираж 30 000 экз. (1-й завод 1—10 000 экз.). Заказ № 3866.

Издательство «Сигма-пресс».

107140, Москва, Б. Краснопрудный туп., 8/12.

ЛР № 070335 от 28.01.92.

«Амбер, Лтд». 665830, Ангарск, квартал 76, 9.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени ГУПП «Детская книга»
Роскомпечати. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

